ИД «Академия Естествознания»

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 10 2026

FUNDAMENTAL RESEARCH

Scientific journal

No. 10 2026

PH Academy of Natural History

Фундаментальные исследования
Научный журнал

Журнал издается с 2003 года.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **Свидетельство – ПИ № ФС 77-63397** от 16.10.2015.
«Фундаментальные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, научные обзоры.
Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) "Белый список" уровень 2.
Журнал включен в действующий Перечень рецензируемых научных изданий (**ВАК РФ**). **К1**.
В журнале публикуются статьи, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты завершенных исследований, проблемного или научно-практического характера. Журнал ориентируется на ученых, преподавателей, экономистов. Авторы журнала уделяют особое внимание экономической эффективности рассматриваемых решений.
Основные разделы журнала – экономические науки.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ледванов Михаил Юрьевич, д.м.н., профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Бичурин Мирза Имамович, д.ф.-м.н., профессор

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Бизенкова Мария Николаевна, к.м.н.

Технический редактор
Доронкина Е. Н.

Корректор
Галенкина Е. С.,
Дудкина Н. А.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.э.н., проф. ***Апенько С. Н.*** (Омск); д.э.н., проф. ***Безрукова Т. Л.*** (Воронеж); д.э.н., доцент ***Белоусова Н. В.*** (Санкт-Петербург); к.э.н., доцент ***Беспалова В. В.*** (Санкт-Петербург); д.ф-м.н., проф. ***Бичурин М. И.*** (Великий Новгород); к.э.н. ***Болаев А. В.*** (Элиста); д.э.н., проф. ***Бурда А. Г.*** (Краснодар); д.э.н., доцент ***Гиззатова А. И.*** (Уральск), д.э.н., доцент ***Дорохина Е. Ю.*** (Москва); д.э.н., проф. ***Киселев С. В.*** (Казань); д.э.н., проф. ***Климовец О. В.*** (Краснодар); д.э.н., проф. ***Коваленко Е. Г.*** (Саранск); д.э.н., проф. ***Косякова И. В.*** (Самара); д.э.н., проф. ***Макринова Е. И.*** (Белгород); д.э.н., доцент ***Попова И. В.*** (Донецк) д.э.н., проф. ***Роздольская И. В.*** (Белгород); д.э.н., к.г.н., проф. ***Самарина В. П.*** (Старый Оскол); д.э.н., проф. ***Серебрякова Т. Ю.*** (Чебоксары); д.э.н., проф. ***Сихимбаев М. Р.*** (Караганда); д.э.н., проф. ***Скуфьина Т. П.*** (Апатиты); д.э.н., доцент ***Титов В. А.*** (Москва); д.э.н., проф. ***Тяглов С. Г.*** (Ростов-на-Дону) д.э.н., доцент ***Федотова Г. В.*** (Волгоград); д.э.н., проф. ***Филькевич И. А.*** (Москва); д.э.н., проф. ***Халиков М. А.*** (Москва); д.э.н., д.ю.н., проф. ***Чиладзе Г. Б.*** (Тбилиси); д.э.н., доцент ***Ювица Н. В.*** (Москва); д.э.н., проф. ***Юрьева Л. В.*** (Екатеринбург)

ISSN 1812-7339

Электронная версия: http://fundamental-research.ru

Правила для авторов: http://fundamental-research.ru/ru/rules/index

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,798

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,752

Периодичность	12 номеров в год		
Учредитель, издатель и редакция	ООО ИД «Академия Естествознания»		
Почтовый адрес	105037, г. Москва, а/я 47		
Адрес редакции и издателя	440026, обл. Пензенская, г. Пенза, ул. Московская, влд. 27		
Типография	ООО «НИЦ Академия Естествознания» 410035, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5		
E-mail	edition@rae.ru	**Телефон**	+7 (499) 705-72-30
Подписано в печать	30.10.2026	**Дата выхода номера**	30.11.2026
Формат	60x90 1/8	**Усл. печ. л.**	26,4
Тираж	1000 экз.	**Заказ**	ФИ 2026/10

Распространяется по свободной цене

© ООО ИД «Академия Естествознания»

Fundamental research
Scientific journal

The journal has been published since 2003.
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. **Certificate – PI No. FS 77-63397** dated October 16, 2015.
"Basic Research" is a peer-reviewed scientific journal, which publishes articles of a problematic, scientific and practical nature and scientific reviews.
The Unified State List of Scientific Publications (USPNI) The "White List» level 2.
The journal is included in the current List of peer-reviewed scientific publications (**HCC RF**). **К1**.
The journal publishes articles of scientific novelty, which are the results of completed research, of a problematic or scientific-practical nature. The journal focuses on scientists, teachers, economists. The authors of the journal pay special attention to the economic efficiency of the considered solutions.
The main sections of the journal are economic sciences.

CHIEF EDITOR
Ledvanov Mikhail Yurievich, Dr. Sci. (Medical), Prof.

DEPUTY CHIEF EDITOR
Bichurin Mirza Imamovich, Dr. Sci. (Physical and Mathematical), Prof.

EXECUTIVE SECRETARY
Bizenkova Maria Nikolaevna, Cand. Sci. (Medical)

Technical editor
Doronkina E. N.

Corrector
Galenkina E. S.,
Dudkina N. A.

EDITORIAL BOARD

Dr. of Economics, Prof. ***Apenko S. N.*** (Omsk); Dr. of Economics, Prof. ***Bezrukova T. L.*** (Voronezh); Dr. of Economics, Docent ***Belousova N. V.*** (Saint-Petersburg); Cand. of Economics, Docent ***Bespalova V. V.*** (Saint-Petersburg); Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Prof. ***Bichurin M. I.*** (Veliky Novgorod); Cand. of Economics ***Bolaev A. V.*** (Elista); Dr. of Economics, Prof. ***Burda A. G.*** (Krasnodar); Dr. of Economics, Docent ***Gizzatova A. I.*** (Uralsk); Dr. of Economics, Docent ***Dorokhina E. Yu.*** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. ***Kiselev S. V.*** (Kazan); Dr. of Economics, Prof. ***Klimovets O. V.*** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. ***Kovalenko E. G.*** (Saransk); Dr. of Economics, Prof. ***Kosyakova I. V.*** (Samara); Dr. of Economics, Prof. ***Makrinova E. I.*** (Belgorod); Dr. of Economics, Docent ***Popova I. V.*** (Donetsk) Dr. of Economics, Prof. ***Rozdolskaya I. V.*** (Belgorod); Dr. of Economics, Cand. of Geographical Sciences, Prof. ***Samarina V. P.*** (Stary Oskol); Dr. of Economics, Prof. ***Serebryakova T. Yu.*** (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. ***Sikhimbaev M. R.*** (Karaganda); Dr. of Economics, Prof. ***Skufina T. P.*** (Apatity); Dr. of Economics, Docent ***Titov V. A.*** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. ***Tyaglov S. G.*** (Rostov-on-Don); Dr. of Economics, Docent ***Fedotova G. V.*** (Volgograd); Dr. of Economics, Prof. ***Filkevich I. A.*** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. ***Khalikov M. A.*** (Moscow); Dr. of Economics, Dr. of Law, Prof. ***Chiladze G. B.*** (Tbilisi); Dr. of Economics, Docent ***Yuvitsa N. V.*** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. ***Yuryeva L. V.*** (Ekaterinburg)

ISSN 1812-7339

Electronic version: http://fundamental-research.ru

Rules for authors: http://fundamental-research.ru/ru/rules/index

Impact-factor RISQ (two-year) = 1,798

Impact-factor RISQ (five-year) = 0,752

Periodicity	12 issues per year		
Founder, publisher and editors	LLC PH Academy of Natural History		
Mailing address	105037, Moscow, p.o. box 47		
Editorial and publisher address	440026, Penza region, Penza, Moskovskaya st., bldg. 27		
Printing house	LLC SPC Academy of Natural History 410035, Saratov, st. Mamontova, 5		
E-mail	edition@rae.ru	**Telephone**	+7 (499) 705-72-30
Signed for print	30.10.2026	**Number issue date**	30.11.2026
Format	60x90 1/8	**Conditionally printed sheets**	26,4
Circulation	1000 copies	**Order**	ФИ 2026/10

Distribution at a free price

© LLC PH Academy of Natural History

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки (5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика)

СТАТЬИ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ С РАЗЛИЧНОЙ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ РАБОТАЮЩИХ ЧЛЕНОВ

Базаров А. Б. 8

МАСШТАБ, СТРУКТУРА И РЕАЛЬНАЯ ДИНАМИКА КИТАЙСКИХ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Болаев А. В. 17

СЕТИ ТОКЕНИЗИРОВАННЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ: СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ

Варнавский А. В., Александров И. О. 24

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТА И РОЛИ КИТАЯ В СИСТЕМЕ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ АЗИИ

Волгина Н. А., Горелов Ю. Е. 33

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Ермолаев К. Н., Алексеев А. В. 43

БЮДЖЕТНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ РАСХОДОВ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Захарчук Е. А., Трифонова П. С. 50

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ НА ОСНОВЕ ПЯТИЛЕТНИХ ПЛАНОВ

Левченко Т. А. 57

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ В ЭПОХУ «ДВОЙНОЙ АВТОНОМИЗАЦИИ»: ПОТЕНЦИАЛ И УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Мезинова И. А., Рябов Р. А. 65

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ЛОГИКЕ СТРУКТУРНОГО НЕОРЕАЛИЗМА

Орлова Д. Р. 77

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Павлов А. Ю., Кудрявцев А. А. 83

ОЦЕНКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИК СТРАН БРИКС+ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Романов Р. М., Абрамов В. Л. 90

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

Рукина С. Н., Денисова И. П. 100

КОНЦЕНТРАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ СО СТРАНАМИ БРИКС+: ИНДЕКСНО-ДЕКОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ 1992–2025 ГГ.

Суслов Д. Н. *107*

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ДИНАМИКУ СТОИМОСТИ ЗОЛОТА

Тиндова М. Г., Ваганова О. Е. , Боброва Е. А. *127*

Экономические науки (5.2.1 Экономическая теория; 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика; 5.2.7 Государственное и муниципальное управление)

СТАТЬИ

ЦИФРОВОЕ И ПАРТНЕРСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

Арсланов Ш. Д. *133*

ИНДИКАТОРНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Гусейнли К. М., Большакова Ю. А. *143*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конищев Е. С., Федоров И. Л. *152*

РОЛЬ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Куликова Е. С., Кухарь В. С., Сабурова Л. В., Горбунова О. С. *160*

ДОБЫЧА МЕДИ В РОССИИ И ЕЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Курилова А. А., Савенков Л. Д. *165*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА ДЛЯ ИННОВАЦИЙ В ГЕТЕРОГЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ НА ПУТИ К СУВЕРЕНИТЕТУ РОССИИ

Никонова А. А. *174*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗРЫВЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ КОМПЛЕКСОМ АРКТИКИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серова Н. А. *187*

ОЦЕНКА ВКЛАДА НАУКОГРАДОВ В РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Тузкова Д. К. *194*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ РОЛИ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Яхяев Д. Б., Солоненко С. С. *202*

CONTENTS

Economic sciences (5.2.4 Finance, 5.2.5 World economy)

ARTICLES

ECONOMIC BEHAVIOR OF RUSSIAN HOUSEHOLDS WITH DIFFERENT INDUSTRY AFFILIATIONS OF EMPLOYED MEMBERS

Bazarov A. B. *8*

THE SCALE, STRUCTURE, AND DYNAMICS OF CHINESE FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN RUSSIA AMID GEOECONOMIC UNCERTAINTY

Bolaev A. V. *17*

TOKENIZED FINANCIAL ASSET NETWORKS: ESSENCE AND ROLE IN MODERN FINANCIAL INFRASTRUCTURE

Varnavskiy A. V., Aleksandrov I. O. *24*

TRANSFORMATION OF CHINA'S POSITION AND ROLE IN ASIA'S INTRAREGIONAL TRADE SYSTEM

Volgina N. A., Gorelov Yu. E. *33*

ALTERNATIVE FINANCING SOURCES: ESSENCE, TYPES, AND DEVELOPMENT TRENDS IN RUSSIA

Ermolaev K. N., Alekseev A. V. *43*

BUDGET COEFFICIENTS AS A TOOL FOR ASSESSING EXPENDITURES OF REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Zakharchuk E. A., Trifonova P. S. *50*

FORMULATION OF CHINA'S STATE ECONOMIC POLICY BASED ON FIVE-YEAR PLANS

Levchenko T. A. *57*

COMPETITIVENESS IN THE ERA OF "DUAL AUTONOMISATION": THE POTENTIAL AND THREATS OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION

Mezinova I. A., Ryabov R. A. *65*

ECONOMIC SOVEREIGNTY THROUGH THE LENS OF STRUCTURAL NEOREALISM

Orlova D. R. *77*

FOREIGN EXPERIENCE IN RURAL DEVELOPMENT

Pavlov A. Yu., Kudryavtsev A. A. *83*

ASSESSING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF BRICS+ ECONOMIES FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

Romanov R. M., Abramov V. L. *90*

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CORPORATE INCOME TAX

Rukina S. N., Denisova I. P. *100*

CONCENTRATION AND STRUCTURAL SHIFTS IN RUSSIA'S FOREIGN TRADE WITH BRICS+ COUNTRIES: AN INDEX-DECOMPOSITION ANALYSIS, 1992–2025

Suslov D. N. *107*

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF MACROECONOMIC FACTORS ON GOLD PRICE DYNAMICS

Tindova M. G., Vaganova O. E., Bobrova E. A. *127*

Economic sciences (5.2.1 Economic theory; 5.2.3 Regional and sectoral economics; 5.2.7 State and municipal administration)

ARTICLES

DIGITAL AND PARTNERSHIP INVESTMENT AS MECHANISMS OF REGIONAL DEVELOPMENT: EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR INTEGRATION

Arslanov Sh. D. *133*

INDICATOR ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE LEVEL OF ECONOMIC SECURITY OF THE ARKHANGELSK REGION

Guseynli K. M., Bolshakova Yu. A. *143*

PROMISING INSTRUMENTS AND MECHANISMS FOR DEVELOPING INFRASTRUCTURE SOLUTIONS TO SUPPORT THE LOCALIZATION OF HIGH-TECHNOLOGY PRODUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Konishchev E. S., Fedorov I. L. *152*

THE ROLE OF SMALL-SCALE FARMING IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN RUSSIA: STRUCTURAL CHANGES AND ECONOMIC TRENDS

Kulikova E. S., Kukhar V. S., Saburova L. V., Gorbunova O. S. *160*

COPPER MINE PRODUCTION IN RUSSIA AND ITS MACROECONOMIC FACTORS

Kurilova A. A., Savenkov L. D. *165*

INSTITUTIONAL AND INTELLECTUAL ENVIRONMENT FOR INNOVATION IN A HETEROGENEOUS ECONOMY: SYSTEMIC CHALLENGES TO SOVEREIGNTY IN RUSSIA

Nikonova A. A. *174*

INSTITUTIONAL GAPS IN THE PUBLIC GOVERNANCE SYSTEM OF THE TRANSPORT COMPLEX OF THE ARCTIC AND THE FAR EAST

Serova N. A. *187*

ESTIMATION OF CONTRIBUTION OF SCIENCE CITIES TO THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

Tuzkova D. K. *194*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR ASSESSING THE ROLE OF CULTURE IN THE SYSTEM OF STATE PRIORITIES

Yakhyaev D. B., Solonenko S. S. *202*

СТАТЬИ

УДК 336:330.567.2:311.3
DOI 10.17513/fr.44095

CC BY 4.0

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ С РАЗЛИЧНОЙ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ РАБОТАЮЩИХ ЧЛЕНОВ

Базаров А. Б. ORCID ID 0000-0001-5248-3583

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Российская Федерация, e-mail: sasha.bazarov.97@bk.ru

В статье анализируется экономическое поведение российских домохозяйств при различной отраслевой принадлежности их работающих членов. Отрасль рассматривается как классифицирующий признак источников трудового дохода семьи; занятость как самостоятельный процесс не исследуется. Цель работы – оценить различия в доходах, доле расходов на питание в доходе, сбережениях, кредитовании и финансовом резерве домохозяйств с одной и двумя известными отраслями мест работы членов семьи. Эмпирическую основу составили объединенные домохозяйственный и индивидуальный массивы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» за 2006–2025 гг. Массивы объединялись по идентификатору домохозяйства и году наблюдения. Исходные отраслевые коды агрегированы в 10 групп; на их основе сформированы 10 одноотраслевых и 45 двухотраслевых комбинаций. Денежные показатели пересчитаны в средние цены 2025 г. по среднегодовым индексам потребительских цен Росстата. В анализ вошло 90 370 наблюдений «домохозяйство-год». Расчеты выявили устойчивые различия между отраслевыми группами по реальному среднедушевому доходу, доле расходов на питание в доходе, текущим сбережениям, получению нового кредита и продолжительности финансового резерва. Двухотраслевые домохозяйства также неоднородны: конкретное сочетание отраслей связано с различным профилем финансового поведения. Результаты носят описательный характер и относятся к полной наблюдаемой выборке мониторинга.

Ключевые слова: домохозяйства, отраслевая принадлежность, доходы, сбережения, кредитование, финансовая устойчивость, Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения

ECONOMIC BEHAVIOR OF RUSSIAN HOUSEHOLDS WITH DIFFERENT INDUSTRY AFFILIATIONS OF EMPLOYED MEMBERS

Bazarov A. B. ORCID ID 0000-0001-5248-3583

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: sasha.bazarov.97@bk.ru

The article examines the economic behavior of Russian households with different sectoral affiliations of employed household members. Sector is used as a classification characteristic of household labor-income sources; employment as a separate process is not analyzed. The study aims to assess differences in income, food expenditure-to-income ratio, saving, credit use, and financial reserves between households with one and two known sectors of employment among their members. The empirical basis consists of merged household and individual datasets from the Russian Longitudinal Monitoring Survey of HSE University for 2006–2025. The datasets were linked by household identifier and observation year. Original industry codes were aggregated into ten groups, producing 10 single-sector and 45 two-sector household combinations. Monetary indicators were converted to average 2025 prices using annual-average consumer price indices published by Rosstat. The analysis covers 90,370 household-year observations. The calculations reveal persistent differences across sectoral groups in real per capita income, food expenditure-to-income ratio, current saving, new credit use, and the duration of household financial reserves. Two-sector households are also heterogeneous: specific sector combinations are associated with different profiles of financial behavior. The results are descriptive and refer to the observed full survey sample.

Keywords: households, sectoral affiliation, income, savings, credit, financial resilience, Russian longitudinal monitoring of economic conditions and health of the population

Введение

Экономическое поведение домохозяйства формируется на пересечении доходов его членов, структуры обязательных расходов, накопленных активов и рисков получения трудового дохода. Для семей с несколькими работающими членами важен также отраслевой состав мест работы. Если источники трудового дохода связаны с одной отраслью, изменения отраслевой конъюнктуры могут одновременно затронуть нескольких членов семьи. При работе членов домохозяйства в разных отраслях структура таких рисков может быть иной. В статье отрасль используется как признак классификации домохозяйств; показатели трудоу-

стройства, безработицы и продолжительности рабочего времени не являются самостоятельным объектом анализа.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее – РМЭЗ НИУ ВШЭ) позволяет соединить индивидуальные сведения о месте работы с характеристиками всего домохозяйства. Проект содержит ежегодные домохозяйственные и индивидуальные анкеты и имеет панельную составляющую; методология, дизайн выборки и исследовательские возможности описаны в работе З. Е. Дорофеевой и соавт. [1]. В публикациях мониторинга прослеживаются долгосрочные изменения доходов, расходов и социального самочувствия российских домохозяйств [2, 3]. Отдельные выпуски характеризуют динамику в период пандемии и последующего восстановления [4, 5].

Существующие исследования показывают, что различия между домохозяйствами нельзя сводить к текущему размеру дохода. Доходная мобильность в 2018–2022 гг. зависела от состава семьи, положения на рынке труда и места проживания [6]. Анализ финансовой устойчивости подчеркивает сочетание ликвидных сбережений и долговой нагрузки [7], а исследования сберегательного поведения фиксируют роль демографического состава и индивидуальных предпочтений [8]. Реакция потребления на кредитные ограничения также неодинакова для групп домохозяйств с разной долговой позицией [9].

Для анализа отраслевой составляющей особенно важны работы, в которых характеристики места работы членов семьи связываются с семейными ресурсами. Т. Л. Журавлева сопоставила доходы и потребление домохозяйств работников государственного и частного секторов и показала, что различия в заработках не полностью отражаются в уровне потребления и накопленных активах [10]. Исследования внутрисемейного распределения риска рассматривают совместную трудовую активность супругов как механизм частичного страхования трудовых доходов [11, 12]. В сравнительном плане представляет интерес работа M. Neugart, основанная на данных домохозяйств Восточной и Западной Германии после объединения [13].

В отечественной литературе значительное внимание уделяется финансовой уязвимости и кредитному поведению домохозяйств [7, 9]. Отдельное направление связано с частными межсемейными трансфертами [14]. При этом отрасль чаще выступает характеристикой отдельного работника или главы домохозяйства. В настоящей работе используется семейная классификация: отраслевой профиль определяется по совокупности известных отраслей мест работы работающих членов. Это позволяет различать домохозяйства, где представлена одна отрасль, и домохозяйства с двумя отраслевыми сочетаниями.

Цель исследования – оценка различий экономического поведения российских домохозяйств в зависимости от отраслевой принадлежности работающих членов. Для достижения цели формируется сопоставимая классификация одно- и двухотраслевых домохозяйств, сравниваются реальные среднедушевые доходы, доля расходов на питание в доходе, сбережения, кредитование и финансовый резерв, а также оцениваются различия между наиболее массовыми двухотраслевыми сочетаниями.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу составили объединенные файлы домохозяйств и индивидов РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006–2025 гг. Они сформированы на основе объединенных баз «Домохозяйства» и «Индивиды» за 1994–2025 гг. (волны 5–34), обновленных в сентябре 2026 г. [15, 16]. Использовалась полная выборка мониторинга, которая, согласно документации РМЭЗ НИУ ВШЭ, наряду с наблюдениями репрезентативной выборки включает панельное дополнение – домохозяйства и индивидов, продолжающих участие после переезда [15]. Поэтому далее результаты трактуются как описательные характеристики полной наблюдаемой выборки.

Домохозяйственный и индивидуальный массивы соединялись по идентификатору домохозяйства и году наблюдения. Из индивидуальной анкеты использовался отраслевой код места работы J4.1. Наличие неидентифицированного по отрасли члена не исключало семью из анализа. Домохозяйства с тремя и более известными отраслями в основной классификации не использовались. При 10 укрупненных секторах получено 55 аналитических групп: 10 одноотраслевых и 45 двухотраслевых.

В исходном домохозяйственном массиве за 2006–2025 гг. содержится 135 802 наблюдения «домохозяйство-год». Хотя бы одну отрасль удалось определить для 95 313 наблюдений; в одно- и двухотраслевые группы вошло 90 370 наблюдений. Остальные отраслево идентифицированные семьи имели три и более известных отрасли. В каждом году в анализ включалось от 64,0 до 68,7 % всех опрошенных домохозяйств. Структура аналитической выборки приведена в табл. 1.

Таблица 1

Формирование аналитической выборки домохозяйств

Год	Все опрошенные домохозяйства, ед.	С одной известной отраслью, ед.	С двумя известными отраслями, ед.	Включено в анализ, ед.	Доля включенных от всех домохозяйств, %	Доля двухотраслевых среди включенных, %
2006	5545	2315	1387	3702	66,8	37,5
2010	7923	3300	2093	5393	68,1	38,8
2015	6872	2797	1803	4600	66,9	39,2
2020	6767	2668	1666	4334	64,0	38,4
2025	6378	2554	1667	4221	66,2	39,5
2006–2025	135 802	55 273	35 097	90 370	66,5	38,8

Примечание: составлена автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [15, 16]. Доля двухотраслевых рассчитана внутри выборки одно- и двухотраслевых домохозяйств.

Рис. 1. Индекс потребительских цен и коэффициент пересчета денежных показателей в цены 2025 г., 2006–2025 гг.
Примечание: составлен автором по данным Росстата [17, 18]

В анализе использовались общий и среднедушевой доход, расходы на питание, факт сбережений, получение кредита за последние 12 месяцев, наличие финансового резерва на несколько месяцев и более, а также обеспеченность широкополосным интернетом. Доля дохода, расходуемая на питание, рассчитывалась как отношение расходов домохозяйства на питание к его доходу. Денежные величины очищались от специальных кодов пропусков. Для межвременного сопоставления они переводились в средние цены 2025 г. по индексам потребительских цен (далее – ИПЦ) Росстата к предыдущему году. Источником ряда за 2006–2025 гг. служила таблица Росстата «Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации (с 1992 г.)» [17]; значение за 2025 г. дополнительно сверено по сообщению Росстата от 16 января 2026 г. [18]. Коэффициент пересчета для каждого года определялся цепным перемножением годовых индексов до 2025 г. Использованные индексы и коэффициенты представлены на рис. 1.

Основная процедура – описательное сопоставление отраслевых групп по годам.

Для бинарных признаков рассчитывалась доля положительных ответов среди валидных наблюдений; для денежных показателей использовались медианы. Такой выбор связан с асимметрией распределения доходов, расходов и задолженности.

Результаты исследования и их обсуждение

За весь период 61,2 % включенных наблюдений относятся к одноотраслевым домохозяйствам, 38,8 % – к двухотраслевым.

Различия в доходах одноотраслевых домохозяйств выражены сильнее (табл. 2), чем различия в доле дохода, расходуемой на питание. Разброс последнего показателя между отраслевыми группами сравнительно невелик, тогда как уровни реального среднедушевого дохода различаются значительно сильнее. Сберегательное поведение различается более заметно. При этом высокий доход не всегда соответствует максимальной склонности к текущему сбережению. Кредитная активность не повторяет ранжирование по доходам. Более высокую кредитную активность отдельных отраслевых групп в текущем срезе нельзя трактовать как простое следствие низкого дохода. Финансовый резерв на несколько месяцев и более чаще встречается у домохозяйств финансов, информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и деловых услуг, строительства и обрабатывающей промышленности. Различия в финансовом резерве важны, поскольку они отражают запас ликвидности семьи и дополняют показатель факта сбережений. Сопоставление этих двух признаков согласуется с современным подходом к финансовой устойчивости, где наличие сбережений рассматривается совместно с долговой нагрузкой и способностью выдержать финансовый шок [7].

Динамика реального среднедушевого дохода по отдельным одноотраслевым группам представлена на рис. 2.

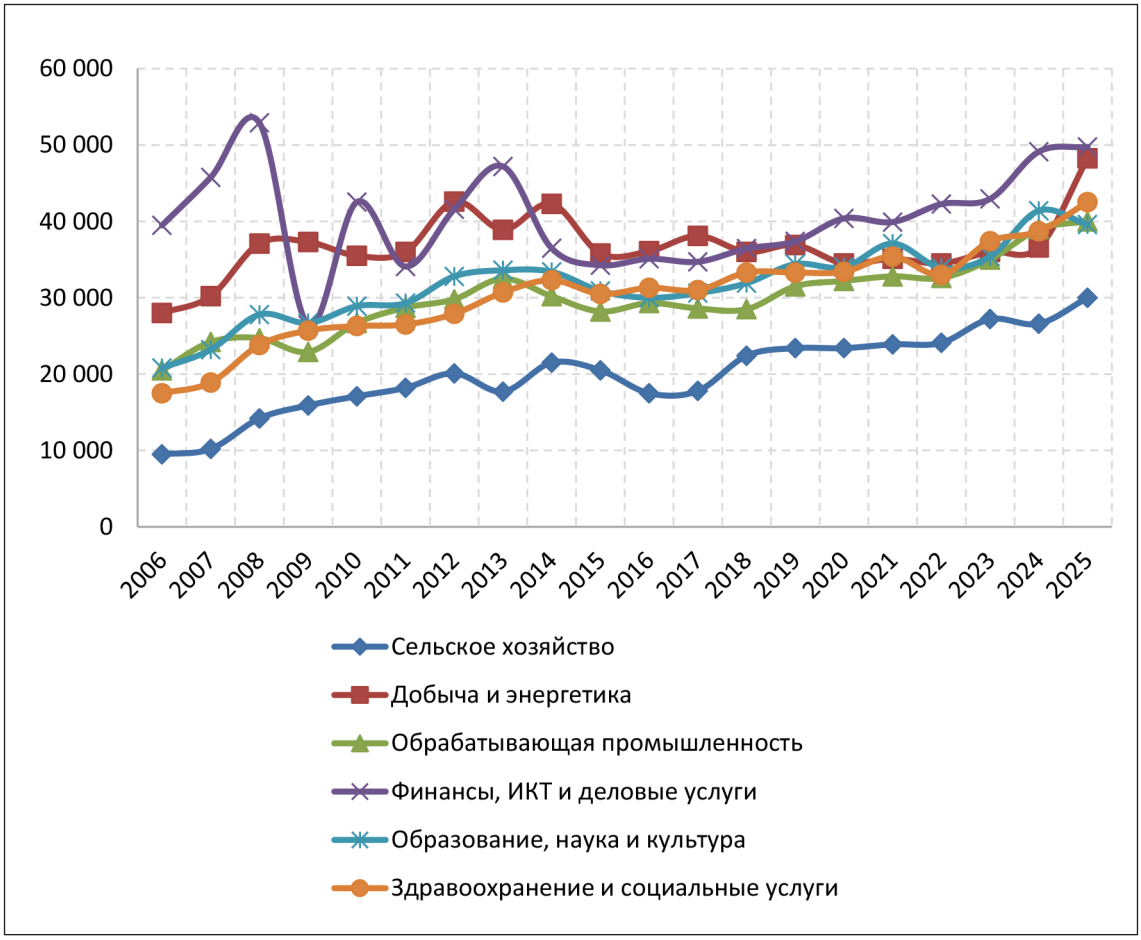

Рис. 2. Медианный реальный среднедушевой доход одноотраслевых домохозяйств, 2006–2025 гг.
Примечание: составлен автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [15, 16];
рубли в ценах 2025 г.

Таблица 2

Экономическое положение и финансовое поведение одноотраслевых домохозяйств в 2025 г.

Отрасль	Наблюдения, ед.	Доход на человека, руб. в ценах 2025 г.	Доля дохода, расходуемая на питание, %	Сбережения, %	Кредит, %	Резерв на несколько месяцев и более, %	Интернет, %
Сельское хозяйство	100	30 000	28,8	12,2	3,0	33,3	54,0
Добыча и энергетика	87	48 250	27,0	23,0	12,8	35,7	78,2
Обрабатывающая промышленность	404	40 000	28,6	25,7	5,7	37,6	78,0
Строительство	138	46 347	25,7	22,8	4,3	37,7	72,5
Транспорт, связь и средства массовой информации	185	40 000	28,8	19,7	10,3	28,6	74,6
Торговля и потребительские услуги	760	37 640	29,4	20,1	8,9	28,8	79,7
Финансы, ИКТ и деловые услуги	120	49 753	25,0	24,1	9,2	40,4	95,0
Госуправление и безопасность	150	36 284	27,9	20,4	8,0	36,5	78,0
Образование, наука и культура	327	39 600	27,8	23,5	3,4	33,3	79,2
Здравоохранение и социальные услуги	283	42 533	27,3	21,4	7,1	31,3	80,9

Примечание: составлена автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [15, 16]. Доход – медианный среднедушевой доход в ценах 2025 г.; доля дохода, расходуемая на питание, рассчитана как медиана отношения расходов домохозяйства на питание к его доходу.

Данная динамика показывает, что отраслевые различия сохраняются, но их величина меняется. В 2006 г. медианный реальный среднедушевой доход сельскохозяйственных домохозяйств составлял около 9,5 тыс. руб. в ценах 2025 г., в 2025 г. – 30,0 тыс. руб. В здравоохранении и социальных услугах показатель вырос с 17,5 до 42,5 тыс. руб., в строительстве – с 22,7 до 46,3 тыс. руб. Наиболее высокий исходный уровень был у финансов, информационно-коммуникационных технологий и деловых услуг – около 39,5 тыс. руб.; к 2025 г. он достиг 49,8 тыс. руб. Поэтому процентный прирост по отраслям существенно зависит от начальной базы.

Временные ряды также не являются монотонными. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. реальный среднедушевой доход снизился в добыче и энергетике примерно на 6,5 %, в транспорте – на 2,2 %, в торговле – на 1,9 %. В обрабатывающей промышленности и строительстве в этой же выборке снижение не зафиксировано. Такая разнонаправленность соответствует общей картине неодинаковой адаптации домохозяйств к кризисным изменениям и предупреждает против единой интерпретации 2020 г. для всех отраслей [5, 19].

Сберегательная активность к концу рассматриваемого периода выросла во всех 10 одноотраслевых группах по сравнению с 2006 г., хотя внутри периода наблюдались заметные снижения. В обрабатывающей промышленности доля сберегавших домохозяйств увеличилась с 15,9 до 25,7 %, в образовании – с 15,6 до 23,5 %, в торговле – с 13,3 до 20,1 %. В сельском хозяйстве рост оказался небольшим: с 11,3 до 12,2 %, причем в 2014 г. показатель опускался до 7,3 %. В строительстве минимум также пришелся на промежуточный период: в 2020 г. деньги откладывали 11,2 % семей против 22,8 % в 2025 г.

Одновременно во всех отраслевых группах снизилась доля домохозяйств, бравших кредит за последние 12 месяцев. В государственном управлении и безопасности она сократилась с 35,5 % в 2006 г. до 8,0 % в 2025 г.; в обрабатывающей промышленности – с 29,1 до 5,7 %; в строительстве – с 28,5 до 4,3 %. Добыча и энергетика сохранила сравнительно высокую кредитную активность: 12,8 % в 2025 г. против 36,6 % в 2006 г.

Таблица 3

Наиболее массовые двухотраслевые комбинации домохозяйств в 2025 г.

Комбинация отраслей	Наблюдения, ед.	Доход на человека, руб. в ценах 2025 г.	Доля дохода, расходуемая на питание, %	Сбережения, %	Кредит, %	Резерв на несколько месяцев и более, %
Обработка + торговля	174	38 467	27,5	20,9	8,6	31,8
Торговля + образование	130	37 750	26,7	18,9	5,4	29,2
Транспорт + торговля	126	39 242	28,5	27,8	9,5	36,1
Строительство + торговля	96	40 000	28,4	24,5	8,3	35,2
Обработка + образование	87	35 667	26,5	25,3	4,6	44,0
Транспорт + образование	78	41 667	25,0	23,1	10,3	32,9
Торговля + госуправление	72	40 000	29,6	18,1	4,2	35,8
Торговля + здравоохранение	61	37 600	26,0	21,7	8,2	38,6
Обработка + здравоохранение	59	37 500	27,8	28,8	5,2	42,6
Торговля + финансы и ИКТ	53	39 870	28,8	25,5	5,8	55,1

Примечание: составлена автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [15, 16]; приведены 10 наиболее массовых двухотраслевых комбинаций в 2025 г.

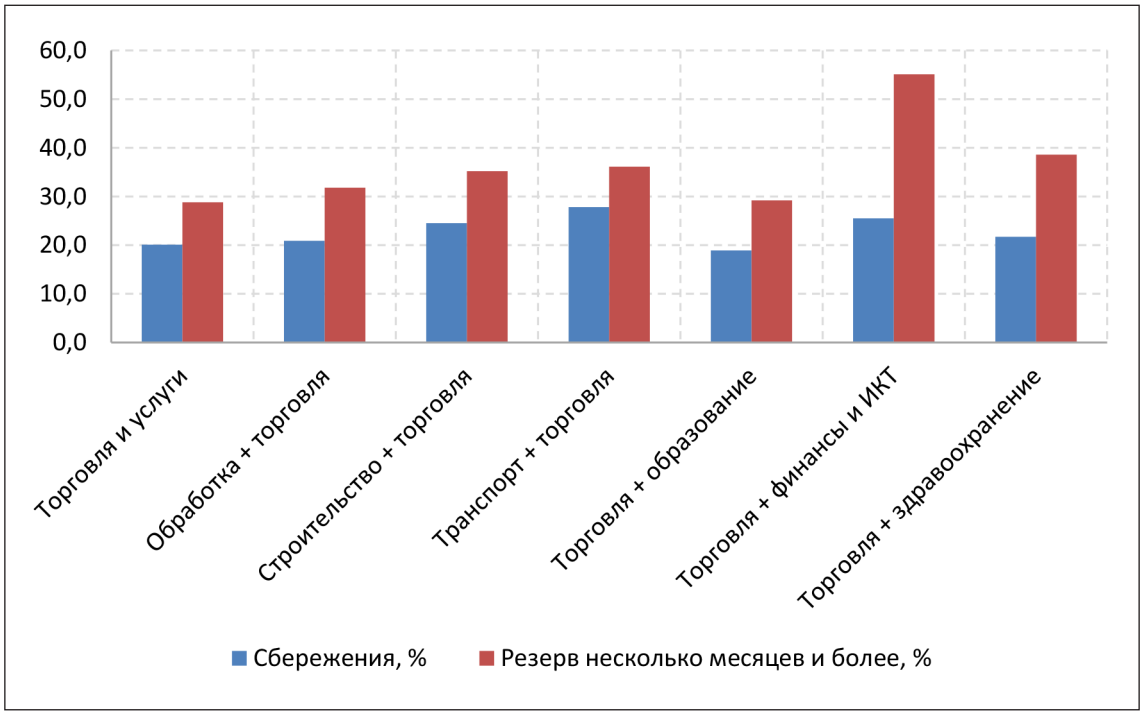

Рис. 3. Сбережения и финансовый резерв домохозяйств с участием торговли в 2025 г. Примечание: составлен автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [15, 16]

Поскольку показатель фиксирует факт нового кредита, а не весь объем накопленного долга, снижение следует интерпретировать как изменение частоты кредитования в обследованной выборке.

Рост сберегательной активности сопровождается увеличением доли семей с более длительным финансовым резервом. В финансах и информационно-коммуникационных технологиях показатель вырос с 15,6 % в 2006 г. до 40,4 % в 2025 г.; в обрабатывающей промышленности – с 14,7 до 37,6 %; в государственном управлении – с 17,9 до 36,5 %. Даже в сельском

хозяйстве доля семей, способных несколько месяцев и более поддерживать привычный уровень жизни за счет накоплений, увеличилась с 20,0 до 33,3 %. Эти изменения описывают сдвиг структуры финансового поведения в выборке, но не позволяют отделить влияние отрасли от возраста, состава семьи и других факторов.

Для анализа двухотраслевых домохозяйств далее рассматриваются наиболее массовые сочетания отраслей, представленные в табл. 3.

Двухотраслевые домохозяйства не образуют однородную группу. В 2025 г. наиболее массовой комбинацией была обрабатывающая промышленность и торговля – 174 наблюдения, далее следовали торговля и образование – 130, транспорт и торговля – 126, строительство и торговля – 96. Медианный среднедушевой доход этих четырех групп находился в диапазоне 37,8–40,0 тыс. руб. и не демонстрировал единого преимущества над соответствующими одноотраслевыми домохозяйствами. Сопоставление домохозяйств с участием торговли приведено на рис. 3.

Текущие сбережения у двухотраслевых семей меняются менее последовательно. При торговле как одной из отраслей доля сберегавших домохозяйств составляла 27,8 % в сочетании с транспортом и 25,5 % в сочетании с финансами и информационно-коммуникационными технологиями, но 18,9 % в сочетании с образованием и 18,1 % в сочетании с государственным управлением. Поэтому число отраслей занятости само по себе недостаточно для характеристики сберегательного поведения. Содержательным является конкретное сочетание отраслей, а также состав работающих членов и распределение заработка внутри семьи.

Сопоставление начальной и конечной точек периода показывает общий сдвиг в сторону более высоких реальных доходов и большей распространенности финансового резерва при одновременном снижении частоты новых кредитов. Но величина сдвига различается по отраслям. Например, реальный среднедушевой доход здравоохранения и социальных услуг увеличился с 17,5 до 42,5 тыс. руб., тогда как в финансах и информационно-коммуникационных технологиях рост был значительно слабее из-за высокого исходного уровня.

Полученные результаты дополняют публикации РМЭЗ, в которых основное внимание уделяется общей динамике доходов, расходов и социального самочувствия [2, 3]. Отраслевая группировка показывает, что за одинаковым общим трендом могут находиться разные семейные траектории. Особенно это относится к финансовой устойчивости: в 2025 г. высокие доходы, текущие сбережения и длительный резерв пересекаются не полностью, а ранжирование групп меняется в зависимости от выбранного показателя.

Результат по двухотраслевым домохозяйствам согласуется с логикой внутрисемейного распределения риска, описанной в исследованиях совместной занятости и страхования трудовых доходов [11, 12]. В нашей выборке наличие второй отрасли часто сочетается с более высокой долей домохозяйств, имеющих резерв на несколько месяцев, особенно в комбинациях с торговлей. Однако этот результат следует рассматривать как эмпирическую ассоциацию. Двухотраслевые семьи обычно имеют больше работающих членов, могут отличаться по возрасту, образованию, размеру семьи и территории проживания; эти факторы сами способны влиять на финансовый резерв.

Сберегательное и кредитное поведение также подтверждает многомерность финансовой устойчивости. Рост доли сберегающих семей не означает автоматического снижения всех видов долговой нагрузки, а снижение частоты получения новых кредитов не характеризует объем уже накопленного долга. Поэтому дальнейшая проверка отраслевых различий должна объединить показатели сбережений, кредитной задолженности и резерва. Такой подход близок к концепции финансовой неустойчивости, где оценивается способность домохозяйства справиться с падением дохода или непредвиденными расходами [7].

Отдельное ограничение связано с формированием отраслевой классификации. Если у одного члена семьи отрасль места работы не идентифицирована, а у другого известна, семья классифицируется по известной отрасли. Это соответствует поставленной задаче сохранить наблюдения с частично известной занятостью, но может занижать фактическое число двухотраслевых домохозяйств. Вторая проблема – небольшое число наблюдений для отдельных комбинаций. По этой причине в основной таблице двухотраслевых групп представлены только наиболее массовые сочетания.

Наиболее существенное методическое ограничение состоит в использовании полной выборки РМЭЗ без весов. Как указывает документация мониторинга, полная

выборка включает панельное дополнение и отличается от репрезентативной выборки каждой отдельной волны. Поэтому рассчитанные доли характеризуют наблюдаемую совокупность обследованных домохозяйств. Перед использованием результатов для оценок распространенности на уровне населения требуется повторный расчет с весами и проверка устойчивости отраслевых различий.

Заключение

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006–2025 гг. показал, что отраслевая принадлежность работающих членов семьи является содержательным признаком дифференциации экономического поведения домохозяйств. В 55 одно- и двухотраслевых группах различаются реальные среднедушевые доходы, склонность к сбережению, частота получения кредита и продолжительность финансового резерва. Различия сохраняются на длинном временном интервале, хотя их масштаб и ранжирование отраслей меняются по годам.

Для одноотраслевых домохозяйств к 2025 г. наиболее высокие медианные среднедушевые доходы наблюдаются в финансах и информационно-коммуникационных технологиях, добыче и энергетике и строительстве. Более высокая сберегательная активность характерна для обрабатывающей промышленности, финансов и образования. Наличие второй отрасли не дает универсального преимущества по доходу или текущему сбережению. Для ряда сочетаний, особенно включающих торговлю, более отчетливо проявляется различие по длительности финансового резерва. Представленные результаты остаются описательными и требуют дальнейшей работы и проверки с применением выборочных весов и контролем социально-демографического состава домохозяйств.

Список литературы

1. Дорофеева З. Е., Козырева П. М., Косолапов М. С., Тонис Е. И. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: особенности методологии, принципы организации, исследовательские возможности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 40–64. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/3210 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.14515/monitoring.2026.1.3210.

2. Воронин Г. Л., Дорофеева З. Е., Евграфова К. О., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И. Российские домохозяйства: динамика доходов, расходов, социального самочувствия (1994–2023 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2025. Вып. 15. С. 6–95. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik15 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.19181/rlms-hse.2025.1.

3. Воронин Г. Л., Дорофеева З. Е., Евграфова К. О., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И. Российские домохозяйства: динамика доходов, расходов, социального самочувствия (1994–2022 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2024. Вып. 14. С. 7–97. URL: https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik14 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.19181/rlms-hse.2024.1.

4. Воронин Г. Л., Евграфова К. О., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И. Российские домохозяйства: динамика экономического положения (1994–2021 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2023. Вып. 13. С. 7–93. URL: https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik13 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.19181/rlms-hse.2023.1.

5. Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О. Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994–2020 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2022. Вып. 12. С. 7–91. URL: https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik12 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.19181/rlms-hse.2022.1.

6. Борзых А. А., Рощина Я. М. Особенности мобильности домохозяйств по доходам в 2018–2022 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2024. Вып. 14. С. 110–129. URL: https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik14 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.19181/rlms-hse.2024.3.

7. Кузина О. Е., Моисеева Д. В. Финансовая (не)устойчивость домохозяйств в России: масштабы и траектории перехода // Вопросы экономики. 2026. № 5. С. 76–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-5-76-95.

8. Bessonova E., Denisova I., Ivanova N., Moskaleva A. Demography and savings: Evidence from a Russian household survey // Emerging Markets Review. 2026. Vol. 73. Art. 101494. DOI: 10.1016/j.ememar.2026.101494.

9. Колесник Д. П., Пестова А. А., Мамонов М. Е. Шоки предложения банковского кредитования и потребление домашних хозяйств в России // Вопросы экономики. 2021. № 9. С. 24–50. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-9-24-50.

10. Zhuravleva T. L. Is the difference in consumption and income an indication of petty corruption? // Journal of the New Economic Association. 2021. № 1 (49). P. 115–136. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-4.

11. Wang H. Intra-household risk sharing and job search over the business cycle // Review of Economic Dynamics. 2019. Vol. 34. P. 165–182. DOI: 10.1016/j.red.2019.03.008.

12. Pruitt S., Turner N. Earnings Risk in the Household: Evidence from Millions of U.S. Tax Returns // American Economic Review: Insights. 2020. Vol. 2. Is. 2. P. 237–254. URL: https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aeri.20190096 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.1257/aeri.20190096.

13. Neugart M. The legacy effect of socialism on risky savings // Applied Economics. 2021. Vol. 53. Is. 33. P. 3810–3831. DOI: 10.1080/00036846.2021.1887448.

14. Mironova A. A., Shenshina L. A. Private and public transfers: substitute or complement? // Population and Economics. 2021. Vol. 5. Is. 2. P. 1–15. URL: https://population-andeconomics.pensoft.net/article/60293/ (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.3897/popecon.5.e60293.

15. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. Раздел «Объединенные базы данных 1994–2025 гг.». [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/rlms/spss (дата обращения: 25.09.2026).

16. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Обновление объединенных баз данных по домохозяйствам и индивидам РМЭЗ НИУ ВШЭ. 03.09.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/rlms/news/1197425366.html (дата обращения: 25.09.2026).

17. Федеральная служба государственной статистики. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации (с 1992 г.) // Цены, инфляция. Обновлено 16.01.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 25.09.2026).

18. Федеральная служба государственной статистики. Об индексе потребительских цен в декабре 2025 года: срочная информация от 16.01.2026. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_16-01-2026.html (дата обращения: 25.09.2026).

19. Каравай А. В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 121–137. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1837 (дата обращения: 13.09.2026). DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1837.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов», № 126020516654-4.

Financing: The study was carried out within the framework of the state assignment “Russian Regions of Inner Asia: Strategies for Long-Term Development, Social Change and Transboundary Interaction amid Global and National Challenges”, No. 126020516654-4.

УДК 339.727.22
DOI 10.17513/fr.44096

CC BY 4.0

МАСШТАБ, СТРУКТУРА И РЕАЛЬНАЯ ДИНАМИКА КИТАЙСКИХ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Болаев А. В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: arasha.bolaev@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы привлечения китайских прямых иностранных инвестиций в экономику России, изучаются их масштабы, структура и динамика в условиях геоэкономической неопределенности. Сопоставлены российские и китайские статистические данные, а также сведения о наиболее крупных проектах с китайским участием. Показано, что накопленные китайские прямые иностранные инвестиции в России, по данным китайской статистики, увеличились с 14,21 млрд долл. США на конец 2018 г. до 15,75 млрд долл. США на конец 2024 г., тогда как совокупный объем исходящих инвестиций Китая за тот же период вырос существенно быстрее. При этом в 2023–2024 гг. отмечается восстановление притока китайского капитала, что не позволяет говорить о непрерывном сокращении инвестиционной активности. На примере отдельных проектов рассмотрены отраслевые различия в долях участия инвесторов и изменении их поведения под влиянием внешних ограничений. Предложена авторская гипотеза о значении санкционных рисков и устойчивости расчетных и институциональных условий для принятия инвестиционных решений. Установлены ограничения использования раскрытых цен сделок и затрат на строительство для оценки статистических остатков прямых инвестиций.

Ключевые слова: Россия, Китай, китайские прямые иностранные инвестиции, международное движение капитала, инвестиционные проекты, геоэкономическая неопределенность, санкционные риски, статистический учет

THE SCALE, STRUCTURE, AND DYNAMICS OF CHINESE FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN RUSSIA AMID GEOECONOMIC UNCERTAINTY

Bolaev A. V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)", Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: arasha.bolaev@mail.ru

The article examines the scale, structure and dynamics of Chinese foreign direct investment in Russia under conditions of geoeconomic uncertainty. Russian and Chinese statistical data are compared with publicly available information on major projects involving Chinese investors. According to Chinese statistics, the stock of direct investment in Russia increased from USD 14.21 billion at the end of 2018 to USD 15.75 billion at the end of 2024, whereas China's total outward FDI stock grew much faster. Investment activity recovered in 2023–2024, which does not support a conclusion of uninterrupted decline. Selected projects are used to examine differences in ownership stakes and the response of investors to external restrictions. The paper proposes a hypothesis concerning the impact of sanctions-related risks and the expected stability of payment and institutional arrangements on investment decisions. It also explains why disclosed transaction prices and construction expenditures cannot be treated as statistical stocks of FDI.

Keywords: Russia, China, Chinese foreign direct investment, international capital movement, investment projects, investment statistics, geoeconomic uncertainty, sanctions-related risks

Введение

В современных условиях геоэкономической неопределенности важнейшим торговым партнером России выступает Китайская Народная Республика. Российско-китайский торговый оборот в последние годы значительно увеличился на фоне сокращения экономических связей России с рядом западных государств. Вместе с тем динамика двусторонней торговли не позволяет судить о масштабах инвестиционного сотрудничества: торговая операция и решение о прямом инвестировании предполагают разные обязательства и различный срок их исполнения.

По статистическим данным Банка России, публиковавшимся со страновой разбивкой до начала 2022 г., КНР не относилась к числу крупнейших непосредственных источников прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в российскую экономику. Китайская статистика, в свою очередь, дает существенно более высокую оценку

накопленных вложений в Россию. Указанное обстоятельство делает актуальным вопрос не только о величине китайских ПИИ, но и о том, что именно измеряют различные статистические источники.

Проблемы российско-китайских внешнеэкономических связей исследованы А. В. Котовым [1], китайские ПИИ в России в 2020–2024 гг. рассмотрены К. М. Куликовым [2], а инвестиционные риски китайских энергетических компаний изучены Ма Сянжу и Е. В. Нежниковой [3]. В предыдущих публикациях нами рассматривались вопросы привлечения китайского капитала, сопоставимости статистических данных и изменения институциональных условий [4–7]. Настоящая работа отличается от них прежде всего обращением к конкретным сделкам, стоимости участия и различным формам входа китайских компаний в российскую экономику.

Цель исследования – анализ масштабов и динамики китайских прямых иностранных инвестиций в России, изучение структуры крупных проектов с китайским участием и выявление обстоятельств, которые могут влиять на инвестиционные решения китайских компаний в условиях геоэкономической неопределенности.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования использованы статистические данные Банка России [8; 9], Министерства коммерции КНР [10; 11], разъяснения китайских органов статистики [12], а также документы компаний и сообщения о заключенных и обсуждавшихся инвестиционных сделках. Использовались методы анализа и сопоставления статистических показателей, группировки проектов по отраслям и формам участия, а также анализа отдельных случаев изменения инвестиционного поведения компаний. При предварительном отборе сделок учитывались материалы ранее составленного автором перечня китайских инвестиционных проектов [27].

В исследовании рассматривается период с 2018 по 2024 г., для которого имеется сопоставимый ряд китайской статистики. Более поздние сведения оставлены за рамками работы, поскольку ее задача связана с анализом указанного завершенного периода. Сведения о сделках более ранних лет необходимы для характеристики накопленного китайского участия и потому рассматриваются отдельно от статистической динамики указанного периода. Для анализа отобраны крупные и публично документированные проекты, сведения о которых приведены в корпоративных сообщениях и открытых информационных источниках. Выборка является целевой, не охватывает всю совокупность китайских инвестиций в России и не предназначена для точного определения их отраслевой или региональной структуры.

При оценке стоимости проектов различаются цена покупки доли, объявленные капитальные затраты и статистические остатки ПИИ. Последние, в соответствии с методологией Банка России, включают участие в капитале, реинвестированную прибыль и долговые инструменты в рамках отношений прямого инвестирования [8]. Поэтому сведения о конкретных сделках используются прежде всего для характеристики форм участия китайских инвесторов, а не для прямого пересчета официальной статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

Вопрос восстановления фактической картины китайского присутствия в российской экономике представляется актуальным прежде всего ввиду расхождений статистических оценок. По данным Банка России, на 1 января 2022 г. накопленные ПИИ из Китая, учитываемые по непосредственной стране-партнеру, составляли около 3,3 млрд долл. США [9]. Согласно китайской статистике, на конец 2021 г. объем накопленных прямых инвестиций в Россию составлял около 10,64 млрд долл. США. Соотношение этих величин составляет примерно 3,2 раза, однако само по себе это сравнение не определяет причины расхождения.

Китайские официальные данные о динамике накопленных ПИИ в России за 2018–2024 гг. представлены в табл. 1 [10; 11].

Приведенные сведения показывают неоднородную динамику. В 2019–2022 гг. объем накопленных китайских инвестиций в России уменьшался, однако в 2023 г. началось восстановление, а в 2024 г. годовой поток достиг 4,27 млрд долл. США. При этом увеличение остатка с 10,67 до 15,75 млрд долл. США не следует полностью отождествлять с годовым потоком: китайская публикация специально оговаривает корректировку ранее учтенных данных в показателе за 2024 г. [10].

В более длительном сравнении положение России в общем объеме зарубежных ПИИ Китая изменилось не в ее пользу. За 2018–2024 гг. объем накопленных китайских инвестиций в России вырос примерно на 10,8 %, тогда как весь объем накопленных китайских исходящих ПИИ увеличился с 1,982 до 3,140 трлн долл. США, то есть на 58,4 %. Доля России в нем снизилась приблизительно с 0,72 до 0,50 % [10; 11].

Таблица 1

Динамика китайских прямых инвестиций в Россию по данным КНР, 2018–2024 гг.

Год	Поток за год, млрд долл. США	Накопленные ПИИ на конец года, млрд долл. США
2018	0,73	14,21
2019	-0,38	12,80
2020	0,57	12,07
2021	-1,07	10,64
2022	0,23	9,90
2023	0,63	10,67
2024	4,27	15,75

Примечание: составлена автором на основе источников [10; 11].

Таблица 2

Документированные сделки по приобретению долей в российских проектах с китайским участием

Проект, китайский участник	Доля и год	Раскрытая стоимость приобретения	Источник
«Ямал СПГ», Фонд Шелкового пути	9,9 %; 2016	1087 млн евро; доля менее 10 % голосов сама по себе не образует прямого инвестирования	[13]
«Ямал СПГ», CNPC (через дочернюю компанию)	20 %; 2014	Цена в указанном сообщении не раскрыта	[14]
«Арктик СПГ-2», CNPC и CNOOC	по 10 %; 2019	Цены китайских пакетов публично не раскрыты	[15]
«СИБУР», «Синопек»	10 %; 2015	1,338 млрд долл. США	[16; 17]
«СИБУР», Фонд Шелкового пути	10 %; 2017	Цена публично не раскрыта	[18]
Амурский газохимический комплекс, «Синопек»	40 %; 2020	18,274 млрд руб. – цена приобретения доли	[19]
Быстринский проект, консорциум Highland Fund	13,33 %; 2015–2016	100 млн долл. США – условия соглашения	[20]

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Следовательно, некоторое восстановление инвестиций в 2023–2024 гг. не отменяет того обстоятельства, что в рассматриваемом периоде Россия уступала по темпам роста совокупному зарубежному инвестиционному присутствию Китая.

Отдельного рассмотрения заслуживает сопоставимость российской и китайской статистики. Российская сторона распределяет ПИИ по непосредственно инвестирующей стране [8], а в китайском официальном учете зарубежные вложения по странам, как правило, распределяются по первой стране назначения [11; 12]. Поэтому прохождение инвестиций через Гонконг или другие промежуточные юрисдикции не позволяет без дополнительного анализа считать, что китайская статистика всегда отражает конечную страну вложения, а российская – лишь страну регистрации непосредственного инвестора. Оба источника имеют собственные правила учета и пересмотра показателей. Расхождение между ними может быть связано с различиями в охвате, оценке инвестиционных позиций, распределении долговых инструментов и использовании промежуточных компаний, однако величина вклада каждого фактора на имеющихся данных не установлена.

Для содержательного анализа китайского участия необходимо обратиться к конкретным проектам. В табл. 2 приведены документированные сделки по приобретению долей, в табл. 3 – примеры создания производств с китайским участием. Такое разделение принципиально: цена приобретенной доли и общий объем затрат на строительство являются различными показателями.

Отметим, что даже внутри каждой таблицы приведенные величины не полностью сопоставимы.

Таблица 3

Примеры создания производств с китайским участием в России

Предприятие и размещение	Китайский участник	Опубликованные сведения о стоимости	Источник
Кызыл-Таштыгский горно-обогатительный комбинат, Республика Тыва	«Лунсин», группа Zijin Mining	Стоимость проекта – около 16,8 млрд руб. на момент запуска в 2015 г.	[21]
Автомобильный завод «Хавейл», Тульская область	Great Wall Motor	Первоначальные инвестиции в завод – свыше 500 млн долл. США; ввод в 2019 г.	[22]
Производства «Хайер», Набережные Челны	Haier	Сообщалось о вложениях около 19 млрд руб. к июню 2022 г.	[23]

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Так, стоимость доли «Синопек» в «СИБУРе» представляет собой цену конкретной сделки, тогда как 16,8 млрд руб. по Кызыл-Таштыгскому комбинату – стоимость строительства объекта в целом. В частности, долю Фонда Шелкового пути в «Ямал СПГ» размером 9,9 % нельзя автоматически включать в остаток ПИИ, для которого обычно требуется не менее 10 % голосов [8]. Вместе с тем указанная сделка представляет интерес для оценки условий участия китайских инвесторов в крупных энергетических проектах.

Приблизительный расчет стоимости нераскрытых пакетов возможен по аналогии с известными сделками, но имеет исключительно условный характер. Так, если предположить сопоставимость стоимости 20 %-й доли CNPC в «Ямал СПГ» с удвоенной ценой приобретения 9,9 % Фондом Шелкового пути, оценка составит порядка 2,0–2,2 млрд долл. США. Аналогично можно условно оценить участие Фонда Шелкового пути в «СИБУРе» по стоимости пакета «Синопек» – около 1,338 млрд долл. США. Для двух китайских пакетов по 10 % в «Арктик СПГ-2» цена не раскрывалась; ориентиром служит опубликованная стоимость приобретения 10 % французской компанией TotalEnergies, составлявшая около 2,55 млрд долл. США, при наличии дополнительных обязательств по финансированию проекта [24; 25].

Для проверки порядка величины можно выполнить следующий условный расчет. Сумма имеющихся в таблицах цен и опубликованных затрат, без сделки с пакетом 9,9 % в «Ямал СПГ», составляет по приблизительным валютным пересчетам не менее 2,76 млрд долл. США: 1,338 + 0,247 + 0,100 + 0,244 + 0,500 + 0,332 млрд долл. США. С прибавлением предполагаемой цены пакета Фонда Шелкового пути в «СИБУРе» (около 1,338 млрд долл.), оценки доли CNPC в «Ямал СПГ» (2,0–2,2 млрд долл.) и условной стоимости китайских пакетов в «Арктик СПГ-2» (5,1–8,1 млрд долл.) механическая сумма составляет приблизительно 11,2–14,4 млрд долл. США. Однако эта величина неоднородна по составу и не является оценкой статистического остатка китайских ПИИ ни на одну конкретную дату. Кроме того, объявленные затраты и предполагаемые дополнительные взносы нельзя во всех случаях считать фактически произведенными инвестициями. По этой причине приведенный расчет рассматривается лишь как иллюстрация масштабов отдельных известных проектов и не используется для подтверждения трехкратного расхождения официальных статистических данных.

Переходя к отраслевому распределению документированного присутствия, можно отметить выраженное значение крупных сырьевых и нефтехимических проектов. В рассматриваемой выборке это «Ямал СПГ», «Арктик СПГ-2», Амурский газохимический комплекс и горнодобывающие предприятия. В обрабатывающей промышленности выделяются проекты «Хавейл» и «Хайер», имеющие иное значение для принимающей экономики: создание производственных площадок, рабочих мест и предпосылок для локализации технологических процессов. Указанная структура относится к исследованным крупным проектам, а не ко всему объему китайских ПИИ в России.

Региональное распределение также не сводится к приграничным территориям. Крупные проекты размещены в Ямало-Ненецком автономном округе, Амурской области, Забайкальском крае, Республике Тыва, Тульской области и Республике Татарстан. Из перечисленных территорий только Амурская область и Забайкальский край входят в Дальневосточный федеральный округ. Это позволяет предположить, что для крупных проектов значение имеют прежде всего расположение сырьевой базы, условия размещения производства и близость рынков сбыта. В то же время на основании такой выборки нельзя делать вывод о распределении всех китайских вложений между федеральными округами.

Таблица 4

Формы участия китайских компаний в рассмотренных проектах

Сектор	Наблюдаемая форма участия	Значение для инвестиционного решения
Крупные проекты по производству сжиженного природного газа	Доли 9,9–20% в проектных компаниях	Ограниченная доля в капитале при крупной стоимости самого проекта
Нефтехимия и газохимия	Совместное предприятие; участие 40 % в Амурском ГХК	Разделение контроля и дальнейших обязанностей по проекту
Горнодобывающая промышленность	От участия 13,33 % до контроля над производством	Различия связаны с устройством и масштабом конкретных проектов
Автомобилестроение и производство бытовой техники	Создание предприятий под контролем китайских компаний	Вложения в производственную базу, локализацию и рынок сбыта

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Наиболее содержательным в данном контексте нам представляется различие форм участия. Китайские компании в отдельных энергетических проектах приобретают миноритарные доли, в нефтехимии участвуют в совместном предприятии с разделенным контролем, а в производстве автомобилей и бытовой техники создают предприятия под собственным контролем. Эти различия отражены в табл. 4.

На основании приведенных данных можно сформулировать авторскую гипотезу о том, что санкционная подверженность сектора и устойчивость институциональных условий влияют на величину доли участия и на готовность инвестора принимать долгосрочные обязательства. Отдельного внимания заслуживает изменение поведения инвесторов после введения ограничений. В данном случае влияние санкционных рисков может проявляться не в пересмотре первоначальной доли, а в приостановке новых вложений, изменении обязательств по финансированию или отказе от сделки еще на стадии переговоров. Поэтому целесообразно отдельно рассматривать два вопроса: почему китайская компания приобрела конкретную долю в определенном году и почему позднее она изменила свое участие в проекте.

Первый пример – «Арктик СПГ-2». Китайские компании получили по 10 % участия в 2019 г. [15]. После введения блокирующих ограничений в ноябре 2023 г. иностранные акционеры проекта, включая китайских, сообщили о форс-мажоре по своим обязательствам [24]. При этом китайские доли сохранялись. Таким образом, в данном случае наблюдался не немедленный выход из собственности, а изменение поведения действующих инвесторов. Такое обстоятельство согласуется с гипотезой об особом значении устойчивости условий финансирования и вывоза продукции для долгосрочных проектов, хотя само по себе не доказывает, что ожидаемая доходность не имела значения.

Второй пример – Амурский газохимический комплекс. Китайская «Синопек» приобрела 40 % в 2020 г. за 18,274 млрд руб. [19]. Проект предусматривает совместный контроль, а дальнейшие обязательства участников определяются в том числе характером привлекаемого финансирования. Этот пример существенно отличается от миноритарного участия в экспортных СПГ-проектах, однако различие нельзя объяснять только величиной санкционного риска. Его необходимо рассматривать также с учетом особенностей производственного сотрудничества и структуры проекта.

Третий пример – автомобильный завод «Хавейл» в Тульской области. Предприятие запущено в 2019 г., а в марте 2024 г. введен завод двигателей [22]. Наличие собственной производственной базы и ориентация на российский рынок предполагают иной характер долгосрочного присутствия, чем участие в капитале экспортного энергетического проекта. Вместе с тем следует учитывать, что решение о строительстве завода было принято до изменения внешних условий в 2022 г.; его нельзя автоматически использовать как свидетельство нового притока капитала после этой даты.

Четвертый пример связан не с реализованным проектом, а с предполагаемыми вложениями. В марте 2022 г. появились сообщения о приостановке «Синопек» переговоров по новым российским нефтехимическим и газовым проектам из-за опасений санкционных последствий [26]. В данном случае ограничение воздействует уже на переход от намерения к заключению сделки.

Совокупность рассмотренных случаев показывает, что воздействие геоэкономи-

ческой неопределенности на инвестиционный процесс неоднородно. Она может влиять на стоимость финансирования, расчеты, исполнение договоров, возможность поставок и готовность инвестора увеличивать участие. В отличие от торговой операции, инвестиционный проект предполагает длительный период возврата вложенных средств. Поэтому инвестор оценивает не только доступность конкретного канала в момент заключения сделки, но и вероятность сохранения необходимых условий в течение нескольких лет.

Важным направлением дальнейшего исследования представляется оценка средних по величине китайских вложений. В открытых публикациях значительно чаще представлены проекты стоимостью в сотни миллионов и миллиарды долларов, тогда как сведения о небольших производственных предприятиях, сервисных компаниях и региональных вложениях менее доступны. Нельзя утверждать, что такой сегмент практически отсутствует: используемая выборка специально ориентирована на крупные публичные проекты. Однако недостаток данных об этом сегменте затрудняет оценку влияния китайского капитала на развитие поставщиков, занятость и распространение производственных практик.

Отметим, что вопрос институционального сопровождения инвестиций неоднократно обсуждался в контексте инициативы «Один пояс и один путь» и специальных механизмов межгосударственного сотрудничества [4; 6; 7; 27; 28]. На наш взгляд, для дальнейшего развития российско-китайских инвестиционных связей существенное значение имеет не только предоставление отдельных льгот, но и предсказуемость расчетов, условий финансирования и исполнения договоров. В то же время вопрос о результативности конкретных мер государственной поддержки требует специального исследования, поскольку на основании только представленных сделок нельзя определить их самостоятельный вклад в инвестиционную активность.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. По данным китайской официальной статистики, накопленные прямые иностранные инвестиции Китая в России увеличились с 14,21 млрд долл. США на конец 2018 г. до 15,75 млрд долл. США на конец 2024 г., то есть примерно на 10,8 %. За тот же период общий объем накопленных зарубежных ПИИ Китая вырос на 58,4 %, вследствие чего доля России снизилась с 0,72 до 0,50 %. Вместе с тем в 2023–2024 гг. наблюдалось восстановление китайских вложений в Россию. Следовательно, речь идет не об отсутствии инвестиционного роста, а об отставании его долгосрочных темпов от общей динамики исходящих инвестиций Китая и о неравномерности этого процесса.

Сопоставление российской и китайской статистики выявляет расхождение оценок примерно в 3 раза для близких отчетных дат конца 2021 – начала 2022 г. Однако имеющиеся материалы не позволяют отнести это расхождение исключительно на счет использования промежуточных юрисдикций и тем более считать его доказанным занижением статистики одной из сторон. Сведения о стоимости отдельных сделок подтверждают наличие крупных проектов с китайским участием, но их сумма не обязательно тождественна статистическому остатку ПИИ.

Структура рассмотренных проектов различается по отраслям, размещению и формам участия. В экспортных энергетических проектах преобладают миноритарные доли, в нефтехимии имеет место совместный контроль, в ряде производств потребительского назначения китайские компании создали собственную производственную базу. На основании этих наблюдений можно предложить авторскую гипотезу о влиянии санкционных рисков и устойчивости институциональных условий на принятие инвестиционных решений.

Таким образом, расширение двусторонней торговли не обеспечивает автоматического увеличения прямых инвестиций. Для инвестора важны не только текущие возможности выхода на российский рынок, но и условия дальнейшего финансирования и работы предприятия. В этом отношении развитие российско-китайского инвестиционного сотрудничества зависит как от экономической привлекательности самих проектов, так и от устойчивости правовых, расчетных и организационных условий, которые необходимы для их осуществления.

Список литературы

1. Котов А. В. Российско-китайские внешнеэкономические отношения: межотраслевой анализ // Экономика региона. 2025. Т. 21. № 3. С. 643–654. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-5.

2. Куликов К. М. Особенности китайских прямых иностранных инвестиций в Россию в 2020–2024 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 5. С. 63–75. DOI: 10.31857/S0131281225050046.

3. Ма Сянжу, Нежникова Е. В. Инвестиционные риски и стратегии их снижения для китайских энергетических компаний в странах «Пояса и пути» на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 227–242. DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-227-242.

4. Болаев А. В., Бондаренко В. А. Вопросы привлечения прямых иностранных инвестиций из Китая в экономику России в контексте реализации стратегической инициативы «Один пояс и один путь» // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 2. С. 409–428. DOI: 10.18334/vinec.14.2.121129. EDN: LSUZOO.

5. Болаев А. В. Геоэкономическая неопределенность в контексте привлечения китайских прямых иностранных инвестиций в Россию: система индикаторов, источники данных и проблема их сопоставимости // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16. № 10. DOI: 10.18334/epp.16.10.127001. EDN: HTDWWU.

6. Болаев А. В. Институциональная трансформация привлечения прямых иностранных инвестиций: содержание, субъекты, уровни, механизмы // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16. № 9. DOI: 10.18334/epp.16.9.126940.

7. Болаев А. В. Трансформация институциональной среды привлечения китайских прямых иностранных инвестиций в России в современных условиях геоэкономической неопределенности // Фундаментальные исследования. 2026. № 9. С. 15–23. DOI: 10.17513/fr.44081.

8. Банк России. Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/meth-kom-di/ (дата обращения: 29.10.2026).

9. Банк России. Статистика внешнего сектора. Прямые инвестиции: остатки по странам-партнерам [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения: 29.10.2026).

10. Министерство коммерции КНР. Руководство по зарубежным инвестициям: Россия (2025 г.) (на китайском языке). [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/eluosi.pdf (дата обращения: 29.10.2026).

11. Министерство коммерции КНР, Государственное статистическое управление КНР, Государственное управление валютного контроля КНР. Статистический бюллетень о прямых зарубежных инвестициях Китая за 2024 год (на китайском языке). [Электронный ресурс]. URL: https://images.mofcom.gov.cn/fec/202509/20250908141021122.pdf (дата обращения: 29.10.2026).

12. Министерство коммерции КНР. Пресс-конференция о статистике прямых зарубежных инвестиций. 25.09.2024 (на китайском языке). [Электронный ресурс]. URL: https://interview.mofcom.gov.cn/detail/202409/ff80808192275d8f01922bd5547402a8.html (дата обращения: 29.10.2026).

13. НОВАТЭК. Завершена продажа Фонду Шелкового пути доли 9,9 % в «Ямал СПГ». 15.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=1165 (дата обращения: 29.10.2026).

14. НОВАТЭК. Завершена продажа 20 % доли «Ямал СПГ» компании CNODC. [Электронный ресурс]. URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=826 (дата обращения: 29.10.2026).

15. НОВАТЭК. Закрыты сделки по продаже долей участия в проекте «Арктик СПГ-2». 22.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.novatek.ru/ru/investors/events/?id_4=3317 (дата обращения: 29.10.2026).

16. СИБУР. Закрыта сделка по вхождению Sinopec в капитал СИБУРа с долей 10 %. 17.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/Sinopec10/ (дата обращения: 29.10.2026).

17. Власти назвали сумму сделки по продаже 10 % «Сибура» китайцам // РБК. 11.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/business/11/12/2015/566ab4879a79474ade5468ad (дата обращения: 29.10.2026).

18. СИБУР. Закрыта сделка по продаже 10 % акций китайскому Фонду Шелкового пути. 25.01.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/Uspeshnozakrytasdelkapoprodazhe10aktsiySIBURakitayskomuFondushelkovogoputi/ (дата обращения: 29.10.2026).

19. «СИБУР» продал китайской Sinopec долю в Амурском ГХК за 18,3 млрд руб. // Интерфакс. 11.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/750536 (дата обращения: 29.10.2026).

20. Norilsk Nickel. Chinese consortium invests in the Bystrinsky project of Norilsk Nickel. 29.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://nornickel.com/news-and-media/press-releases-and-news/chinese-consortium-invests-in-the-bystrinsky-project-of-norilsk-nickel/ (дата обращения: 29.10.2026).

21. Тува запустила ГОК за 17 млрд руб. для производства цветных металлов // Интерфакс-Сибирь. 26.06.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/tuva-zapustila-gok-za-17-mlrd-rub-dlya-proizvodstva-cvetnyh-metallov-na-1-mln-tonn-rudy-v-god (дата обращения: 29.10.2026).

22. Chinese Great Wall launches engine plant in Tula Region // Interfax. 06.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.com/newsroom/top-stories/100185/ (дата обращения: 29.10.2026).

23. Компания Haier вложила в Набережные Челны почти 19 млрд рублей – Магдеев // Коммерсантъ. 28.06.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5435090 (дата обращения: 29.10.2026).

24. «Арктик СПГ-2» теперь сам по себе. Иностранные акционеры заморозили участие в проекте // Коммерсантъ. 25.12.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6425739 (дата обращения: 29.10.2026).

25. Тотальное исключение. TotalEnergies выйдет из проекта «Арктик СПГ-2» // Коммерсантъ. 03.06.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8711210 (дата обращения: 29.10.2026).

26. Из-за Тимченко? Sinopec приостановила переговоры о крупных инвестициях в российские проекты // Нефтегаз.ру. 25.03.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://neftegaz.ru/news/finance/731418-iz-za-timchenko-sinopec-priostanovila-peregovory-o-krupnykh-investitsiyakh-v-rossiyskie-proekty/ (дата обращения: 29.10.2026).

27. Болаев А. В. Китайские инвестиционные проекты в России // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 10. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_10_616. EDN: HQXAGD.

28. Болаев А. В., Рубинская Э. Д. Отраслевая структура китайских исходящих прямых иностранных инвестиций в контексте реализации инициативы «Пояса и пути» // Экономические отношения. 2026. Т. 16. № 3. С. 677–690. DOI: 10.18334/eo.16.3.126805. EDN: LWQRMF.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 336.7
DOI 10.17513/fr.44097

CC BY 4.0

СЕТИ ТОКЕНИЗИРОВАННЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ: СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ

[1]Варнавский А. В. ORCID ID 0000-0002-1517-3786,
[2]Александров И. О. ORCID ID 0009-0005-9321-3818

[1]Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация, e-mail: networkeconomy24@gmail.com;
[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», Москва, Российская Федерация, e-mail: i.o.aleksandrov@yandex.ru

Развитие современной финансовой инфраструктуры сопровождается распространением токенизации, технологий распределенных реестров и алгоритмических механизмов проведения финансовых операций. При этом существующие научные понятия в основном описывают отдельные финансовые инструменты и технологии, не в полной мере отражая особенности экономических отношений между их участниками. Цель исследования заключается в раскрытии содержания понятия «сети токенизированных финансовых активов» и выявлении их основных особенностей в условиях развития платежно-расчетной инфраструктуры. В работе используются сетевой подход, функциональный и сравнительный анализ традиционных и токенизированных финансовых систем. Исследование основано на российских и зарубежных научных публикациях, а также материалах международных финансовых организаций. Показано, что платежные и расчетные функции традиционно могли выполняться разными участниками финансовой инфраструктуры, однако развитие систем расчетов в реальном времени и быстрых платежей способствует их более тесной взаимосвязи. Показано, что токенизация расширяет возможности такой интеграции благодаря алгоритмической координации финансовых операций, автоматизированному исполнению условий сделки и синхронизации встречных обязательств. Предложено рассматривать сети токенизированных финансовых активов как совокупность взаимосвязанных экономических агентов, функционирующих на основе технологических механизмов выпуска, передачи, обмена и расчетов в токенизированных финансовых активах. Обосновано отличие указанной категории от отдельных активов, платформ и блокчейн-сетей. Сделан вывод о целесообразности использования предложенной категории для анализа новых форм финансового взаимодействия, в которых экономические отношения и механизмы их исполнения объединяются посредством алгоритмических правил.

Ключевые слова: сети токенизированных финансовых активов, токенизация, экономические сети, платежные сети, расчетные сети, алгоритмизация

TOKENIZED FINANCIAL ASSET NETWORKS: ESSENCE AND ROLE IN MODERN FINANCIAL INFRASTRUCTURE

[1]Varnavskiy A. V. ORCID ID 0000-0002-1517-3786,
[2]Aleksandrov I. O. ORCID ID 0009-0005-9321-3818

[1]Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation, e-mail: networkeconomy24@gmail.com;
[2]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov", Moscow, Russian Federation

The development of modern financial infrastructure is accompanied by the growing use of tokenization, distributed ledger technologies, and algorithmic mechanisms for conducting financial transactions. However, existing academic concepts mainly describe individual financial instruments and technologies without fully reflecting the economic relationships between their participants. The purpose of this study is to clarify the concept of «tokenized financial asset networks» and identify their main characteristics in the context of evolving payment and settlement infrastructure. The study employs a network approach, along with functional and comparative analysis of traditional and tokenized financial systems. The research draws on Russian and international academic publications, as well as materials from international financial organizations. The findings show that payment and settlement functions have traditionally been performed within separate infrastructure systems, while the development of real-time settlement systems and instant payments has contributed to their closer integration. Tokenization is shown to expand the potential for such integration through algorithmic coordination of financial operations, automated execution of transaction conditions, and synchronization of reciprocal obligations. Tokenized financial asset networks are defined as a set of interconnected economic agents operating through technological mechanisms that enable issuance, transfer, exchange, and settlement in tokenized financial assets. The distinction between this concept and individual assets, platforms, and blockchain networks is substantiated. The study concludes that the proposed concept is useful for analyzing new forms of financial interaction in which economic relationships and execution mechanisms are coordinated through algorithmic rules.

Keywords: tokenized financial asset networks, tokenization, economic networks, payment networks, settlement networks, algorithmization

Введение

Развитие цифровых технологий оказывает все более существенное влияние не только на используемые финансовые инструменты, но и на саму архитектуру взаимодействия экономических агентов [1; 2]. В отличие от ранней автоматизации процессов, распространение технологий распределенных реестров и токенизации создает предпосылки для более глубокого изменения способов выпуска, передачи и расчетов в финансовых активах [3; 4].

В современной научной литературе токенизация чаще всего рассматривается с позиции преобразования прав на финансовые и реальные активы в цифровую форму, позволяющую учитывать и передавать соответствующие права посредством специализированной технологической инфраструктуры [2; 4]. Значительное внимание также уделяется использованию распределенных реестров в финансовом секторе, развитию децентрализованных финансов, токенизированных ценных бумаг, депозитов и иных форм цифровых финансовых инструментов [1; 5; 6]. Отдельное направление исследований связано с программируемостью платежей и расчетов, позволяющей автоматизировать исполнение заранее установленных условий сделки [7].

В настоящем исследовании, не оспаривая все вышеобозначенные ракурсы, мы придерживаемся общего определения токенизации в экономике – как процесса построения экономических взаимодействий на основе оборота самостоятельно значимых единиц, токенов [8, с. 124].

В существующих исследованиях большинство рассматриваемых понятий характеризуют отдельные элементы новой финансовой инфраструктуры. Категория «токенизированный актив» относится прежде всего к объекту экономических отношений; понятие «блокчейн» или «распределенный реестр» – к используемой технологии; «платформа» – к инфраструктуре, посредством которой осуществляется взаимодействие участников. Подобная терминологическая фрагментация затрудняет исследование более широкого явления – совокупности экономических агентов, между которыми формируются устойчивые отношения по поводу выпуска, передачи, обмена и расчетов с использованием токенизированных финансовых активов. При этом расширение массива исследований цифровых финансов сопровождается усложнением структуры самого научного поля и формированием взаимосвязей между технологическими, финансовыми и сетевыми направлениями анализа [9].

В российской экономической литературе развитие новых экономических сетей в инфраструктуре финансового рынка уже может рассматриваться как самостоятельное направление трансформации финансовой системы [3]. Одновременно исследования токенизации показывают, что ее значение постепенно выходит за пределы цифрового представления отдельных активов и затрагивает организацию их обращения, взаимодействие участников рынка и способы исполнения обязательств [2; 4]. В связи с этим представляется необходимым развитие понятийного аппарата, позволяющего рассматривать новые формы финансового взаимодействия именно в сетевом ракурсе.

В рамках настоящего исследования для этих целей предлагается использовать категорию «сети токенизированных финансовых активов» (СТФА), которая формируется в результате декомпозиции общего понятия токенизированных активов и последующего категориального обособления их финансового сегмента. Такое понимание позволяет включать в анализ различные формы токенизированных ценных бумаг, денежных требований, банковских обязательств и иных финансовых инструментов вне зависимости от особенностей их юридической квалификации в конкретной юрисдикции [10].

Развитие систем быстрых платежей и расчетов в реальном времени и быстрых платежей постепенно сокращает временной и функциональный разрыв между отдельными этапами операции. Технологии токенизации способны углубить этот процесс, поскольку позволяют переносить непосредственно в технологический протокол не только информацию об операции, но и определенные правила ее исполнения [7; 11]. В результате возникает новая конфигурация финансового взаимодействия, при которой передача актива, выполнение установленных условий и расчет могут быть связаны в рамках общей программируемой среды.

Таким образом, возникает вопрос недостаточности категориального аппарата, позволяющего комплексно описывать возникающие при токенизации финансовых активов сети экономического взаимодействия.

Цель исследования – раскрытие содержания понятия «сети токенизированных финансовых активов» и выявление их основных особенностей в условиях развития платежно-расчетной инфраструктуры. Научная новизна исследования заключается в уточнении понятийного аппарата финансовой инфраструктуры посредством

обоснования категории «сети токенизированных финансовых активов» как экономической сети, отличной от отдельного токенизированного актива, технологической блокчейн-сети и цифровой платформы. Выявлена ее специфика, связанная с алгоритмической координацией выпуска, обращения и расчетов по токенизированным финансовым активам.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет сетевой подход, позволяющий рассматривать финансовую инфраструктуру не только как совокупность организаций и технологий, но прежде всего как систему взаимодействующих экономических агентов, связанных устойчивыми отношениями. В данном случае объектом сетевого анализа выступают участники финансовых операций, а реляциями между ними – отношения, возникающие в процессе выпуска, передачи, обмена и расчетов с использованием токенизированных финансовых активов или исполнения обязательств по финансовым активам.

Использование сетевого подхода позволяет рассматривать токенизацию не только с технологической, но и с экономической точки зрения. Технологическая сеть обеспечивает хранение, передачу и подтверждение информации, тогда как экономическая сеть объединяет участников, связанных общими интересами и хозяйственными отношениями. При этом технологическая инфраструктура создает условия для их взаимодействия.

Функциональный анализ используется для изучения отдельных этапов финансовых операций и особенностей их выполнения в традиционных и токенизированных системах. Рассматриваются такие функции, как инициирование операции, авторизация и маршрутизация, исполнение и клиринг, подтверждение результатов и окончательный расчет.

Сравнительный анализ позволяет выявить различия между традиционной платежно-расчетной инфраструктурой и сетями токенизированных финансовых активов. Основное внимание уделяется не техническим характеристикам отдельных решений, а организации взаимодействия участников финансовых операций.

Информационную основу исследования составляют российские и зарубежные научные публикации по вопросам токенизации, распределенных реестров, платежной инфраструктуры, двусторонних рынков и алгоритмизации финансовых операций, а также аналитические материалы международных финансовых организаций.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках исследования СТФА необходимость разграничения непосредственно платежа и окончательность расчета по сделке несколько нивелируется за счет алгоритмической реализации механики Delivery versus Payment (DvP). На микроуровне конкретного потребителя процессы платежа и окончательности расчета воспринимаются как единое действие: для конечного покупателя подтверждение сделки – полученный товар. Если продавец его отгрузил, покупатель считает платеж фактически завершенным. В большинстве, в абсолютном большинстве случаев для продавца подтверждение карточной транзакции или платежа по СБП фактически также означает завершение платежа. Однако на уровне инфраструктуры операция оплаты гораздо сложнее: передача платежной инструкции, ее авторизация, взаимозачет обязательств между финансовыми организациями и окончательное перемещение расчетного актива – это все различные стадии. Подобное функциональное разграничение соответствует международному подходу к инфраструктурам финансового рынка, в рамках которого платежные системы, центральные депозитарии, системы расчетов по ценным бумагам, центральные контрагенты и иные инфраструктуры рассматриваются с учетом различий выполняемых ими функций и возникающих рисков [12].

Классические исследования платежных платформ фокусируются прежде всего на механизмах взаимодействия различных групп пользователей. В модели двустороннего рынка платформа обеспечивает взаимодействие потребителей и поставщиков товаров или услуг, а ее ценность возрастает с увеличением числа участников каждой из сторон [13; 14]. Именно этим объясняются выраженные сетевые эффекты, характерные для крупных платежных систем.

При этом инфраструктура окончательного расчета решает иную задачу. Ее функцией является прекращение возникших финансовых обязательств посредством окончательной передачи соответствующего расчетного актива. Поэтому на этом уровне особое значение имеют не столько вопросы привлечения конечных пользователей, сколько управление ликвидностью, окончательность расчета, снижение кредитного и операционного риска.

Такое функциональное разграничение особенно хорошо прослеживается в традиционных многоуровневых финансовых системах. Передача информации о платеже может осуществляться одной инфраструк-

турой, клиринг – другой, а окончательный расчет – через счета финансовых организаций в центральном банке или специализированной расчетной системе. Характерным примером функционального разделения является международная платежная архитектура, в которой инфраструктура передачи финансовых сообщений может быть организационно отделена от непосредственного движения расчетного актива; подобная структура хорошо прослеживается на примере роли SWIFT в международной финансовой системе [15].

Сходная проблема существует и при обращении ценных бумаг. Заключение сделки не означает ее немедленного окончательного исполнения. Необходимо обеспечить передачу актива покупателю и денежных средств продавцу, что исторически обусловило развитие специализированных механизмов клиринга и расчетов. Исследования распределенных реестров применительно к клирингу и расчетам по ценным бумагам показывают, что именно сложность этой многоступенчатой инфраструктуры стала одной из областей потенциального применения технологии распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT) [5]. Международная платежная инфраструктура также характеризуется концентрацией отдельных посреднических функций и зависимостью участников от доступа к крупным сетям [16].

Следовательно, традиционная финансовая операция может быть представлена как последовательность нескольких взаимосвязанных функций: инициирование операции → передача и проверка информации → авторизация → исполнение → клиринг → окончательный расчет.

Это не означает, что каждая из перечисленных функций обязательно должна выполняться отдельной организацией или системой. В различных инфраструктурах отдельные стадии могут быть объединены. Однако само их функциональное различие остается значимым для анализа.

Развитие финансовых технологий на протяжении последних десятилетий во многом происходило именно в направлении сокращения промежутков между этими стадиями. Распространение систем валовых расчетов в реальном времени (Real-Time Gross Settlement, RTGS), систем быстрых платежей и круглосуточных платежных сервисов существенно ускорило движение средств и приблизило момент платежной операции к моменту окончательного расчета.

В связи с этим можно говорить о продолжительной тенденции к интеграции отдельных функций финансовой операции, которая возникла значительно раньше широкого распространения токенизации. Вместе с тем токенизация создает дополнительные технологические возможности для развития этой тенденции.

При этом электронная запись об активе сама по себе не меняет принципиально природу финансового взаимодействия. Если существующий инструмент лишь переносится из бумажной формы в электронную базу данных, базовая архитектура его обращения может оставаться прежней. Токенизация приобретает более существенное экономическое значение тогда, когда цифровое представление актива становится элементом инфраструктуры, посредством которой осуществляется его передача и исполняются связанные с ним условия [2; 4].

Не просто программируемость, а именно алгоритмитизация является одним из наиболее значимых свойств подобных систем. Она позволяет заранее устанавливать условия осуществления операции и автоматизировать их выполнение [7]. В простейшем случае речь может идти о переводе актива при наступлении заранее установленного события. Более сложные механизмы позволяют синхронизировать несколько взаимозависимых действий, фактически переводя взаимодействие в алгоритмический характер.

Для финансовой инфраструктуры особое значение имеют механизмы, основанные на принципах Delivery versus Payment (DvP) и Payment versus Payment (PvP), когда исполнение одной части операции связано с одновременным исполнением встречного обязательства. Подобная синхронизация снижает риск ситуации, при которой одна сторона исполняет обязательство, а другая – нет.

В традиционной инфраструктуре достижение аналогичного результата обеспечивается деятельностью функциональных посредников: клиринговых организаций, депозитариев и расчетных систем. В алгоритмической токенизированной среде часть соответствующей логики может быть включена непосредственно в правила осуществления транзакции. Иными словами, принципиальным становится не только ускорение расчета, но и изменение способа координации участников.

В традиционной модели исполнение операции в значительной степени обеспечивается последовательным взаимодействием специализированных функциональных посредников. В токенизированной модели отдельные функции этих посредников могут реализовываться посредством алгоритмически заданных правил.

Однако это не означает полного исчезновения посредничества. Напротив, исследования децентрализованных финансов показывают, что изменение технологической архитектуры нередко приводит не к устранению посредников как таковых, а к возникновению новых инфраструктурных участников и изменению распределения их функций [1; 17].

Именно поэтому анализ токенизации исключительно через противопоставление «централизованной» и «децентрализованной» систем представляется недостаточно обоснованным. Для экономического анализа важнее определить, какие агенты участвуют во взаимодействии, какие функции они выполняют и какими правилами устанавливаются отношения между ними. Сравнение централизованных и децентрализованных сетей, конечно, тоже входит в поле зрения, но именно с точки зрения изучения их прикладной эффективности.

В результате токенизированная инфраструктура может иметь как децентрализованную, так и централизованную или гибридную организацию. Токенизация применима не только к публичным криптовалютным сетям, но и к корпоративным платформам, банковским решениям и инфраструктурам регулируемого финансового рынка [2; 4; 18]. Следовательно, блокчейн и децентрализация сами по себе уже не рассматриваются в качестве обязательных признаков исследуемого явления, но сети, построенные на основе децентрализации, в гораздо большей степени реализуют все преимущества алгоритмического взаимодействия.

Для дальнейшего анализа представляется необходимым разграничить технологическое и экономическое понимание сети. В техническом ракурсе сеть представляет собой совокупность связанных между собой устройств или программных узлов, осуществляющих передачу, обработку и хранение информации. Применительно к распределенному реестру соответствующие узлы участвуют в хранении данных, проверке транзакций и достижении согласованного состояния системы.

В экономическом ракурсе гипотетическая сеть определяется не только физическими или информационными связями, но прежде всего отношениями между экономическими агентами. Участники соединяются правилами, интересами, обязательствами и выгодами, возникающими в процессе взаимодействия. Но при этом фактическая экономическая сеть формируется на основе осуществленных, осуществляемых или планируемых транзакций между хозяйствующими субъектами.

Такое различие особенно важно для токенизированных финансовых систем. Блокчейн-сеть может существовать как технологическая инфраструктура, однако наличие распределенного реестра еще не означает формирования самостоятельной экономической сети. Она возникает тогда, когда соответствующая инфраструктура используется множеством экономических агентов для осуществления устойчивых финансовых взаимодействий. Аналогично отдельный токенизированный актив не является сетью, а представляет собой объект отношений внутри нее.

Платформа также не полностью тождественна сети. В экономической теории платформ она зачастую выступает организатором взаимодействия нескольких групп пользователей [13; 14]. Такой подход эффективен для анализа бизнес-модели, однако частично абстрагируется от внутреннего устройства инфраструктуры.

В токенизированных системах внутреннее устройство подобной «платформы» становится еще более заметным. Отдельные функции способны выполнять независимые экономические агенты, взаимодействующие через единые технологические правила. Фактически использование категории сети позволяет применять мезоэкономические подходы, сохраняя макроэкономический взгляд на систему взаимодействия и учитывая внутреннее многообразие выполняющих отдельные функции участников.

Сеть токенизированных финансовых активов (СТФА) – это институционально-технологическая мезосистема взаимодействия гетерогенных экономических агентов, которая за счет технологических и алгоритмических механизмов обеспечивает полный цикл выпуска, обращения, взаимного клиринга и окончательных расчетов в токенизированных финансовых активах. Иными словами, СТФА объединяет различных хозяйствующих субъектов в рамках их взаимодействия в связи с оборотом токенизированных финансовых активов. Это не какой-то отдельно взятый субъект и не глобальная система на уровне государства, а конкретный набор технологических и алгоритмических решений, обеспечивающих их взаимодействие.

В качестве субъектов данной мезосистемы выступает дифференцированная система функциональных групп экономических агентов (регулятор, операторы, финансовые посредники, эмитенты и инвесторы), сгруппированных по их ролям в процессах распределения токенизированной ликвидности. С точки зрения сетевой теории (Network Theory) СТФА представляет со-

бой сетевую структуру разнородных (гетерогенных) узлов, представленных классами участников, которые совершают трансакции и обеспечивают консенсус по единым алгоритмическим правилам. Объектом в СТФА выступают токенизированные финансовые активы (цифровые права, гибридные токены, токенизированные безналичные деньги/депозиты), в отношении которых осуществляются выпуск, обмен и расчеты. Предметом исследования является сама структура связей, алгоритмические и технологические механизмы координации, а также институциональные правила взаимодействия этих агентов по поводу объекта. При этом мезоэкономическая сущность раскрывается в процессах взаимного клиринга, неттинга, трансфера и окончательного урегулирования обязательств внутри самой сети.

С позиции мезоэкономического анализа, СТФА не тождественна изолированной блокчейн-платформе, конкретному программному компоненту или отдельному типу токенизированных активов. Обладая свойствами децентрализованного инфраструктурного контура, СТФА выступает в роли сквозного координационного контура протоколов. Значение имеет не административная или технологическая централизация операций (характерная для классических финансовых платформ или операторов), а кросс-чейн совместимость и институционально-алгоритмическая интероперабельность независимых распределенных реестров. Таким образом, СТФА представляет собой надсистемную экономическую категорию, которая описывает сетевой ландшафт распределения токенизированной ликвидности, связывающий разнородные технологические стадии и автономные блокчейн-сети без необходимости их агрегации в рамках единого юридического или программного центра. Объединяющим признаком СТФА выступает системное сопряжение ее субъектов и объектов, связанных сквозными алгоритмическими правилами.

Различия рассматриваемых в исследовании понятий представлены в таблице.

Предлагаемое разграничение позволяет избежать распространенного смешения экономических и технологических понятий. Например, Ethereum как технологическая сеть не тождественен всей совокупности экономических отношений, возникающих при обращении различных токенизированных активов, приложений и инфраструктурных решений на его основе. Аналогичным образом корпоративная DLT-платформа представляет лишь технологическую основу, если вокруг нее еще не сформировалось устойчивое экономическое взаимодействие участников.

Внутренняя организация СТФА может анализироваться через последовательность функций, необходимых для осуществления финансовой операции. Представляется целесообразным выделить четыре укрупненных функциональных уровня: инициирование и идентификация; авторизация и маршрутизация; исполнение и клиринг; подтверждение и окончательный расчет.

Разграничение категории СТФА и смежных понятий

Категория	Основной объект анализа	Основная функция	Соотношение с СТФА
Токенизированный финансовый актив	Передаваемая ценность рынка денег или капитала, правовой титул на которую зафиксирован в виде токена	Цифровое представление и передача прав	Объект отношений внутри СТФА
Распределенный реестр/блокчейн	Технологическая инфраструктура	Хранение, подтверждение и передача данных	Возможная технологическая основа СТФА
Финансовая платформа	Инфраструктура взаимодействия участников	Организация доступа и операций	Может являться элементом или организационной формой СТФА
Платежная сеть	Плательщики, получатели и инфраструктурные посредники	Передача и обработка платежей	Может входить в функциональную архитектуру СТФА
Расчетная сеть	Финансовые институты и расчетная инфраструктура	Окончательное исполнение обязательств	Может входить в функциональную архитектуру СТФА
Сеть токенизированных финансовых активов	Система экономических агентов и реляций	Выпуск, обращение и расчеты по токенизированным активам	Комплексная экономическая категория

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Данное деление имеет аналитический характер и не предполагает обязательного существования четырех самостоятельных технологических компонентов в каждой конкретной системе. В отдельных архитектурах несколько функций могут выполняться одним участником или алгоритмом.

На уровне инициирования экономический агент выражает намерение совершить операцию. В традиционной инфраструктуре это может осуществляться через банковское приложение, POS-терминал или иной платежный интерфейс; в токенизированной – через цифровой кошелек или мобильное приложение.

Следующий уровень связан с проверкой возможности операции и определением маршрута ее дальнейшего исполнения. Здесь могут осуществляться проверка полномочий, наличие необходимых активов, выбор маршрута транзакции, применение правил контроля.

На уровне исполнения и клиринга производится изменение соответствующих состояний учета, а при необходимости – определение взаимных обязательств участников.

Наконец, последняя группа функций связана с подтверждением результата и достижением окончательности операции. В традиционных системах функции указанных уровней могут распределяться между большим количеством организаций. В СТФА часть из них может быть технологически интегрирована за счет общей алгоритмической среды.

Основное отличие последней модели заключается не в том, что из нее обязательно исчезают все промежуточные участники. Изменяется способ координации выполняемых ими функций. Условия взаимодействия все в большей степени могут определяться не последовательностью организационных процедур, а изначально заложенными в алгоритмы правилами общей инфраструктуры. Именно в этом состоит одна из ключевых особенностей СТФА.

Развитие блокчейн-инфраструктуры показывает, что различные функции финансовых операций необязательно должны выполняться в рамках одной технологической системы. С увеличением числа пользователей и операций получают развитие решения, в которых обработка транзакций и их окончательное подтверждение распределяются между несколькими технологическими уровнями.

Примером является экосистема Ethereum. В основной сети обработка и окончательное подтверждение транзакций осуществляются в рамках единой инфраструктуры. Однако развитие решений второго уровня позволяет обрабатывать значительную часть пользовательских операций отдельно от основной сети, используя ее для проверки и окончательного подтверждения результатов. Таким образом, складываются два направления развития финансовой инфраструктуры: в традиционных платежных системах происходит сближение платежа и окончательного расчета, тогда как в блокчейн-системах для повышения производительности отдельные функции могут распределяться между разными технологическими уровнями.

В традиционной инфраструктуре объединение функций направлено на сокращение времени, числа процедур и издержек взаимодействия между исторически раздельными системами. В блокчейн-среде модульность возникает прежде всего как способ увеличения масштабируемости уже заложенной в алгоритмах архитектуры. При этом различные технологические компоненты продолжают действовать в рамках общего набора протоколов и правил.

Предлагаемая категория СТФА имеет смысл только в том случае, если позволяет выделить свойства, отличающие соответствующие сети от уже существующих форм финансового взаимодействия.

Первой особенностью является алгоритмизация. Отдельные условия финансовой операции могут фиксироваться и автоматически исполняться технологической инфраструктурой [7]. Это позволяет частично переносить механизм координации с организационных процедур на программный уровень.

Второй особенностью выступает технологическая связь объекта операции и инфраструктуры его обращения. В традиционной системе финансовый актив, правила сделки, система передачи информации и расчетная инфраструктура могут существовать относительно обособленно друг от друга. В токенизированной модели цифровое представление актива непосредственно взаимодействует с программной средой, посредством которой осуществляется операция.

Третьей особенностью является возможность более тесной синхронизации исполнения встречных обязательств. Атомарные механизмы позволяют строить операции по принципу «все или ничего», когда взаимосвязанные действия выполняются совместно либо не выполняются вообще. Это потенциально снижает часть рисков, возникающих из-за временного разрыва между отдельными стадиями сделки [5; 7]. Потенциальные преимущества подобной организации особенно значимы для трансграничных операций, традиционно характеризующихся

большей продолжительностью расчетного цикла и участием нескольких финансовых посредников; в этой связи цифровые активы и цифровые валюты все чаще рассматриваются в качестве одного из направлений развития трансграничных расчетов [19].

Четвертая особенность – изменение роли финансового посредничества. Снижение необходимости в отдельных функциях традиционных посредников не означает исчезновения посреднической деятельности. Она может переходить к операторам платформ, разработчикам протоколов, валидаторам, поставщикам кошельков, секвенсорам, провайдерам идентификации и другим инфраструктурным агентам. Таким образом, токенизация меняет не столько сам факт посредничества, сколько его организационную структуру [1; 17; 18].

Пятой особенностью является возможность взаимодействия СТФА с другими финансовыми сетями (интероперабельность). Экономическая эффективность сети зависит не только от числа ее участников, но и от возможностей проведения операций между различными системами. Исследования показывают, что развитие совместимости платежных систем способствует расширению финансового взаимодействия и возникновению положительных сетевых эффектов [20]. Поэтому СТФА следует рассматривать не только как самостоятельные сети, но и как потенциальные элементы общей финансовой инфраструктуры.

В отличие от платежных сетей, основная функция которых заключается в организации перевода денежных средств, СТФА обеспечивают взаимодействие участников непосредственно при выпуске, передаче и обмене токенизированных финансовых активов. При этом условия проведения операций и исполнения связанных обязательств могут определяться алгоритмами, заложенными в технологическую инфраструктуру.

Одним из примеров использования токенизированных инструментов в расчетах являются стейблкойны, стоимость которых обычно привязана к определенной валюте или другому активу. Надежность таких инструментов во многом зависит от механизмов обеспечения и организации их выпуска [22]. При использовании стейблкойнов в трансграничных переводах важную роль играют также стоимость операций, доступность инфраструктуры и удобство ее использования [23].

Вместе с тем развитие СТФА сопровождается определенными ограничениями и рисками. Токенизация сама по себе не устраняет проблемы обеспечения ликвидности, информационной безопасности и правового регулирования финансовых операций. Дополнительное значение приобретают вопросы надежности технологической инфраструктуры, управления сетью и распределения ответственности между участниками [2; 18; 21].

Кроме того, использование распределенных технологий не всегда означает отсутствие централизованного контроля. Если ключевые функции сети сосредоточены у небольшого числа организаций, ее участники могут сохранять зависимость от этих посредников, несмотря на применение децентрализованных технологических решений.

Таким образом, развитие СТФА не предполагает обязательной замены традиционной финансовой инфраструктуры. Более вероятно постепенное формирование смешанной модели, в которой банки, действующие платежные и расчетные системы, а также новые токенизированные сети будут взаимодействовать и конкурировать между собой.

Заключение

Традиционная финансовая инфраструктура развивалась на основе разделения функций между различными участниками и системами, обеспечивающими проведение платежей, обработку информации, клиринг и окончательные расчеты. Развитие систем расчетов в реальном времени и быстрых платежей способствовало более тесной связи этих процессов. Тем самым объединение платежных и расчетных функций началось еще до широкого распространения блокчейн-технологий.

Особенность токенизации состоит в возможности автоматизировать не только передачу финансовых активов, но и выполнение условий связанных с ними операций. Это позволяет организовать взаимодействие участников на основе общих алгоритмов, сокращая необходимость в отдельных промежуточных процедурах.

Для описания такой формы взаимодействия предложена категория «сети токенизированных финансовых активов» (СТФА). В отличие от отдельных токенизированных активов, блокчейн-сетей и цифровых платформ, СТФА рассматриваются прежде всего как экономические сети, объединяющие участников, связанных операциями с токенизированными финансовыми активами. Технологическая инфраструктура обеспечивает проведение этих операций, но сама по себе не определяет содержание экономических отношений между участниками.

При этом отдельные функции СТФА могут выполняться как в рамках единой технологической системы, так и посредством нескольких взаимосвязанных решений. Ос-

новное значение имеет возможность согласованного проведения операций на основе установленных алгоритмов и правил.

Дальнейшее исследование СТФА предполагает изучение состава их участников, механизмов взаимодействия и управления, а также возможностей интеграции таких сетей в национальную и международную финансовую инфраструктуру.

Список литературы

1. Абрамова М. А., Криворучко С. В., Луняков О. В., Фиапшев А. Б. Развитие децентрализованных финансов в сопоставимых показателях финансового сектора экономики // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29. № 2. С. 20–35. URL: https://financetp.fa.ru/jour/article/view/3594 (дата обращения: 11.09.2026). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-20-35.

2. Андрюшин С. А. Токенизация реальных активов: классификация, платформы, приложения, возможности и проблемы развития // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 1. С. 88–104. URL: https://www.rusjel.ru/jour/article/view/2515 (дата обращения: 12.09.2026). DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.88-104.

3. Варнавский А. В., Александров И. О. Новые экономические сети в инфраструктуре финансового рынка // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 6. С. 78–88. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-6-78-88.

4. Agur I., Villegas-Bauer G., Mancini-Griffoli T., Martinez Peria M. S., Tan B. Tokenization and Financial Market Inefficiencies // IMF Fintech Notes. 2025. № 2025/001. 33 p. DOI: 10.5089/9798400298905.063.

5. Priem R. Distributed ledger technology for securities clearing and settlement: benefits, risks, and regulatory implications // Financial Innovation. 2020. Vol. 6. URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s40854-019-0169-6 (дата обращения: 19.09.2026). DOI: 10.1186/s40854-019-0169-6.

6. Wu H., Yao Q., Liu Z., Huang B., Zhuang Y., Tang H., Liu E. Blockchain for finance: A survey // IET Blockchain. 2024. Vol. 4. P. 101–123. URL: https://digital-library.theiet.org/content/journals/10.1049/blc2.12067 (дата обращения: 18.09.2026). DOI: 10.1049/blc2.12067.

7. Lavayssière X., Zhang N. Programmability in Payment and Settlement // IMF Working Papers. 2024. URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2024/177/article-A001-en.xml (дата обращения: 15.09.2026). DOI: 10.5089/9798400286452.001.

8. Варнавский А. В. Токен или криптовалюта: технологическое содержание и экономическая сущность // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 5. С. 122–140. URL: https://financetp.fa.ru/jour/article/view/756 (дата обращения: 12.09.2026). DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-5-122-140.

9. Li Q., Vukovic D. B., Maiti M., Zhang X. A study on the knowledge networks in digital finance through bibliometric alchemy // Journal of Digital Economy. 2025. Vol. 4. P. 199–225. URL: https://wiredspace.wits.ac.za/items/838f2460-e5be-43f4-8d08-c76cddf6fad9 (дата обращения: 17.09.2026). DOI: 10.1016/j.jdec.2025.08.001.

10. Мурадян С. В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 123–151. URL: https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/149 (дата обращения: 12.09.2026). DOI: 10.21202/jdtl.2023.5.

11. Cong L. W., Mayer S. Strategic Digitization in Currency and Payment Competition // NBER Working Paper. 2025. № 33593. URL: https://www.nber.org/papers/w33593 (дата обращения: 15.09.2026). DOI: 10.3386/w33593.

12. Committee on Payment and Settlement Systems, Technical Committee of the International Organization of Securities Commissions. Principles for Financial Market Infrastructures. Basel: Bank for International Settlements, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/cpmi/publ/d101a.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

13. Rochet J.-C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // Journal of the European Economic Association. 2003. Vol. 1. Is. 4. P. 990–1029. DOI: 10.1162/154247603322493212.

14. Armstrong M. Competition in Two-Sided Markets // RAND Journal of Economics. 2006. Vol. 37. Is. 3. P. 668–691. DOI: 10.1111/j.1756-2171.2006.tb00037.x.

15. Cipriani M., Goldberg L. S., La Spada G. Financial Sanctions, SWIFT, and the Architecture of the International Payment System // Journal of Economic Perspectives. 2023. Vol. 37. Is. 1. P. 31–52. URL: https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.37.1.31 (дата обращения: 19.09.2026). DOI: 10.1257/jep.37.1.31.

16. Brandl B., Dieterich L. The exclusive nature of global payments infrastructures: the significance of major banks and the role of tech-driven companies // Review of International Political Economy. 2023. Vol. 30. Is. 2. P. 535–557. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09692290.2021.2016470 (дата обращения: 21.09.2026). DOI: 10.1080/09692290.2021.2016470.

17. Белова М. Т., Ризванова И. А. Влияние децентрализованных финансов на деятельность традиционных финансовых посредников // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 6. С. 143–153. URL: https://financetp.fa.ru/jour/article/view/3317 (дата обращения: 12.09.2026). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-143-153.

18. Proskurovska A., Birch K. Tokenization of Everything? Exploring the Limits of Blockchain Technologies in the Governance of Financial Markets and Assets // Finance and Society. 2026. Vol. 12. Is. 2. P. 220–240. DOI: 10.1017/fas.2025.10026.

19. Печалова М. Ю. Развитие трансграничных платежей с помощью цифровых активов и цифровых валют для достижения целей экономического развития // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 3. С. 69–80. URL: https://etl.fa.ru/jour/article/view/164 (дата обращения: 21.09.2026). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-69-80.

20. Copestake A., Kirti D., Peria M., Zeng Y. Integrating Fragmented Networks: The Value of Interoperability in Money and Payments // IMF Working Papers. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2025/06/27/Integrating-Fragmented-Networks-The-Value-of-Interoperability-in-Money-and-Payments-568008 (дата обращения: 21.09.2026). DOI: 10.5089/9798229013857.001.

21. Tanveer U., Ishaq S., Hoang T. G. Tokenized assets in a decentralized economy: Balancing efficiency, value, and risks // International Journal of Production Economics. 2025. Vol. 282. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0925527325000398 (дата обращения: 19.09.2026). DOI: 10.1016/j.ijpe.2025.109554.

22. Ikeno Y., Angel J., Panigrahi S. Soundness of Stablecoins // Financial Cryptography and Data Security: FC 2022 International Workshops. 2023. Vol. 13412. P. 66–73. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32415-4_5 (дата обращения: 15.09.2026). DOI: 10.1007/978-3-031-32415-4_5.

23. Ante L. From adoption to continuance: Stablecoins in cross-border remittances and the role of digital and financial literacy // Telematics and Informatics. 2025. Vol. 97. Art. 102230. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0736585324001345 (дата обращения: 23.09.2026). DOI: 10.1016/j.tele.2024.102230.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 339.5
DOI 10.17513/fr.44098

CC BY 4.0

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТА И РОЛИ КИТАЯ В СИСТЕМЕ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ АЗИИ

Волгина Н. А. ORCID ID 0000-0002-4160-5992,
Горелов Ю. Е. ORCID ID 0009-0001-0906-8664

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Российская Федерация, e-mail: goreloff.yur@yandex.ru

В статье исследуется изменение места и роли Китая во внутрирегиональной торговле Азии. Цель работы – выявить изменения позиций Китая и структуры его торговли с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, Гонконгом, Японией и Республикой Корея, а также динамику отечественной и иностранной добавленной стоимости в китайском экспорте. Системный и сравнительный подходы и статистический анализ опираются на данные Национального бюро статистики Китая, базы данных Организации Объединённых Наций по торговле товарами и базы данных Организации экономического сотрудничества и развития по торговле добавленной стоимостью. Политика «рынок в обмен на технологии» и создание совместных предприятий сыграли важную роль в интеграции Китая в мировую экономику. Сотрудничество с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и реализация Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства создали дополнительные условия для расширения внутрирегиональной торговли. Анализ за 1998–2024 годы показал, что доля Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в товарообороте Китая с Азией выросла, доли Японии и Гонконга снизились, а Республика Корея сохранила значительную роль. Доля машин и электрооборудования в экспорте Китая выросла по всем четырём направлениям. Доля отечественной добавленной стоимости в валовом экспорте Китая увеличилась с 74,7% в 2004 году до 83,0% в 2022 году, но осталась ниже уровня 1998 года. В 1998–2022 годах вклад Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в иностранную добавленную стоимость китайского экспорта вырос, а относительные вклады Японии, Гонконга и Республики Корея сократились. Сделан вывод, что Китай укрепил торговые связи с Юго-Восточной Азией, сохранив значительный обмен с промышленными экономиками Восточной Азии.

Ключевые слова: Китай, внутрирегиональная торговля, машины и электрооборудование, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, трансформация торговой структуры, торговля добавленной стоимостью

TRANSFORMATION OF CHINA'S POSITION AND ROLE IN ASIA'S INTRAREGIONAL TRADE SYSTEM

Volgina N. A. ORCID ID 0000-0002-4160-5992,
Gorelov Yu. E. ORCID ID 0009-0001-0906-8664

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Patrice Lumumba Russian University of Friendship of Peoples", Moscow, Russian Federation, e-mail: goreloff.yur@yandex.ru

The article examines China's changing position and role in Asia's intraregional trade. It aims to identify shifts in China's position and trade structure with the Association of Southeast Asian Nations, Hong Kong, Japan and the Republic of Korea, and in domestic and foreign value added in Chinese exports. Systemic and comparative approaches and statistical analysis draw on data from the National Bureau of Statistics of China, the United Nations Comtrade Database and the Organisation for Economic Co-operation and Development's Trade in Value Added database. The "market in exchange for technology" policy and the creation of joint ventures played an important role in China's integration into the world economy. Cooperation with the Association of Southeast Asian Nations and implementation of the Regional Comprehensive Economic Partnership created additional conditions for expanding intraregional trade. Analysis for 1998–2024 showed that the Association of Southeast Asian Nations' share of China's trade with Asia rose, those of Japan and Hong Kong fell, and the Republic of Korea remained important. Machinery and electrical equipment gained share in China's exports to all four partners. China's domestic value added share in gross exports rose from 74.7% in 2004 to 83.0% in 2022, but remained below its 1998 level. In 1998–2022, the Association of Southeast Asian Nations' contribution to foreign value added in Chinese exports grew, while the relative contributions of Japan, Hong Kong and the Republic of Korea declined. The article concludes that China strengthened trade ties with Southeast Asia while maintaining substantial trade with East Asia's industrial economies.

Keywords: China, intraregional trade, Association of Southeast Asian Nations, transformation of trade structure, machinery and electrical equipment, trade in value added

Введение

Сегодня Китай занимает лидирующую позицию во многих отраслях производства и является основным экспортером товаров в мире. В 2025 г. экспорт товаров и услуг Китая достиг 4,1 трлн долл. Положительное сальдо торговли товарами и услугами, рассчитанное по данным платёжного баланса,

составило 822,4 млрд долл. – на 48,4% больше, чем в 2024 г.[1] Для азиатской производственной сети эта страна занимает лидирующие позиции во взаимной и региональной торговле. Однако до 2000 года у Китайской Народной Республики (КНР) не было настолько уверенной позиции лидера. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью рассмотреть трансформацию Китая в системе внутрирегиональной торговли Азии.

Для оценки этой трансформации необходимо разграничивать масштабы торговли и функции страны в международном производстве. В. Б. Кондратьев рассматривает цепочки стоимости как форму транснационализации промышленности и подчеркивает, что само включение в них не гарантирует долгосрочных выгод: значение имеет развитие производственных и технологических компетенций [1; 2]. Применительно к Китаю Н. А. Волгина и Лю Пэнфэй исследуют участие и положение страны в цепочках с использованием показателей добавленной стоимости [3]. Следовательно, увеличение китайского экспорта требует сопоставления с изменением его товарного состава и доли стоимости, создаваемой внутри страны.

Региональный аспект этой проблемы раскрывается в работах С. В. Ноздрева об экономической интеграции Азии и возможностях расширения внутрирегиональной торговли. В исследовании цепочек стоимости автор выделяет их двойственную роль: они стимулируют производственные связи, но могут закреплять специализацию, задаваемую транснациональными компаниями [4; 5]. Это ставит вопрос о том, сопровождается ли усиление торговых связей Китая с соседними экономиками изменением его производственных функций. В настоящей статье данный вопрос рассматривается посредством сопоставления торговли с четырьмя партнерами – странами Юго-Восточной Азии, Гонконгом, Японией и Южной Кореей – и происхождения добавленной стоимости китайского экспорта. Такое сопоставление позволяет уточнить, за счет каких связей и структурных сдвигов меняется положение Китая в региональной производственной сети.

Цель настоящего исследования заключается в определении факторов трансформации места Китая в азиатской внутрирегиональной торговле и выявлении качественных сдвигов в его роли в торговле с ключевыми азиатскими странами-партнерами.

[1] State Administration of Foreign Exchange. The time-series data of Balance of Payments of China [Электронный ресурс]. URL: https://www.safe.gov.cn/en/2019/0329/1496.html (дата обращения: 30.09.2026).

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют системный и сравнительный подходы, а также статистический анализ. Теоретической базой послужили работы российских и зарубежных авторов по проблемам региональной интеграции и международной торговли, а также законодательные акты КНР, декларации, договоры, уставы и другие документы региональных объединений. Эмпирической основой исследования послужили официальные данные Национального бюро статистики КНР (НБС КНР), Государственного управления валютного контроля КНР, базы данных торговой статистики Организации Объединенных Наций (ООН) по торговле товарами и базы данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по торговле добавленной стоимостью.

Географические доли на рисунке рассчитываются по годовому ряду НБС КНР за 1998–2024 гг. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) во всех расчетах имеет постоянный состав: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Ретроспективный агрегат включает Камбоджу и за 1998 г., до ее вступления в АСЕАН. Тимор-Лешти в этот состав не включается.

Для таблиц 1 и 2 использованы данные торговой статистики ООН по торговле товарами: годовая торговля товарами (type=C, freq=A), репортер – Китай (reporterCode=156), потоки – экспорт X и импорт M, годы – 1998 и 2024. Коды партнеров АСЕАН: 96, 704, 360, 116, 418, 458, 104, 702, 764, 608; Гонконг – 344; Япония – 392; Республика Корея (Южная Корея) – 410. Дополнительные параметры: partner2Code=0, customsCode=C00, motCode=0. Для общих потоков используется cmdCode=TOTAL, для товарной структуры – cmdCode=AG2, clCode=HS (Гармонизированная система описания и кодирования товаров). Исходные значения выражены в текущих долларах США. В 1998 г. данные представлены в HS 1996 (H1), в 2024 г. – в HS 2022 (H6); сопоставление проводится на уровне двузначных глав с учетом ограничений, связанных с пересмотрами номенклатуры. В таблице 2 применена авторская группировка глав HS, а не классификация по широким экономическим категориям (BEC). «Машины и электрооборудование» – 84–85; «Материалы и изделия из них» – 39–40, 46–48, 50–56, 58–60, 68–70, 72–76, 78–83; «Пищевые продукты и прочие готовые изделия» – 16–22, 24, 42–43, 49, 57, 61–67, 91–92, 94–96; «Химическая продукция и приборы» – 28–38,

90; «Агропродукция, топливо и первичные материалы» – 01–15, 23, 25–27, 41, 44–45. «Другие товары» включают транспортные средства и оборудование (86–89), драгоценные камни и металлы – 71, оружие – 93, произведения искусства и антиквариат – 97, нераспределенные товары – 99.

Добавленная стоимость анализируется по базе торговли добавленной стоимостью ОЭСР, выпуск 2025 г. с обновлением января 2026 г., для всей экономики Китая (CHN, activity=_T). Показатели EXGR_DVA и EXGR_FVA выражают отечественную и иностранную добавленную стоимость в процентах от валового экспорта товаров и услуг. EXGR_FVA_PSH показывает вклад конкретной экономики происхождения также относительно всего валового экспорта Китая. Доля партнера внутри FVA рассчитывается дополнительно делением EXGR_FVA_PSH на EXGR_FVA и умножением на 100.

Результаты исследования и их обсуждение

Интеграция КНР в мировую торгово-экономическую систему сопровождалась привлечением инвестиций с 1980-х годов. За непосредственную точку отсчета стоит принимать 1978 год, когда к власти пришел Дэн Сяопин и страна встала на путь рыночной экономики, что привело к притоку иностранных инвестиций на китайский рынок со значительным производственным потенциалом. В июле 1979 года был принят первый закон о совместных предприятиях с китайскими и иностранными инвестициями [6]. Этот закон способствовал привлечению и ассимиляции иностранных технологий и капитала, особенно из развитых стран, таких как Соединенные Штаты Америки (США), а также упростил процедуры экспорта для Китая и, таким образом, способствовал быстрому экономическому росту страны.

Здесь сразу стоит отметить, что КНР удалось провести либерализацию экономики и интеграцию в международные производственные сети, что впоследствии способствовало развитию внутреннего рынка. Ключевую роль здесь сыграла политика «рынок в обмен на технологии» [7], где зарубежным транснациональным компаниям разрешалось вести деятельность на территории страны, но с условиями создания совместных предприятий с китайскими компаниями.

Говоря об институциональной основе процессов азиатской интеграции, стоит отметить два взаимодополняющих институциональных механизма, влияющих на динамику внутрирегиональной торговли: АСЕАН и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). АСЕАН выступает институциональным ядром региональной интеграции. В рамках Соглашения о свободной торговле товарами между государствами-членами АСЕАН внутрирегиональные импортные пошлины были устранены для 99,65% тарифных позиций в Брунее, Индонезии, Малайзии, Филиппинах, Сингапуре и Таиланде. Камбоджа, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Мьянма и Вьетнам снизили импортные пошлины до 0–5% для 98,86% тарифных позиций. В настоящее время основное внимание уделяется минимизации нетарифных мер, способных создавать барьеры для торговли и предпринимательской деятельности в регионе[2].

Статус полноправного партнера по диалогу Китай получил в 1996 г., а в 1997 г. на первой встрече руководителей «10+1» был официально запущен механизм «АСЕАН+1» и установлены партнерские отношения [8]. На сентябрь 2026 протокол о модернизации зоны свободной торговли «Китай–АСЕАН 3.0», подписанный в октябре 2025 года, охватывает девять областей, включая цифровую экономику, «зеленую» экономику, интеграцию цепочек поставок, таможенные процедуры и упрощение торговли. Данный протокол проходит процедуры одобрения на национальном уровне и пока не вступил в силу[3].

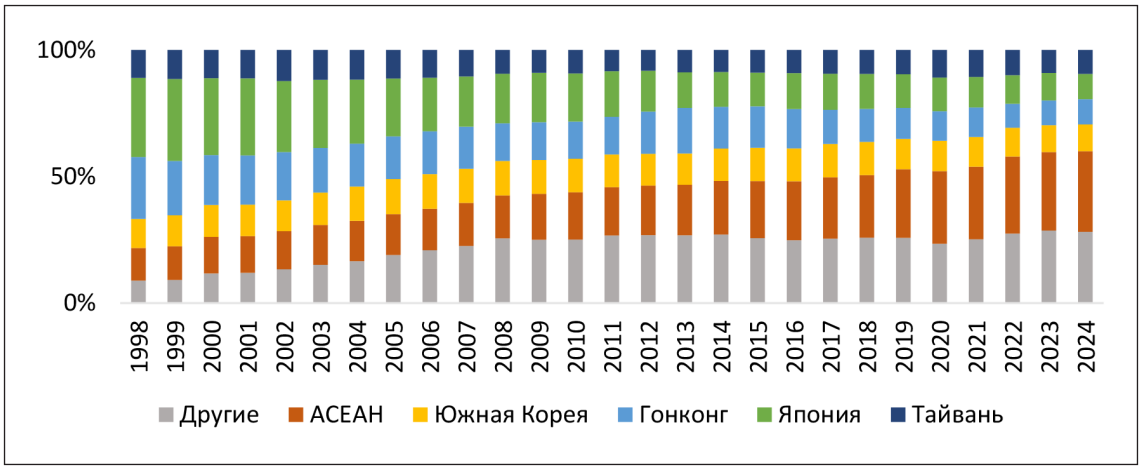
В рамках торговых отношений с 2009 года Китай сохраняет за собой позицию крупнейшего торгового партнера АСЕАН, а с 2020 года АСЕАН является крупнейшим торговым партнером Китая[4]. Объем двусторонней торговли товарами между АСЕАН и Китаем в 2025 году впервые превысил 1 трлн долларов и составил 1,05 трлн долларов суммарно[5].

[2] ASEAN Trade in Goods Agreement (ATIGA) [Электронный ресурс] / Association of Southeast Asian Nations. 2025. 23 сент. URL: https://investasean.asean.org/asean-framework/atiga/ (дата обращения: 30.08.2026).

[3] Китай и АСЕАН подписали Протокол об обновлении зоны свободной торговли до версии 3.0 [Электронный ресурс] // Russian.News.Cn. 2025. 29 окт. URL: https://russian.news.cn/20251029/98b7e32ea1c6489ba03a10d6d0ae03d4/c.html (дата обращения: 15.09.2026).

[4] Joint Statement on Further Enhancing Trade and Economic Cooperation at the 30th Anniversary of ASEAN-China Dialogue Relations [Электронный ресурс] // ASEAN. 2021. 13 сент. URL: https://asean.org/joint-statement-on-further-enhancing-trade-and-economic-cooperation-at-the-30th-anniversary-of-asean-china-dialogue-relations/ (дата обращения: 30.09.2026).

[5] China-ASEAN trade exceeds 1 trillion USD for first time in 2025 [Электронный ресурс] // Xinhua. 2026. 1 Sept. URL: https://english.news.cn/20260901/fdcebd20017548e7b7aa77abb432bf92/c.html (дата обращения: 01.09.2026).

Динамика географической структуры товарооборота Китая со странами Азии в 1998–2024 гг., %
Примечание: составлено авторами по данным Национального бюро статистики Китая: National Data: Total Value of Imports and Exports by Country (Region), 1998–2024 [Электронный ресурс] / National Bureau of Statistics of China. Параметры выборки: годовые данные; показатель – общая стоимость экспорта и импорта Китая по странам (регионам); период – 1998–2024 гг.; единица измерения – 10 тыс. долл. США (USD 10,000). URL: https://data.stats.gov.cn/dg/website/page.html#/pc/national/en/yearData (дата обращения: 04.09.2026)
К «Другим» относятся страны Южной, Западной и Центральной Азии, включая Индию

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из Китая в страны АСЕАН в 2024 году составили 19,3 млрд долларов США, что позволило Китаю занять третье место среди партнеров по диалогу АСЕАН по объему ПИИ в 2024 году[6].

ВРЭП, вступившее в силу в 2022 году, объединило 15 стран в крупнейшую зону свободной торговли, охватывающую треть мирового населения и валового внутреннего продукта (ВВП) [9]. Его ключевые механизмы – поэтапная тарифная либерализация на более чем 90% товаров, унифицированные правила происхождения и упрощение таможенных процедур – создали правовую основу для беспрепятственного движения товаров и инвестиций в масштабах всей Азиатско-Тихоокеанской сети [10]. Для Китая действие ВРЭП, благодаря описанным выше мерам, приводит к росту торговли и инвестиций со странами, с которыми у КНР ранее не было соглашения о свободной торговле, например с Японией [11]. Кроме того, ВРЭП способствует углублению либерализации торговли, в частности с отдельными странами АСЕАН.

Институциональные изменения следует учитывать вместе с производственной взаимодополняемостью участников. А. П. Портанский, анализируя мегарегиональные соглашения, обращает внимание как на мотивы сближения стран, так и на противоречия между ними [12]. Для настоящего исследования это означает, что наличие соглашения само по себе не объясняет направление и интенсивность торговых сдвигов. В частности, ВРЭП действует лишь с 2022 г., поэтому изменения за весь период 1998–2024 гг. нельзя приписывать его реализации. Далее рассматривается долгосрочная перестройка торговли, институциональные предпосылки которой формировались на разных этапах.

На рисунке представлена динамика географической структуры товарооборота КНР со странами Азии в 1998–2024 гг. График составлен на основе данных Национального бюро статистики Китая о совокупном объеме импорта и экспорта КНР со странами азиатского макрорегиона, где знаменатель каждой доли – это сумма экспорта и импорта Китая по официальному региональному агрегату «Азия» НБС КНР.

Из рисунка следует, что на фоне экономического подъема Китая и углубления региональной интеграции произошло существенное перераспределение долей его торговых партнеров в Азии. Доля Японии в китайском внешнеторговом обороте с Азией сократилась с 31,2% в 1998 г. до 10,0% в 2024 г., доля Гонконга – с 24,5% до 10,0% соответственно, а доля Южной Кореи изменилась менее значительно – с 11,5 до 10,6%. При этом удельный вес стран АСЕАН и прочих азиатских экономик увеличился на сопоставимую величину.

[6] ASEAN-China Economic Relations [Электронный ресурс] // Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/asean-china-economic-relation/ (дата обращения: 20.09.2026).

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста экспорта и импорта Китая в торговле с АСЕАН, Гонконгом, Японией и Южной Кореей в 1998–2024 гг., %

CAGR, %	АСЕАН	Гонконг	Япония	Южная Корея
Экспорт	16,46	8,06	6,49	12,89
Импорт	14,17	4,01	6,80	10,06

Примечание: рассчитано авторами по данным ООН; номинальная стоимость в долл. США: UN Comtrade Database: общая стоимость экспорта и импорта товаров Китая в торговле с АСЕАН, Гонконгом, Японией и Республикой Корея, 1998 и 2024 гг. [Электронный ресурс] / United Nations. Параметры выборки: годовые данные о товарах (typeCode=C, freqCode=A); репортер – Китай (reporterCode=156); годы – 1998, 2024; потоки – экспорт и импорт (flowCode=X, M); товарный код – TOTAL (cmdCode=TOTAL); партнеры – 96, 704, 360, 116, 418, 458, 104, 702, 764, 608, 344, 392, 410; классификация – HS в редакции, представленной страной-репортером. – URL: https://comtradeplus.un.org/TradeFlow (дата обращения: 04.09.2026).

Данная динамика отражает смещение производственной кооперации Китая в сторону Юго-Восточной Азии и снижение относительной зависимости от традиционных северо-восточных партнеров, которые подробнее будут рассмотрены далее.

Данные Главного таможенного управления Китая, приведенные Statista в публикации от 2 февраля 2026 года, показывают, что положительное сальдо торгового баланса Китая со странами АСЕАН действительно быстро растет и к 2025 году практически сравнялось с положительным сальдо торгового баланса Китая с США, которое сокращается. В свою очередь положительное сальдо торгового баланса Китая со странами АСЕАН достигло 276 млрд долларов, что более чем вдвое превышает показатель 2023 года[7].

Для детального сопоставления выбраны АСЕАН, Гонконг, Япония и Южная Корея. В 2024 г. на эти четыре направления приходилось 62,4% товарооборота Китая с Азией. АСЕАН представляет усиливающееся направление региональных связей и интеграционное объединение; Гонконг – отдельную таможенную территорию с особенностями учета посреднических потоков; Япония и Республика Корея – крупные промышленные экономики Восточной Азии. Такой состав позволяет сопоставить юго-восточное и восточноазиатское направления торговли и выявить различия в товарной структуре и происхождении добавленной стоимости китайского экспорта.

На основе данных ООН по торговле товарами рассчитывается среднегодовой темп прироста (CAGR) номинальной стоимости торговых потоков по формуле:

$$CAGR = \left[\left(\frac{V_T}{V_0} \right)^{1/n} - 1 \right] \times 100\%, \qquad (1)$$

где V_0 и V_t – значения показателя в начальном и конечном годах; n – число годовых интервалов (26 для периода 1998–2024 гг.). Результаты расчета CAGR экспорта и импорта КНР в торговле с АСЕАН, Гонконгом, Японией и Южной Кореей представлены в таблице 1.

Сдвиг в пользу АСЕАН согласуется с выводом С. В. Ноздрева о диверсификации азиатских производственных и логистических центров в условиях новой международной конкуренции [13]. Однако усиление соседних экономик не обязательно означает вытеснение Китая из производственных сетей. Более быстрый рост взаимной торговли совместим и с перераспределением стадий производства между партнерами. Различить эти процессы позволяют товарная структура потоков и данные об источниках добавленной стоимости, рассматриваемые ниже.

Столь значительный разрыв в темпах роста подтверждает перестройку азиатской производственной сети: торговля Китая со странами АСЕАН растет более динамично, что свидетельствует о превращении Юго-Восточной Азии в ключевого партнера КНР. Республика Корея занимает второе место среди рассматриваемых направлений: 12,89% и 10,06% соответственно. Напротив, низкие темпы роста торговли с Гонконгом могут отражать утрату его транзитно-посреднической роли на фоне развития прямых торговых связей Китая с другими странами региона.

[7] Buchholz K. China's Trade Surplus With ASEAN Now on Par With U.S. [Электронный ресурс] // Statista. 02.02.2026. URL: https://www.statista.com/chart/34479/chinese-trade-surplus/ (дата обращения: 14.07.2026).

Таблица 2

Товарная структура экспорта и импорта Китая в торговле с АСЕАН, Гонконгом, Японией и Южной Кореей в 2024 г. и ее изменение относительно 1998 г., % и процентные пункты

Товар	АСЕАН			
	Экспорт, %	Изменение, п. п.	Импорт, %	Изменение, п. п.
Машины и электрооборудование	38,5	+4,8	39,7	+4,7
Материалы и изделия из них	25,3	+3,8	16,9	−8,2
Пищевые продукты и прочие готовые изделия	13,4	+0,5	4,0	+3,0
Химическая продукция и приборы	7,4	−1,5	6,6	+1,3
Агропродукция, топливо и первичные материалы	6,1	−10,2	30,6	−2,0
Другие товары	9,3	+2,6	2,2	+1,1
	Гонконг			
Машины и электрооборудование	67,3	+46,1	2,6	−35,8
Материалы и изделия из них	3,9	−18,5	2,7	−32,1
Пищевые продукты и прочие готовые изделия	4,5	−33,8	5,0	−8,3
Химическая продукция и приборы	2,4	−2,6	5,3	−4,1
Агропродукция, топливо и первичные материалы	5,8	−1,1	1,9	−0,5
Другие товары	16,1	+10,0	82,6	+80,7
	Япония			
Машины и электрооборудование	41,1	+20,9	48,8	+1,0
Материалы и изделия из них	13,2	+1,8	18,6	−13,8
Пищевые продукты и прочие готовые изделия	22,8	−20,3	1,6	−2,5
Химическая продукция и приборы	9,0	+2,0	20,4	+9,3
Агропродукция, топливо и первичные материалы	7,3	−9,8	0,9	−0,9
Другие товары	6,6	+5,3	9,7	+6,9
	Южная Корея			
Машины и электрооборудование	42,4	+24,5	68,8	+46,9
Материалы и изделия из них	19,8	−7,2	12,5	−41,0
Пищевые продукты и прочие готовые изделия	14,0	−0,2	1,2	−1,2
Химическая продукция и приборы	12,1	+4,3	13,8	+4,7
Агропродукция, топливо и первичные материалы	4,5	−21,9	2,8	−9,9
Другие товары	7,2	+0,6	0,9	+0,4

Примечание: рассчитано авторами по данным ООН по торговле товарами. Сумма отображаемых долей может отличаться от 100% на 0,1 п. п. вследствие округления: UN Comtrade Database: товарная структура экспорта и импорта Китая в торговле с АСЕАН, Гонконгом, Японией и Республикой Корея, 1998 и 2024 гг. [Электронный ресурс] / United Nations. Параметры выборки: годовые данные о товарах (typeCode=C, freqCode=A); репортер – Китай (reporterCode=156); годы – 1998, 2024; потоки – экспорт и импорт (flowCode=X, M); товарные позиции – двузначные главы Гармонизированной системы (cmdCode=AG2); партнеры – 96, 704, 360, 116, 418, 458, 104, 702, 764, 608, 344, 392, 410; классификация – HS в редакции, представленной страной-репортером.ь URL: https://comtradeplus.un.org/TradeFlow (дата обращения: 04.09.2026).

Япония занимает промежуточное положение: импорт из нее растет несколько быстрее экспорта и опережает только Гонконг, что может указывать на сохраняющуюся зависимость Китая от поставок высокотехнологичных компонентов и оборудования, однако по CAGR экспорта Япония занимает последнее место, к тому же ее относительная значимость в китайской торговле снижается. Для более детального анализа посмотрим данные в таблице 2 с разбивкой экспорта и импорта по товарным группам.

Структура экспорта Китая в страны АСЕАН за 26-летний период демонстриру-

ет устойчивую индустриальную направленность китайских поставок. Лидирующие позиции занимают машины и электрооборудование и категория материалов и изделий из них. Напротив, доля агропродукции, топлива и первичных материалов в китайском экспорте снизилась на 10,2 процентного пункта и составила 6,1%, что подтверждает постепенный переход Китая от ресурсной специализации к экспорту продукции более высоких переделов. Одновременно доля пищевых продуктов и прочих готовых изделий оставалась сравнительно низкой, что указывает на то, что Китай поставляет в АСЕАН не столько готовые изделия для конечного потребления, сколько производственные ресурсы для дальнейшей переработки и сборки.

Структура импорта КНР из стран АСЕАН имеет аналогичную промышленную направленность с точки зрения доли машин и электрооборудования в размере почти 40%. Однако доля материалов и изделий из них в импорте, напротив, сократилась с 25,1% в 1998 г. до 16,9% в 2024 г., что отражает процесс замещения импортных полуфабрикатов собственной продукцией. Вторая по значимости категория в импорте из АСЕАН – агропродукция, топливо и первичные материалы, которая занимает почти треть, что говорит о зависимости Китая от поставок энергоресурсов, минерального сырья и сельскохозяйственной продукции из стран Юго-Восточной Азии.

Анализ товарной структуры экспорта Китая в Гонконг за 26-летний период выявляет радикальную трансформацию в сторону повышения технологической сложности поставок. Доля машин и электрооборудования выросла с 21,3% в 1998 г. до 67,3% в 2024 г., что свидетельствует о том, что через Гонконг Китай все активнее экспортирует продукцию машиностроения, электроники и высокотехнологичного оборудования. Одновременно резко сократилась доля пищевых продуктов и прочих готовых изделий – с 38,3% до 4,5%, а материалов и изделий из них – с 22,4% до 3,9%, что отражает смещение экспорта от трудоемких и низкотехнологичных товаров к наукоемкой продукции. Это подтверждает общий тренд технологического обновления китайского экспорта, причем Гонконг сохраняет роль важного транзитного канала для такой продукции, хотя его доля в совокупном китайском экспорте сокращается.

Структура импорта Китая из Гонконга демонстрирует еще более кардинальные изменения. На протяжении 1998–2024 гг. доля машин и электрооборудования упала с 38,4% до 2,6%, а материалов и изделий из них – с 34,8% до 2,7%, что указывает на утрату Гонконгом промышленно-посреднической функции: китайские предприятия все реже импортируют через Гонконг комплектующие и оборудование, предпочитая прямые поставки или собственное производство. Одновременно с этим категория «Другие товары», куда могут входить драгоценные металлы, камни, предметы искусства, антиквариат, выросла с 1,9% в 1998 г. до 82,6% в 2024 г., что означает, что современный импорт Китая из Гонконга почти полностью состоит из таких товаров. Кроме того, согласно данным Обсерватории экономической сложности, 47,6% китайского импорта из Гонконга приходится на категорию «Драгоценные камни, металлы и жемчуг»[8], которая на двузначном уровне Гармонизированной системы соответствует коду 71, что непосредственно указывает на эволюцию функциональной роли Гонконга в сторону финансового центра, специализирующегося на операциях с высокостоимостными активами.

Анализ структуры экспорта Китая в Японию выявляет устойчивый тренд в сторону повышения технологической сложности. Доля машин и электрооборудования в китайском экспорте выросла с 20,2% в 1998 г. до 41,1% в 2024 г., что свидетельствует о превращении Китая в значимого поставщика машин, электроники и промышленного оборудования для японского рынка. Одновременно доля пищевых продуктов и прочих готовых изделий снизилась с 43,1% до 22,8%, отражая постепенный отход от экспорта трудоемкой продукции в пользу товаров более высоких переделов. Доли материалов и изделий из них и химической продукции и приборов оставались стабильными на протяжении всего периода, что указывает на сохранение определенного уровня производственной кооперации, однако без существенного расширения. Сырьевая составляющая в экспорте Китая сократилась с 17,0% до 7,3%, что подтверждает общий тренд снижения зависимости от экспорта ресурсов.

Структура импорта Китая из Японии на протяжении 1998–2024 гг. демонстрирует высокую стабильность и технологическую направленность. Доля машин и электрооборудования сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода на уровне 45–51%, что указывает на устойчивую зависимость Китая от поставок японских стан-

[8] China (CHN) imports from Hong Kong (HKG): product composition, 2024 (HS92, HS2) [Электронный ресурс] // The Observatory of Economic Complexity (OEC). – URL: https://oec.world/en/visualize/treemap?dataset=hs92&show=product&flow=import&country=chn&partner=hkg&time=2024 (дата обращения: 20.09.2026).

ков, промышленных роботов, электронных компонентов и точного оборудования. Доля химической продукции и приборов выросла с 11,1% до 20,4%, что свидетельствует об углублении кооперации в высокотехнологичных секторах. В то же время доля материалов и изделий из них сократилась с 32,4% до 18,6%, что отражает постепенное замещение импорта базовых полуфабрикатов за счет развития собственного производства в Китае. Доля пищевых продуктов и прочих готовых изделий, а также сырья остается минимальной, тем самым подтверждая, что торговля между Китаем и Японией носит преимущественно промышленно-кооперационный, а не потребительский или ресурсный характер.

В экспорте Китая в Республику Корея заметно выросла доля машин и электрооборудования: с 17,9% в 1998 г. до 42,4% в 2024 г. Доля химической продукции и приборов также увеличилась – с 7,8 до 12,1%. В то же время агропродукция, топливо и первичные материалы стали занимать гораздо меньшее место в структуре экспорта: их доля снизилась с 26,3 до 4,5%. Доля материалов и изделий из них сократилась с 27,1 до 19,8%. Таким образом, корейское направление отражает общий для рассматриваемых партнеров сдвиг в товарном составе китайского экспорта в пользу машин и электрооборудования.

Еще заметнее изменилась структура импорта Китая из Республики Корея. Доля машин и электрооборудования выросла с 21,9% до 68,8% и в 2024 г. была выше, чем в импорте из остальных рассматриваемых партнеров. Напротив, доля материалов и изделий из них снизилась с 53,5% до 12,5%, а агропродукции, топлива и первичных материалов – с 12,6 до 2,8%. Доля химической продукции и приборов увеличилась с 9,1% до 13,8%. Эти изменения показывают, что структура торговли с Южной Кореей аналогична паре Китай – Япония, где торговые отношения носят высокотехнологичный характер.

Выявленное сочетание роста поставок машин и электрооборудования и сохранения импорта сложной промежуточной продукции позволяет конкретизировать тезис В. Б. Кондратьева о значении производственных компетенций. Повышение роли Китая в регионе не предполагает одинаковой самостоятельности во всех звеньях производства. Сходную неоднородность показывает О. А. Клочко на примере автомобильной промышленности: замещение продукции низкого и среднего технологического уровня сопровождается изменением состава внешних связей и расширением круга поставщиков [14]. Наши результаты согласуются с такой интерпретацией.

Подводя итоги анализа структуры торговли Китая с четырьмя основными партнерами по Азиатской производственной сети, стоит выделить важные черты:

• экспорт Китая последовательно смещается в сторону повышения технологической сложности;

• сырьевая составляющая в экспорте Китая снижается.

Китай успешно диверсифицирует свои внешнеторговые связи, сокращая зависимость от традиционных северо-восточных партнеров, в частности Японии и Гонконга, и углубляя производственную кооперацию с быстрорастущими экономиками Юго-Восточной Азии.

Рассмотренные валовые потоки характеризуют географию и товарный состав торговли, но не показывают, в какой стране создается стоимость экспортируемой продукции. А. А. Гнидченко при исследовании производственных связей России с внешними партнерами разграничивает поставки промежуточной продукции и распределение добавленной стоимости, используя межстрановой межотраслевой баланс [15]. Для анализа Китая значим именно этот методологический принцип: страна непосредственной поставки не обязательно совпадает со страной происхождения стоимости. Поэтому далее товарная статистика сопоставляется с показателями отечественной и иностранной добавленной стоимости в китайском экспорте.

По данным ОЭСР, для Китая доля отечественной добавленной стоимости в валовом экспорте товаров и услуг снизилась с 85,5% в 1998 г. до 74,7% в 2004 г., а затем выросла до 83,0% к 2022 г. Соответствующая доля иностранной добавленной стоимости увеличилась с 14,5% до 25,3% в 2004 г. и снизилась до 17,0% к 2022 г. Эта динамика согласуется с выделением двух фаз экспортного развития Китая: увеличением относительного вклада иностранных поставщиков до середины 2000-х годов и последующим повышением доли стоимости, создаваемой внутри страны[9]. Для оценки регионального аспекта этой трансформации далее рассматривается вклад отдельных азиатских партнеров.

Такую динамику важно сопоставить с выводом Ван Шэнмина, который связывает снижение участия Китая в глобальных цепочках стоимости с ростом добавленной

[9] Trade in Value Added (TiVA) 2025 edition: Principal Indicators, shares [Электронный ресурс] / OECD. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://data-explorer.oecd.org (дата обращения: 10.09.2026).

стоимости в экспортных отраслях и уменьшением роли зарубежных компаний [16]. Полученные в настоящем исследовании показатели позволяют уточнить интерпретацию: сокращение доли иностранной стоимости в 2004–2022 гг. характеризует снижение зависимости экспорта от внешнего вклада, но не доказывает ослабления Китая как поставщика для других экономик.

За период 1998–2022 гг. доля добавленной стоимости японского происхождения в валовом экспорте Китая сократилась с 3,00% до 1,19%, Южной Кореи – с 1,65% до 1,25%, а Гонконга – с 0,44% до 0,07%, что свидетельствует о практически полной утрате Гонконгом роли поставщика добавленной стоимости для китайского экспорта и значительном снижении зависимости Китая от японских компонентов. Напротив, доля АСЕАН выросла с 1,01% до 2,14%, то есть более чем в 2 раза. При расчете относительно иностранной добавленной стоимости доля АСЕАН увеличилась с 6,98% до 12,59%. Наблюдается устойчивый сдвиг в структуре иностранной добавленной стоимости в китайском экспорте: от традиционных северо-восточных партнеров в сторону Юго-Восточной Азии, что подтверждает роль Китая в качестве системообразующего центра региональной торговли и его переориентацию на интеграцию с АСЕАН.

Таким образом, снижение доли иностранной добавленной стоимости в 2004–2022 гг. сочетается с увеличением относительного вклада АСЕАН. Это дополняет вывод С. В. Ноздрева об усилении мегарегиональных цепочек стоимости: в китайском экспорте меняется не только соотношение внутреннего и внешнего вклада, но и география последнего. В сочетании с отмеченной авторами диверсификацией производственных центров результаты указывают на перспективу дальнейшего углубления связей Китая с Юго-Восточной Азией.

Заключение

Реализация в КНР политики «рынок в обмен на технологии» и последующее углубление внутрирегиональной интеграции, в том числе посредством развития сотрудничества с АСЕАН и реализации ВРЭП, сопровождались трансформацией места и роли Китая во внутрирегиональной торговле Азии, одним из проявлений которой стало повышение капиталоемкости и технологической сложности торгуемой продукции.

Сравнительный анализ структуры торговли Китая с четырьмя ключевыми партнерами выявляет различия в характере их торговых связей. В торговле с АСЕАН Китай преимущественно выступает поставщиком машин и электрооборудования. При этом его импорт из стран объединения не сводится к сырью: в 2024 г. на машины и электрооборудование приходилось 39,7%, а на агропродукцию, топливо и первичные материалы – 30,6%. Значение АСЕАН как торгового партнера Китая существенно возросло: доля в товарообороте Китая со странами Азии увеличилась с 12,8 до 31,8%. Япония и Южная Корея остаются донорами наукоемких товаров, но Китай также наращивает экспорт сложного оборудования в эти страны. Торговля с Гонконгом изменилась иначе: в импорте Китая из Гонконга доля категории «Другие товары», включающей в том числе драгоценные камни и металлы, выросла с 1,9% в 1998 г. до 82,6% в 2024 г.

Изменилось и происхождение стоимости китайского экспорта. После снижения в начале 2000-х годов доля стоимости, созданной внутри Китая, к 2022 г. вновь выросла, хотя и не достигла уровня 1998 г. Одновременно увеличился вклад АСЕАН, а относительные вклады Японии, Гонконга и Южной Кореи сократились.

Таким образом, Китай не только нарастил торговлю с рассмотренными азиатскими партнерами, но и изменил характер участия в ней: в его экспорте большее место заняли машины и электрооборудование, а доля стоимости, создаваемой внутри страны, восстановилась после спада начала 2000-х годов. При этом укрепление направления АСЕАН сочетается с сохранением значительных связей с промышленными экономиками Восточной Азии.

Список литературы

1. Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости как форма транснационализации промышленности // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 6. С. 8–20. EDN: YRLJWL.

2. Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 3(39). С. 170–177. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-11. EDN: VABFIY.

3. Волгина Н. А., Лю П. Китай в глобальных цепочках стоимости: некоторые факты // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2020. № 4(96). С. 20–27. DOI: 10.24866/2311-2271/2020-4/20-27. EDN: KGZHTV.

4. Ноздрев С. В. Азия: процессы региональной экономической интеграции // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 34–46. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10003. EDN: MJJLRN.

5. Ноздрев С. В. Цепочки добавленной стоимости в региональной интеграции Восточной и Юго-Восточной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 9. С. 77–89. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-9-77-89. EDN: XIMNQV.

6. Беликова К. М., Ахмадова М. А. Паевые и кооперационные совместные предприятия в Китае как форма реализации инвестиционной деятельности: сравнительный право-

вой анализ // Юридические исследования. 2018. № 8. С. 17–30. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.8.27102. EDN: XRJPKK.

7. Li-Hua R., Sun W. China's technology strategy of "market in exchange for technology" // Journal of Technology Management in China. 2009. Vol. 4. № 3. DOI: 10.1108/jtmc.2009.30204caa.001.

8. Пасон А. Д. Сотрудничество Китая со странами АСЕАН: проблемы и перспективы развития // Казачество. 2023. № 73(8). С. 131–140. EDN: MGJKMX.

9. Мозиас П. М. Место и роль Китая в новой архитектонике международного экономического сотрудничества в АТР // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2024. № 2. С. 131–158. DOI: 10.31249/rva/2024.02.09. EDN: RKRCKW.

10. Rillo A. D., Robeniol A. M. R. D., Buban S. M. The Story of RCEP: History, Negotiations, Structure, and Future Directions. Jakarta: Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2022. (ERIA Discussion Paper Series; № 438). URL: https://www.eria.org/uploads/media/discussion-papers/FY22/The-Story-of-RCEP-History-Negotiations-Structure-and-Future-Directions.pdf (дата обращения: 17.08.2026).

11. Зуев В. Н., Островская Е. Я., Кузнецов М. К. Влияние ВРЭП на торгово-экономические связи КНР и Японии // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 27. № 2. С. 248–269. DOI: 10.17323/1813-8691-2023-27-2-248-269. EDN: MUAGIL.

12. Портанский А. П. О перспективах мегарегиональных торговых соглашений // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 47–53. EDN: ZPDLPP.

13. Ноздрев С. В. Глобальные цепочки создания стоимости в Азии на новом этапе международной конкуренции // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 2. С. 44–60. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-2-44-60.

14. Клочко О. А. Глобальные цепочки создания стоимости как фактор развития и обеспечения устойчивости экспортного потенциала автомобильной промышленности Китая // Современная мировая экономика. 2025. Т. 3. № 2(10). С. 46–66. DOI: 10.17323/2949-5776-2025-3-2-46-66. EDN: FMPCCK.

15. Гнидченко А. А. Взаимосвязи России с ЕС, США, Китаем и АСЕАН в международных производственных цепочках // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 27. № 4. С. 527–549. DOI: 10.17323/1813-8691-2023-27-4-527-549. EDN: CXEKHE.

16. Ван Ш. Китай в системе глобальных цепочек создания стоимости в АТР // Прогрессивная экономика. 2022. № 4. С. 18–25. DOI: 10.54861/27131211_2022_4_18. EDN: QJLUMO.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 658.14
DOI 10.17513/fr.44099

CC BY 4.0

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Ермолаев К. Н. ORCID ID 0000-0002-2381-4870,
Алексеев А. В. ORCID ID 0000-0002-5792-3624

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение «Самарский государственный экономический университет», Самара, Российская Федерация, e-mail: ermolaevkn @ yandex.ru

В нынешних условиях банки как традиционные финансовые посредники демонстрируют высокую зарегламентированность и отсутствие гибкости в процессе кредитования. Это делает невозможным получение кредитов для небольших предприятий и технологических стартапов: мешают высокие залоговые требования, плотное регулирование и долгие проверки кредитоспособности. Проблема усугубляется неустойчивостью, неопределенностью и высокой волатильностью экономики. Всё это заставляет финансовый сектор быстрее перестраиваться и искать более подвижные схемы перетока инвестиционных ресурсов. Цель исследования состоит в уточнении и конкретизации теоретических основ альтернативного финансирования, авторской оценке нынешнего состояния и наметившихся тенденций данного рынка, в выработке предложений по снижению регуляторных барьеров и дальнейшему развитию рынка альтернативных инвестиций в России. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, включая системный и сравнительный анализ, методы классификации, обобщения, исторический и логический подходы. Также в работе применялись методы статистического анализа данных, что позволило обеспечить достоверность и обоснованность итоговых выводов. В ходе обсуждения исследуются закономерности возрастания спроса на альтернативные источники финансирования. Доказывается, что цифровизация и развитие финтеха создают благоприятные условия для развития таких инструментов, как краудфандинг, краудлендинг (P2P и P2B-кредитование), венчурное финансирование и ангельское инвестирование. Их главное преимущество заключается в том, что они напрямую связывают кредитора и заемщика, резко уменьшая транзакционные издержки. В заключение сформулированы конкретные предложения по развитию альтернативного инвестирования в России.

Ключевые слова: альтернативное финансирование, краудфандинг, краудинвестинг, краудлендинг, бизнес-ангелы, венчурное финансирование

Благодарности: *коллективу профессорско-преподавательского состава кафедры экономической теории СГЭУ.*

ALTERNATIVE FINANCING SOURCES: ESSENCE, TYPES, AND DEVELOPMENT TRENDS IN RUSSIA

Ermolaev K. N. ORCID ID 0000-0002-2381-4870,
Alekseev A. V. ORCID ID 0000-0002-5792-3624

Federal State Autonomous Educational Institution «Samara State University of Economics», Samara Russian Federation, e-mail: ermolaevkn@yandex.ru

In the current environment, banks, as traditional financial intermediaries, are highly regulated and lack flexibility in their lending processes. This makes it impossible for small businesses and tech startups to obtain loans, as high collateral requirements, tight regulation, and lengthy credit checks are barriers. This problem is compounded by instability, uncertainty, and high volatility in the economy. All of this is forcing the financial sector to rapidly restructure and seek more flexible investment resource flows. The purpose of this study is to clarify and elaborate on the theoretical foundations of alternative finance, to assess the current state and emerging trends in this market, and to develop proposals for reducing regulatory barriers and further developing the alternative investment market in Russia. The methodological basis of the study was formed by general scientific methods, including systems and comparative analysis, classification, generalization, and historical and logical approaches. Statistical data analysis methods were also used, ensuring the reliability and validity of the final conclusions. The discussion examines patterns of increasing demand for alternative sources of financing. It is demonstrated that digitalization and the development of fintech are creating favorable conditions for the development of such instruments as crowdfunding, crowdlending (P2P and P2B lending), venture capital, and angel investing. Their main advantage is that they directly connect lenders and borrowers, dramatically reducing transaction costs. The conclusion offers specific proposals for the development of alternative investing in Russia.

Keywords: alternative financing, crowdfunding, crowdinvesting, crowd lending, business angels, venture financing

Acknowledgements: *to the staff of the Department of Economic Theory at SSUE.*

Введение

Развитие и институциональная трансформация современного финансового рынка в Российской Федерации протекают в условиях радикального изменения внешнеэкономических векторов, беспрецедентного санкционного давления и масштабной структурной перестройки реального сектора экономики [1]. В данных обстоятельствах традиционная модель финансового посредничества, центральным элементом которой исторически выступает банковская система, начинает демонстрировать объективное снижение адаптивности и эластичности по отношению к запросам динамично развивающихся секторов экономики. Особенно остро дефицит ликвидности проявляется в сегменте малого и среднего предпринимательства, а также в сфере высокотехнологичных и инновационных проектов на ранних стадиях их жизненного цикла [2].

В литературе достаточно подробно рассмотрены важнейшие аспекты развития альтернативного финансирования. Сальникова К. В. и Пермяков Р. В. основное внимание уделяют тенденциям развития каудфандинга в условиях санкционного давления и в несколько меньшей степени исследуют развитие многообразных форм альтернативного инвестирования [3]. Харитонов И. основное внимание уделяет анализу влияния цифровых платформ на эффективность малого и среднего бизнеса [4]. Красильников О. Ю. и Туркин А. А. рассматривают перспективы развития краудлендинговых платформ в современной российской экономике [5]. Русскова Е. Г., Чайкина Е. В. и Чайкин В. Ю. исследуют роль инвестиционных платформ в инфраструктуре рынка краудфандинга, однако за последние годы произошло существенное изменение законодательства в данной сфере, требующее специального анализа [6]. Шарифьянова З. Ф., Хаджиева Р. Р., Салько Д. Ю., Яковлева А. П., Кондрошова Е.А. подробно анализируют роль и место бизнес-ангелов в процессе развития краудфандинга, однако их место в общей системе альтернативного финансирования требует новых исследований [7; 8].

По мнению авторов, возникает необходимость комплексного исследования многообразных форм альтернативного финансирования как элементов единой экосистемы финансового рынка с выявлением общих сущностных признаков и специфики.

Цель исследования состоит в уточнении и конкретизации теоретических основ альтернативного финансирования, авторской оценке нынешнего состояния и наметившихся тенденций данного рынка, выработке предложений по снижению регуляторных барьеров и дальнейшему развитию рынка альтернативных инвестиций в России. В статье обосновывается авторская позиция по таким проблемам, как причины возникновения и сущность инструментов альтернативного финансирования; конкретизация форм и уточнение возможных способов классификации таких инструментов; обновление представлений о краудфандинге как механизме коллективного привлечения средств; анализ новых тенденций развития P2P-кредитования и краудлендинга, авторская оценка места венчурных инвестиций и бизнес-ангелов в системе альтернативных источников капитала.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, включая системный и сравнительный анализ, методы классификации, обобщения, исторический и логический подходы. Также в работе применялись методы статистического анализа данных, что позволило обеспечить достоверность и обоснованность итоговых выводов.

Для анализа авторами использованы статистические материалы ЦБ РФ за период с 2021 по 2024 год, а также цифры, приведенные в анализируемых литературных источниках за тот же период.

Результаты исследования и их обсуждение

Фундаментальной макроэкономической предпосылкой, обуславливающей необходимость диверсификации каналов привлечения капитала, выступает долгосрочный тренд на ужесточение денежно-кредитной политики (ДКП) со стороны Банка России. Реализуя жесткую таргетированную антиинфляционную политику, мегарегулятор, несмотря на поэтапное снижение, тем не менее вынужден поддерживать ключевую ставку на высоком уровне. В рамках трансмиссионного механизма ДКП импульс от изменения ключевой ставки транслируется на стоимость межбанковского кредитования и, как следствие, на конечные процентные ставки коммерческих банков для корпоративных заемщиков.

Помимо ценового барьера, критическое значение приобретают неценовые институциональные барьеры, генерируемые банковской системой в периоды макроэкономической турбулентности. В условиях повышенной неопределенности и волатильности рынков коммерческие банки сталкиваются

с ростом риска и вынуждены адаптировать свои скоринговые модели в сторону консерватизма [9]. Это приводит к возникновению асимметрии информации и феномену «рационирования кредита», когда банки предпочитают полностью отказать потенциальному заемщику из сегмента МСП или существенно сократить лимит финансирования, нежели повышать процентную ставку до уровня, компенсирующего риски дефолта [10].

Сравнительный анализ системных ограничений традиционного банковского посредничества и качественных характеристик новых технологических каналов распределения капитала представлен в таблице 1, составленной автором на основе литературных источников.

За счет использования сквозных цифровых технологий, автоматизированных систем обработки больших данных (Big Data), прогнозного моделирования и машинного обучения альтернативные площадки получили возможность осуществлять глубокий экспресс-анализ финансово-хозяйственной деятельности заемщика в режиме реального времени. Интеграция платформ через программные интерфейсы (API) с государственными информационными системами (ФНС, ФССП, Росстат) и операторами фискальных данных (ОФД) повышает прозрачность транзакционных потоков бизнеса, минимизируя необходимость предоставления бумажной отчетности [11].

С экономической точки зрения сущность альтернативного капитала базируется на концепции финансовой дезинтермедиации – процессе прямого исключения традиционного банковского посредника из цепочки движения стоимости от профицитных агентов (инвесторов) к дефицитным (заемщикам). Классический банк, привлекая средства на депозиты под фиксированный процент, трансформирует их в кредиты с высокой маржинальной надбавкой, принимая все риски на свой баланс и формируя резервы под давлением жестких нормативов достаточности капитала (Базель III) [12].

Альтернативные инвестиционные платформы функционируют по принципиально иной, агентской модели. Они выступают высокотехнологичной инфраструктурой, которая распределяет риски точечно между сотнями или тысячами диверсифицированных розничных и институциональных инвесторов [13]. Это позволяет существенно снизить совокупные транзакционные издержки в финансовой системе, повысить скорость обращения капитала и открыть доступ к ликвидности тем сегментам реального сектора, которые де-факто оказались за рамками интересов классических кредитных организаций.

Таблица 1

Сравнительный анализ барьеров традиционного кредитования и преимуществ альтернативного капитала

Критерий сравнения	Традиционное банковское кредитование	Альтернативное финансирование (краудлендинг)
Доступность в период жесткой денежно-кредитной политики	Крайне низкая. Происходит автоматический рост отказов со стороны банков из-за заградительных тарифов и рисков дефолта	Средневысокая. Платформы работают напрямую с пулом частных инвесторов, распределяя риски динамически [4]
Требования к залоговому обеспечению	Обязательное наличие твердого залога (недвижимость, транспорт, оборудование) с высоким дисконтом	В большинстве случаев залог отсутствует. Финансирование выдается под поручительство или оборот [5]
Скорость рассмотрения и выдачи средств	Длительный регламент (от 14 дней до 2 месяцев), требующий сбора объемного пакета документации	Высокая скорость (от нескольких часов до 2–3 рабочих дней) за счет сквозных алгоритмов цифрового скоринга
Транзакционные издержки заемщика	Высокие (затраты на обязательную оценку залога, страхование рисков, скрытые комиссии)	Прозрачные (фиксированная комиссия оператора инвестиционной платформы за организацию сбора средств)
Адаптивность условий договора	Жесткие типовые ковенанты, отсутствие возможности оперативного изменения графика платежей	Возможность гибкой настройки графиков погашения с учетом сезонности или специфики выручки бизнеса

Примечание: таблица составлена авторами на основе литературных источников [4; 5].

В основу современной классификации альтернативного капитала заложен сущностный признак экономических отношений, возникающих между получателем инвестиционных ресурсов (реципиентом) и лицом, их предоставившим (донором капитала). На основе данного признака всё многообразие инструментов дезинтермедиации можно разделить на три ключевых самостоятельных блока: долговые инструменты (Debt-based), долевые инструменты (Equity-based) и безвозмездные или нефинансовые формы (Reward/Donation-based) [14].

Долговые альтернативные источники, часто объединяемые в укрупненную научную дефиницию «краудфинансы», представляют собой наиболее динамично развивающийся сегмент национального финансового ландшафта [15]. Их ключевая экономическая особенность заключается в сохранении заемщиком полного операционного и стратегического контроля над бизнесом при юридическом условии возвратности, платности и срочности привлеченных средств. Внутри данного блока выделяют три базовые субмодели.

1. P2P-кредитование (Peer-to-Peer): предоставление займов одним физическим лицом другому напрямую через технологическую платформу без участия классических финансовых институтов в качестве посредников.

2. P2B-кредитование, или краудлендинг (Peer-to-Business): механизм децентрализованного коллективного финансирования субъектов предпринимательской деятельности пулом розничных и институциональных инвесторов. В рамках данного исследования именно краудлендинг рассматривается как важный инструмент обеспечения ликвидности действующего бизнеса в условиях жестких монетарных ограничений.

3. B2B-платформы (Business-to-Business): организация прямых заемных отношений, где и инвесторами, и заемщиками выступают юридические лица, оптимизирующие движение временно свободных оборотных средств.

Долевые альтернативные инструменты предполагают предоставление капитала в обмен на долю в уставном капитале, пакет акций компании или долгосрочное право на участие в распределении будущей чистой прибыли. Данные формы финансирования традиционно ориентированы на инновационный сектор и характеризуются долгосрочным характером, высокой степенью неопределенности результатов и отсутствием залогового обременения. В этот сегмент входят:

1) бизнес-ангелы – частные профессиональные инвесторы, вкладывающие собственные финансовые ресурсы в проекты на стадиях Pre-seed и Seed. Помимо капитала, бизнес-ангелы предоставляют стартапу менторскую поддержку и экспертные связи, реализуя концепцию «умных денег» (Smart Money);

2) венчурные фонды – институциональные инвесторы, аккумулирующие капитал крупных игроков для его последующего высокорискового размещения в быстрорастущих технологических компаниях с целью извлечения кратной прибыли при стратегическом выходе из актива (IPO или M&A).

Краудинвестинг (Equity Crowdfunding): цифровой аналог венчурного инвестирования, позволяющий технологической компании привлекать микроинвестиции в акционерный капитал от широкого круга неквалифицированных инвесторов через специализированные платформы. Становление отечественного краудрынка началось с запуска специализированных интернет-платформ, функционирующих по принципу «все или ничего» или «оставить все собранное». Историческими лидерами российского сегмента некоммерческого краудфандинга выступили площадки Planeta.ru и Boomstarter, которые позволили верифицировать базовые гипотезы децентрализованного сбора средств в условиях российской правовой и экономической среды. На начальных этапах эволюции (до принятия профильного законодательства) этот инструмент использовался преимущественно для финансирования проектов в креативных индустриях, издания литературы, записи музыкальных альбомов или создания прототипов потребительских товаров, выступая уникальным механизмом тестирования первичного рыночного спроса.

По данным Центробанка, за 2024 год российский рынок краудфандинга (если считать все типы платформенных инвестиций вместе) вырос на 59% и впервые добрался до планки в 53 млрд рублей – это рекордный прирост. Но если посмотреть, из чего сложилась эта сумма, становится видно, что рынок почти целиком ушёл в коммерческую плоскость: свыше 89%, а это 47,4 млрд рублей, принёс краудлендинг – по сути, долговые займы. Сам этот сегмент за тот же год удвоился. Динамика основных макроэкономических показателей краудрынка в Российской Федерации за 2021–2024 годы систематизирована в таблице 2.

Данные таблицы 2 позволяют констатировать, что краудтехнологии в России преодолели стадию хаотичного нишевого роста и вошли в фазу устойчивого экстенсивного и интенсивного расширения.

Таблица 2

Динамика показателей рынка коллективного финансирования в РФ

Показатель функционирования рынка	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
Совокупный объем рынка краудфандинга, млрд руб.	13,8 [16]	20,4 [17]	33,4 [18]	53,0 [19]
Темп прироста общего объема рынка, % г/г	97,1	47,8	63,7	58,7
Объем сегмента краудлендинга (P2B/P2P), млрд руб.	11,6 [16]	14,8 [17]	24,1 [18]	47,4 [19]
Доля коммерческого (долгового) сегмента в общей структуре рынка, %	84,1	72,5	72,2	89,4
Количество зарегистрированных операторов инвестиционных платформ в реестре ЦБ РФ, ед.	51 [19]	64 [19]	78 [19]	86 [19]

Примечание: таблица составлена авторами на основе указанных в ней литературных источников [16-19].

Таблица 3

Инфраструктурные направления модернизации и расширения рынка краудфинансов в РФ

Направление модернизации	Содержание предлагаемой инициативы	Изменение нормативной базы	Ожидаемый макроэкономический эффект
Либерализация розничного капитала	Дифференцированное повышение лимита ежегодных инвестиций для физлиц с 600 тыс. до 2,0 млн руб. при условии прохождения онлайн-тестирования на платформе	Внесение изменений в ст. 7 Федерального закона № 259-ФЗ	Значительное увеличение инвестиций в развитие мелких предприятий и технологических стартапов
Конвергенция краудтехнологий и ЦФА	Создание гибридных инвестиционных платформ, совмещающих функции P2B-оператора и оператора информационных систем по выпуску цифровых финансовых активов (ЦФА)	Интеграция положений 259-ФЗ и 259-ФЗ (в ред. о ЦФА) на уровне требований ЦБ	Запуск вторичного рынка пулов краудзаймов; снижение стоимости капитала
Формирование Единого вторичного рынка	Создание межоператорского блокчейн-протокола для сквозной переуступки прав требований (утилизации дебиторской задолженности) между платформами	Разработка стандартов СРО («Операторы инвестиционных платформ») под эгидой ЦБ	Повышение ликвидности инвестиционных портфелей; привлечение институциональных фондов

Примечание: таблица разработана авторами самостоятельно.

Стабильное увеличение числа операторов инвестиционных платформ, включенных в официальный реестр Банка России (с 51 единицы в 2021 году до 86 единиц к концу 2024 года), свидетельствует о постепенной легитимизации сектора и его выходе из «серой» правовой зоны. Рост совокупного объема транзакций почти в 4 раза за исследуемый четырехлетний цикл подтверждает, что децентрализованные финансы стали полноценным элементом национальной инвестиционной системы.

Несмотря на отмеченные позитивные тенденции развития, рынок альтернативных инвестиций столкнулся с целым рядом вызовов. Период жесткой денежно-кредитной политики 2024–2025 годов обнажил ряд регуляторных барьеров и ограничений, которые в текущих реалиях сдерживают дальнейшую экспансию децентрализованного капитала в реальный сектор экономики. Авторы считают возможным выделить три ключевых системных противоречия действующей регуляторной модели:

• лимиты инвестирования для неквалифицированных инвесторов – установленный законом жесткий потолок вложений для физических лиц, не обладающих статусом квалифицированного инвестора, в размере 600 000 рублей в течение одного календарного года суммарно на всех платформах. В условиях инфляционного давления и роста потребностей малого бизнеса такой лимит искусственно ограничивает приток инвестиций на данный рынок;

• асимметрия трансграничных расчетов – отсутствие легальных сквозных шлюзов для привлечения капитала от дружественных нерезидентов (в рамках ЕАЭС и БРИКС) через национальные P2B-интерфейсы;

• изолированность учетных систем – платформы функционируют как замкнутые экосистемы, что затрудняет бесшовный вторичный оборот прав требований по договорам займа между клиентами различных операторов.

Для преодоления институциональных барьеров и запуска нового цикла масштабирования рынка краудфинансов автором сформирован комплекс рекомендаций по модернизации регуляторной инфраструктуры, разделенный на три стратегических направления. Основные векторы развития и их целевые ориентиры систематизированы в таблице 3.

Разрешение первого системного противоречия посредством либерализации краудинвестиций по субъектам, срокам, объемам и целям инвестирования, повышение лимитов для неквалифицированных инвесторов физических лиц может открыть доступ на рынок новым инвесторам и при благоприятных условиях значительно повысить предложение инвестиций на рынке, покрывая возросшие потребности заемщиков, способствуя снижению ставок.

Сближение краудтехнологий с механизмами рынка ЦФА позволит сформировать вторичный рынок для краудинвесторов на основе секьюритизации краудфандинговых активов, то есть трансформации разнообразных финансовых обязательств в обращаемые инструменты, создающие возможность для вторичного рынка краудфандинговых активов для инвесторов, тем самым способствуя притоку на рынок дополнительных денежных средств и снижению стоимости заимствований.

Формирование межплатформенного вторичного национального рынка альтернативных инвестиций с возможностью его интеграции в систему трансграничных расчетов (в рамках ЕАЭС и БРИКС) откроет возможность выхода на этот рынок институциональных инвесторов, что сделает рынок альтернативных инвестиций органической частью финансовой системы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет авторам сделать выводы о том, что рынок альтернативных инвестиций, основанный на финансовой дезинтермедиации с использованием цифровых финансовых технологий, закономерно переживает период существенного роста, демонстрируя целый ряд преимуществ по сравнению с традиционными видами финансирования. Одновременно развитие этого рынка сталкивается с целым рядом институциональных ограничений и вызовов. Авторы предлагают меры по либерализации рынка, формированию межплатформенного вторичного рынка краудфандинговых активов, интеграции краудфандинга с рынком ЦФА.

Это превратит децентрализованный капитал из нишевого финтех-сервиса в мощный, высоколиквидный драйвер структурной перестройки, импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета реального сектора экономики Российской Федерации.

Список литературы

1. Брусницына Д. В. Перспективы развития рынка краудфандинга в условиях санкций // Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т). 2024. Т. 10. Вып. 2(26). С. 13-21. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=72707316 (дата обращения: 06.08.2026). EDN: DMLVXI.

2. Булатова В. Б. Краудфинансы: особенности, тенденции и пути развития в современной России // Вестник университета. 2021. № 4. С. 138-145. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-4-138-145. EDN: UFSDEY.

3. Сальникова К. В., Пермяков Р. В. Аналитический обзор состояния рынка краудфандинга и краудлендинга в России // Вестник Евразийской науки. 2021. № 2. Т. 13 С. 22-36. DOI: 10.15862/23ecvn221. EDN: LREKPR.

4. Харитонов И. Влияние цифровых платформ на эффективность малого и среднего бизнеса в условиях глобализации // Холодная наука. 2025. № 14. С. 32-42. URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202508_100.pdf (дата обращения: 06.08.2026).

5. Красильников О. Ю., Туркин А. А. Перспективы развития краудлендинговых платформ в современной российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. Вып. 1. С. 4–10. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-4-10 EDN: XNYDPE.

6. Русскова Е. Г., Чайкина Е. В., Чайкин В. Ю. Инвестиционные платформы в инфраструктуре финансового рынка Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Экономика, Экология. 2019. Т. 21. № 2. С. 90-98 DOI: 10.15688/jvolsu3.2019.2.8.

7. Шарифьянова З. Ф., Хаджиева Р. Р. Бизнес-ангелы как особый вид венчурных инвесторов: тенденции и проблемы развития в России // Инновационная наука. 2016. № 2. С. 143-149. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28144158 (дата обращения: 06.08.2026). EDN: XRWVSD.

8. Салько Д. Ю. Яковлева А. П., Кондрошова Е. А. Роль бизнес-ангелов в финансировании инновационных малых предприятий // Экономический вектор. 2018. № 3(14). С. 58-61. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35643743 (дата обращения: 06.08.2026). EDN: XZZVLN.

9. Никулин А. Н., Байдельдинова А. Р., Суркова А. В., Каргина А. А., Тимошина А. А. Краудлендинг и краудфандинг или кредитный ритейл // Вестник Ульяновского государственного технологического университета. 2024. № 1. С.73-78. DOI:10.26794/2587-5671-2020-24-3-81-91.

10. Траченко М. Б., Кажанова А. В. Специфика структуры финансирования стартапов на разных стадиях жизненного цикла // Финансовый журнал. 2019. № 5. С. 90-103. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-5-90-103. EDN: VWUZOV.

11. Шеина Е. Г., Астанакулов О. Т. Краудинвестинг как элемент финансово-инвестиционного механизма формирования экономики опережающего развития // Налоги и налогообложение. 2019. № 5. С. 20-34 DOI: 10.7256/2454-065X.2019.5.30088. EDN: VDONWJ.

12. Успенская Е. С., Костеренко Е. О. Развитие краудфандинга в России // Научные записки молодых исследователей. 2025. № 1. С.33-42 URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80537560 (дата обращения: 06.08.2026). EDN: YQYCWM.

13. Хмура С. В, Якимова В. А. Краудфандинговые платформы в РФ: методический инструментарий для принятия агентами инвестиционных решений // Journal of New Economy. 2023. Vol. 24. № 3. С. 46-73. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-3-3. EDN: SFIFTM.

14. Близкий Р. С., Лебединская Ю. С. Основы становления и проблемы развития малого и среднего предпринимательства: цифровая трансформация // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2022. № 3. С. 55-61. DOI: 10.24143/2073-5537-2022-3-55-61. EDN: AOWATQ.

15. Кожевина О. В. Цифровизация как фактор стимулирования роста сегмента МСП и развития краудэкономики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. Вып. 16. Ч. 2. С.317-319.URL:https://elibrary.ru/item.asp?id=47171806&pff=1 (дата обращения: 06.08.2026). EDN: WZQGQB.

16. Обзор платформенных сервисов в России [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/49243/platform_services_2024- 1.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

17. Обзор рынка краудфандинга в России [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

18. Реестр операторов инвестиционных платформ [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/registry/ (дата обращения: 08.06.2026).

19. Государственная цифровая платформа поддержки предпринимательства «МСП.РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://мсп.рф (дата обращения: 08.06.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 336.1:332.1
DOI 10.17513/fr.44100

CC BY 4.0

БЮДЖЕТНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ РАСХОДОВ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Захарчук Е. А. ORCID ID 0000-0001-5546-8127,
Трифонова П. С. ORCID ID 0000-0002-3049-2873

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: pol.trifonova2018@yandex.ru

Исследование посвящено оценке внутренней структуры расходов региональных бюджетов. Анализ структуры расходов консолидированных бюджетов регионов Уральского федерального округа позволяет оценить и выявить межрегиональные различия, структурные диспропорции, а также определить направления укрепления бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. Решение данных задач способствует формированию условий для сбалансированного территориального развития, повышения устойчивости региональных экономик и укрепления бюджетной системы страны в целом. Целью данной работы является оценка внутренней структуры расходов консолидированных региональных бюджетов Уральского федерального округа. На базе расчета индекса Херфиндаля – Хиршмана было установлено, что наметилась тенденция к перераспределению между крупными направлениями расходов в некоторых рассматриваемых регионах Уральского федерального округа. Расчет цепного индекса Рябцева показал, что большая часть рассматриваемых регионов находится в диапазоне значений от «тождественно равных структур» (до 0,030) до «низкого уровня различий» (0,071–0,150). В ходе исследования сделан вывод о том, что структурные изменения в расходной части консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав Уральского федерального округа, не носят разовый характер. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для корректировки региональной бюджетной политики и повышения эффективности инструментов государственного регулирования в целях обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: консолидированные бюджеты, расходы, регионы УРФО, сбалансированность, социальная направленность, тренды развитии

BUDGET COEFFICIENTS AS A TOOL FOR ASSESSING EXPENDITURES OF REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Zakharchuk E. A. ORCID ID 0000-0001-5546-8127,
Trifonova P. S. ORCID ID 0000-0002-3049-2873

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: pol.trifonova2018@yandex.ru

The study is devoted to the assessment of the internal structure of regional budget expenditures. The analysis of the expenditure structure of the consolidated budgets of the regions of the Ural Federal District allows us to assess and identify interregional differences and structural imbalances, as well as determine areas for strengthening the budgetary capacity of the constituent entities of the Russian Federation. The solution of these problems contributes to the formation of conditions for balanced territorial development, increasing the sustainability of regional economies and strengthening the budgetary system of the country as a whole. The objective of this work is to assess the internal structure of expenditures of the consolidated regional budgets of the Ural Federal District. Based on the calculation of the Herfindahl-Hirschman index, it was found that there is a tendency towards redistribution between major areas of expenditure in some of the considered regions of the Ural Federal District. Calculation of the Ryabtsev chain index showed that most of the considered regions lie in the range of values from “identically equal structures” (up to 0.030) to “low level of differences” (0.071-0.150). The study concluded that structural changes in the expenditure side of the consolidated budgets of the regions within the Ural Federal District are not a one-off event. The practical significance of the study lies in the potential use of its findings to adjust regional budget policies and improve the effectiveness of government regulation instruments to ensure national security.

Keywords: consolidated budgets, expenditures, UrFD regions, balance, social orientation, development trends

Введение

Совокупность бюджетных ресурсов, аккумулируемых на территориях, отражает реальные возможности публичных органов власти по финансированию расходных обязательств, а также служит эффективным механизмом обеспечения стабильного финансового развития регионов и муниципалитетов. Структурный анализ бюджетов позволяет перейти от оценки динамики отдельных финансовых показателей к изучению устойчивости самой системы формирования и распределения финансовых ресурсов. Изменение доли отдельных источников доходов, перераспределение расходов между функциональными направлениями,

усиление или снижение концентрации бюджетных ресурсов могут свидетельствовать об изменении способности территориальной системы реагировать на возникающие социально-экономические вызовы. Поэтому исследование структуры бюджетов является важным элементом оценки механизмов обеспечения стабильного финансового развития регионов.

В научной литературе достаточно много исследований, посвященных проблемам формирования и использования бюджетных ресурсов, а также изучению его отдельных разделов. Так, например, научные работы И. И. Ибрагимовой посвящены изучению воздействия бюджетных расходов на национальную экономику [1], а также решению вопроса финансового выравнивания уровня социально-экономического развития региона [2]. Развитие подходов к управлению бюджетными расходами было изучено в работе Д. А. Егоровой, А. И. Ященко. Авторами была установлена взаимосвязь между консолидированными затратами бюджетов страны с рядом показателей общественного развития, которые определены национальными проектами РФ [3]. А. А. Ануфриева обосновала необходимость создания и внедрения системы многофакторной оценки эффективности бюджетных расходов, в целях измерения результатов на каждом этапе управления бюджетными расходами [4]. Д. А. Яковенко, Б. Л. Исакова и И. А. Полякова на основе экономико-математического подхода раскрыли зависимость между структурой расходов бюджетов, валовым региональным продуктом, инвестиционной активностью и долговой устойчивостью регионов [5]. В работе К. С. Наслунги оценивается социальная направленность региональных бюджетов УрФО [6]. В работе О. И. Тишутиной и А. А. Тишутина выявлена взаимосвязь между динамикой расходов бюджетов субъектов РФ и социальной сферой. В статье при помощи структурного анализа консолидированных расходов и расчета коэффициента вариации оценена социальная направленность расходования бюджетных средств [7]. В статье А. И. Балаева оценивается, как разные направления расходования бюджетных средств влияют на экономический рост [8].

Немаловажным аспектом анализа является изучение структурных изменений и пространственной неоднородности территорий. В работе В. К. Мелькова через структурные сдвиги и расчет индекса Рябцева показана региональная дифференциация субъектов, входящих в состав УрФО [9]. В работе А. Е. Сорокина и Н. Н. Хворостова предложены пути оптимизации бюджетных расходов Республики Крым в целях повышения качества жизни населения [10]. В статье Э. Д. Абдураимовой изучаются вопросы оптимизации управления затратами как на государственном уровне, так и на уровне бюджетного учреждения [11]. Е. Б. Веприкова и А. А. Новицкий раскрыли состояние и выявили проблемы расходования бюджетов дальневосточных субъектов Российской Федерации [12].

Вклад в теоретико-методическую базу по оценке долгосрочной бюджетной устойчивости регионов внесла работа Л. Н. Игониной. Автор раскрывает «устойчивость бюджетов» через способность финансировать свои обязательства, генерировать собственные финансовые ресурсы и обеспечивать сбалансированность бюджета. По мнению Л. Н. Игониной, оценка долгосрочной бюджетной устойчивости региональных бюджетов может быть реализована через расчет индикатора фискального разрыва [13].

Цель исследования – оценка внутренней структуры расходов консолидированных региональных бюджетов Уральского федерального округа.

Материал и методы исследования

При написании работы использовались общенаучные методы научного познания. Теоретическая часть исследования базировалась на трудах отечественных ученых по исследуемой проблеме. Эмпирическую основу статьи составили официальные данные о состоянии бюджетных расходов, находящиеся в открытом доступе и размещенные на официальных сайтах регионов, входящих в состав Уральского федерального округа.

Результаты исследования и их обсуждение

Для оценки структуры расходов региональных бюджетов были систематизированы показатели и индексы, позволяющие определить общие тенденции и особенности бюджетной политики, влияющее на стабильность развития территорий.

На рисунке приведена динамика структуры разделов расходов консолидированных бюджетов трех регионов УрФО: Свердловская область как индустриальный регион с диверсифицированной экономикой, Курганская область – дотационный аграрный регион, с высокой зависимостью от федеральных трансфертов, а также ЯНАО – северный ресурсно-сырьевой регион-донор.

Таблица 1

Система показателей оценки внутренней структуры расходов региональных бюджетов

№	Показатель	Расчет	Пояснение
Параметры, отражающие структуру и концентрацию расходов			
1	Расходы, направленные на обеспечение деятельности органов публичной власти*	Отношение раздела расходов по направлению 0100 к общему объему расходов**, %	Показывает, какая часть расходов приходится на содержание управленческого аппарата. Для стабильности бюджетов важен разумный баланс расходов по этому направлению
2	Расходы, направленные на сохранение населения и укрепление его здоровья*	Отношение суммы разделов расходов 0700, 0800, 0900, 1000, 1100 и 1200 к общему объему расходов, %	Показатель оценивает социальную нагрузку на бюджет. Для стабильности бюджетов важна устойчивость финансирования этого направления без завышения в ущерб другим разделам
3	Расходы, направленные на обеспечение стабильного и безопасного развития*	Отношение суммы разделов расходов 0200, 0300, 0400, 0500, 0600 и 1300 к общему объему расходов, %	Показывает, какая часть расходов направляется на финансирование инвестиционных, инфраструктурных и иных трат
4	HHI (индекс Херфиндаля – Хиршмана) – концентрация расходов	Сумма квадратов долей всех разделов расходов бюджета, доли ед.	Индекс раскрывает, насколько расходы сконцентрированы в одном направлении. Чем выше HHI, тем сильнее расходы сосредоточены в отдельных разделах
5	Индекс Рябцева	Корень из отношения суммы квадратов разностей долей разделов к сумме квадратов сумм долей по всем разделам	Показывает, насколько сильно изменилась структура расходов бюджета между годами. Чем выше значение, тем существеннее структурные изменения

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

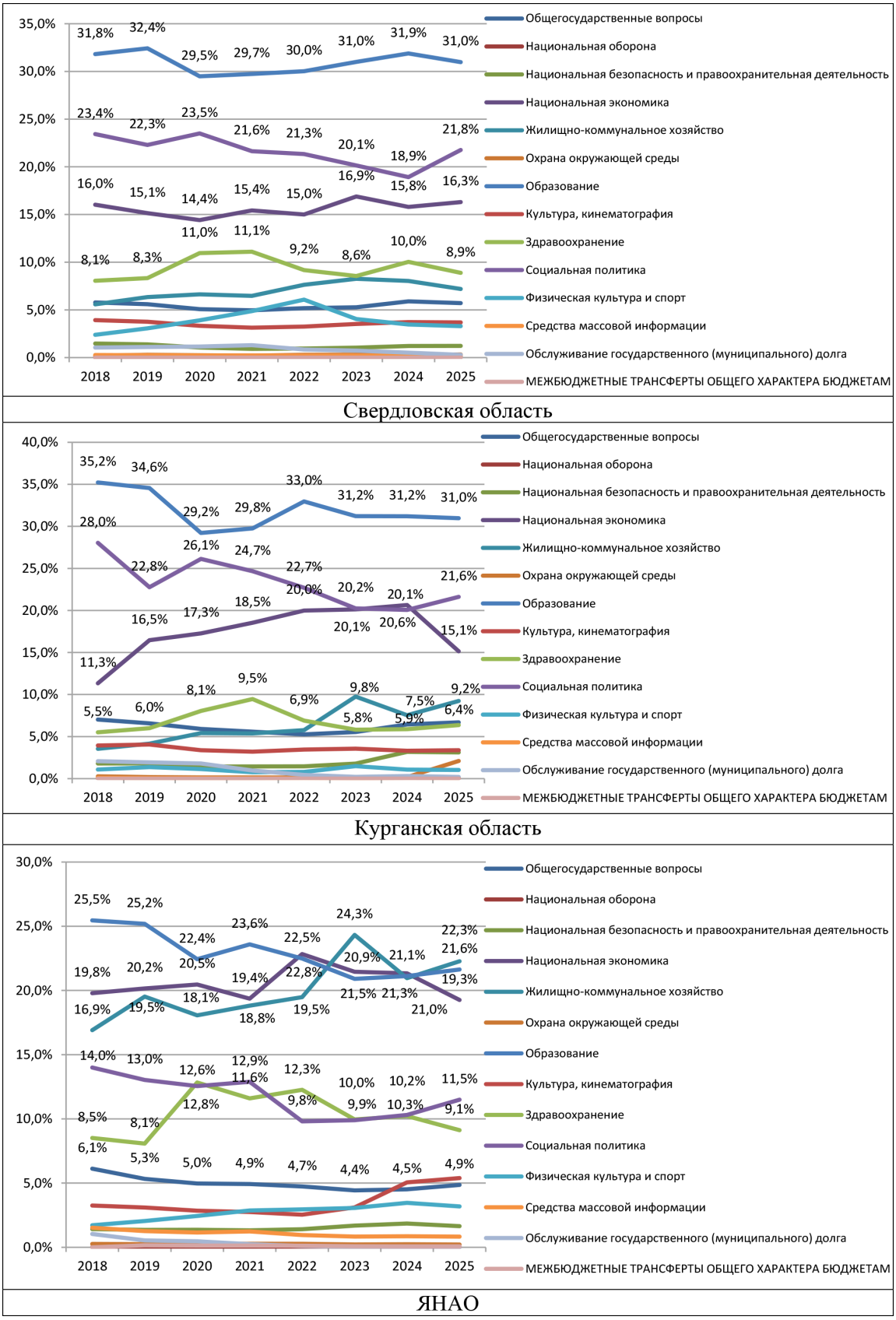
* – авторская укрупненная группировка разделов расходов региональных бюджетов исходя из функциональной направленности;

** – Коды разделов расходов бюджета сформированы в соответствии с бюджетной классификацией Российской Федерации. Их нормативной основой является приказ Минфина России от 24 мая 2022 г. № 82н «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения», раздел III «Классификация расходов бюджетов», а также приложение 1 к указанному Порядку. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418512/6bd37a5bcfb488eb0765bd28742ee8425bebf897/#dst100407 (дата обращения: 28.10.2026).

По данным рисунка видна динамика финансирования отдельных направлений расходования бюджетных средств трех регионов УрФО. В структуре расходов наибольшей вес имеют разделы «Образование» (Курганская, Свердловская области, ЯНАО), «Социальная политика» (Курганская и Свердловская области), «Национальная экономика» (ЯНАО, Свердловская и Курганская области), «Здравоохранение» (Свердловская область) и «ЖКХ» (ЯНАО). При этом видно, что у трех регионов наблюдается разное соотношение направлений расходования бюджетных средств. У Свердловской и Курганской областей оно в большей степени нацелено на социальную поддержку и образовательную деятельность, а у ЯНАО – на национальную экономику и финансирование жилищно-коммунального хозяйства.

Укрупнение направлений расходования бюджетных ресурсов по трем основным блокам позволит выявить общие тенденции и особенности бюджетной политики регионов УрФО (табл. 2).

Во всех регионах УрФО наименьшая доля приходится на обеспечение деятельности органов публичной власти. На взгляд авторов, присущий регионам УрФО диапазон в 3–9 % от всех расходов является оптимальным и позволяет обеспечить деятельность органов публичной власти без потери объемов финансирования на другие направления. Наиболее значимое – «Сохранение населения и укрепление его здоровья». Отметим, что в процентном соотношении регионы УрФО по этому направлению имеют разные значения. За весь рассматриваемый период только у двух регионов – Свердловской и Челябинской областей – среднее значение коэффициента, который отражает приоритет бюджета «Сохранение населения и укрепление его здоровья», равен около 70 %.

Динамика направления расходов консолидированных бюджетов Свердловской и Курганской областей, а также ЯНАО за 2018–2025 гг., %
Примечание: составлен авторами по результатам исследования

Таблица 2

Динамика бюджетных коэффициентов направленности расходов бюджетов регионов УрФО за 2018–2025 гг.

Субъект РФ	Год	Обеспечение деятельности органов публичной власти	Сохранение населения и укрепление его здоровья	Обеспечение стабильного и безопасного развития	HHI концентрации расходов
Свердловская область	2018	6 %	70 %	24 %	0,197
	2019	6 %	70 %	24 %	0,195
	2020	5 %	71 %	24 %	0,185
	2021	5 %	71 %	24 %	0,182
	2022	5 %	70 %	25 %	0,180
	2023	5 %	67 %	27 %	0,185
	2024	6 %	68 %	26 %	0,185
	2025	6 %	69 %	25 %	0,189
Курганская область	2018	7 %	74 %	19 %	0,227
	2019	7 %	69 %	25 %	0,211
	2020	6 %	68 %	26 %	0,198
	2021	6 %	68 %	26 %	0,200
	2022	5 %	67 %	28 %	0,213
	2023	6 %	62 %	32 %	0,197
	2024	6 %	62 %	32 %	0,196
	2025	7 %	65 %	28 %	0,185
Тюменская область	2018	5 %	51 %	44 %	0,233
	2019	4 %	54 %	42 %	0,222
	2020	6 %	60 %	34 %	0,189
	2021	4 %	61 %	35 %	0,240
	2022	3 %	62 %	35 %	0,195
	2023	4 %	63 %	33 %	0,212
	2024	3 %	64 %	33 %	0,218
	2025	3 %	72 %	25 %	0,215
ХМАО	2018	8 %	67 %	25 %	0,164
	2019	9 %	67 %	24 %	0,162
	2020	8 %	68 %	24 %	0,168
	2021	7 %	73 %	20 %	0,179
	2022	8 %	68 %	24 %	0,168
	2023	9 %	63 %	28 %	0,163
	2024	9 %	65 %	26 %	0,167
	2025	8 %	65 %	27 %	0,167
ЯНАО	2018	7 %	54 %	39 %	0,165
	2019	5 %	53 %	42 %	0,170
	2020	5 %	54 %	41 %	0,161
	2021	5 %	55 %	40 %	0,163
	2022	5 %	51 %	44 %	0,169
	2023	4 %	48 %	48 %	0,173
	2024	5 %	51 %	44 %	0,161
	2025	4 %	52 %	44 %	0,162
Челябинская область	2018	6 %	72 %	22 %	0,206
	2019	6 %	71 %	23 %	0,197
	2020	5 %	73 %	22 %	0,183
	2021	5 %	73 %	22 %	0,189
	2022	6 %	67 %	27 %	0,183
	2023	5 %	68 %	27 %	0,184
	2024	6 %	65 %	29 %	0,187
	2025	6 %	68 %	26 %	0,188

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 3

Цепной индекс Рябцева,
рассчитанный по разделам расходов бюджетов регионов УрФО

Период	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область	ХМАО	ЯНАО	Челябинская область	Среднее по УрФО
2018–2019	0,022	0,080	0,046	0,037	0,037	0,024	0,041
2019–2020	0,050	0,076	0,105	0,023	0,071	0,084	0,068
2020–2021	0,028	0,030	0,115	0,124	0,028	0,028	0,059
2021–2022	0,031	0,053	0,110	0,124	0,060	0,063	0,074
2022–2023	0,039	0,057	0,089	0,056	0,070	0,029	0,057
2023–2024	0,030	0,032	0,042	0,034	0,048	0,066	0,042
2024–2025	0,039	0,072	0,102	0,020	0,038	0,050	0,053
Период макс.	2019–2020	2018–2019	2020–2021	2020–2021 и 2021–2022	2019–2020	2019–2020	2021–2022

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования .

Наименьшее среднее значение отмечается у ЯНАО – 52,4 %. Оставшиеся регионы попадают в диапазон от 60 до 67 %. Оценка динамики направленности расходов региональных бюджетов показала, что наибольшая трансформация наблюдается у Тюменской области. С 2018 г. идет выраженная тенденция на увеличение доли расходов по направлению «Сохранение населения и укрепление его здоровья» (с 51 % в 2018 г. до 72 % в 2025 г.), тогда как доля расходов, направленных на «Обеспечение стабильного и безопасного развития территорий», снижается с 44 % в 2018 г. до 25 % в 2024 г.

Для дополнительной оценки направленности расходов бюджетов регионов УрФО проведем анализ индекса HHI (индекс Херфиндаля – Хиршмана), оценивающий концентрацию расходов. За весь рассматриваемый период среди всех регионов УрФО Тюменская область отличается повышенным значением индекса. Минимальное значение HHI было 2020 г. (0,189), а максимальное – в 2021 г. (0,24), и к 2025 г. составило 0,215. Наибольшее снижение индекса концентрации расходов наблюдается у Курганской области (с 0,227 в 2018 г., до 0,185 г. в 2025 г.). Более стабильные значения – ЯНАО и ХМАО, где на протяжении рассматриваемого периода HHI изменялся в диапазоне 0,16–0,18. Таким образом, индекс HHI в совокупности с оценкой направленности расходов бюджетов показал, что большей части регионов УрФО свойственна концентрация расходов в ограниченном числе разделов.

Расчет цепного индекса Рябцева позволит оценить изменения функциональной направленности расходов бюджетов регионов УрФО (табл. 3).

Расчет цепного индекса Рябцева показал, что структурные изменения не носят разовый характер. Максимальные значения индекса находились в пределах от 0,115 (Тюменская область) до 0,124 (ХМАО). Наиболее стабильная структура расходов у Свердловской области, которая характеризуется наименьшим отклонением наибольшего и наименьшего значения этого показателя. В Курганской области наибольшее значение было в 2018–2019 гг. (0,080), но затем значения показателя были ниже этого уровня, но к 2024–2025 гг. снова показали рост (0,072). Челябинская область и ЯНАО имели как увеличение цепного индекса (2019–2020, 2020–2021 гг.), так и снижение (2020–2021, 2024–2025 гг.). Наиболее ярко выраженные структурные изменения характерны для Тюменской области и ХМАО. В этих регионах наблюдается наиболее сильный разрыв между наибольшим и наименьшим значением индекса Рябцева. В Тюменской области – от 0,046 (2018–2019 гг.) до 0,115 (2020–2021 гг.). ХМАО – от 0,020 (2024–20255 гг.) до 0,124 (2020–2021 и 2021–2022 гг.). Несмотря на присущие регионам УрФО различные траектории направленности расходования бюджетных средств, опираясь на шкалу интерпретации значений [14, 15], можно сделать вывод, что структурные изменения в целом носили достаточно низкий уровень.

Заключение

Проведенная на примере трех регионов УрФО оценка показала наличие разных моделей расходования бюджетных средств. Для Свердловской области характерна относительно устойчивая структура расходов, в которой центральное место занимает направление «Образование». Доля этого раздела колеблется от 29,5 до 32,4 %. Второй по значимости раздел расходов, «Социальная политика», изменяется в большем диапазоне. Курганская область показывает бо-

лее сильные изменения структуры расходов. Наиболее значимые разделы расходов изменяются в большей степени, показывая рост, снижение и последующий рост доли разделов бюджета. Также в структуре расходов Курганской области все большее значение занимает национальная экономика (особенно в 2019–2024 гг.). Для ЯНАО свойственно более равномерное распределение расходов между наиболее крупными разделами.

Расчет индекса HHI показал, что наметилась тенденция к перераспределению между крупными направлениями расходов в некоторых рассматриваемых регионах УрФО. Наиболее выраженные структурные изменения в расходах бюджета наблюдаются у Тюменской области. Но в большинстве регионов отсутствует ярко выраженная концентрация ресурсов по укрупненным группам разделов расходной части бюджета.

Значение цепного индекса Рябцева Свердловской области и ЯНАО колебалось от «тождественно равных структур» (до 0,030) до «весьма низкого уровня значений» (0,031–0,070). Курганская область, ХМАО и Челябинская область в разные годы захватили три уровня изменений, это «тождественно равные структуры» (до 0,030), «весьма низкий уровень значений» (0,031–0,070) и «низкий уровень различий» (0,071–0,150). Тюменская область единственная среди регионов УрФО в большей степени тяготеет к значениям цепного индекса в пределах «низкий уровень различий» (0,071–0,150). Из чего можно сделать вывод, что структурные изменения в расходной части консолидированных бюджетов регионов УрФО не носят разовый характер.

Список литературы

1. Ибрагимова И. И. Бюджетные расходы и их влияние на экономику // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № S1. С. 37–43. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=87607057 (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.47576/2949-1916.2025.8.8.005. EDN: YVAMRA.

2. Ибрагимова И. И. Бюджет и социальное развитие республики Дагестан // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № S1. С. 24–30. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=87607054 (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.47576/2949-1916.2025.8.8.003. EDN: OUKRKJ.

3. Егорова Д. А., Ященко А. И. Развитие подходов к управлению бюджетными расходами: общественно-эффективный подход // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 523–536. DOI: 10.18334/epp.14.2.120510. EDN: RKWVYC.

4. Ануфриева А. А. Совершенствование подхода к оценке эффективности бюджетных расходов в программном формате // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 10. С. 1841–1857. URL: https://www.finizdat.ru/journal/region/detail.php?ID=73478 (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.24891/re.16.10.1841.

5. Яковенко Д. А., Исакова Б. Л., Полякова И. А. Влияние бюджетных расходов на региональный рост // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. Т. 6. № 5 (170). С. 92–103. URL: https://s-lib.com/issues/eiu_2026_05_v6_a10/ (дата обращения: 01.10.2026). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.05.06.010.

6. Наслунга К. С. Подход к анализу влияния регионального бюджета на социальную сферу // Фундаментальные исследования. 2018. № 12–1. С. 137–142. URL: https://fundamental-research.ru/article/view?id=42365 (дата обращения: 05.10.2026).

7. Тишутина О. И., Тишутин А. А. Расходы региональных бюджетов на социальную сферу и их влияние на социально-экономическое положение субъектов РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11–1. С. 118–122. URL: https://vaael.ru/article/view?id=3042 (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.17513/vaael.3042.

8. Балаев А. И. Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 8–35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-struktury-byudzhetnyh-rashodov-na-ekonomicheskiy-rost-v-rossii (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-8-35.

9. Мельков В. К. Оценка региональной дифференциации в контексте структурных сдвигов в регионах различного типа // Финансовый менеджмент. 2024. № 12. С. 273–286. URL: https://finance-man.ru/index.php/journal/article/view/1596 (дата обращения: 05.10.2026).

10. Сорокин А. Е., Хворостов Н. Н. Оптимизация бюджетных расходов Республики Крым для повышения качества жизни населения // Интернаука. 2022. № 26 (249). С. 60–63. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49369512 (дата обращения: 05.10.2026). EDN: RBZZQE.

11. Абдураимова Э. Д. Оптимизация системы управления бюджетными расходами // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2021. № 4 (74). С. 10–13. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48060653 (дата обращения: 05.10.2026). EDN: NEQVOA. DOI: 10.34771/UZCEPU.2021.4.74.002.

12. Веприкова Е. Б., Новицкий А. А. Государственные расходы регионов: состояние и проблемы (на примере анализа реестров расходных обязательств дальневосточных субъектов Российской Федерации) // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 6. С. 117–131. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/ru/archive/34-stati-finansovyj-zhurnal/846-finansovyj-zhurnal-tom-13-6-2021 https://elibrary.ru/item.asp?id=48037255 (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.31107/2075-1990-2021-6-117-131. EDN: HPVJFW.

13. Игонина Л. Л. О долгосрочной устойчивости региональных бюджетов // Фундаментальные исследования. 2021. № 8. С. 29–33. URL: https://fundamental-research.ru/article/view?id=43077 (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.17513/fr.43077.

14. Белова И. А. Интенсивность структурных сдвигов и различий в экономике субъектов Уральского федерального округа // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 3. С. 19–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/intensivnost-strukturnyh-sdvigov-i-razlichiy-v-ekonomike-subektov-uralskogo-federalnogo-okruga (дата обращения: 05.10.2026). DOI: 10.35266/2312-3419-2023-3-19-29.

15. Трофимова Н. В., Мамлеева Э. Р., Сазыкина М. Ю. Диагностика влияния структурных трансформаций на экономику региона // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7 (17). Вып. 4. С. 319–330. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48308498 (дата обращения: 05.10.2026). EDN: BFQWRT.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Статья выполнена в рамках государственного задания для Института экономики УрО РАН на 2026 г.

Financing: The article was prepared within the framework of the state assignment for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2026.

УДК 339:338.26
DOI 10.17513/fr.44101

CC BY 4.0

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ НА ОСНОВЕ ПЯТИЛЕТНИХ ПЛАНОВ

Левченко Т. А. ORCID 0000-0002-9049-2971

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет», Владивосток, Российская Федерация, e-mail: tat_levchenko22@mail.ru

Экономическое развитие Китая осуществляется в рамках пятилетних планов, которые учитывают национальный план развития и дополняются системой отраслевых, региональных планов и государственных программ. Пятилетние планы постоянно совершенствуются. В настоящее время они носят индикативный характер, балансируя между государственным планированием и рыночными механизмами. Опыт Китая уникален, но в то же время может быть переосмыслен другими странами с учетом особенностей их социально-экономического развития и государственного устройства. Цель статьи заключается в анализе основных направлений государственной экономической политики КНР, заложенных в планы 14-й и 15-й пятилеток. Теоретическую основу статьи составили работы российских и китайских ученых, исследовавших вопросы разработки и реализации государственной экономической политики, ее отдельных направлений, а также особенности государственного планирования в КНР. При написании работы были использованы общенаучные методы и подходы, в том числе анализ и синтез информации, сравнение и обобщение, логические методы. В статье проанализированы макроэкономические показатели КНР за 2021–2025 гг.; выделены тенденции, оказавшие влияние на выбор и реализацию текущих мер государственной экономической политики. Проведен анализ выполнения основных целевых показателей 14-й пятилетки, сформулированы подходы к экономическому развитию КНР в 15-й пятилетке. Проанализированы особенности пятилетнего планирования в региональном и отраслевом разрезе. Выделены факторы, которые могут замедлить достижение целей 15-й пятилетки. Указано, что искусственный интеллект занимает ведущее место в 15-м пятилетнем плане, ключевые направления его внедрения проанализированы в соответствии со стратегическим документом «Мнения об углублении реализации инициативы “Искусственный интеллект+”». Сделан вывод о существенном прогрессе Китая в переходе от модели «Сделано в Китае» к модели «Изобретено в Китае» с сохранением социальных и экологических приоритетов.

Ключевые слова: государственная экономическая политика, пятилетка, государственное планирование, Китай, качественное развитие

FORMULATION OF CHINA’S STATE ECONOMIC POLICY BASED ON FIVE-YEAR PLANS

Levchenko T. A. ORCID ID 0000-0002-9049-2971

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vladivostok State University”, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: tat_levchenko22@mail.ru

China’s economic development is carried out within the framework of five-year plans, which take into account the national development plan and are supplemented by a system of sectoral, regional plans and state programs. Five-year plans are constantly being improved. Currently, they are indicative in nature, balancing between state planning and market mechanisms. China’s experience is unique, but at the same time, it can be rethought by other countries, taking into account the peculiarities of their socio-economic development and state structure. The purpose of writing this article is to analyze the main directions of the state economic policy of the PRC, laid down in the plans of the 14th and 15th five-year plans. The theoretical basis of the article consists of the works of Russian and Chinese scholars who studied the development and implementation of state economic policy, its individual areas, as well as the features of state planning in the PRC. When writing the work, general scientific methods and approaches were used, including information analysis and synthesis, comparison and generalization, logical methods. The article analyzes the macroeconomic indicators of the PRC for 2021-2025; The article highlights trends that have influenced the selection and implementation of current government economic policy measures. It analyzes the implementation of key targets for the 14th Five-Year Plan, and formulates approaches to China’s economic development in the 15th Five-Year Plan. The characteristics of five-year planning are analyzed from regional and sectoral perspectives. Factors that could hinder the achievement of the 15th five-year plan’s goals are identified. It identifies artificial intelligence as a key focus of the 15th Five-Year Plan, and analyzes key areas for its implementation in accordance with the strategic document “Opinion on deepening the implementation of the “Artificial Intelligence+” initiative”. A conclusion is drawn regarding the progress of China’s transition from the “Made in China” model to the “Invented in China” model, while maintaining social and environmental priorities.

Keywords: state economic policy, five-year plan, state planning, China, high-quality development

Введение

Особенностью экономической политики КНР является сочетание стратегического планирования, определяющего целевые показатели на срок от 5 лет и более, с гибкими механизмами его реализации. Ключевая роль принадлежит пятилетним планам, которые определяют цели национального развития в социальной, экономической, политической, технологической сферах и являются практическим руководством к действию для органов власти всех уровней. Пятилетние планы дополняются комплексом государственных программ. Опыт Китая уникален, но в то же время может быть переосмыслен другими странами с учетом особенностей их социально-экономического развития и государственного устройства.

Вопросы разработки и реализации государственной экономической политики нашли отражение в работах многих отечественных и зарубежных ученых. Так, с теоретической точки зрения их рассматривают Н. П. Кононкова, Д. А. Михайленко [1], О. А. Образцова [2]. Н. А. Ряховская [3], а также В. А. Плотников, В. В. Погодина и А. А. Смирнов [4] исследуют особенности реализации государственной экономической политики в контексте обеспечения национальной безопасности. Программно-целевой подход в государственном планировании находится в центре внимания А. П. Соколова, И. В. Рыжова [5], Е. В. Жигаленко [6]. Особенности экономического планирования в Японии и Южной Корее выделяют В. В. Карлусов, Л. В. Захарова, С. М. Ребрей [7], во Вьетнаме – Нгуен Ань Фыонг [8]. Отдельные направления государственной экономической политики КНР изучаются как российскими, так и китайскими учеными. В частности, ее инновационная составляющая отражена в работах О. П. Санжиной, Ю. Вэнь, Б. Б. Санжина [9], Т. А. Левченко, Я. Цзян [10], торговая – в работах Е. В. Ермакова, А. Ю. Исаева [11], В. Сунь [12]. Целый ряд авторов посвятили свои исследования развитию Китая в рамках пятилетних планов. Так, А. В. Островский выделяет перспективы развития КНР в 14-й пятилетке [13, 14], Т. А. Левченко – основные тенденции этого периода [15]. Б. Д. Клюкин и И. Г. Чубаров проводят сравнительный анализ эволюции и текущего состояния процесса пятилетнего планирования в Китае и Индии [16, 17].

Цель исследования – анализ основных направлений государственной экономической политики КНР, заложенных в планы 14-й и 15-й пятилеток.

Материалы и методы исследования

При написании работы были использованы общенаучные методы и подходы, в том числе анализ и синтез информации, сравнение и обобщение, логические методы. Информационной основой исследования послужили материалы Государственного Совета КНР, Правительства КНР, Национального бюро статистики КНР.

Результаты исследования и их обсуждение

Экономическая политика Китая учитывает динамику основных макроэкономических показателей последних лет (табл. 1).

Таблица 1

Динамика макроэкономических показателей КНР за 2021–2025 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	Абс. изм-е
Номинальный ВВП, трлн долл. США	18,20	18,32	18,27	18,72	19,50	1,30
Темпы экономического роста, % (рассчитаны по реальному ВВП)	8,57	3,13	5,42	4,96	4,96	-3,61
Темпы роста промышленного производства, %	9,6	3,6	4,6	5,8	5,9	-3,7
Темпы роста оборота розничной торговли, %	18,1	-0,2	7,2	3,2	3,7	-14,4
Индекс потребительских цен, %	0,9	2,0	0,2	0,2	0,0	-0,9
Инвестиции в основной капитал, трлн юаней	52,0	57,2	50,3	51,4	48,5	-3,5
Фактическое использование ПИИ, млрд долл. США	180,96	189,13	163,25	116,24	104,66	-76,3
Сальдо торгового баланса (с учетом товаров и услуг), млрд долл. США	406,02	538,38	379,22	554,12	822,44	416,42

Примечание: составлена автором на основе данных Всемирного банка, Государственного Совета КНР, Национального бюро статистики КНР.

Высокие темпы экономического роста в 2021 г. отражают восстановление экономики после пандемии. В 2022 г. темпы роста существенно замедлились в связи с неблагоприятной геополитической обстановкой, общим снижением международного спроса. В 2023–2025 гг. темпы экономического роста составили чуть более 5%. Удержание темпов роста в таких пределах во многом связано с усилиями правительства по стимулированию внутреннего потребления. При этом промышленное производство росло более высокими темпами, за исключением 2023 г. Однако потребительский спрос в Китае оставался слабым, оборот розничной торговли в последние 2 года менялся незначительно, темпы его роста отставали от темпов роста ВВП. Индекс потребительских цен также оставался на низком уровне, что в определенной степени замедляло экономику, по итогам 2025 г. инфляция фактически отсутствовала. Начиная с 2023 г. рост потребительских цен находился на уровне ниже целевого ориентира правительства (3% в 2023–2024 гг., 2% в 2025 г.), что свидетельствует о слабом восстановлении внутреннего спроса. Инвестиции в основной капитал после 2022 г. значительно снизились, и в настоящее время большая их часть обеспечивается государством. Падение частных инвестиций связано со снижением нормы прибыли, замедлением роста производительности труда и продолжающимся кризисом на рынке недвижимости. Начиная с 2022 г. наблюдалось падение притока иностранного капитала в экономику Китая, и только в 2025 г. этот процесс замедлился. При этом положительным моментом можно считать рост инвестиций в высокотехнологичные отрасли. Китай продолжает оставаться крупнейшим мировым экспортером. Его торговый баланс является профицитным, наиболее быстро увеличивается экспорт высокотехнологичной продукции.

Таким образом, в качестве основных тенденций экономического развития КНР, оказывающих влияние на выбор и реализацию мер государственной экономической политики, можно выделить:

− замедление темпов экономического роста при все более интенсивном развитии высокотехнологичных, особенно «зеленых», отраслей экономики;

− недостаточный внутренний потребительский спрос;

− крайне низкая инфляция;

− снижение частных инвестиций, в том числе иностранных;

− рекордный профицит торгового баланса.

Начиная с 1953 г. экономическое развитие Китая осуществляется в рамках пятилетних планов. Основные целевые показатели 14-й и 15-й пятилеток представлены в табл. 2.

В завершившейся 14-й пятилетке решались задачи по укреплению научно-технического потенциала страны, развитию внутреннего рынка при усилении присутствия на внешнем, а также повышению уровня жизни населения. Китай, несмотря на последствия пандемии, торговые войны и геополитические потрясения, продемонстрировал высокую степень устойчивости экономики. Все основные задачи были решены, целевые показатели достигнуты (за исключением снижения углеродоемкости экономики). Среднегодовые темпы роста экономики составили 5,4% (в среднем в мире – 3,3%), внутренний спрос обеспечил 86,4% прироста ВВП в среднем за 2021–2024 гг.[1] Расходы на научные исследования увеличились на 61%. Это во многом позволило обеспечить рост продаж продукции высокотехнологичных отраслей на 13,9%[2], а также более 10% ВВП основными отраслями цифровой экономики. Улучшались социальные показатели и экологическая ситуация, продолжалось проведение политики открытости.

При этом в Китае существует четкая связь между национальным пятилетним планом и планами отдельных регионов и отраслей. Она реализуется в рамках механизма «Единая стратегическая рамка – гибкая региональная и отраслевая настройка», подразумевающего соблюдение четких стратегических ориентиров, но с учетом местных и отраслевых условий и задач.

Так, все провинции, детализируя национальные цели, одновременно реализуют четыре типа стратегий: Общая региональная интеграция (с ориентацией каждого макрорегиона на решение собственных задач), Крупные региональные инициативы (в реализации которых задействованы отдельные провинции), Зонирование по функциям (развитие приоритетных для региона или провинции видов деятельности), Новая урбанизация (развитие городов и повышение качества жизни населения). Кроме того, один и тот же национальный приоритет, например развитие искусственного интеллекта, в планах разных регионов реализуется по-разному.

[1] SCIO briefing series on ‘high-quality achievements during the 14th Five-Year Plan period’: Economic and social development // The State Council Information Office. [Электронный ресурс]. URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2025-08/12/content_118021792_3.html#1 (дата обращения: 15.10.2026).

[2] Tax data shows faster integration of sci-tech and industrial innovation in China in 2025 // The State Council PRC. [Электронный ресурс]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202601/27/content_WS69786e7ec6d00ca5f9a08c6c.html#1 (дата обращения: 15.10.2026).

Таблица 2

Основные целевые показатели 14-й и 15-й пятилеток

Целевой показатель	План на 14-ю пятилетку	Фактическое достижение в 2025 г.	План на 15-ю пятилетку
Рост ВВП	Поддержание в допустимых рамках с учетом фактических обстоятельств	Среднегодовой рост – 5,4%, что соответствует мировой ситуации и потенциалу национальной экономики	Сохранение в «рациональном диапазоне»
Рост расходов на НИОКР	Более 7% в год	10% в год (на 61% за 5 лет)	Более 7% в год
Доля добавленной стоимости основных отраслей цифровой экономики в ВВП	10% в 2025 г.	10,5%	12,5% в 2030 г.
Объем производства зерна	Более 650 млн т в год	714,9 млн т в год	Не менее 725 млн т в год
Энергетическая комплексная производственная способность	Более 4600 млн т угольного эквивалента	Более 4600 млн т угольного эквивалента	Более 5800 млн т угольного эквивалента
Снижение уровня углеродоемкости экономики	На 18% за 5 лет	На 12% за 5 лет	На 17% по сравнению с 2025 г.
Средняя продолжительность обучения	11,3 года	11,3 года	11,7 лет
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Не менее чем 78,3 года	79 лет	80 лет

Примечание: составлена автором на основе данных:

1. Всемирного банка: GDP (annual % growth) // World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: https://data360.worldbank.org/en/indicator/WB_WDI_NY_GDP_MKTP_KD_ZG (дата обращения: 02.10.2026);

2. Правительства КНР: 李强在政府工作报告中表示，过去五年重大成就的取得，根本在于以习近平同志为核心的党中央领航掌舵，在于习近平新时代中国特色社会主义思想科学指引// Government of the PRC. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2026nztj/2026qglh/yw/202603/content_7060557.htm (дата обращения: 15.09.2026);

3. Государственного Совета КНР: Report on China's national economic, social development plan // State Council Information Office of the PRC. [Электронный ресурс]. URL: http://english.scio.gov.cn/m/topnews/2026-03/15/content_118383286.html (дата обращения: 15.09.2026).

4. Доля добавленной стоимости основных отраслей цифровой экономики в ВВП рассчитывается как выраженное в процентах отношение добавленной стоимости «цифрового ядра» (производство и услуги цифровых продуктов, облачные вычисления, обработка и анализ больших данных, цифровая торговля, цифровые финансы, интеллектуальный транспорт и т. п.) к номинальному ВВП: 统计上如何划分数字经济 // National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.cn/zs/tjws/jbtjzswd/tjbz/202503/t20250324_1959125.html (дата обращения: 15.09.2026);

Углеродоемкость экономики рассчитывается как отношение объема выбросов углекислого газа (CO_2) или парниковых газов в CO_2-эквиваленте к ВВП в постоянных ценах: Indicator explorer // World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: https://esgdata.worldbank.org/data/indicators?lang=en&ind=EN.GHG.CO2.RT.GDP.KD&transform=level&income=all&region=all&year=2024 (дата обращения: 15.10.2026).

В регионах с высоким уровнем развития технологий ставка делается на фундаментальные исследования в данной области, а в регионах, обладающих природными ресурсами, – на создание и расширение центров обработки данных.

В разрезе отраслевого развития центральным правительством в пятилетних планах определяются приоритетные отрасли с концентрацией в них государственных ресурсов, формируются стратегические «дорожные карты». Однако конкретные меры разрабатываются уже на уровне соответствующих министерств, которые формируют отраслевые политики и стандарты [18]. Так, например, за период 14-й пятилетки, благодаря государственным инвестициям и разработке более 70 мер отраслевой политики и 100 стандартов, доля на рынке автомобилей на новых источниках энергии выросла с 5,4 до 47,9%[3].

[3] China's NEV sales rise from 1.37 million to 16.49 million over five years // China News Service. [Электронный ресурс]. URL: https://m.chinanews.com/wap/detail/ecnszw/hfirzsm0916572.shtml (дата обращения: 15.10.2026).

Подход к экономическому развитию КНР в 15-й пятилетке
Примечание: составлен автором по результатам данного исследования

Важно отметить, что центральную роль в контроле исполнения пятилетних планов играет Коммунистическая партия Китая. Она разрабатывает основные направления планов, осуществляет политический надзор, контроль и координацию их реализации, в том числе в региональном разрезе, что обеспечивает единство действий на всех уровнях.

Все достижения, а также цели национального развития были учтены при формировании 15-го пятилетнего плана (2026–2030 гг.).

В новой пятилетке Китай будет ориентироваться на высококачественное развитие, усиление научно-технологической самостоятельности и обеспечение лидерских позиций, повышение качества жизни народа. Власти намерены ускорить внедрение инноваций в ключевых секторах, содействовать интеграции образования и науки, а также построить «цифровой Китай», основанный на искусственном интеллекте (ИИ) и больших данных. Кроме того, планируется продолжать развивать современную промышленность и «зеленую» экономику, раскрывать потенциал внутреннего рынка страны и наращивать открытость и сотрудничество. Такой подход представлен на рисунке.

Как и в 14-й пятилетке, точные темпы роста ВВП не обозначаются, приоритет отдается качеству и устойчивости экономического развития. Расходы на НИОКР планируется наращивать не менее чем на 7% в год, что необходимо для обеспечения научно-технологической самостоятельности. Предполагается увеличить долю основных отраслей цифровой экономики в ВВП примерно на 19% по сравнению с уровнем 2025 г., что отражает курс на цифровизацию. Большое внимание уделено развитию человеческого капитала и вопросам экологии. В качестве приоритетных отраслевых направлений экономического развития КНР обозначены: информационно-коммуникационные технологии с акцентом на искусственный интеллект, нейрокомпьютерные интерфейсы, квантовые технологии, мобильная связь 6G; микроэлектроника; транспортная отрасль; энергетика будущего; биомедицина и биофармацевтика[4],[5].

Однако замедлить достижение целей 15-й пятилетки могут как внешние, так и внутренние факторы. К наиболее значимым внешним факторам относятся геополитическая нестабильность, давление со стороны США через запрет на поставки передовых чипов для искусственного интеллекта, включение китайских компаний в санкционные списки как военных предприятий, ограничения на инвестиции, торговые войны. Все это может затруднить достижение технологического суверенитета, развитие искусственного интеллекта и сетей 6G. Среди внутренних факторов можно выделить слабость потребительского спроса по сравнению с растущими объемами производства, которая усугубляется старением населения; технологическое отставание в сфере производства полупроводников, программного обеспечения для промышленности, отдельных видов материалов; растущий долг местных правительств; продолжающийся кризис на рынке недвижимости. Для снижения воздействия указанных факторов необходимо ориентироваться на стимулирование потребления, улучшение ситуации в долговой сфере, развитие проблемных секторов экономики.

Одно из ведущих мест в 15-м пятилетнем плане уделено искусственному интеллекту, ему посвящен раздел «Цифровая инфраструктура».

[4] Deepening reforms to strengthen prospects // Всемирный банк. [Электронный ресурс]. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/c6aceb75bed03729ef4ff9404dd7f125-0500012021/related/mpo-chn.pdf (дата обращения: 15.09.2026).

[5] Китай 2030: стратегия технологического прорыва // Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/news/1158587393.html (дата обращения: 15.09.2026).

Таблица 3

Характеристика стратегического плана КНР
по развитию искусственного интеллекта

Этап	Стратегическая цель	Ключевые индикаторы	Риски
Широкая интеграция (к 2027 г.)	Обеспечить опережающее достижение широкой и глубокой интеграции искусственного интеллекта с шестью ключевыми сферами	Уровень распространения интеллектуальных терминалов нового поколения, ИИ-агентов и других приложений – более 70%; быстрый рост масштабов базовых отраслей интеллектуальной экономики	Ошибки алгоритмов, утечка данных, недостаток квалифицированных кадров, зависимость от зарубежных технологий
Повсеместное внедрение (к 2030 г.)	Обеспечить высококачественное развитие на основе искусственного интеллекта; превратить интеллектуальную экономику в важнейший полюс экономического роста	Уровень распространения интеллектуальных терминалов нового поколения, ИИ-агентов и других приложений – более 90%; масштаб ИИ-рынка – более 1 трлн юаней; содействие технологической доступности и совместному использованию результатов	Углубление «цифрового разрыва» и социального неравенства, отставание законодательства, сопротивление изменениям
Полноценная трансформация (к 2035 г.)	Всесторонний переход к новому этапу развития интеллектуальной экономики и общества	Качественные показатели: обеспечение всесторонней поддержки модернизации социализма, ИИ – универсальная общественная инфраструктура, интеграция ИИ в повседневную жизнь, достижение технологического паритета	Трансформация семейных отношений, безработица, потеря контроля над эволюцией ИИ и накопление системных ошибок, использование ИИ-агентов для кибератак и терроризма

Примечание: составлена автором на основе 国务院关于深入实施“人工智能+”行动的意见 (2025); данных Национального управления данных КНР; данных Министерства промышленности и информатизации КНР

Кроме того, в августе 2025 г. Государственный совет КНР опубликовал «Мнение об углублении реализации инициативы “Искусственный интеллект+”» (国务院关于深入实施“人工智能+”行动的意见), в котором изложен стратегический план развития искусственного интеллекта до 2035 г., направленный на формирование новой формации «умной экономики и умного общества». Документ определяет шесть основных сфер внедрения искусственного интеллекта, для каждого из которых предусмотрены конкретные задачи и механизмы реализации: наука и технологии, промышленное развитие, повышение качества потребления, социальное благополучие, способности к управлению, глобальное сотрудничество. План будет реализован в три этапа, каждый из которых имеет свою цель и ключевые индикаторы (табл. 3).

Ключевыми особенностями политики КНР по развитию искусственного интеллекта являются синхронность трансформации всех секторов экономики, доступность искусственного интеллекта для всех слоев населения.

Главным стратегическим центром реализации инициативы «Искусственный интеллект+» является Госсовет КНР. Среди других значимых субъектов можно отметить Министерство промышленности и информатизации, Государственный комитет по контролю и управлению государственным имуществом, Государственный комитет по делам развития и реформ, Государственный комитет по контролю и управлению государственным имуществом.

Как и в случае с пятилетними планами, на основе «Мнения об углублении реализации инициативы “Искусственный интеллект+”» разрабатываются планы для конкретных секторов экономики, например промышленности. Большое внимание уделяется этическому регулированию и регулированию ИИ-агентов. Так, в марте 2026 г. Министерство промышленности и информатизации совместно с другими ведомствами выпустило пробную методику этической экспертизы и обслуживания в сфере ИИ, а в мае 2026 г. были опубликованы «Руководящие принципы регулирования и стимулирования инновационного развития ИИ-агентов».

В рамках инициативы «Искусственный интеллект+» уже запущен ряд пилотных проектов. Например, Министерство промышленности и информатизации запустило инициативу по созданию промышленных датасетов для обучения отраслевых моделей и промышленных ИИ-агентов. Кроме того, реализован целый ряд успешных кейсов. Одним из них является приложение в сфере здравоохранения «Муравей Афу», предоставляющее услуги по сопровождению пациентов и вспомогательной диагностике. Широкую известность получили также «умные города» в провинции Гуандун. Например, в Фошане создана система «городской мозг», объединяющая данные 278 ведомств и 505 систем[6], которая помогает управлять городом.

2026 год – первый год 15-й пятилетки. Среди основных целевых показателей на текущий год были обозначены: рост ВВП в диапазоне 4,5–5 %; ИПЦ – около 2 %; производство зерна на уровне не ниже 700 млн т; снижение углеродоемкости ВВП на 3,8 %; создание более 12 млн новых рабочих мест. Для стимулирования экономики запланирован дефицит бюджета на уровне около 4 % ВВП. Достижение указанных показателей позволит сохранить устойчивый рост на основе структурной и экологической трансформации экономики, обеспечить социальную стабильность и национальную безопасность. Существенные ресурсы будут направлены на реализацию приоритетных национальных стратегий и стимулирование внутреннего спроса, процентные ставки будут сохраняться на минимальном уровне.

Заключение

Проведенное исследование позволило выделить следующие основные направления государственной экономической политики Китая:

1) усиление технологического суверенитета;

2) достижение социальной устойчивости;

3) формирование единого национального рынка и стимулирование внутреннего спроса;

4) экологическая трансформация;

5) укрепление продовольственной и энергетической безопасности;

6) государственная поддержка приоритетных отраслей экономики.

Указанные направления взаимосвязаны между собой, формируя систему, в центре которой находится технологический суверенитет. При этом значимость технологического суверенитета значительно выросла. Если в 14-й пятилетке это была одна из целей, то в 15-й пятилетке – абсолютный приоритет. Именно технологический суверенитет позволяет обеспечить энергетическую безопасность и экологическую трансформацию. В свою очередь, на усиление технологического суверенитета направлены меры государства по поддержке приоритетных отраслей. Достижение социальной устойчивости является одним из условий формирования единого национального рынка и достаточного внутреннего спроса, что помогает высокотехнологичному бизнесу масштабировать инновации. Концепции «двойной циркуляции» теперь уделяется меньше внимания, она уступает место более конкретным, но ограниченным мерам по стимулированию потребления.

Нельзя не отметить и существование противоречий между отдельными направлениями государственной экономической политики. Так, достижение технологического суверенитета требует существенных государственных ресурсов и может ограничивать социальные программы. Кроме того, технологический суверенитет означает минимизацию зависимости от внешних поставщиков в критических областях, что может привести к некоторому снижению открытости экономики. Однако Китай стремится не к изоляции, а к созданию глобальной инновационной сети, в которой он будет играть центральную роль; созданию экосистемы, привлекающей ресурсы и таланты на китайских условиях.

Таким образом, 15-й пятилетний план отражает переход к обеспечению полной научно-технологической самостоятельности, мирового лидерства в наиболее перспективных сферах научных исследований и отраслях высоких технологий (страна находится в активной стадии перехода от модели «Сделано в Китае» к модели «Изобретено в Китае», достигнув значительного прогресса в последние годы), с сохранением социальных и экологических приоритетов, которые теперь рассматриваются как подчиненные задачи.

Список литературы

1. Кононкова Н. П., Михайленко Д. А. Государство и рынок в условиях новых вызовов: теоретический анализ // Государственное управление. Электронный вестник. 2026. № 114. С. 7–20. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-114-2026-7-20.

2. Образцова О. А. Экономическая сущность и содержание понятия «государственное регулирование экономики» // Экономика и предпринимательство. 2025. № 5. С. 73–76. DOI: 10.34925/EIP.2025.178.5.008.

3. Ряховская А. Н. Актуальные проблемы реализации государственной экономической политики на современном

[6] «科技赋能 智管全城// 住房城乡建设部. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mohurd.gov.cn/xinwen/dfxx/art/2026/art_94f454bc36154a9dab89f116ababfcfb.html (дата обращения: 15.10.2026).

этапе: антикризисный аспект // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 1. С. 106–118. DOI: 10.26794/1999849x-2024-17-1-106-118.

4. Плотников В. А., Погодина В. В., Смирнов А. А. Национальная экономическая безопасность и государственная политика развития промышленности // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 35–44. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-9-35-44.

5. Соколов А. П., Рыжов И. В. Анализ методов и инструментов программно-целевого подхода в государственном планировании экономической политики // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 12. С. 226–228. EDN: CMLUFD.

6. Жигаленко Е. В. Программно-целевые методы в государственном управлении: возможные риски и перспективы развития // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 481–483. EDN: DTEOUS.

7. Карлусов В. В., Захарова Л. В., Ребрей С. М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примерах Японии и Южной Кореи) // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053.

8. Нгуен Ань Фыонг. Этапы построения рыночной экономики в Социалистической Республике Вьетнам // Финансовые рынки и банки. 2023. № 5. С. 199–206. EDN: ULGLEZ.

9. Санжина О. П., Вэнь Ю., Санжин Б. Б. Формирование инновационного потенциала КНР: региональная и государственная политика // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 8. С. 215–225. EDN: OZFRNA.

10. Левченко Т. А., Цзян Я. Инновационное развитие Китая и России: текущее состояние и особенности государственной поддержки инновационной деятельности // Фундаментальные исследования. 2025. № 6. С. 50–56. DOI: 10.17513/fr.43854.

11. Ермакова Е. В., Исаев А. Ю. Влияние государственного регулирования в странах БРИКС на конкурентоспособность компаний на мировом рынке на примере Китая // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 4. С. 272–280. DOI: 10.26726/rppe2025v4tiogr.

12. Сунь В. Особенности реализации торговой политики Китая // Экономика и управление: проблемы и решения. 2024. Т. 3. № 6. С. 160–164. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.03.018.

13. Островский А. В. Экономика КНР: перспективы развития в 14-й пятилетке // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 4. С. 45–56. DOI: 10.31857/S0131281225040048.

14. Островский А. В. Экономика Китая: новые горизонты развития до 2025 года // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 73–85. DOI: 10.31857/S0131281224020062.

15. Левченко Т. А. Экономическое развитие Китая: основные тенденции и цели 14-й пятилетки // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 109–116. DOI: 10.24143/2073-5537-2022-4-109-116.

16. Клюкин Б. Д. Пятилетние планы КНР и NITI Aayog Республики Индия: принципы и цели экономической политики в 2015–2025 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2025. Т. 69. № 3. С. 162–174. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-69-3-11.

17. Чубаров И. Г. Эволюция институтов централизованного планирования в Китае и Индии. ЭКО. 2024. Т. 54. № 5. С. 263–286. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-263-286.

18. Волкова К. С., Гостиева Н. К. Автомобильная промышленность КНР: стратегическое планирование и рост конкурентоспособности на глобальном рынке // Постсоветский материк. 2024. № 4 (44). С. 116–132. DOI: 10.48137/23116412_2024_4_116.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 339.137:339.98
DOI 10.17513/fr.44102

CC BY 4.0

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ В ЭПОХУ «ДВОЙНОЙ АВТОНОМИЗАЦИИ»: ПОТЕНЦИАЛ И УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Мезинова И. А. ORCID ID 0000-0002-1938-840X, Рябов Р. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: dayainga@gmail.com

Исследование посвящено экономическим отношениям между Российской Федерацией и Европейским союзом в «расширенном» составе (ЕС-27 и Великобритания) в условиях геополитической напряженности и санкционного давления. Цель исследования – комплексная количественная оценка текущего состояния и перспектив двусторонних экономических связей России и европейских стран, а также их влияния на конкурентоспособность национальных экономик в среднесрочной перспективе. Методологической основой служат системный подход к национальной конкурентоспособности и модифицированная методика 9-зонного количественного SWOT-анализа, адаптированная для макроэкономических систем. Оценка парных взаимодействий факторов (S×O, S×T, W×O, W×T) проведена по 5-балльной биполярной шкале на основе данных Международного торгового центра (ITC Trade Map), мониторинга санкционных пакетов ЕС за 2000–2025 гг. и материалов Европейской комиссии. Установлено, что в системе двусторонних отношений преобладает риск стратегического сворачивания: вектор системы определяет доминирующая самоусиливающаяся негативная связка «слабости×угрозы» (квадрант WT), тогда как агрегированный баланс матрицы близок к нейтральному. Ключевым источником деградации связей в рамках примененной модели выступает не ценовая конъюнктура, а системное санкционное давление; тренд на сворачивание энергетического сотрудничества при сохранении текущих политико-правовых ограничений имеет высокую вероятность долгосрочного закрепления. Полученные выводы при условии дополнительной эмпирической проверки могут использоваться как аналитическая основа для корректировки внешнеэкономической стратегии России, определения «точек роста» в несанкционных нишах и оценки рисков «двойной автономизации» экономик.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, экономические отношения, национальная конкурентоспособность, санкции, SWOT-анализ, энергетический переход, двойная автономизация

COMPETITIVENESS IN THE ERA OF “DUAL AUTONOMISATION”: THE POTENTIAL AND THREATS OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION

Mezinova I. A. ORCID ID 0000-0002-1938-840X, Ryabov R. A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Rostov State Economic University (RINH)”, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: dayainga@gmail.com

The study is dedicated to the economic relations between the Russian Federation and the European Union in its “expanded” composition (EU-27 and the UK) under geopolitical tension and sanctions pressure. The aim of the research is a comprehensive quantitative assessment of the current state and prospects of bilateral economic ties between Russia and the European countries and their impact on the mid-term competitiveness of national economies. The methodology combines a systems approach to national competitiveness with a modified nine-zone quantitative SWOT analysis adapted for macroeconomic systems. Pairwise factor interactions (S×O, S×T, W×O, W×T) were scored on a five-point bipolar scale using International Trade Center (ITC Trade Map), monitoring of EU sanctions packages for 2000–2025 and the European Commission data. It is shown that the risk of strategic retrenchment prevails within the system of bilateral relations: the system’s trajectory is driven by a dominant, self-reinforcing negative “weakness × threat” nexus (the WT quadrant), whereas the matrix’s aggregate balance is close to neutral. The key driver of degradation is not price conditions but the systemic sanctions regime; trend of shrinking energy cooperation is largely irreversible. The findings, subject to further empirical verification, can be used as an analytical basis for adjusting Russia’s foreign economic strategy, identifying “growth points” in non-sanctioned niches, and assessing the risks of “double autonomization” of economies.

Keywords: Russia, European Union, economic relations, national competitiveness, sanctions, SWOT analysis, energy transition, dual autonomisation

Введение

Современный этап международных экономических отношений характеризуется нарастающей турбулентностью и фрагментацией глобального экономического пространства. Для России и европейских стран, связанных многовековой историей торгово-экономического взаимодействия, текущий

период является, вероятно, самым сложным за всё послевоенное время. Санкционное противостояние, разрушение логистических и финансовых цепочек и разворот энергетических потоков ставят под вопрос не только текущие объемы сотрудничества, но и саму модель взаимного экономического притяжения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью перейти от эмоциональных оценок и публицистических штампов к строгому количественному анализу произошедших изменений. Понимание того, какие сильные стороны удерживают систему от коллапса, а какие угрозы формируют долгосрочные риски, критически важно для выработки прагматичной внешнеэкономической стратегии России.

Несмотря на обилие публикаций о санкциях и контрсанкциях, большинство работ носят либо сугубо политический, либо описательно-экономический характер. Слабо формализованной остается задача количественной оценки структурных изменений в системе «Россия – ЕС». Задача исследования заключается в систематизации множества противоречивых факторов (политических, экономических, технологических) в единую аналитическую модель, позволяющую измерить силу их взаимовлияния и определить результирующий вектор развития системы.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют несколько научных направлений. Фундаментальные вопросы взаимозависимости национальных экономик и влияния геополитики на международную торговлю заложены в работах П. Кругмана, критически оценивавшего саму концепцию «национальной конкурентоспособности» [1], и А. Хиршмана, разработавшего теорию асимметричной взаимозависимости и «эффекта влияния» во внешней торговле [2]. Применительно к российско-европейским отношениям концепция энергетической взаимозависимости подробно раскрыта К. Вестфалем, подчеркивавшим обоюдную выгоду и обоюдные риски сложившихся связей [3]. В российской науке вклад в анализ двусторонних отношений и внутренних драйверов политики ЕС, включая стремление к стратегической автономии, внесли исследователи ИМЭМО РАН [4, с. 13-353] и Института Европы РАН [5, с. 13-172]. Вопросы технологического суверенитета и влияния санкций также рассматривали С. Ю. Глазьев [6], И. Н. Тимофеев [7] и А. Б. Малихин [8].

Отдельное направление посвящено санкционному воздействию. Исследования, фиксирующие нелинейность влияния санкций и эффекты адаптации [9], настоящая статья развивает, вводя понятие «двойной автономизации» как ответной реакции обеих сторон. Методология количественного SWOT-анализа опирается на разработки в области стратегического планирования; в отличие от классического подхода, описанного Г. Минцбергом [10], система отношений рассматривается как самоорганизующаяся, способная к фазовым переходам под влиянием внешних шоков [11].

Целью работы является комплексная количественная оценка текущего состояния экономических отношений между Россией и Европейским союзом в его «расширенном» составе 2013-2020 гг. (ЕС-27 и Великобритания) на основе модифицированного SWOT-анализа, выявление факторов, определяющих конкурентоспособность двусторонней модели взаимодействия, и обоснование ключевых тенденций ее развития на среднесрочную перспективу. Гипотеза исследования состоит в том, что после 2014 г. система двусторонних связей перешла из зоны устойчивого роста в зону стратегического сворачивания, а ключевым драйвером этого перехода выступает не ценовая конъюнктура сырьевых рынков, а системный санкционный режим, институционализирующий разрыв.

Научная новизна исследования заключается не в самой констатации сжатия российско-европейских экономических связей (эта тенденция зафиксирована как в научной литературе [4; 5; 7; 9], так и в официальных докладах и статистике), а в переводе данной качественной оценки в воспроизводимую количественную форму. Применительно к системе «Россия – ЕС (в составе 28 стран)» предложена и реализована стилизованная 9-зонная количественная SWOT-модель, которая: (1) присваивает каждой паре факторов верифицируемую числовую оценку, привязанную к конкретному статистическому показателю; (2) позволяет в единой шкале сопоставить относительный интегральный вклад санкционного фактора и факторов ценовой и сырьевой конъюнктуры (в рамках модели, без претензии на строгую эконометрическую каузальность, тщательная проверка которой отнесена к дальнейшей эмпирической верификации); (3) формализует критерий отнесения системы к одной из девяти стратегических зон. Дополнительным элементом новизны выступает концептуализация «двойной автономизации» как параллельной самоорганизации экономик России и Европы, объясняющая устойчивость наблюдаемого сжатия к возможному смягчению геополитической конъюнктуры. Таким образом, вклад рабо-

ты носит преимущественно методический и измерительный характер: она не столько заново утверждает факт сворачивания, сколько измеряет его глубину, структуру и доминирующий драйвер.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологической базой работы служит системный подход к анализу международных экономических отношений и национальной конкурентоспособности. Основным инструментарием выступает стилизованная модель количественного SWOT-анализа, адаптированная для исследования макроэкономических систем. В отличие от классической версии, где SWOT применяется для качественного стратегического планирования на уровне фирмы, предлагаемая модификация рассматривает объектом анализа систему двусторонних торгово-экономических связей России и ЕС (ЕС-27 и Великобритания), а субъектом – внутренние (S, W) и внешние (O, T) факторы: к внутренним отнесены сложившиеся исторически структурные характеристики системы, к внешним – текущие и прогнозируемые изменения глобальной среды.

Ключевым методом выступает количественный анализ взаимодействий. Для каждой пары факторов в квадрантах SO, ST, WO и WT методом авторской аналитической оценки (оценки выставлены самими авторами, без привлечения внешнего экспертного опроса) присваивалась оценка по 5-балльной биполярной шкале (от -2 до +2). При пяти сильных и пяти слабых сторонах и шести возможностях и шести угрозах каждый квадрант образует матрицу размерности 5×6, то есть 30 парных оценок, а вся модель – 120 оценок. Авторские оценки не являлись интуитивными: каждая ячейка матрицы верифицировалась конкретным количественным показателем (динамика товарооборота в евро, доли товарных групп, хронология санкционных пакетов, абсолютные значения потерь выручки и т. д.), что обеспечивает воспроизводимость и объективность результатов.

Правило перевода показателя в балл (протокол оценивания) единообразно для всех 120 ячеек: знак оценки задается направлением влияния пары факторов на потенциал сотрудничества (усиление «+», деградация «−»), а модуль – относительной величиной верифицирующего количественного показателя. Приняты следующие пороги: |2| – структурный, системообразующий эффект (изменение соответствующего показателя более чем на 50% либо доля рынка/товарной статьи свыше 30%, необратимый характер связи); |1| – умеренный эффект (изменение показателя в диапазоне 10-50% либо доля 10-30%); 0 – эффект несуществен (изменение менее 10%), отсутствует устойчивая направленность или разнонаправленные эффекты взаимно нивелируются.

Классификация системы проводится в два шага. На первом шаге оценивается агрегированный уровень: средний балл по всем 120 ячейкам матрицы составляет $M = +4/120 \approx +0{,}03$, то есть в среднем взаимодействия близки к нейтральным. Этот показатель фиксирует лишь общий уровень и направления движения не задаёт, поскольку близкое к нулю среднее маскирует сильную асимметрию (поляризацию) матрицы. На втором шаге положение определяется в координатах двух полюсов – среднего балла квадранта роста $m_SO = +0{,}93$ и квадранта сворачивания $m_WT = -1{,}27$; по каждой оси выделяются три уровня (низкий, средний, высокий по модулю), что образует поле 3×3 из девяти стратегических зон – от зоны агрессивного роста (высокий SO при слабом WT) до зоны сворачивания (сильный WT при слабом SO). Приоритетным правилом отнесения служит доминирование полюса по абсолютной величине, эквивалентное условию $R = SO/|WT| \gtrless 1$: при $|WT| > SO$ ($R < 1$) система относится к стороне сворачивания, при $SO > |WT|$ ($R > 1$) – к стороне роста. Здесь $|-38| > |+28|$ ($R = 28/38 \approx 0{,}74 < 1$), что однозначно и устойчиво относит систему к стороне сворачивания. Глубину внутри стороны сворачивания характеризует вспомогательная градация R (0,75-1,0 – умеренная; < 0,75 – выраженная); эта градация используется лишь для качественной характеристики и приоритета над основным правилом не имеет, поэтому её пороговая чувствительность (см. ниже) итоговой зоны не меняет.

Информационная база исследования включает статистические данные Международного торгового центра (ITC Trade Map) [12], материалы Совета ЕС по 19 санкционным пакетам [13] и Европейской комиссии по нормативно-правовым документам ЕС. Для оценки устойчивости результатов проведен анализ чувствительности: изменение любой индивидуальной оценки на ±1 балл не меняет доминирующего по модулю квадранта: |WT| остается в диапазоне 37-39 и превышает SO (27-29), поэтому отнесение системы к стороне сворачивания по основному правилу устойчиво. Основное правило ($R = SO/|WT| < 1$, то есть $|WT| > SO$) при этом не нарушается: при изменении одной оценки R остаётся в пределах ≈0,71-0,76, при одновременном изменении двух оценок – ≈0,69-0,78, то есть во всех случаях $R < 1$. Пороговое значение вспомогательной

градации глубины (0,75) при этом может пересекаться, что отражает пограничную глубину, но итоговой зоны (сторона сворачивания) не меняет.

Интерпретация результатов SWOT-анализа опирается на современную теорию национальной конкурентоспособности. Основополагающий подход М. Портера связывает конкурентоспособность страны с производительностью и качеством деловой среды, описываемыми «бриллиантовой моделью», а в более поздних работах – с детерминантами «базовой конкурентоспособности» на микро- и макроуровнях [14]. Развитие модель получила в концепции «обобщенного двойного бриллианта» (Generalized Double Diamond) Х. Муна, А. Ругмана и А. Вербеке, учитывающей международную составляющую конкурентоспособности и роль ПИИ, а также в прикладной методике MASI, позволяющей оценивать конкурентные стратегии страны [15].

В настоящей работе конкурентоспособность трактуется как способность экономической системы к самоорганизации, то есть к адаптации и структурной перестройке в ответ на внешние возмущения [16]. Такой взгляд продолжает линию исследований о новых тенденциях мировой экономики [17] и глобальной динамики [18] и позволяет рассматривать санкционный шок как внешнее возмущение, запускающее процесс реорганизации обеих экономик. Именно в этой логике феномен «двойной автономизации» интерпретируется как параллельная самоорганизация России и ЕС: каждая сторона повышает собственную конкурентоспособность за счет альтернативных механизмов, что снижает значимость прежней модели взаимодополняемости и определяет результирующую конфигурацию SWOT-матрицы.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ позволяет выделить пять групп возможностей (O) для экономического сотрудничества. Во-первых, сохраняющийся объем взаимной торговли. Даже в условиях беспрецедентного санкционного давления товарооборот не был обнулен – ЕС (ЕС-27 и Великобритания) остался третьим по величине торговым партнером России (68 млрд евро в 2024 г. и 59 млрд евро в 2025 г., 18% от исторического максимума 2012 г. в 321 млрд евро [12]), а ряд стран (Болгария (-4%)) оставили экспорт в РФ примерно на сопоставимом с 2021 годом уровне или даже (как Ирландия (+31,7%), Словения (+52%) и Хорватия (+27,8%)) нарастили его; также Венгрия увеличила объем импорта из РФ по сравнению с 2021 годом на 30,5% (табл. 1). Во-вторых, фундаментальная взаимодополняемость экономик. Россия обеспечивала до 40% импорта газа ЕС в 2021 г., а ЕС поставлял высокотехнологичное оборудование (45–52% экспорта в Россию в 2000–2014 гг.) [12]; эта взаимодополняемость не исчезла, а перешла в латентное состояние.

Таблица 1

Данные по взаимной торговле России и фиксированной группы из 28 европейских стран (ЕС-27 и Великобритания) в 2012-2025 гг., в млрд евро

Страна	2012	2014	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
ЭКСПОРТ РФ									
Великобритания	12	7,6	13	21	21	6,4	0,324	0,435	0,446
Австрия	1,2	0,81	0,912	0,755	0,637	0,299	0,062	0,063	0,018
Бельгия	8,6	11	8,1	5,8	7,8	13	3,8	2,4	2,8
Болгария	5,3	4	3,3	1,9	3	6	3,3	0,275	0,968
Германия	32	28	22	15	23	30	3,4	1,7	1,2
Италия	19	17	14	9,1	19	27	4,1	3,5	1,6
Люксембург	0,015	0,033	0,05	0,038	0,037	0,037	0,023	0,008	0,001
Нидерланды	20	18	16	9,5	19	22	5,2	2,1	1,9
Франция	12	10	8,7	5,7	10	16	3,7	4,1	4,1
Дания	0,573	0,898	1,3	0,947	1,7	0,825	0,321	0,31	0,264
Ирландия	0,102	0,226	0,409	0,292	0,6	0,379	0,073	0,039	0,035
Греция	6	4,8	4,1	2,9	4,3	9,3	2,4	1,8	1,4
Испания	8,1	6	3,4	2,6	6	7,6	3,1	2,4	1,7

Окончание табл. 1

Португалия	0,476	0,71	1,1	0,513	1,1	0,652	0,334	0,199	0,159
Финляндия	10	8,6	8,9	5,8	8,5	6,1	1,2	0,849	0,826
Швеция	7,2	6,2	3,8	1,3	2,1	0,74	0,044	0,038	0,0024
Венгрия	6,4	5,5	4	2,3	3,6	9,2	5,7	5,1	4,7
Кипр	0,06	0,033	0,101	0,036	0,086	0,208	0,017	0,0053	0,0035
Латвия	1,2	1,1	1,1	0,932	1,8	1,8	0,606	0,383	0,126
Литва	8,1	5,7	4,6	2,6	4,5	2,7	0,33	0,219	0,264
Мальта	0,156	0,23	0,286	0,012	0,0059	0,0036	0,001	0,000128	0,0027
Польша	22	18	14	10	17	16	2,5	1,7	1,3
Словакия	5,5	4,7	4,5	3,4	5,6	8,2	4,6	4,4	3,7
Словения	0,412	0,491	0,61	0,377	0,398	1,4	0,239	0,151	0,155
Чехия	6,1	4,7	4,5	2,6	5,9	11	3,2	3,1	1
Эстония	1,8	1,6	1,6	1,4	2,3	2,3	0,18	0,167	0,09
Румыния	2,4	2,3	3,1	1,8	4,8	5,5	0,324	0,144	0,142
Хорватия	1,2	0,872	0,295	0,232	0,465	0,476	0,058	0,152	0,175
ИМПОРТ РФ									
Великобритания	6,8	5	3	2,5	3,2	1,2	0,751	0,663	0,424
Австрия	3,1	3,1	2,4	2,1	2	1,8	1,3	0,992	0,912
Бельгия	5,4	4,1	4,1	3,9	4,4	3,6	2,6	2,4	2,6
Болгария	0,562	0,528	0,525	0,422	0,437	0,489	0,501	0,372	0,419
Германия	39	30	27	23	27	15	8,9	7,6	6,9
Италия	10	9,5	7,9	7,1	7,7	5,8	4,6	4,4	3,7
Люксембург	0,136	0,116	0,163	0,109	0,144	0,049	0,0034	0,0039	0,0015
Нидерланды	7,1	6,3	6,4	6	6,6	3,7	2,2	2,2	2,3
Франция	9,1	6,8	5,6	5,2	6,4	3,1	2	2	1,9
Дания	1,4	1,1	0,772	0,751	0,823	0,316	0,095	0,117	0,079
Ирландия	0,603	0,722	0,612	0,446	0,627	0,549	0,471	0,72	0,826
Греция	0,463	0,357	0,209	0,161	0,207	0,149	0,088	0,081	0,073
Испания	3	2,6	2,1	1,9	2,2	1,3	0,851	0,754	0,769
Португалия	0,182	0,204	0,194	0,178	0,178	0,088	0,073	0,099	0,084
Финляндия	5,6	4,6	3,6	3	3,7	2,1	0,659	0,346	0,305
Швеция	2,6	2,4	2	1,7	2,1	0,954	0,824	0,837	1,3
Венгрия	2,6	2,1	1,8	1,6	1,7	1,3	1,1	0,896	0,82
Кипр	0,02	0,038	0,027	0,047	0,077	0,042	0,021	0,017	0,0096
Латвия	1,1	1,1	1,2	1,1	1,2	1,2	1,1	1	0,977
Литва	4,4	5,1	4,1	3,8	3,7	2,7	2,1	0,636	0,406
Мальта	0,038	0,001	0,0058	0,0042	0,0085	0,000551	0,000197	0,000004	0,000012
Польша	7,7	7,1	7	6,7	7,4	4,8	3,7	2,7	2,2
Словакия	2,7	2,1	1,4	1,2	1,3	0,543	0,349	0,218	0,198
Словения	0,942	1	0,886	0,857	0,854	1,2	1,1	1,2	1,3
Чехия	4,7	4,1	3,8	3,8	3,7	1,5	0,676	0,599	0,486
Эстония	2,5	1,9	1,3	1,2	1,2	1,3	1,1	0,95	0,606
Румыния	1,1	1,5	1,1	0,819	1	0,411	0,236	0,185	0,134
Хорватия	0,329	0,275	0,155	0,177	0,205	0,18	0,223	0,228	0,262

Примечание: составлено авторами на основе данных Международного торгового центра ITC Trade Map с применением зеркальной оценки по РФ. Данные за 2024-2025 гг. имеют предварительный статус и подлежат последующему пересмотру со стороны Международного торгового центра.

В-третьих, возможности климатической повестки: European Green Deal [19] и механизм CBAM [20] формируют новую регуляторную среду, в которой российский потенциал в водородной энергетике и низкоуглеродных технологиях может создать точки пересечения интересов при условии глубокой трансформации энергетической модели. В-четвертых, потенциал научно-технического сотрудничества на базе российского импортозамещения (локализация в нефтегазовом машиностроении выросла с 43% до 70% с 2014 г. [21]). В-пятых, сохранение институциональной инфраструктуры: постоянное представительство России при ЕС и Евратоме продолжает работу, обеспечивая хоть и минимальную, но все же основу для потенциального возобновления диалога. Сохраняется и устойчивый спрос ЕС на критические ресурсы (удобрения – свыше 25% импорта ЕС [12]).

Анализ данных позволяет систематизировать ключевые угрозы (Т). Наиболее существенной является нарастающая деградация торговых связей: с 2022 по 2025 г. объем взаимной торговли с 28 странами снизился на 77% – с 260,5 до 59,1 млрд евро. Беспрецедентным стало формирование положительного сальдо для фиксированной группы ЕС-27 и Великобритании: в 2025 г. экспорт данной группы стран в Россию впервые с 2002 г. превысил импорт. Германия, исторически крупнейший партнер, сократила импорт российских товаров на 94,7% к предсанкционному уровню (товарооборот лишь 8,1 млрд евро в 2025 г.).

Второй угрозой выступает расширение санкционного режима. К концу 2025 г. ЕС принял 19 пакетов санкций, охвативших более 2200 физических и юридических лиц и 557 судов «теневого флота», включая полный запрет импорта российского СПГ с 1 января 2027 г., экстерриториальное применение санкций к третьим странам, запрет криптовалютных и финтех-услуг и новый антиобходный инструмент [13].

Третья угроза – необратимая трансформация энергетического сотрудничества. Трубопроводные поставки «Газпрома» в Европу в 2025 г. составили лишь 18 млрд м³ (минимум с 1973 г.), зависимость ЕС от российского газа сократилась с 40% (2021 г.) до менее 10%, а совокупные потери «Газпрома» от утраты европейского рынка оцениваются в 160 млрд евро за 2025–2030 гг. [22; 23].

Таблица 2

Стилизованная SWOT-матрица экономического сотрудничества России и ЕС

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
S1. Многовековая историческая база торгово-экономических связей (с XIX в.)	W1. Сырьевая структура российского экспорта
S2. Фундаментальная взаимодополняемость экономик	W2. Отсутствие действующего базового соглашения (СПС истекло, новое не подписано)
S3. Сохранение институциональной инфраструктуры (постпредства, дипломатические каналы)	W3. Высокая степень политизации экономических связей
S4. Наличие физической инфраструктуры (газопроводы, частично логистические маршруты)	W4. Асимметрия торгового баланса и зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков
S5. Опыт совместных проектов (TACIS, «Партнерство для модернизации», 4 общих пространства)	W5. Отсутствие механизмов разрешения экономических споров
Возможности (O)	Угрозы (T)
O1. Сохранение экономического интереса ряда стран ЕС	T1. Системный характер санкционного режима (19 пакетов, 2200+ лиц)
O2. Потенциал климатической повестки (водородная энергетика, «зеленый» аммиак)	T2. Запрет российского СПГ с 2027 г. и потеря ≈160 млрд евро выручки «Газпрома» до 2030 г.
O3. Переход к равноправной модели НТС на базе российского импортозамещения	T3. Экстерриториальное расширение санкций на третьи страны
O4. Восстановление торговли в несанкционных группах и диверсификация через третьи страны	T4. Формирование альтернативных торговых экосистем
O5. Использование транзитного потенциала Северного морского пути	T5. Углубление технологического разрыва и «двойная автономизация»
O6. Спрос ЕС на критические ресурсы (удобрения, металлы)	T6. Макроэкономические дисбалансы

Примечание: составлено авторами на основе данных ITC Trade Map и данных Совета ЕС и Европейской комиссии.

Таблица 3

Значения пар факторов SWOT-анализа

Балл	Значение
+2	Взаимное положительное усиление обоих факторов
+1	Умеренное положительное взаимодействие
0	Нет связи или разнонаправленные эффекты нейтрализуются
−1	Умеренное негативное взаимодействие
−2	Взаимное отрицательное усиление (критическая связка)

Примечание: составлено авторами на основе данных, полученных в ходе исследования.

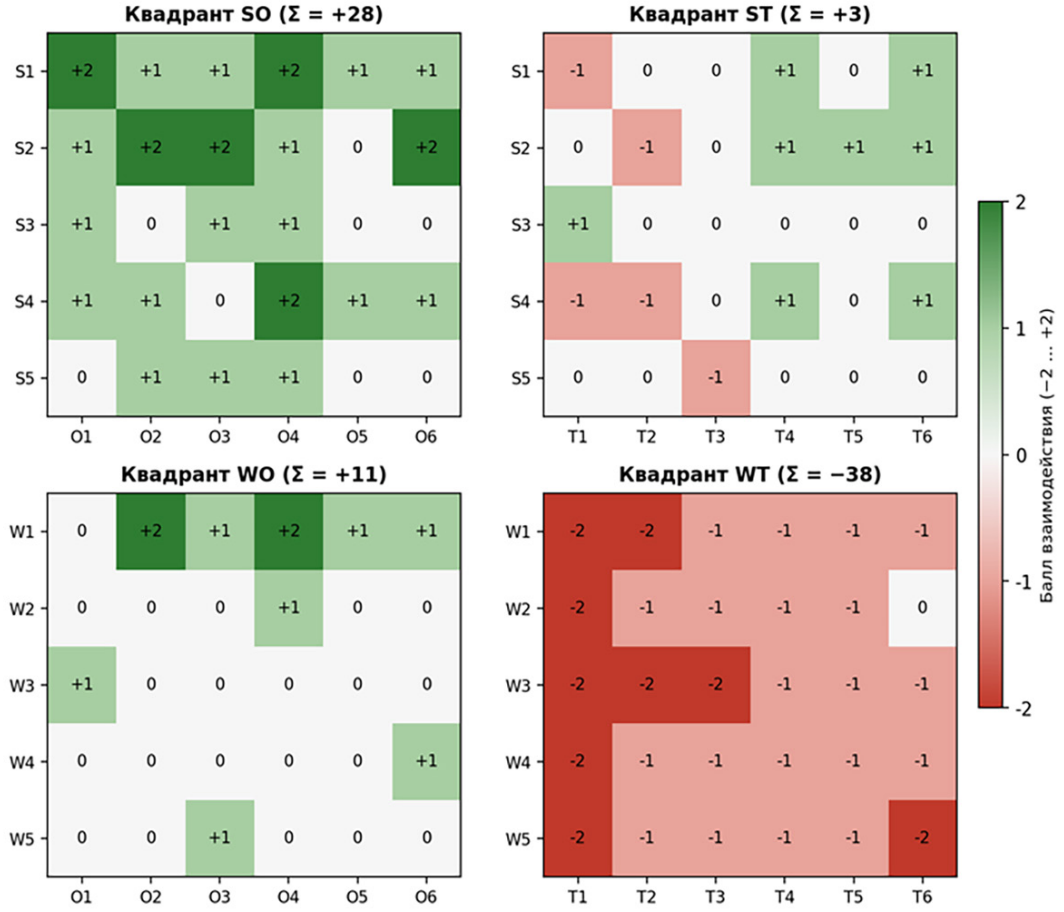

Рис. 1. Количественные SWOT-матрицы взаимодействия факторов
Примечание: составлено авторами по результатам данного исследования

Четвертая угроза – углубляющийся технологический разрыв: и Россия (программы импортозамещения [24]), и ЕС (European Chips Act [25], Digital Europe Programme [26], Digital Compass 2030 [27]) делают ставку на технологическую автономизацию по ключевым критическим технологиям, что взаимно снижает спрос на технологическое взаимодействие. Пятая угроза – формирование альтернативных торговых экосистем (например, Россия – Китай (с товарооборотом около 202 млрд евро в 2025 г.); ЕС – Индия (124 млрд евро). Шестая – макроэкономические дисбалансы: стагфляция в России (высокая ключевая ставка, дефицит бюджета 2,6% ВВП в 2025 г.) и последствия энергетического кризиса в ЕС. На основании анализа целесообразно обобщить факторы в форме стилизованной SWOT-матрицы (табл. 2).

Для количественной оценки факторов, выявленных в таблице 2, применена модифицированная методика 9-зонного SWOT-анализа. Центральная идея – переход от качественного перечисления факторов к попарной числовой оценке их взаимодействия. Для каждой пары факторов определена оценка по 5-балльной биполярной шкале (табл. 3).

Оценки присвоены самими авторами методом аналитической оценки (авторское экспертное суждение, а не опрос внешних экспертов): каждая ячейка матрицы обоснована конкретными количественными показателями (объемы торговли, доли товарных групп, ценовая динамика, хронология санкций). Равенство числа сильных и слабых сторон (по 5 факторов) обеспечивает баланс противоположных квадрантов; шесть возможностей и шесть угроз формируют квадранты размерности 5×6. Проведенный анализ чувствительности показал, что ни одно изменение оценки на ±1 балл не меняет доминирующий по модулю квадрант (WT) и, соответственно, отнесение системы к стороне сворачивания по основному правилу; при этом вспомогательный индикатор R чувствителен вблизи порога 0,75.

Количественная оценка матрицы подтверждает, что система российско-европейских связей в 2014–2025 гг. смещается в зону стратегического сворачивания. Получены следующие суммарные показатели по квадрантам: SO (+28), ST (+3), WO (+11), WT (−38); общий баланс матрицы составляет +4 балла. Это означает, что совокупный позитивный вклад сильных сторон и возможностей лишь незначительно превышает интегральный негативный эффект сочетаний слабостей и угроз. Отношение SO/|WT| = 28/38 ≈ 0,74 фиксирует доминирование зоны сворачивания, несмотря на формальное преобладание положительных значений в квадрантах SO и WO. Тепловые карты квадрантов представлены на рисунке 1.

Следует подчеркнуть, что общий баланс матрицы (+4 балла), доминирование квадранта и стратегическая зона – три разные характеристики, которые необходимо разграничивать. Общий баланс (+4) является алгебраической суммой разнородных квадрантов, близок к нулю (агрегированный уровень – пограничный, близкий к нейтральному) и критерием классификации не выступает. Стратегическая сторона определяется в первую очередь доминирующим по модулю квадрантом, которым является WT (-38 против +28 у SO); это правило устойчиво к изменению отдельных оценок на ±1 балл и относит систему к стороне сворачивания. Вспомогательный индикатор глубины R = SO/|WT| = 28/38 ≈ 0,74 лежит вблизи порога 0,75, то есть характеризует положение как пограничное по глубине, но приоритета над правилом доминирующего квадранта не имеет. Тем самым близкий к нейтральному агрегированный баланс не противоречит отнесению системы к стороне сворачивания: это характеристики разного уровня.

В матрице SO преобладают положительные оценки «+1» и «+2»: сильные стороны S1 (историческая глубина связей), S2 (взаимодополняемость экономик) и S4 (действующие энергетические маршруты) сочетаются с возможностями O2 (климатическая повестка), O4 (диверсификация через третьи страны) и O6 (спрос на критические ресурсы). Это отражает то, что глубина связей, взаимодополняемость по оси «технологии – сырье» и действующие маршруты остаются драйверами использования возможностей. Напротив, в квадранте WT наблюдается концентрация оценок «-1» и «-2» для слабостей W1, W3 и W5 в сочетании с угрозами T1–T3, что отражает критическое усиление санкционного давления, политической волатильности и энергозависимости. По сути, квадрант WT выступает зеркальным отражением досанкционной модели 2000–2013 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Итоговые значения расчета по квадрантам SWOT-матрицы

Квадрант	Σ баллов	Средний балл
SO (Рост)	+28	0,93
ST (Защита)	+3	0,10
WO (Совершенствование)	+11	0,37
WT (Сворачивание)	-38	-1,27
ИТОГО	+4	—

Примечание: рассчитано авторами (каждый квадрант – матрица 5×6, 30 парных оценок).

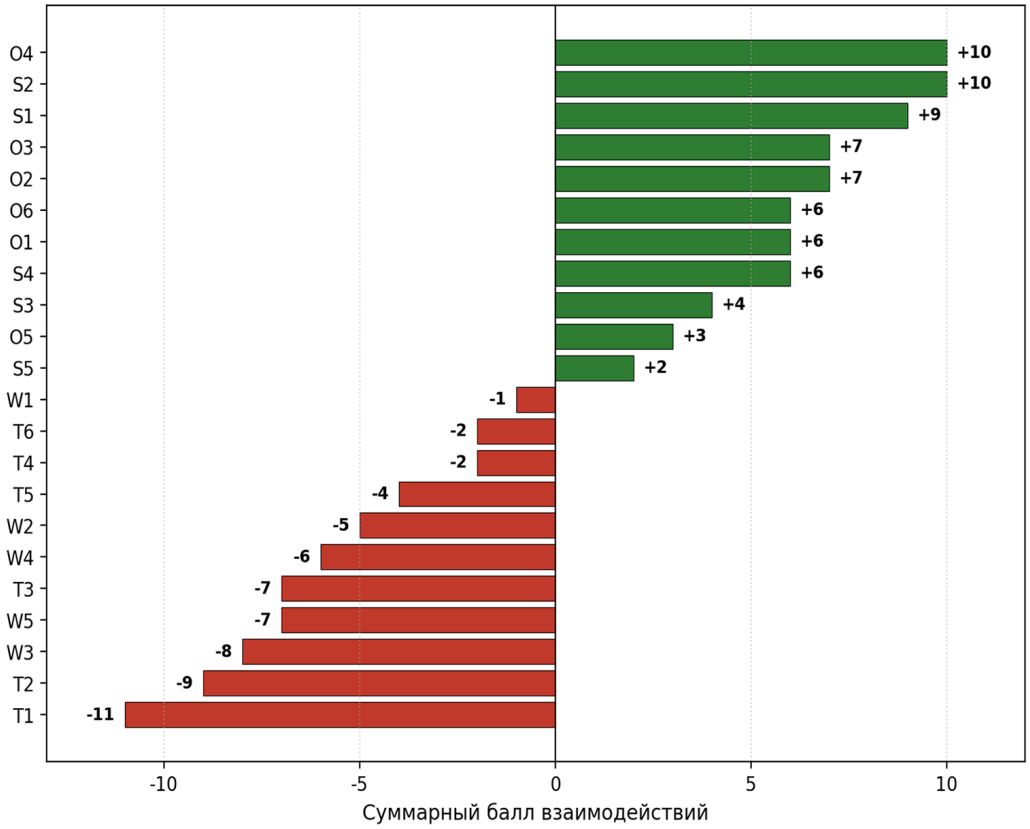

Рис. 2. Рейтинг факторов SWOT по суммарному баллу взаимодействий
Примечание: составлено авторами по результатам данного исследования

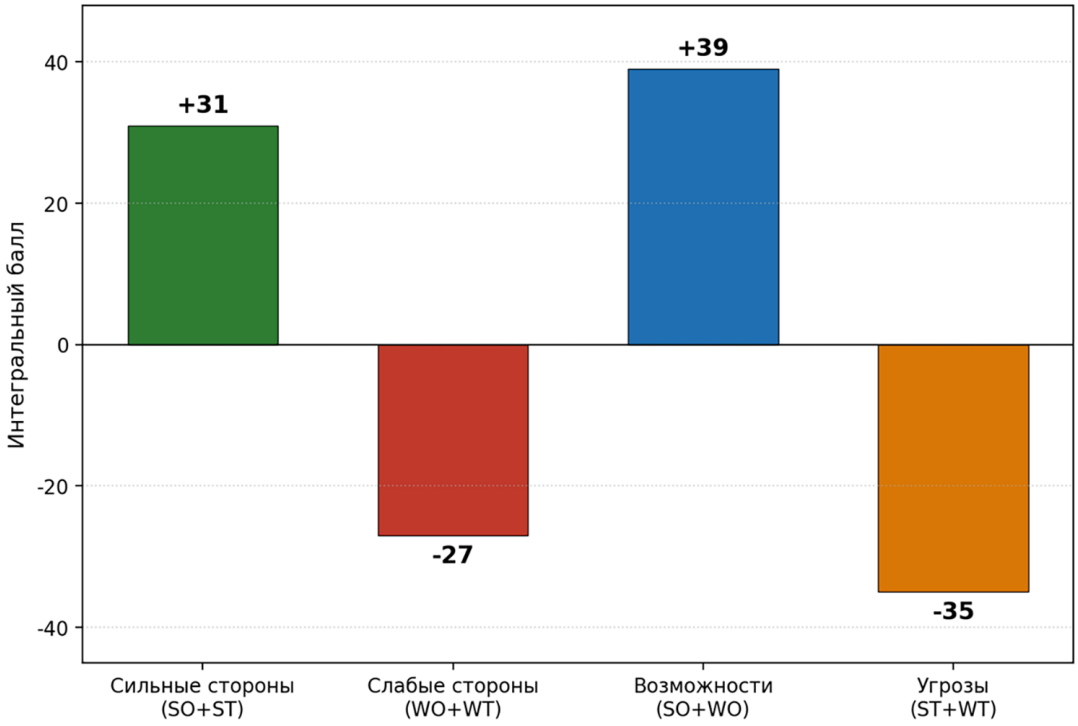

Рис. 3. Стратегический баланс SWOT: положительные и отрицательные стороны
Примечание: составлено авторами по результатам данного исследования

Ранжирование факторов по суммарному баллу взаимодействий (рис. 2) позволяет выделить ключевые источники устойчивости и уязвимости системы. Среди сильных сторон наибольший интегральный эффект демонстрирует S2 – фундаментальная взаимодополняемость экономик (+10 баллов); далее следуют S1 – историческая глубина связей (+9 баллов), S4 – действующие энергетические маршруты (+6 баллов) и S3 – институциональная инфраструктура (+4 балла). В блоке слабых сторон доминирует W3 – высокая политизация экономических связей (-8 баллов), далее W5 – отсутствие механизмов разрешения споров (-7 баллов) и W4 – асимметрия торгового баланса (-6 баллов).

Среди внешних возможностей наибольший суммарный эффект демонстрирует O4 – диверсификация торговли и восстановление несанкционных групп (+10 баллов), что отражает уже происходящую переориентацию потоков; далее O2 (климатическая повестка, +7 баллов) и O3 (равноправная модель НТС, +7 баллов). Однако данный потенциал наталкивается на сильные внешние ограничения: наиболее значимой угрозой оказывается T1 – системный санкционный режим (-11 баллов), далее T2 – запрет СПГ и потери «Газпрома» (-9 баллов) и T3 – экстерриториальное расширение санкций (-7 баллов), что количественно фиксирует доминирование квадранта WT. Принципиально, что наибольший негативный вклад вносит именно внешний фактор санкционного режима (T1), а не ценовая конъюнктура: это подтверждает гипотезу о системном характере деградации связей. Тем не менее важно отметить, что относительное преобладание санкционной компоненты в рамках модели не отменяет необходимость в проведении дальнейшего независимого эконометрического расчета каузальности.

Сводная оценка стратегического баланса (рис. 3) показывает, что совокупное влияние сильных сторон (SO+ST) достигает +31 балла, тогда как слабости (WO+WT) дают -27 баллов; внешние возможности (SO+WO) оцениваются в +39 баллов, а совокупное воздействие угроз (ST+WT) – в -35 баллов. Формально позитивные компоненты (S и O) лишь немного превосходят негативные (W и T), что соответствует переходу системы из зоны устойчивого роста в пограничное состояние с доминированием сценариев сворачивания. Для перехода в зону роста необходимо увеличить суммарную «силу» квадранта SO как минимум на 10 баллов или сократить абсолютную величину WT на ту же величину, что в условиях сохраняющегося санкционного режима и реализации Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) выглядит маловероятным без качественного изменения политико-правовой рамки отношений. Уточним, что характеристика «пограничное состояние» относится к агрегированному балансу (близкому к нулю), тогда как отнесение системы к стороне сворачивания задается доминирующим квадрантом WT и от знака совокупного баланса не зависит.

Таким образом, количественный SWOT-анализ подтверждает, что досанкционная модель торгово-экономического взаимодействия ЕС и России, обеспечивавшая устойчивый рост товарооборота за счет энергетической взаимозависимости и взаимодополняемости экономик, после 2014 г. трансформировалась в конфигурацию, в которой риск стратегического сворачивания объективно доминирует над потенциалом адаптивного роста. Доминирование квадранта WT (-38 баллов) над SO (+28 баллов) и коэффициент $SO/|WT| \approx 0{,}74$ количественно фиксируют переход системы из зоны роста в зону сжимающейся кооперации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд ключевых положений, напрямую коррелирующих с поставленной целью и выдвинутой гипотезой. Во-первых, угрозы в настоящее время количественно и качественно превалируют над возможностями. Совокупный масштаб потерь от деградации торговых связей (около 190 млрд евро за 2022–2024 гг.) многократно превышает потенциальный эффект идентифицированных возможностей. Угрозы носят системный и самоподдерживающийся характер: санкционный фактор (T1) усиливает действие запрета СПГ и финансовых ограничений (T2–T3, T6), формируя устойчиво отрицательную конфигурацию квадранта WT, тогда как реализация возможностей остается условной.

Во-вторых, рейтинговый анализ факторов в рамках применённой модели ставит под сомнение распространённое представление о ценовой природе кризиса: полученные результаты указывают на доминирующую роль санкционного режима в рамках примененной экспертной модели, а не циклического изменения цен на сырье. Именно внешний фактор T1 (-11 баллов) демонстрирует наибольший негативный интегральный эффект, а среди внутренних слабостей доминирует политизация экономических связей (W3, -8 баллов). Санкции корректно квалифицировать как внешнюю угрозу системе, а не как ее внутреннюю слабость: их разрушительное действие реали-

зуется через взаимодействие с внутренними уязвимостями (сырьевая структура экспорта, отсутствие правовой базы партнерства).

В-третьих, энергетическая трансформация при сохранении текущих политико-правовых ограничений имеет высокую вероятность долгосрочного закрепления. Восстановление сотрудничества в прежнем формате (трубопроводный газ как основа торговли) практически исключено ввиду физического повреждения инфраструктуры, наращивания альтернативных маршрутов и законодательных ограничений на импорт российского СПГ к концу десятилетия. В количественных терминах это отражается в том, что сочетания сильной стороны S4 с угрозами T1-T3 уже не компенсируют совокупный негативный эффект слабостей W1 и W3 в связке с теми же угрозами.

В-четвертых, наблюдается процесс «двойной автономизации» экономических систем. Россия ускоренно развивает технологический суверенитет и переориентирует торговые потоки в сторону азиатских партнеров, тогда как ЕС выстраивает собственную технологическую и энергетическую автономию через инструменты European Chips Act, REPowerEU и Global Gateway. В контексте понимания конкурентоспособности как самоорганизации обе стороны под воздействием внешнего возмущения перестраивают внутреннюю структуру, повышая устойчивость за счет альтернативных механизмов. Параллельная автономизация снижает вероятность возврата к прежней модели взаимозависимости даже при гипотетическом смягчении геополитических противоречий; конкурентоспособность более не достигается за счет прежней взаимодополняемости.

В-пятых, точки потенциального взаимодействия смещаются в новые сферы. Если в 2000–2014 гг. основой партнерства были энергоносители и взаимные инвестиции, то к горизонту 2030 г. относительное значение приобретают климатическая повестка (водород, низкоуглеродные технологии), критические ресурсы (удобрения, отдельные металлы) и транспортная логистика (Северный морской путь). При этом бизнес-среда демонстрирует большую устойчивость, чем политические институты: динамика торговли Венгрии, Словении, Хорватии свидетельствует о наличии экономических интересов, устойчивых к политическому давлению.

Подводя итог, проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: система двусторонних отношений сместилась из зоны устойчивого роста (характерной для 2000–2013 гг.) в зону стратегического сворачивания, а интегральный показатель $SO/|WT| \approx 0{,}74$ свидетельствует о том, что сохраняющиеся сильные стороны не способны компенсировать нарастающее давление слабостей и угроз без кардинального изменения внешнеполитической конъюнктуры. В краткосрочной перспективе разрыв связей снижает конкурентоспособность энергоемких производств ЕС и доступ России к западным технологиям, однако в среднесрочной перспективе обе стороны повышают конкурентоспособность за счет альтернативных механизмов. Реализация сохраняющихся возможностей (O2, O4, O6) возможна лишь в формате «точечной» кооперации, свободной от высокой политизации. Полученные выводы при условии дополнительной эмпирической проверки могут использоваться как предварительная аналитическая основа для корректировки внешнеэкономической стратегии России, определения «точек роста» в несанкционных нишах и оценки рисков, связанных с процессами «двойной автономизации» экономик. Соответственно, дальнейшие исследования целесообразно направить на верификацию модели и расчет сценариев изменения квадрантов SWOT-матрицы при различных траекториях санкционного режима.

Список литературы

1. Krugman P. R. Competitiveness: A Dangerous Obsession // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 2. P. 28–44. URL: http://gesd.free.fr/krugman94.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

2. Hirschman A. O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley: University of California Press, 1980. 172 p. ISBN: 0-520-04082-1.

3. Westphal K. German-Russian Gas Relations in face of the energy transition// Russian Journal of Economics. 2020. № 6(4). P. 406-423. URL: https://rujec.org/article/55478/ (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.32609/j.ruje.6.55478.

4. Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией / Под ред. Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева; ИМЭМО РАН. М.: Изд-во Весь Мир. 2020. 368 с. ISBN: 978-5-7777-0832-8. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/2020-Strategicheskaya-Arbatova.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

5. Аникеев С. А., Айвазян Д. С., Биссон Л. С., Васильченко А. Д., Ведерников М. В., Годованюк К. А., Доманов А. О., Котов А. В., Маслова Е. А., Плюснин Р. М., Скрипка И. Р., Трофимов П. А., Чихачёв А. Ю., Шариков П. А. Европейская стратегическая автономия: оценки и вызовы. М.: Доклады Института Европы № 420. 2025. 190 с. ISBN: 978-5-98163-232-7. URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/420.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.15211/report32025_420.

6. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 2(32). С. 11–22. URL: https://www.eijournal.ru/jour/article/view/803/280 (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.22394/2073-2929-2020-2-11-22.

7. Тимофеев И. Н. Торговые санкции Европейского союза в отношении России: современная практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 2. С. 233-247. URL: https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/17628 (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.21638/spbu05.2024.205

8. Малихин А. Б. Ретроспектива санкционного режима в рамках торговоэкономического сотрудничества России и Европейского союза // Вестник евразийской науки. 2022. № 14(4). URL: https://esj.today/PDF/28ECVN422.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.15862/28ECVN422.

9. Russia's and the EU's sanctions: economic and trade effects, compliance and the way forward. WIFO Studies. WIFO. 2017. № 60669. ISBN: 978-92-846-1740-1. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603847/EXPO_STU(2017)603847_EN.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.2861/658339.

10. Mintzberg H. The Rise and Fall of Strategic Planning // Harvard Business Review. 1994. Reprint 94107. P. 107-114. URL: https://theisrm.org/documents/Mintzberg%20%281994%29%20Fall%20and%20Rise%20of%20Strategic%20Planning.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

11. Мезинова И. А. Формализация алгоритмов формирования национальной конкурентоспособности в структуре государственного управления экономикой в условиях внешних возмущений // Фундаментальные исследования. 2026. № 2. С. 25-32. URL: https://s.fundamental-research.ru/pdf/2026/2/43977.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.17513/fr.43977.

12. Официальный сайт Международного торгового центра. ITC Trade Map. [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/en/goods/time-series/ (дата обращения: 11.08.2026).

13. Официальный сайт Совета Европейского Союза. Russia's war against Ukraine: EU sanctions. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/ (дата обращения: 01.07.2026).

14. Delgado M., Ketels C., Porter M. E., Stern S. The Determinants of National Competitiveness // NBER Working Paper № 18249. Cambridge, MA: NBER, 2012. 47 p. URL: https://www.nber.org/papers/w18249 (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.3386/w18249.

15. Мезинова И. А. Международная конкурентоспособность России: концептуальные основы и новые стратегические подходы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 212. № 4. С. 386–418. URL: https://www.veorus.ru/upload/iblock/a6a/veo_212.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

16. Самофалов В. И., Мезинова И. А. Самоорганизация национальной экономики в условиях стохастической мирохозяйственной среды: вербальная модель конкурентоспособности // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2024. № 1. С. 69–73. URL: http://risk-online.ru/archive/2024/01/1560-8816-2024-1-69-73/ (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.56584/1560-8816-2024-1-69-73.

17. Афонцев С. А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 36–46. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2019/5-t-63/economy-economic-theory/new-trends-in-global-economy (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46.

18. Садовничий В. А., Акаев А. А., Ильин И. В., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование глобальной динамики в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 5–35. URL: http://www.vestnik27-msu.ru/issue/article/2093/ (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.56429/2414-4894-2022-39-1-5-35.

19. Официальный сайт Совета Европейского Союза. European Green Deal. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/european-green-deal/ (дата обращения: 11.08.2026).

20. Официальный сайт Европейский Комиссии. Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM). [Электронный ресурс]. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en (дата обращения: 11.08.2026).

21. Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. Импортонезависимость России в нефтегазовом оборудовании выросла до 70%. 18.09.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://nangs.org/news/technologies/importonezavisimost-rossii-v-neftegazovom-oborudovanii-vyrosla-do-70 (дата обращения: 11.08.2026).

22. РБК. Экспорт российского газа в Европу упал до минимума за полвека. 30.12.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/12/2025/6953bdfc9a7947ca31d416d3?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 11.08.2026).

23. Деловой профиль. Российский и мировой рынки нефтегаза. 22.07.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rossiyskiy-i-mirovoy-rynki-neftegaza/ (дата обращения: 11.08.2026).

24. Фонд развития промышленности. Перечни критической промышленной продукции Минпромторга России. [Электронный ресурс]. URL: https://frprf.ru/plany-importozameshcheniya/ (дата обращения: 11.08.2026).

25. Официальный сайт Европейский Комиссии. European Chips Act. [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-chips-act (дата обращения: 11.08.2026).

26. Официальный сайт Европейский Комиссии. The Digital Europe Programme. [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme (дата обращения: 11.08.2026).

27. Официальный сайт Европейский Комиссии. 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52021DC0118 (дата обращения: 11.08.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 339.9:321.011
DOI 10.17513/fr.44103

CC BY 4.0

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ЛОГИКЕ СТРУКТУРНОГО НЕОРЕАЛИЗМА

Орлова Д. Р. ORCID ID 0000-0002-2901-070X

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация, e-mail: peskovaD@yandex.ru

Статья посвящена теоретическому осмыслению экономического суверенитета государства в рамках структурного неореализма. В качестве исходной предпосылки рассматривается международная среда как совокупность структурных ограничений, воздействующих на возможности государства, распределение его ресурсов и характер внешнеэкономического поведения. На основе положений К. Уолтца и последующего развития неореалистической традиции анализируется взаимосвязь между распределением возможностей, принципом самопомощи, относительными выгодами и формированием экономических зависимостей в условиях международной взаимозависимости. Отдельное внимание уделено разграничению асимметричной взаимозависимости, относительных выгод и сетевой власти как самостоятельных механизмов, посредством которых внешнеэкономические связи влияют на стратегический выбор государств. Экономический суверенитет предлагается понимать как способность государства сохранять пространство самостоятельного выбора, оставаясь включенным в международные экономические связи и управляя критическими зависимостями. Теоретические положения сопоставляются с практикой Китая, Европейского союза и США в управлении технологическими, энергетическими и производственными зависимостями. Сделан вывод о том, что расширение внутренних экономических и технологических возможностей, диверсификация внешних связей и снижение критической уязвимости позволяют государствам адаптироваться к структурным ограничениям международной системы без утраты способности к самостоятельному стратегическому выбору.

Ключевые слова: структурный неореализм, экономический суверенитет, международная конкуренция, экономическая автономия, критические зависимости

ECONOMIC SOVEREIGNTY THROUGH THE LENS OF STRUCTURAL NEOREALISM

Orlova D. R. ORCID ID 0000-0002-2901-070X

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation, e-mail: peskovaD@yandex.ru

The article examines the theoretical understanding of state economic sovereignty from the perspective of structural neorealism. The study proceeds from the premise that the international environment constitutes a set of structural constraints shaping state capabilities, resource allocation, and patterns of foreign economic behavior. Drawing on K. Waltz's propositions and subsequent developments in neorealist thought, the analysis addresses the relationship between the distribution of capabilities, the principle of self-help, relative gains, and the emergence of economic dependencies under conditions of international interdependence. Particular attention is given to distinguishing asymmetric interdependence, relative gains, and network power as separate mechanisms through which external economic relations affect states' strategic choices. Economic sovereignty is interpreted as the capacity of a state to preserve a sphere of autonomous decision-making while remaining integrated into international economic relations and managing critical dependencies. The theoretical arguments are compared with the practices of China, the European Union, and the United States in managing technological, energy, and production dependencies. The study concludes that strengthening domestic economic and technological capabilities, diversifying external relations, and reducing critical vulnerabilities enable states to adapt to structural constraints while retaining the capacity for autonomous strategic choice.

Keywords: structural neorealism, economic sovereignty, international competition, economic autonomy, critical dependencies

Введение

Изменение мировой экономической системы и углубление взаимозависимости государств делают проблему сохранения экономической автономии все более значимой для международных отношений и политической экономии. Традиционно экономический суверенитет связывался с внутренними возможностями государства, устойчивостью национальной экономики и контролем над ключевыми ресурсами. В современных условиях такого понимания недостаточно. Перераспределение экономической мощи, изменение глобальных цепочек создания стоимости, обострение конкуренции за технологические преимущества и появление новых форм зависимости показывают, что на поведение государств воздействуют не только внутренние факторы. Следовательно, для формирования и укрепления эко-

номического суверенитета необходимо учитывать внешние ограничения, возникающие в международной экономической среде.

В трактовке структурного неореализма Кеннета Уолтца международная система имеет анархичный характер, подразумевающий, что государства действуют в условиях неопределенности и при отсутствии наднационального центра, способного регулировать их поведение. Изначально данная теория была сосредоточена на военно-политическом измерении силы. Однако ее базовые теоретические категории позволяют адаптировать ее и для анализа экономического поведения государств.

В данной работе экономический суверенитет рассматривается как способность государства сохранять возможность самостоятельного принятия решений, несмотря на структурные ограничения, задаваемые международной системой. Экономический суверенитет целесообразно понимать прежде всего как наличие реальных альтернатив, а не как сокращение внешних связей. Государство сохраняет свободу действий тогда, когда может менять поставщиков, технологии, источники финансирования и рынки без неприемлемых потерь. Поэтому задача политики состоит не в автаркии, а в предотвращении ситуаций, когда одна внешняя зависимость начинает определять стратегический выбор страны. Очевидно, что использование порогового подхода к определению суверенитета здесь нецелесообразно в силу неоднородности экономической мощи разных стран.

В таком понимании накопление и защита экономических возможностей имеют значение не только для повышения эффективности национальной экономики, но и для уменьшения стратегической уязвимости и сохранения относительной самостоятельности государства. Для практического анализа эта способность раскрывается через три взаимосвязанных аспекта: устойчивость к асимметричной экономической зависимости; учет относительных выгод при выборе внешнеэкономических связей; снижение уязвимости, возникающей вследствие контроля других государств над критически значимыми экономическими и технологическими сетями. Объектом исследования выступают современные внешнеэкономические связи государств, складывающиеся под воздействием международной конкуренции и структурных ограничений. Предмет исследования составляют механизмы и направления государственной политики, связанные с управлением внешнеэкономическими зависимостями и сохранением экономической автономии.

Цель исследования – развитие теоретического подхода к исследованию экономического суверенитета на основе принципов структурного неореализма. Для ее достижения решаются следующие задачи: определить экономико-методологические основания структурного неореализма; раскрыть значение экономических возможностей для формирования совокупной мощи государства; обосновать понимание экономического суверенитета как способности сохранять самостоятельность в условиях структурных ограничений международной системы.

Научная новизна работы определяется теоретической интерпретацией экономического суверенитета с позиций структурного неореализма. Предлагается рассматривать его как способность государства управлять критическими зависимостями и одновременно сохранять пространство стратегического выбора в анархичной международной среде.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет концептуальный анализ положений структурного неореализма применительно к проблематике экономического суверенитета. Теоретические выводы конкретизируются посредством рассмотрения отдельных примеров государственной политики Китая, Европейского союза и США в сфере управления внешнеэкономическими зависимостями.

Результаты исследования и их обсуждение

Экономико-теоретические истоки неореализма

Структурный неореализм был сформирован Кеннетом Уолтцем как подход, объясняющий поведение государств через устройство международной системы, которое задает внешние ограничения и формирует стимулы стратегического выбора [1]. В своей более ранней работе «Человек, государство и война: теоретический анализ» (Man, the State, and War: A Theoretical Analysis) [2] Уолтц обосновал три уровня (или в терминологии автора «образа-images») международных конфликтов: индивидуальный, государственный и системный, на основе которого и строились базовые теоретические предпосылки будущего структурного неореализма. С позиций структурного неореализма экономический суверенитет формируется с учетом вызовов международной системы. К. Уолтцем они рассматриваются как самостоятельный фактор, который фор-

мирует ограничения и одновременно задает стимулы стратегического выбора. Структура, таким образом, не предписывает государству конкретное решение. Она создает конкурентную среду, в которой государства должны обеспечивать собственное выживание и соотносить имеющиеся ресурсы с внешними ограничениями. При определении экономического суверенитета три категории структурного неореализма имеют особое значение. К ним относятся совокупные возможности государства, самопомощь и относительные выгоды. В теории К. Уолтца совокупные возможности отражают общий потенциал государства в международной системе. В настоящем исследовании эта категория используется применительно к экономическому суверенитету с учетом технологического потенциала государства, устойчивости критически важных отраслей и его способности управлять возникающими зависимостями.

Уолтц описывал поведение государств через аналогию с конкурентной средой на микроуровне, поясняя, что внешняя среда может предопределять их стратегии. Данная аналогия нами рассматривается как средство анализа того, насколько государство способно управлять внешними экономическими зависимостями. Дальнейшее развитие неореализма и его адаптация в международной политической экономии привели к формированию ряда концептов, которые впоследствии стали основой анализа воздействия внешнеэкономических связей на экономический суверенитет. Дилемма относительных выгод (relative gains) объясняет, почему государства способны ограничивать сотрудничество даже при наличии абсолютных преимуществ, если распределение получаемых выгод изменяет относительное соотношение возможностей участников международной системы [1; 3]. Концепция асимметричной взаимозависимости (asymmetric interdependence), разработанная Р. Кеохэйном и Дж. Наем, показывает, как различия в чувствительности и уязвимости государств обусловливают неравномерное распределение возможностей во внешнеэкономических отношениях [4]. Дальнейшее развитие этой идеи в теории «вооруженной взаимозависимости» (weaponized interdependence) Г. Фаррелла и А. Ньюмана демонстрирует, что контроль над центральными узлами глобальных экономических сетей способен превращать существующие зависимости в инструмент стратегического воздействия [5]. В последующих исследованиях анализ был дополнен учетом внутренних характеристик государств и их способности мобилизовать имеющиеся ресурсы [6]. Развитие неореалистической парадигмы одновременно сопровождалось дискуссией о пределах структурного объяснения международных процессов и о взаимодействии структуры, институтов и стратегического поведения государств.

В соответствии с уолтцианской логикой рациональное поведение государства не рассматривается как его первоначальное свойство; оно формируется под воздействием структурных ограничений международной системы. Конкурентная среда побуждает государства адаптировать поведение таким образом, чтобы сохранять возможность существования и поддерживать свое относительное положение. К. Ларош и С. Пратт отмечают, что сведение теории Уолтца к исключительно позитивистской и рационалистической модели поведения государств не вполне соответствует ее методологическому замыслу [7, с. 154–156]. Следовательно, рациональность актора в структурном неореализме обусловлена не набором его исходных свойств, а системными ограничениями, формирующими стимулы к адаптации и самосохранению в конкурентной среде. С этим тезисом соотносятся критические аргументы, представленные в сборнике «Неореализм и его критика» (Neorealism and Its Critics). Дж. Рагги указывал, что теория Уолтца содержит выраженную «воспроизводственную логику», но не располагает в равной мере развитой «логикой трансформации» [8, с. 152]. Р. Кеохэйн, в свою очередь, отмечал, что структурный реализм убедительно раскрывает источники конфликтов в условиях анархии, но не показывает в достаточной мере возможности их преодоления. Поэтому представление о неореализме как исключительно позитивистском и рационалистическом проекте упрощает и теоретически наследие Уолтца, не учитывая его внутреннюю сложность и противоречивость.

Структурная логика неореализма и механизмы управления экономическими зависимостями

Для дальнейшего анализа необходимо разграничить три самостоятельных теоретических механизма, посредством которых внешнеэкономические связи могут воздействовать на суверенитет государства. Первым механизмом является различие между чувствительностью и уязвимостью, разработанное Р. Кеохэйном и Дж. Наем в рамках теории комплексной взаимозависимости. Чувствительность (sensitivity) характеризует степень воздействия внешнего экономического шока до того момента, когда государство успевает изменить внутреннюю

политику или найти альтернативные рынки и поставщиков. Уязвимость (vulnerability), напротив, отражает долгосрочные издержки, сохраняющиеся после перестройки экономической политики, если доступные альтернативы оказываются чрезмерно дорогими либо недоступными [4]. Вторым механизмом выступает неореалистическая дилемма относительных выгод (relative gains). В центре данного механизма находится не сама величина издержек взаимозависимости, а опасение государства относительно опережающего роста ресурсов партнера по сотрудничеству. Даже при наличии взаимной абсолютной выгоды государство может ограничивать торговые связи, если предполагает, что относительный прирост богатства соперника в дальнейшем способен быть преобразован в военное или геоэкономическое преимущество. Третьим механизмом, соответствующим реалиям XXI в., является концепция сетевой власти и «вооруженной взаимозависимости» (weaponized interdependence) Г. Фаррелла и А. Ньюмана [5]. Она описывает случаи, когда экономическое принуждение осуществляется не столько посредством двусторонней торговой асимметрии, сколько через контроль государства над ключевыми физическими или информационными узлами глобальных сетей, включая финансовые клиринговые системы и доминирующие технологические стандарты. Реализация сетевой власти связана с двумя эффектами: эффектом паноптикума, обеспечивающим скрытый мониторинг информационных потоков, и эффектом узкого горлышка (chokepoint effect), создающим возможность ограничивать доступ нежелательных акторов к глобальной инфраструктуре.

Современное развитие неореалистической логики позволяет рассматривать силу государства шире, чем только совокупность военно-политических ресурсов. В это представление включаются экономические возможности, технологический потенциал и способность поддерживать устойчивость критически важных секторов. Однако речь идет именно о применении исходной категории совокупных возможностей к условиям современной мировой экономики, а не о буквальном воспроизведении концепции Уолтца. Одновременно было бы неправильно трактовать структурный неореализм как полностью детерминистскую модель, в которой действия государств непосредственно и механически следуют из устройства международной системы. Структура задает рамки выбора и определяет ограничения, но оставляет государствам возможности для стратегической адаптации. Характер такой адаптации зависит от имеющихся возможностей, восприятия угроз и способности преобразовывать доступные ресурсы в политическое влияние.

Рассмотренные механизмы позволяют трактовать внешнеэкономическую политику государства как стремление обеспечить стратегическую устойчивость при сохранении выгод международной взаимозависимости. С этой точки зрения поддержка стратегических отраслей, расширение национального производства и контроль над критически значимыми активами выступают инструментами управления экономическими зависимостями [9; 5].

Проиллюстрируем разные модели ответов стран на внешние ограничения. В частности, в стратегии Китая, ориентированной на сокращение зависимости от внешних технологических цепочек, использована политика «двойной циркуляции» (dual circulation), которая сочетает комбинацию преимуществ международной торговли с развитием внутренних производственных и технологических возможностей. Приоритетное внимание уделяется полупроводниковой промышленности, искусственному интеллекту и критически важной инфраструктуре, где зависимость от зарубежных поставщиков рассматривается как источник стратегической уязвимости [10; 11]. В терминах структурного неореализма такая политика отражает стремление государства расширить совокупность доступных возможностей и тем самым увеличить пространство самостоятельного стратегического выбора. Показательным случаем управления внешними зависимостями является политика Европейского союза, сложившаяся после энергетического кризиса 2022 г. Высокая зависимость отдельных государств ЕС от внешних поставок энергоресурсов продемонстрировала, что взаимозависимость при асимметричном распределении ресурсов способна приобретать стратегическое значение. В ответ на возросшие риски Европейский союз в рамках инициативы REPowerEU [12; 13] реализовал меры, направленные на диверсификацию энергетических потоков, развитие внутренних энергетических возможностей и уменьшение уязвимости, связанной с зависимостью от отдельных внешних поставщиков. В более широком плане данная политика соответствует концепции стратегической автономии ЕС, предполагающей управление внешними зависимостями через укрепление устойчивости критически важных секторов и повышение способности экономики адаптироваться к внешним рискам. Неореалистическая логика управления стратегиче-

скими возможностями проявляется в американской политике в области высоких технологий. По мере усиления технологической конкуренции с Китаем сохранение преимуществ в передовых вычислениях и производстве полупроводников стало рассматриваться США как вопрос национальной безопасности. В октябре 2022 г. американская сторона ввела экспортные ограничения, направленные на сокращение доступа Китая к передовым вычислительным чипам, оборудованию для производства полупроводников и связанным технологиям [14]. В результате государство использовало свои технологические преимущества как инструмент ограничения доступа потенциального конкурента к стратегически важному сегменту мировой экономики. Одновременно эти меры стали частью более широкой промышленной политики США, направленной на укрепление позиций в полупроводниковой отрасли [15].

В рамках структурного неореализма экономический суверенитет следует понимать не как стремление к полной изоляции национальной экономики от внешнего мира, а как способность государства сохранять пространство самостоятельного стратегического выбора в условиях международной взаимозависимости. Поэтому речь идет не об устранении всех форм экономической зависимости, что в современной мировой экономике практически недостижимо, а об управлении критическими зависимостями, снижении уязвимости и поддержании такого уровня экономических возможностей, который позволяет государству самостоятельно принимать решения по стратегически значимым вопросам.

Заключение

Обращение к структурному неореализму в качестве теоретической основы исследования обусловлено, с одной стороны, его важностью для теории международных отношений, а с другой – особенностями его методологического аппарата, в котором используются аналогии и отдельные принципы экономической теории. К. Уолтц обращается к логике конкурентной среды, показывая, каким образом структурные условия формируют стимулы к адаптации поведения государств. Как рыночная структура ограничивает возможные действия фирм, так и анархичная структура международной системы определяет условия, в которых государства стремятся обеспечить собственное выживание и сохранить имеющиеся возможности. Именно эта аналогия создает основу для применения категорий совокупных возможностей государства, самопомощи и относительных выгод к исследованию экономического суверенитета как способности сохранять самостоятельный стратегический выбор при наличии внешних ограничений.

Разграничение асимметричной взаимозависимости, относительных выгод и сетевой власти позволяет рассматривать внешнеэкономические зависимости как разные по своему механизму воздействия факторы, влияющие на стратегический выбор государства. Чувствительность и уязвимость характеризуют издержки взаимозависимости и возможности адаптации к ним. Логика относительных выгод связана с необходимостью учитывать изменения в соотношении возможностей партнеров, тогда как сетевая власть показывает, каким образом контроль над ключевыми узлами глобальных экономических и технологических сетей может использоваться для стратегического воздействия. В совокупности эти механизмы дают возможность конкретизировать структурную логику экономического суверенитета через управление критическими зависимостями, снижение уязвимости и сохранение необходимого уровня экономических возможностей.

Рассмотрение практик Китая, Европейского союза и США показывает, что в условиях углубляющейся взаимозависимости экономическая автономия не предполагает изоляции национальной экономики. Развитие внутренних производственных и технологических возможностей, диверсификация критических поставок, поддержка стратегических отраслей и контроль над значимыми активами выступают средствами адаптации к структурным ограничениям международной системы.

Перспективным направлением дальнейшего развития предложенного подхода является формирование системы показателей экономического суверенитета и проведение сравнительного эмпирического анализа, включая пороговые значения для разных стран, позволяющего оценить влияние экономических и технологических возможностей, внешних зависимостей и положения государств в глобальных сетях на пространство их самостоятельного стратегического выбора.

Список литературы

1. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 с. ISBN 0-201-08349-3.

2. Waltz K. N. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. Anniversary ed. New York: Columbia University Press, 2018. 288 с. ISBN 978-0-231-18805-0.

3. Grieco J. M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // International Organization. 1988. Vol. 42. Is. 3. C. 485–507.

4. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Pearson Longman, 2012. 368 p. ISBN 978-0-205-08291-9.

5. Farrell H., Newman A. L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. Is. 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.

6. Ripsman N. M., Taliaferro J. W., Lobell S. E. Neoclassical Realist Theory of International Politics. Oxford: Oxford University Press, 2016. 208 c. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199899234.001.0001.

7. LaRoche C. D., Frankel Pratt S. Kenneth Waltz is not a neorealist (and why that matters) // European Journal of International Relations. 2018. Vol. 24. Is. 1. P. 153–176. DOI: 10.1177/1354066117696561.

8. Ruggie J. G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis // Neorealism and Its Critics / ed. R. O. Keohane. New York: Columbia University Press, 1986. P. 131–157. 378 c. ISBN 978-0-231-06349-4.

9. Blackwill R. D., Harris J. M. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. 376 c. ISBN 978-0-674-73721-1.

10. Zakić K. New Development Paradigm Within the Chinese 14th Five-Year Plan – Chinese Vision of Modern China // The Review of International Affairs. 2021. Vol. 72. Is. 1183. P. 67–87. DOI: 10.18485/iipe_ria.2021.72.1183.4.

11. Naughton B. The Rise of China's Industrial Policy, 1978 to 2020. Mexico City: Universidad Nacional Autónoma de México, Facultad de Economía, 2021. 148 c. ISBN 978-607-806659-9.

12. European Commission. REPowerEU Plan. Brussels: European Commission, 2022. 18 c. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022DC0230 (дата обращения: 25.09.2026).

13. European Commission. European Economic Security Strategy. Brussels: European Commission, 2023. 14 c. [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-world/european-economic-security-strategy_en (дата обращения: 25.08.2026).

14. The United States Announces Export Controls to Restrict China's Ability to Purchase and Manufacture High-End Chips // American Journal of International Law. 2023. Vol. 117. Is. 1. P. 144–150. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/united-states-announces-export-controls-to-restrict-chinas-ability-to-purchase-and-manufacture-highend-chips/A5295D4E8C992F024040F84EB1B471C5 (дата обращения: 25.08.2026). DOI: 10.1017/ajil.2022.89.

15. Bown C. P., Wang D. Semiconductors and Modern Industrial Policy // Journal of Economic Perspectives. 2024. Vol. 38. Is. 4. C. 81–110. DOI: 10.1257/jep.38.4.81.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 339.9:338.43:332.14
DOI 10.17513/fr.44104

CC BY 4.0

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

[1]Павлов А. Ю. ORCID ID 0000-0003-3734-0183,
[2]Кудрявцев А. А. ORCID ID 0000-0003-1025-5720

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет», Пенза, Российская Федерация, e-mail: crsk@mail.ru;
[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный аграрный университет», Пенза, Российская Федерация

Для сельских территорий большинства государств характерно сокращение численности сельского населения и расширение масштабов социального неравенства. Решение проблемы развития сельских территорий связано с изучением зарубежного опыта и оценкой возможностей его адаптации для российских условий. Целью исследования является выявление и систематизация структурных элементов государственной политики развития сельских территорий в различных странах. Для анализа были отобраны научные статьи, опубликованные в 2023-2026 гг. в рецензируемых научных журналах. Поиск осуществлялся в системах sciencedirect.com и springeropen.com по ключевым словам «развитие сельских территорий», «политика развития сельских территорий». Было проанализировано 45 источников, для последующего изучения отобрано 22 зарубежные научные статьи и 4 публикации российских авторов. В результате выявлено, что соответствующий комплекс государственных мер реализуется с акцентом на развитие предпринимательства, прежде всего в сельском хозяйстве. На основе обобщения изученного опыта выделены общие структурные элементы государственной политики развития сельских территорий: концептуальное обоснование (чаще используются неоэндогенный и неоэкзогенный подходы); определение функциональных направлений (к таким направлениям отнесены социальная, фискальная, секторальная и инфраструктурная политика); обеспечение согласования целей и используемых инструментов (важным фактором успеха является синергия реализуемых мероприятий). В заключение сделан вывод, что успешная политика развития сельских территорий в различных странах характеризуется комплексным подходом. С учетом рассмотренного зарубежного опыта выделены возможные направления совершенствования политики развития сельских территорий в Российской Федерации (цифровая трансформация, финансирование жилищных программ, стимулирование занятости, развитие инновационного потенциала территорий).

Ключевые слова: развитие сельских территорий, зарубежный опыт, государственная политика

FOREIGN EXPERIENCE IN RURAL DEVELOPMENT

[1]Pavlov A. Yu. ORCID ID 0000-0003-3734-0183,
[2]Kudryavtsev A. A. ORCID ID 0000-0003-1025-5720

[1]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Penza State Technological University», Penza, Russian Federation, e-mail: crsk@mail.ru;
[2]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Penza State Agrarian University», Penza, Russian Federation

Rural areas in most countries are characterized by declining rural populations and widening social inequality. Addressing the challenge of rural development requires examining international experience and assessing the feasibility of adapting it to Russian conditions. This study aims to identify and systematize the structural elements of state policies for rural development across various countries. The analysis focused on peer-reviewed academic articles published between 2023 and 2026. Searches were conducted on sciencedirect.com and springeropen.com using the keywords «rural development» and «rural development policy». A total of 45 sources were analyzed, resulting in the selection of 22 international academic articles and 4 publications by Russian authors for further study. The findings indicate that such state policy frameworks typically prioritize the development of entrepreneurship, particularly within the agricultural sector. A synthesis of the reviewed experience highlights common structural elements of state rural development policies: a conceptual rationale (with neo-endogenous and neo-exogenous approaches being the most common); the definition of functional areas (including social, fiscal, sectoral, and infrastructure policies); and the alignment of goals with implementation tools (where the synergy of measures is a key success factor). The study concludes that successful rural development policies in various countries are characterized by a comprehensive approach. Based on the international experience reviewed, the paper outlines potential avenues for improving rural development policy in the Russian Federation, such as digital transformation, the funding of housing programs, employment promotion, and the development of regional innovation potential.

Keywords: rural development, international experience, state policy

Введение

Сокращение численности сельского населения, существенные различия в уровне экономического развития между городскими и сельскими районами и, как следствие, расширение масштабов социального неравенства – это негативные тенденции, характерные уже в течение нескольких десятилетий для большинства государств. Подходы и инструменты, используемые в различных странах для решения обозначенных проблем, часто имеют схожие черты, но могут и различаться с учетом индивидуальных особенностей политических и экономических систем. В связи с этим научный и практический интерес представляет изучение зарубежного опыта решения проблем развития сельских территорий и оценка возможности его адаптации для российских условий. Подобные исследования уже проводились отечественными учеными. Например, Д. М. Слобожанин и соавторы, обобщив опыт США, предлагают использование льготного кредитования как основы стимулирования развития сельскохозяйственной и несельскохозяйственной экономики, а также коммунальной сферы [1]. Е. В. Стовба и С. Е. Иванов акцентируют внимание на значимости человеческого капитала как ключевого объекта приложения усилий в рамках комплекса мер политики развития сельских районов [2]. Многие исследователи приходят к выводу, что политика развития сельских территорий в мире в значительной степени однотипна и включает решение таких задач, как поддержка сельского хозяйства, диверсификация экономики, борьба с бедностью, сохранение экологии, инвестиции в инфраструктуру [3; 4]. Актуальность подобных исследований сохраняется, поскольку происходит постоянное накопление мирового опыта, меняются факторы внутренней и внешней среды реализации политики развития сельских территорий, совершенствуются производственные и управленческие технологии, особенно в условиях цифровой трансформации экономической и социальной сферы. Данная статья дополняет ранее проведенные исследования, ее **цель** – выявление и систематизация структурных элементов государственной политики развития сельских территорий на основе изучения зарубежного опыта для его последующей адаптации к российским условиям.

Материалы и методы исследования

Для анализа были отобраны научные статьи, опубликованные в 2023-2026 гг. в зарубежных рецензируемых научных журналах. Поиск осуществлялся в системах sciencedirect.com и springeropen.com по ключевым словам «развитие сельских территорий», «политика развития сельских территорий». Было проанализировано 45 источников, для последующего изучения отобрано 22 зарубежные научные статьи и 4 публикации российских авторов. В рамках выявления и систематизации структурных элементов государственной политики развития сельских территорий, рассматриваемых в научных работах, использовались методы абстракции и синтеза, также применялся метод аналогий при сравнении опыта разных стран.

Результаты исследования и их обсуждение

Базовым элементом реализации политики развития сельских территорий является ее разработка в рамках определенного концептуального подхода. Смена концептуальных подходов, используемых в разных странах, имеет эволюционный характер. В странах ЕС в 1991 г. была принята программа LEADER, направленная на развитие сельских районов. Ее основная идея основывалась на эндогенном подходе, суть которого в том, что на местном уровне должны быть инициированы действия активной части сельского сообщества, направленные на развитие предпринимательства, с последующей организацией сетей взаимодействия с другими территориями [5]. Итальянская национальная стратегия развития внутренних районов, реализуемая с 2014 г., предусматривает комбинацию эндогенного и экзогенного подхода. Программа предполагает три целевые сферы: создание и поддержание условий для безопасного проживания населения; сохранение природного и культурного многообразия сельских районов; выявление и использование возможностей более эффективного применения местного ресурсного потенциала в социальной и экономической сфере. Приоритетной задачей при этом определено удержание молодых людей на селе, развитие предпринимательства с их участием. Также важное направление – создание привлекательных условий для семей с детьми (повышение качества образовательных услуг и здравоохранения) [6]. Неоэндогенный подход – это методология развития территорий, которая делает ставку на максимальное использование внутренних ресурсов и местных инициатив при одновременной поддержке со стороны государства. Однако негативной стороной такого подхода может быть перекладывание правительством ответственности за развитие сельских тер-

риторий на местные органы управления, которые, в свою очередь, чаще всего не обладают необходимыми ресурсами. Следовательно, роль центрального правительства должна быть более активной. Такая концепция обозначается как неоэкзогенный подход – модель развития, при которой движущей силой выступает внешнее воздействие, адаптируемое к местным условиям и опирающееся на внутренний потенциал сельской территории. Оба подхода (неоэндогенный и неоэкзогенный), таким образом, предполагают комбинацию внутренних и внешних ресурсов и усилий для развития сельских территорий. Разница заключается в том, кто является инициирующим и доминирующим актором разрабатываемых и реализуемых программ – местное сообщество и органы самоуправления или региональные и центральные органы власти.

В Китае практическим воплощением неоэкзогенного подхода стала программа возрождения сельских районов. Данная программа основывается на государственной сетевой модели, интегрирующей управляемые эндогенные элементы сельских территорий и предполагающей реализацию радикальных социальных инноваций. Под социальной инновацией при этом понимаются мероприятия, идеи, действия, организационные и бизнес-модели, ориентированные на решение социальных проблем и улучшение экономических условий местных сообществ. Государственная политика акцентируется на трех видах связей (трех направлениях развития социального капитала): государство; местное сообщество; внутренние связи между субъектами местного сообщества. Анализ реализации программы на примере двух деревень показал, что практические результаты подобного подхода зависят от последовательности предпринимаемых действий. Сначала важно восстановить сплоченность местного населения, укрепить доверие и развить лидерские качества внутри сообщества, а уже затем концентрироваться на внедрении социальных инноваций. Залогом мотивации населения также являются гарантии того, что формируемые в рамках проектов экономические выгоды будут в значительной степени доступны местному сообществу [7].

Концептуальное обоснование политики развития сельских территорий, таким образом, должно быть ориентировано на определение оптимального для конкретных условий баланса распределения ресурсных источников реализации соответствующих программ, импульсов роста, управленческих полномочий и инициативы между местными органами самоуправления и центральными органами власти. При этом сложность разработки и реализации государственной политики развития сельских территорий обусловлена тем фактом, что определяемые при этом цели могут вступать в противоречие друг с другом. Такая ситуация характеризуется как «трилемма развития сельских районов». Достижение двух каких-либо целей создает сложности для достижения третьей цели. Например, обеспечение повышения производительности труда в сельском хозяйстве в условиях необходимости поддержания фиксированных объемов производства (в силу ограниченного доступа к производственным ресурсам и рынкам сбыта) приводит к высвобождению трудовых ресурсов и, соответственно, создает проблему занятости сельского населения и его оттока в города [8]. Миграция рабочей силы из села в город негативно сказывается на демографической ситуации сельских районов, но способствует росту эффективности использования ресурсов в экономике [9].

С точки зрения функционального содержания, меры, реализуемые различными странами для решения проблем развития сельских территорий, можно разделить на четыре взаимосвязанных блока: социальная сфера (жилье, медицина, образование, рождаемость, услуги), фискальная политика (налоговые льготы), секторальная политика (поддержка отдельных секторов экономики), инфраструктурная политика (развитие транспортной инфраструктуры, связи, цифровая трансформация социальной и экономической сферы). В области социальной политики распространенной проблемой является слишком маленький размер муниципального образования, что не позволяет оказывать необходимый минимум услуг населению. Большинство исследований показывает, что закрытие начальных и средних школ в небольших населенных пунктах очень быстро приводит к снижению численности населения, поскольку семьи вынуждены переезжать ближе к местам обучения своих детей. Помимо депопуляции, это приводит к снижению социального капитала в селах. И, наоборот, повышение расходов государства на образование в сельской местности (выравнивание данных расходов по сравнению с аналогичными расходами в городах) приводит к повышению уровня рождаемости и снижению собственных расходов сельского населения на образование [10]. Еще одним фактором является возможность качественно проводить досуг, важны проведение социокультурных мероприятий, доступность кинотеатров, кафе, ресторанов. Общераспространенным решением данных проблем является

создание кластеров муниципальных образований. При этом необходимо, чтобы кластеры были достаточными по численности населения для рациональной организации процессов оказания государственных услуг, а также чтобы обеспечивалась транспортная доступность для жителей. Кластерный подход и использование инновационных технологий в целом демонстрируют положительный результат, но важным фактором является рациональное комбинирование мер социальной, фискальной, секторальной и инфраструктурной политики [11].

Проблема доступности медицинских услуг может быть связана не только с отсутствием медицинских учреждений, но и с недостатком человеческого капитала. Решение, как правило, предлагается на основе использования возможностей телемедицины. Но такой подход не всегда находит положительный отклик у населения. В депрессивных сельских районах цифровая трансформация здравоохранения может привести к неоднозначным результатам. С одной стороны, использование телемедицины, цифровых платформ для оказания медицинских услуг повышает их доступность. С другой стороны, может усилиться социальное неравенство, обусловленное различиями отдельных слоев населения в цифровой грамотности и уровне доступа к цифровым технологиям. Важно, чтобы развитие цифровых медицинских услуг не вытесняло оказание местной медицинской помощи в традиционной форме [12]. В качестве положительного примера развития здравоохранения в сельской местности можно отметить опыт Австралии. За счет бюджетных средств здесь осуществлялось финансирование медицинских университетских кафедр, ориентированных на обучение студентов для сельского здравоохранения, проведение исследований и поддержку служб здравоохранения местных сообществ. Эффект от деятельности таких университетских центров проявился в стимулировании различных форм общественного капитала: привлечение студентов в сельское здравоохранение, их взаимодействие с социальными партнерами, трудоустройство представителей коренных народов, продвижение интересов местных сообществ в сфере здравоохранения. Основным фактором эффективности программы поддержки стала ее гибкость и целевой характер расходования бюджетных средств по территориальному признаку [13].

Фискальная политика предполагает меры поддержки в налоговой сфере как отдельных категорий граждан, так и субъектов предпринимательской деятельности. Соответственно, она непосредственно связана с политикой поддержки отдельных секторов экономики. Политика государств в сфере развития сельских территорий, как правило, неразрывно связана с поддержкой сельского хозяйства [14]. Политика развития сельских районов ЕС, например, рассматривается как один из основополагающих элементов Единой сельскохозяйственной политики. Основные меры Программы развития сельских районов ЕС включают в себя: распространение знаний и инновационных технологий в сельском и лесном хозяйстве, экономике сельских территорий в целом; создание и развитие продовольственных цепочек на основе организации переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции; восстановление и защиту экосистем сельскохозяйственной деятельности; решение задач более эффективного использования ресурсов в рамках повестки снижения углеродных выбросов; меры развития экономики сельских районов, сокращения уровня бедности. Европейские ученые изучили реакцию фермеров на мероприятия Программы развития сельских районов ЕС и пришли к выводу, что некоторые меры в большей степени влияют на частные результаты отдельных фермерских хозяйств и в меньшей степени оказывают влияние на развитие общественно значимых благ, например улучшение экологической ситуации [15].

Развитие предпринимательства, как в сельском хозяйстве, так и в других отраслях экономики, рассматривается многими странами в качестве важного фактора решения проблем сельских территорий. Многолетний опыт Финляндии показывает, что предпринимательство становится движущей силой инноваций в сельских районах. Ставка на развитие предпринимательства делается не только с точки зрения диверсификации местной экономики для компенсации высвобождения трудовых ресурсов из сельского хозяйства, но и в рамках повышения роли социального предпринимательства для более эффективного удовлетворения соответствующих потребностей сельских жителей. Меры поддержки предпринимательства в Финляндии реализовывались по следующим направлениям: предоставление помещений для организации деятельности и проведения разовых мероприятий; продвижение местной фермерской продукции; развитие туризма; налоговые льготы для производителей, перерабатывающих местные натуральные продукты; закупка местной продукции для общественного питания в государственных учреждениях; поощрение молодых людей, организующих

предпринимательскую деятельность; развитие кооперативов (в том числе социальных) как формы организации предпринимательской деятельности. Предпринимательство может развиваться с опорой на внутренние ресурсы территории, но существенное значение для повышения его роли имеют внешние стимулирующие факторы, важно обеспечить взаимодействие сельской и городской предпринимательской среды [16].

Пример Греции показывает, что для развития сельских районов важно не просто обеспечить эффективное функционирование сельского хозяйства, необходимо привлекать к этой деятельности молодое поколение. Соответственно, актуальной задачей является поддержка фермерских хозяйств, организованных молодежью. При этом оказалось, что наиболее значимым фактором, который повлиял на решение молодых людей организовать фермерское хозяйство, является наличие семейного фермерского хозяйства. То есть молодой фермер является продолжателем семейного дела. Второй по значимости фактор – желание стать профессиональным фермером. Финансовая поддержка государства в форме гранта на создание фермерского хозяйства (размер гранта от 17 до 22 тыс. евро) стала только третьим по значимости фактором, побудившим молодых людей к занятию соответствующей деятельностью [17].

В качестве одной из заметных тенденций в развитии предпринимательской деятельности в сельской местности можно отметить возникновение такого явления, как «серебряная экономика», которое предполагает акцент на экономике товаров и услуг для людей старшего возраста, что является результатом повышения доли пожилых людей на селе [6]. Инструментом развития социальной сферы и предпринимательской среды может быть также создание квазирынков. Суть создания квазирынка в социальной сфере заключается в том, что выделяемые из бюджета средства на оказание услуг в сфере здравоохранения или образования могут направляться не только бюджетным учреждениям, но и предпринимателям, конкурирующим с государственными организациями. Создаваемая таким образом конкурентная среда призвана стимулировать повышение качества оказываемых услуг, а также развитие предпринимательской инициативы. Подобный подход может способствовать созданию новых рабочих мест, стимулированию инвестиций в местную экономику [18]. В рамках подобного подхода может использоваться система ваучеров на получение услуг, которые выдаются государством сельским жителям для оплаты услуг не только государственных учреждений, но и частных предпринимателей [16].

Еще одна «точка роста» экономики и социального капитала сельских территорий – это инновации. Представления о роли сельских предпринимателей в инновационном развитии могут меняться от позиции «сельские предприниматели используют инновации, разработанные в городской предпринимательской среде» до подхода «сельские предприниматели сами становятся источником инноваций» [16]. Широкое распространение получает концепция инновационных экосистем, согласно которой фактором развития сельских территорий может быть совместное использование и практическое распространение заинтересованными группами лиц инновационных технологий, бизнес-процессов, подходов к управлению. На первый план в рамках такой концепции выходит стратегия интеллектуальной специализации сельских районов. Практическими примерами создания инновационных экосистем могут быть: взаимодействие между научно-исследовательскими, образовательными организациями и бизнесом; «умная» деревня (решение социальных и экономических задач на основе новых цифровых технологий); стартап-деревня (деревня, выбранная в качестве опытной территории для внедрения инноваций); центры взаимодействия (физические пространства для координации заинтересованных лиц и совместной разработки стратегий инновационного развития); открытая лаборатория (пространство с открытым доступом для реализации исследовательских и инновационных проектов, совместного творчества) [19]. В Китае, например, с привлечением бюджетных средств реализуется проект создания демонстрационных зон современных технологий сельскохозяйственного производства, что способствует повышению устойчивости развития сельских домашних хозяйств, особенно в районах с лучшим инновационным и предпринимательским потенциалом, а также более высоким уровнем бюджетных расходов [20]. Опыт Китая также раскрывает потенциал электронной коммерции, которая может быть значимым фактором для развития сельских территорий, поскольку оказывает влияние на диверсификацию занятости, расширение масштабов предпринимательской деятельности и ее модернизацию. При этом особенности местоположения конкретного населенного пункта не оказывают существенного влияния на возможности развития электронной коммерции [21]. Опыт Франции по развитию сельских районов на основе знаний показывает, что ключевыми компонентами

реализуемых инновационных проектов могут быть: совершенствование сферы управления землями сельскохозяйственного назначения; развитие территориальных продовольственных систем; повышение уровня экологического благополучия сельских территорий; использование принципов циклической экономики [22].

Процессы цифровой трансформации современных социально-экономических систем ожидаемо находят отражение и в решении проблем развития сельских территорий. Появляется концепция «умных» сельских территорий, в рамках которой фактором развития может быть улучшение имеющихся ресурсов и возможностей сельских районов на основе использования информационно-коммуникационных технологий [23]. Цифровизация деревень рассматривается как механизм, позволяющий сгладить или исключить барьеры между городом и деревней. Авторы из Китая выделяют три модели цифровой трансформации деревень: обеспечение синергетического эффекта на основе взаимосвязи цифровизации государственных услуг и координации пространственного развития; создание цифровой инфраструктуры и обеспечение адаптивной мобильности населения; модель, основывающаяся на цифровой трансформации производственных цепочек [24]. Опыт Португалии показывает, что для развития сельских территорий на основе цифровой трансформации и перехода к «умным» муниципальным образованиям важно обеспечить межтерриториальное сотрудничество и возникающую при этом синергию [25]. Проекты цифровой трансформации сельских территорий в разных странах, как правило, охватывают следующие направления: развитие электронной коммерции и цифровых платформ для оказания государственных услуг; доступ к сети Интернет, развитие беспроводных технологий; повышение цифровой грамотности населения; развитие телемедицины [26].

Выявленные на основе проведенного анализа структурные элементы государственной политики развития сельских территорий в значительной степени универсальны и могут быть использованы в качестве ориентира как на этапе разработки комплекса мер соответствующих программ, так и в рамках последующей оценки эффективности проводимых мероприятий. Полученные результаты также могут быть использованы для дальнейших научных исследований в части качественной и количественной оценки влияния на решение проблем развития сельских территорий комплексного подхода, объединяющего несколько инструментов реализуемой политики.

Заключение

Проблема развития сельских территорий характерна для многих государств, вне зависимости от социальных особенностей и уровня экономического развития. В качестве распространенного недостатка политики территориального развития можно отметить противоречия между целями, формулируемыми на верхнем уровне управления, и реализацией этих целей на уровне территорий местными субъектами, имеющими собственные интересы, ограничения и видение необходимых мероприятий.

Содержание политики развития сельских территорий в России в целом соответствует общемировым тенденциям: реализуются меры поддержки предпринимательства в сельском хозяйстве; финансируется создание и развитие социальной, транспортной, телекоммуникационной инфраструктуры; решаются задачи благоустройства сел и деревень.

Учитывая рассмотренный зарубежный опыт, можно выделить ряд особенностей:

– проблемы развития сельских территорий универсальны для многих стран, а используемые для их решения подходы и инструменты схожи в своей основе, причем успешная политика развития сельских территорий характеризуется комплексным подходом;

– цифровая трансформация и развитие инноваций могут рассматриваться в качестве «сквозных» мер, способствующих решению широкого спектра задач;

– приоритетными следует считать меры, способствующие закреплению молодежи на селе. При этом необходимо признать тот факт, что полностью проблема депопуляции сельских территорий во многих странах в обозримой перспективе не может быть решена. С учетом этого важно уделять внимание планированию пространственного развития сел, рационально распределяя финансовые и управленческие ресурсы, максимально используя внутренние возможности территорий и их инновационный потенциал.

Список источников

1. Слобожанин Д. М., Афанасьева Т. А., Кондратьев М. В. Перспективы использования зарубежного опыта развития сельских территорий в России // International Agricultural Journal. 2023. Т. 66. № 6. DOI: 10.55186/25876740_2023_7_6_18. EDN: RJEWES.

2. Стовба Е. В., Иванов С. Е. Зарубежный опыт стратегического планирования развития человеческого капитала сельских территорий // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 1(126). С. 77-83. DOI: 10.24158/pep.2024.1.10. EDN: AGZHWR.

3. Чеботарева Е. Н. Зарубежный опыт социально-экономического развития сельских территорий // Индустриальная экономика. 2024. № 5. С. 146-157. DOI: 10.47576/2949-1886.2024.5.5.022. EDN: QOTKFK.

4. Адаманова З. О. Инфраструктурное обеспечение инновационно-инвестиционных процессов развития сельских территорий: зарубежный опыт, практика применения // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2024. № 4(86). С. 52-60. URL: https://www.elibrary.ru/GLJLOC (дата обращения 12.09.2026).

5. Johansson J., Holmquist M. LEADER and rural development policy – What's the problem represented to be? // Journal of Rural Studies. 2024. Vol. 108. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103287.

6. Bolzoni M., Cotella G., Vitale Brovarone E. Repopulating peripheral rural areas? The approach of the Italian National Strategy for Inner Areas // Journal of Rural Studies. 2026. Vol. 122. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2025.103971.

7. Xin Sh. State-driven social innovation: Can neo-exogenous development address rural marginalization? A tale of two villages in China // Journal of Rural Studies. 2026. Vol. 121. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2025.103922.

8. Vik J., Johnsen J.P., Sonvisen S.A. The rural development trilemma // Journal of Rural Studies. 2025. Vol. 114. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103504.

9. Miao Sh., Li Sh. Urban-rural population mobility, government governance and regional coordinated development // International Review of Economics & Finance. 2025. Vol. 101. DOI: 10.1016/j.iref.2025.104229.

10. Zhang N., Ding Y. Urban-rural equalization of basic public services, fertility behavior and growth // International Review of Economics & Finance. 2026. Vol. 105. DOI: 10.1016/j.iref.2025.104853.

11. Loras-Gimeno D., Diaz-Lanchas J., Gomez-Bengoechea G. Rural depopulation in the 21st century: A systematic review of policy assessments // Regional Science Policy & Practice. 2025. Vol. 17. Is. 5. DOI: 10.1016/j.rspp.2025.100176.

12. Kiviaho A., Einolander J. Bridging the gap or widening the divide? Municipal decision-makers' perceptions of healthcare digitalization in shrinking rural regions // Heliyon. 2026. Vol. 12. Is. 2. DOI: 10.1016/j.heliyon.2026.e44508.

13. Bourke L., McNeil R., Thompson S., Debenham J., Freire K., Harvey P., Brown L. Policy driven community development in rural and remote Australia: Analysis of University Departments of Rural Health using the Community Capitals framework // Journal of Rural Studies. 2025. Vol. 117. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2025.103658.

14. Martinovska Stojcheska A., Zhllima E., Kotevska A., Imami D. Western Balkans agriculture and rural development policy in the context of EU integration – The case of Albania and North Macedonia // Regional Science Policy & Practice. 2024. Vol. 16. Is. 8. DOI: 10.1016/j.rspp.2024.100049.

15. Esposti R. Evaluating policy impact under sparse and staggered adoption. A synthetic difference-in-differences application to EU rural development measures // Evaluation and Program Planning. 2026. Vol. 116. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2026.102751.

16. Makkonen T., Kattilakoski M. The development of entrepreneurship in rural policy over time: Evidence from Finland, 1991–2027 // Journal of Rural Studies. 2026. Vol. 123. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2026.104026.

17. Mattas K., Staboulis Ch., Tsakiridou E., Natos D., Polymeros A., Baranowski P., Bojar W., Rivero O.P., Roldan A.O., Baldi L., Arfini F. Facilitating generational renewal in rural areas by responding to young farmers' voices: Echoes from the Greek territory // Journal of Rural Studies. 2024. Vol. 112. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103480.

18. Elert N., Henrekson M. Revitalizing rural communities through institutional reform of quasi-markets // Regional Science Policy & Practice. 2026. Vol. 18. Is. 3. DOI: 10.1016/j.rspp.2025.100279.

19. Bravaglieri S., Aberg H. E., Bertuca A., de Luca C. Multi-actor rural innovation ecosystems: Definition, dynamics, and spatial relations // Journal of Rural Studies. 2025. Vol. 114. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103492.

20. Chen Z., Ding Z., Meng Q. The impact of national modern agriculture demonstration zones on rural household development resilience // International Review of Economics & Finance. 2025. Vol. 104. DOI: 10.1016/j.iref.2025.104652.

21. Zang Y., Hu Sh., Li J., Lv L., Man Z., Tan Y. Reconfiguring rural development: Spatial diffusion of E-Commerce and its multifaceted effects // Habitat International. 2025. Vol. 163. DOI: 10.1016/j.habitatint.2025.103496.

22. Torre A., Wallet F., Huang J. A collaborative and multidisciplinary approach to knowledge-based rural development: 25 years of the PSDR program in France // Journal of Rural Studies. 2023. Vol. 97. P. 428-437. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.12.034.

23. Leviäkangas P., Sønvisen S., Casado-Mansilla D., Mikalsen M., Cimmino A., Drosou A., Hussain Sh. Towards smart, digitalised rural regions and communities – Policies, best practices and case studies // Technology in Society. 2025. Vol. 81. DOI: 10.1016/j.techsoc.2025.102824.

24. Wang W., Li X., Cheng M., Zhang W., Zhang B. Digital rural development and the alleviation of the urban-rural digital divide: An analysis based on the theory of co-production // Environmental and Sustainability Indicators. 2026. Vol. 29. DOI: 10.1016/j.indic.2025.101066.

25. Filipe S. B., Duarte P. The Smart City illusion: Why cooperation is the missing ingredient in rural development // Cities. 2026. Vol. 172. DOI: 10.1016/j.cities.2026.106829.

26. Lang W., Hui E.Ch., Chen T., Huang Y. A pathway to empower rural resilience through rural computing: An exploratory study // Applied Geography. 2025. Vol. 176. DOI: 10.1016/j.apgeog.2025.103530.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 339.9:330.341.1
DOI 10.17513/fr.44105

CC BY 4.0

ОЦЕНКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИК СТРАН БРИКС+ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Романов Р. М. ORCID ID 0009-0006-5074-8350,
Абрамов В. Л. ORCID ID 0000-0002-6351-2594

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация, e-mail: romanko651@gmail.com

Актуальность статьи обусловлена расширением состава объединения до формата БРИКС+ за счет недавно присоединившихся государств. Страны БРИКС+ являются дружественными для России государствами с динамично развивающимися рынками, на которые приходится значительная часть российского внешнеторгового оборота, мирового населения и мирового ВВП по паритету покупательной способности. При этом страны объединения существенно различаются по уровню промышленно-технологического развития. Цель работы – обосновать теоретические и практические подходы к оценке степени цифровой трансформации экономик на основе модели перехода к технологическому лидерству: «цифровая связность – умное промышленное производство – технологическое лидерство». Эмпирическую базу составили данные Международной федерации робототехники, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Всемирного банка, национальных ведомств КНР и Росстата за 2024–2025 гг. Показано, что цифровая связность является необходимым, но недостаточным условием лидерства, которое достигается лишь при контроле над производством и техническими стандартами. Установлено, что страны объединения находятся на различных степенях цифровой трансформации. Результаты исследования могут быть использованы при выработке промышленной и цифровой политики, а также российским бизнесом и предпринимательскими структурами для достижения технологического лидерства, в том числе с учетом китайского опыта роботизации технологических процессов и локализации прорывных цифровых технологий.

Ключевые слова: промышленная трансформация, цифровизация, технологическое лидерство, страны БРИКС+, роботизация, цепочки создания стоимости, догоняющее развитие

ASSESSING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF BRICS+ ECONOMIES FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

Romanov R. M. ORCID ID 0009-0006-5074-8350,
Abramov V. L. ORCID ID 0000-0002-6351-2594

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation, e-mail: romanko651@gmail.com

The relevance of the study stems from the enlargement of the grouping to the BRICS+ format through the accession of new member states. BRICS+ countries are friendly to Russia and have dynamically developing markets that account for a significant share of Russia's foreign trade turnover, the world's population and world GDP at purchasing power parity. At the same time, the member countries differ markedly in their level of industrial and technological development. The aim of the paper is to substantiate theoretical and practical approaches to assessing the degree of digital transformation of economies on the basis of a model of the transition to technological leadership: "digital connectivity – smart industrial production – technological leadership". The empirical base comprises data from the International Federation of Robotics, the World Intellectual Property Organization, the World Bank, national agencies of China and Rosstat for 2024-2025. It is shown that digital connectivity is a necessary but insufficient condition for leadership, which is attained only through control over production and technical standards. It is established that the member countries are at different stages of digital transformation. The results of the study can be used in shaping industrial and digital policy and by Russian business and entrepreneurial structures to achieve technological leadership, including by drawing on China's experience in robotizing technological processes and localizing breakthrough digital technologies.

Keywords: industrial transformation, digitalization, technological leadership, BRICS+ countries, robotization, value chains, catch-up development

Введение

Актуальность статьи обусловлена тем, что цифровая трансформация национальных экономик является глобальным трендом. Однако траектория пути от цифровой связности к технологическому лидерству имеет сложный нелинейный характер: между этими состояниями лежит промежуточное и наиболее ресурсоемкое звено – умное промышленное производство и способ-

ность превращать цифровую инфраструктуру в контроль над производством и техническими стандартами. В статье объектом исследования является объединение БРИКС+, на которое в 2025 г. приходилось около 41% мирового валового продукта по паритету покупательной способности против 28% у стран «Группы семи»[1]. В объединении платформенного типа соседствуют экономики, уже задающие мировые стандарты в цифровой трансформации, и экономики, имеющие только базовую цифровую связность, что предопределяет выбор объединения БРИКС+ в качестве объекта исследования.

Теоретические предпосылки для такого анализа заложены в исследованиях новой промышленной революции и смены технологических укладов. К. Шваб описал Четвертую промышленную революцию как сращивание физического, цифрового и биологического миров на основе киберфизических систем, использования прорывных технологий для обеспечения технологического лидерства с использованием НБИКС-технологий [1, с. 7], а в отечественной традиции С. А. Толкачев показал двойственный характер этой революции, при котором цифровые технологии одновременно и открывают возможности неоиндустриализации, и способны законсервировать технологическое отставание, если не сопровождаются развитием собственного производства [2]. С. Ю. Глазьев связал наступающий шестой технологический уклад с ядром прорывных технологий и подчеркнул, что технологическое лидерство в нем определяется не заимствованием и догоняющим развитием, а самостоятельным воспроизводством технологической базы [3; 4]. В. Л. Абрамовым и Д. С. Котовой рассмотрены проблемы цифровой трансформации в странах ШОС и меры, «направленные на стимулирование инноваций в условиях перехода к цифровой экономике: координация цифрового взаимодействия, электронная коммерция, альтернативные платежные системы и расчеты в национальных валютах» [5]. При этом существенным барьером для масштабной цифровой трансформации в международных объединениях авторами признается цифровое неравенство [5].

Следует также отметить стратегическую значимость цифровой трансформации как инструмента обеспечения конкурентоспособности и инновационного развития отраслей при ограниченной ресурсной базе [6]. Однако теоретические и прикладные аспекты вопроса о том, как можно оценить страны БРИКС+ по степеням цифровой трансформации национальных экономик и какие лучшие мировые практики и достижения релевантны для России, до сих пор системно не рассматривались.

Актуальность оценки степеней цифровой трансформации усиливается тем, что в отдельных национальных экономиках их цифровизация может, по своему существу, быть только формой потребления технологий, а не их производства и обеспечения технологического лидерства. Экономика может демонстрировать высокую долю пользователей мобильного интернета, развитую электронную коммерцию и распространенные платежные сервисы и при этом закупать все производственное оборудование, программные платформы и стандарты за рубежом, то есть оставаться технологически зависимой при внешне впечатляющих цифровых показателях. Именно в этом состоит своего рода «ловушка цифровизации»: инфраструктурная развитость маскирует отсутствие продвижения на второй и третьей степенях трансформации. Для государств БРИКС+, многие из которых стремятся использовать цифровую повестку как рычаг ускоренного развития, различение потребительской и производственной сторон цифровизации приобретает не академическое, а прикладное значение.

Цель исследования – обосновать теоретические и практические подходы к оценке степени цифровой трансформации экономик на основе модели перехода к технологическому лидерству: «цифровая связность – умное промышленное производство – технологическое лидерство». Для достижения цели решаются три задачи: во-первых, операционализировать понятия цифровой связности, промышленной автоматизации и технологического лидерства через наблюдаемые показатели; во-вторых, оценить страны БРИКС+ по степени их цифровой трансформации; в-третьих, содержательно раскрыть концепцию «окна возможностей адаптивного повторения», согласно которой лучшие апробированные практики Китая в цифровых технологиях могут быть использованы для ускоренного воспроизведения в российской промышленности в целях достижения технологического лидерства.

[1] BRICS Brasil. BRICS GDP outperforms global average, accounts for 40% of world economy (по данным МВФ, World Economic Outlook, апрель 2025 г.; состав из 11 стран, включая Индонезию и Саудовскую Аравию). [Электронный ресурс]. URL: https://brics.br/en/news/brics-gdp-outperforms-global-average-accounts-for-40-of-world-economy (дата обращения: 08.07.2026); International Monetary Fund. World Economic Outlook, October 2025. Washington: IMF, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO (дата обращения: 08.07.2026).

Материалы и методы исследования

В основу анализа положено представление о цифровой трансформации национальных экономик как о последовательности трех качественно различных степеней, каждая из которых является условием, но не гарантией достижения следующей. Первая степень – цифровая связность – охватывает создание инфраструктуры доступа: широкополосных и мобильных сетей, покрытия сетями пятого поколения, вычислительных мощностей [7]. Вторая степень – «умное производство» и роботизация – означает возможность перехода созданной инфраструктуры в производственный результат за счет внедрения промышленных роботов, создания «умных» фабрик и роста ядра цифровой экономики. Здесь цифровые технологии становятся значимым фактором добавленной стоимости, а не только потребления [8–10]. Третья степень – технологическое лидерство – означает возможность контроля над глобальными цепочками создания стоимости и над техническими стандартами цифровых технологий, то есть переход из положения получателя технологий в положение их источника [11–13]. Принципиально важно, что ни одну из степеней невозможно миновать: страна с развитой цифровой связностью, но ее недостаточным использованием для повышения производительности труда, достижения высокой международной конкурентоспособности на глобальных рынках остается импортером технологий, а не источником их создания.

Такая последовательность согласуется с логикой технико-экономических парадигм К. Перес, согласно которой распространение новой технологии проходит фазы от инфраструктурного развертывания к производственному освоению и лишь затем к институциональному закреплению лидерства [14]. Она же объясняет, почему цифровизация сама по себе легко масштабируется (инфраструктуру можно закупить), тогда как переход на вторую и третью степени требует собственных производственных и научных компетенций и потому не поддается простому импорту [15]. Для целей эмпирической диагностики каждой степени в статье используются достоверные статистически наблюдаемые индикаторы: связности – плотность сетей пятого поколения и уровень пользования интернетом; автоматизации – плотность и объем установок промышленных роботов, доля вклада цифровой экономики (ее ядра) в валовом внутреннем продукте[2]; технологического лидерства – доля страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, патентная активность и участие в установлении технических стандартов. Далее на основе этих индикаторов оцениваются члены объединения.

Под БРИКС+ в статье понимается расширенный состав объединения: пять стран-основателей; Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия (с 1 января 2024 г.); Индонезия (с 6 января 2025 г.); Саудовская Аравия, приглашенная к полноправному членству в 2023 г. и включенная в официальные перечни участников, хотя формально она присоединение не подтвердила[3]. Страны-партнеры в анализ не включаются, поскольку не имеют статуса полноправных членов.

Эмпирическую базу исследования составили открытые данные международных организаций и национальных статистических ведомств за 2024–2025 гг.: доклад Международной федерации робототехники о мировой робототехнике[4], материалы Всемирной организации интеллектуальной собственности[5], статистика Всемирного банка и Организации экономического сотрудничества и развития[6], обзор Международного валютного фонда[7], публикации национальных ведомств КНР по цифровой экономи-

[2] Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. и др. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 120 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru (дата обращения: 08.07.2026).

[3] BRICS Brasil. Brazil announces Indonesia as full member of BRICS. 06.01.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://brics.br/en/news/brazil-announces-indonesia-as-full-member-of-brics (дата обращения: 08.07.2026); Выступление Президента ЮАР С. Рамафосы на брифинге по итогам XV саммита БРИКС. Йоханнесбург, 24.08.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://presidency.gov.za/node/7376 (дата обращения: 08.07.2026); Magid P., El Dahan M., Saini M. Saudi Arabia sits on fence over BRICS with eye on vital ties with US // Reuters. 08.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://cnbcafrica.com/2025/saudi-arabia-sits-on-fence-over-brics-with-eye-on-vital-ties-with-us (дата обращения: 08.07.2026).

[4] International Federation of Robotics. World Robotics 2025: Industrial Robots. Frankfurt: IFR, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://ifr.org/worldrobotics (дата обращения: 08.07.2026).

[5] World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2025. Geneva: WIPO, 2025. 250 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ (дата обращения: 08.07.2026); World Intellectual Property Organization. Patent Cooperation Treaty Yearly Review 2025. Geneva: WIPO, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/publications/ (дата обращения: 08.07.2026); World Intellectual Property Organization. World Intellectual Property Indicators 2025. Geneva: WIPO, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/publications/ (дата обращения: 08.07.2026).

[6] Organisation for Economic Co-operation and Development. Main Science and Technology Indicators, 2026/1. Paris: OECD Publishing, 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/sti/msti.htm (дата обращения: 08.07.2026); World Bank. World Development Indicators. Washington: World Bank, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org (дата обращения: 08.07.2026).

[7] International Monetary Fund. World Economic Outlook, October 2025.

ке и связи[8], Индекс сетевой готовности[9], а также данные Росстата и отраслевых обзоров по российской робототехнике[10]. Методически работа опирается на поэтапную диагностику: для каждой страны на основе перечисленных индикаторов по порядковой шкале (высокий, средний, низкий уровень) оценивается продвижение на каждой из трех степеней цифровой трансформации, затем выявляется звено цепи, на котором трансформация «застревает».

Для каждой степени используется один ключевой показатель с порогами, привязанными к мировым ориентирам. Для цифровой связности это доля пользователей интернета в населении: высокий уровень – не менее 90% (близко к уровню стран с высоким доходом, составляющему 93%), средний – от 50 до 90%, низкий – менее 50%[11]. Для «умного производства» и роботизации – плотность роботизации относительно среднемирового уровня: высокий уровень – не ниже среднемирового, средний – от 50 до 100% среднемирового, низкий – менее 50%. Для технологического лидерства – доля страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности: высокий уровень – не менее 10% при участии в формировании стандартообразующих патентов, средний – от 1 до 10%, низкий – менее 1%. Остальные индикаторы используются для проверки устойчивости оценок. Агрегирование оценок некомпенсаторное: высокий уровень на одной степени не компенсирует низкий уровень на другой, поэтому весовые коэффициенты не применяются, а «узким местом» трансформации считается первая по порядку степень с наименьшей оценкой. Дополнительно для оценки разрыва между лидером и догоняющей экономикой используется коэффициент технологического окна, определяемый по формуле (1) как отношение значения показателя у страны-образца к его значению у догоняющей страны; чем больше коэффициент, тем шире потенциал ускоренного заимствования отлаженного решения.

$$G_j = X_{эталон\ j} / X_{догоняющая\ j}, \quad (1)$$

где G_j – коэффициент технологического окна по показателю j; $X_{эталон\ j}$ – значение показателя j у страны-образца (эталона); $X_{догоняющая\ j}$ – значение того же показателя у догоняющей страны.

Результаты исследования и их обсуждение

В официальной статистике отмечается, что Китай к концу 2025 г. довел число базовых станций пятого поколения до 4,838 млн при 1,204 млрд абонентов, а сети пятого поколения расширенного стандарта (5G-A) развернуты более чем в 330 городах[12]. Экономики Персидского залива и ряд других членов блока приблизились ко всеобщему охвату интернетом, тогда как в Эфиопии им пользуется лишь около 20% населения, а в сельских районах Южной Азии сохраняются существенные барьеры. Индия, при всей масштабности своего рынка, к концу октября 2025 г. развернула около 508 тыс. базовых станций пятого поколения[13] – почти на порядок меньше китайского показателя. Таким образом, уже на инфраструктурном уровне видно, что связность распределена внутри объединения крайне неравномерно, а лидер задает стандарт, недостижимый для большинства партнеров в краткосрочной перспективе. Позиции стран по индикаторам связности сведены в табл. 1.

Как следует из табл. 1, на первой степени объединение выглядит наиболее однородным в своей верхней части [16] и наиболее разобщенным в нижней.

Международной федерации робототехники, в 2024 г. в мире было установлено 542 тыс. промышленных роботов, из которых на Китай пришлось 295 тыс., то есть 54% мировых установок; операционный парк роботов в стране достиг 2,027 млн ед. и стал крупнейшим в мире, превысив японский примерно в 4,5 раза[14].

[8] Ministry of Industry and Information Technology of the People's Republic of China. Statistical Report on the Communications Industry, 2025. Beijing: MIIT, 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.miit.gov.cn (дата обращения: 08.07.2026); National Bureau of Statistics of China. Value Added of the Core Industries of the Digital Economy in 2024. Beijing: NBS, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.cn (дата обращения: 08.07.2026).

[9] Portulans Institute. Network Readiness Index 2024. Washington: Portulans Institute, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://networkreadinessindex.org (дата обращения: 08.07.2026).

[10] Промышленная робототехника в России: состояние рынка и перспективы до 2030 года: аналитический обзор. М.: Kept, 2025. 48 с. [Электронный ресурс]. URL: https://kept.ru (дата обращения: 08.07.2026); Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии: статистические данные. М.: Росстат, 2025. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 08.07.2026).

[11] International Telecommunication Union. Facts and Figures 2024: Internet use. Geneva: ITU, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2024/11/10/ff24-internet-use (дата обращения: 08.07.2026).

[12] MIIT of the PRC. Statistical Report on the Communications Industry, 2025.

[13] Ministry of Communications, Department of Telecommunications (India). 2025 Year End Review for Department of Telecommunications: Press Release. New Delhi: Press Information Bureau, 19.12.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dot.gov.in/static/uploads/2026/02/ad331286066f-76c0742f08849e9d64e9.pdf (дата обращения: 08.07.2026).

[14] International Federation of Robotics. World Robotics 2025.

Таблица 1

Оценки степени цифровой связности стран БРИКС+
на основе данных 2024–2025 гг.

Страна	Пользователи интернета, % населения, 2024 г.	Особенность связности
ОАЭ	100	AI-native сети, всеобщий охват
Саудовская Аравия	100	Государственные цифровые платформы
Россия	94,4	Сильный мобильный сегмент, кибербезопасность
Китай	92,0	4,84 млн базовых станций 5G, ядро стандартов
Иран	85,3	Развитие при внешних ограничениях
Бразилия	84,5	Лидерство по точкам обмена трафиком
ЮАР	78,4	Региональный лидер связи в Африке
Египет	74,6	Кратный рост скоростей за последние годы
Индонезия	72,8	Крупнейшая цифровая экономика Юго-Восточной Азии
Индия	64,9	Около 508 тыс. базовых станций 5G
Эфиопия	21,9	Начальный этап, сельский разрыв

Примечание: составлена авторами по данным Международного союза электросвязи (МСЭ), Министерства промышленности и информатизации КНР, Министерства связи Индии, Индекса сетевой готовности и доклада e-Conomy SEA: World Bank. World Development Indicators: Individuals Using the Internet (% of Population) / data of the International Telecommunication Union, World Telecommunication/ ICT Indicators Database. Washington: World Bank, 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS (дата обращения: 08.07.2026); MIIT of the PRC. Statistical Report on the Communications Industry, 2025; DoT of India. 2025 Year End Review for Department of Telecommunications; Google, Temasek, Bain & Company. e-Conomy SEA 2025: Ekonomi digital Indonesia mendekati GMV US$100 miliar [in Indonesian]. 13.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://blog.google/intl/id-id/company-news/outreach-initiatives/e-conomy-sea-2025-ekonomi-digital-indonesia-mendekati-gmv-us100-miliar/ (дата обращения: 08.07.2026); Portulans Institute. Network Readiness Index 2024.

Принципиально важно, что на внутреннем рынке Китая впервые было продано больше роботов отечественного производства, чем импортных: доля национальных поставщиков достигла 57% против 47% годом ранее и примерно 28% десятью годами ранее. Именно на второй степени неоднородность объединения проявляется резче всего, и именно здесь пролегает главный водораздел между лидером и остальными. По данным Эта траектория – от преимущественно импортной к преимущественно отечественной робототехнике – представляет собой не просто рост, а именно смену модели: страна становится независимой в средствах, которыми обеспечивается независимость производства. Индия с рекордными для себя 9,1 тыс. установок и 6-м местом в мире демонстрирует восходящую, но несопоставимо меньшую по масштабу динамику[15].

Роботизация в Китае сопровождается ускоренным ростом вклада ядра цифровой экономики, добавленная стоимость которого в 2024 г. достигла 10,5% валового внутреннего продукта, что эквивалентно примерно 1,99 трлн долл.[16] В стране создано более 30 тыс. «умных» фабрик базового уровня, свыше 1,2 тыс. – продвинутого и более 230 – превосходного уровня[17]; проникновение цифровых инструментов исследований и разработок на крупных промышленных предприятиях превысило 84%.

В табл. 2 представлены обобщенные показатели состояния роботизации и «умного промышленного производства» в Китае в международном сопоставлении за 2024 г.

Сопоставление плотности роботизации, приведенное в табл. 2, показывает всю глубину разрыва: при среднемировом уровне 132 робота на 10 тыс. занятых в обрабатывающей промышленности в 2024 г. Республика Корея достигла 1220, Сингапур – 818, Китай – 166 (с учетом пересмотренных Национальным бюро статистики КНР данных о занятости, из-за чего значение несопоставимо с более ранними оценками).

[15] International Federation of Robotics. World Robotics 2025.

[16] NBS of China. Value Added of the Core Industries of the Digital Economy in 2024.

[17] China Daily. Smart Factories: Word of the Day [in Chinese and English] (according to the Ministry of Industry and Information Technology of the PRC). Beijing, 17.02.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202502/17/WS67b2f2a1a310ff9bbd9f36d3.html (дата обращения: 08.07.2026).

Таблица 2

Показатели роботизации и «умного промышленного производства»: Китай в международном сопоставлении, 2024 г.

Показатель	Значение	Источник
Мировые установки промышленных роботов	542 тыс.	IFR
Доля Китая в установках	54 % (295 тыс.)	IFR
Операционный парк роботов, Китай	2,027 млн (1-е в мире)	IFR
Доля отечественных поставщиков в КНР	57 % (28 % → 47 % → 57 %)	IFR
Вклад цифровой экономики (ядро – основные отрасли) в ВВП КНР	10,5 % ВВП (≈ 1,99 трлн долл.)	НБС КНР
Плотность роботизации: Корея / Сингапур / Китай / мир	1220 / 818 / 166 / 132 на 10 тыс. занятых	IFR
Плотность роботизации, Россия	29 на 10 тыс. работников	Росстат

Примечание: составлена авторами по данным Международной федерации робототехники (IFR), Национального бюро статистики КНР (НБС КНР) и Росстата: International Federation of Robotics. World Robotics 2025; International Federation of Robotics. Robot Density Surges in Europe, Asia, and Americas: Press Release. Frankfurt, 08.04.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-density-surges-in-europe-asia-and-americas (дата обращения: 08.07.2026); NBS of China. Value Added of the Core Industries of the Digital Economy in 2024; Росстат. Наука, инновации и технологии. М., 2025.

Россия, как и многие другие члены БРИКС+, существенно отстает: по данным Росстата, плотность роботизации в российской промышленности составила лишь 29 роботов на 10 тыс. работников, что в 4,5 раза ниже среднемирового уровня и более чем на порядок ниже уровня лидеров. Вторая степень, таким образом, оказывается тем звеном, на котором «застревает» большинство экономик объединения, обладающих приемлемой связностью, но не сумевших превратить ее в производственную автоматизацию. Третьей степени – собственно технологического лидерства – в полной мере достигает лишь Китай, составляющий технологическое ядро БРИКС+. В научных публикациях в качестве технологических ядер наряду с США и Европейским союзом рассматривается КНР, увеличивающая свою экономическую мощь и стремящаяся к достижению технологического лидерства. Аналогичную цель ставит и Российская Федерация [17]. В работе В. Л. Абрамова, А. Д. Васильченко и П. С. Селезнева обоснованы и апробированы методологические подходы к построению интегрального индекса сформированности технологических ядер мирового хозяйства [18]. Наиболее наглядный индикатор технологического лидерства – доля страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности – для Китая составила в 2024 г. около 28 %, превысив суммарную долю Соединенных Штатов, Японии и Германии; при этом Китай остается единственной экономикой мира, покрывающей все категории промышленной классификации ООН[18]. Лидерство подтверждается и на уровне интеллектуальной собственности: страна занимает 1-е место по международным патентным заявкам, подав в 2024 г. 70,16 тыс. заявок в рамках Договора о патентной кооперации, а ее национальное патентное ведомство приняло около 1,8 млн заявок – почти половину мировых[19]. Наконец, на самом верхнем, стандартизационном уровне Китаю принадлежит порядка 42 % мировых стандартообразующих патентов в области связи пятого поколения[20]. Именно замкнутость всей цепочки достижения технологического лидерства – от массового производства до участия в установлении стандартов – отличает лидера от догоняющих экономик, застрявших на нижних степенях, и именно она превращает количественное превосходство в качественное.

Содержательно технологическое лидерство удобнее всего наблюдать не в агрегированных показателях, а в конкретных глобальных цепочках создания стоимости [19], где превосходство лидера проявляется наиболее осязаемо.

[18] World Bank. World Development Indicators; National Bureau of Statistics of China. Industrial Economic Strength Has Risen Significantly, Progress in Building a Manufacturing Power Is Firm: Report No. 3 of the Series on Economic and Social Development Achievements in 75 Years of New China [in Chinese]. Beijing: NBS, 10.09.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202409/t20240910_1956335.html (дата обращения: 08.07.2026).

[19] WIPO. PCT Yearly Review 2025; WIPO. World Intellectual Property Indicators 2025.

[20] MIIT of the PRC. Statistical Report on the Communications Industry, 2025.

Таблица 3

Оценки степени цифровой трансформации экономик стран БРИКС+

Страна / группа	Связность (пользователи интернета, %)	«Умное производство» и роботизация (роботов на 10 тыс. занятых; к среднемировому уровню)	Лидерство (доля в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности)
Китай	Высокая (92,0)	Высокая (166; 1,26)	Высокое (27,7%; ≈ 42% стандартообразующих патентов 5g)
Россия	Высокая (94,4)	Низкая (29; 0,22)	Среднее** (1,7%)
ОАЭ	Высокая (100)	Низкая*	Низкое (0,3%)
Саудовская Аравия	Высокая (100)	Низкая*	Среднее (1,1%)
Бразилия	Средняя (84,5)	Низкая*	Среднее (1,6%)
Индия	Средняя (64,9)	Низкая*	Среднее (2,9%)
Индонезия	Средняя (72,8)	Низкая*	Среднее (1,6%)
Иран, Египет, ЮАР	Средняя (74,6–85,3)	Низкая*	Низкое (0,3–0,5%)
Эфиопия	Низкая (21,9)	Низкая*	Низкое (менее 0,1%)

Примечание: составлена авторами по данным Международного союза электросвязи (МСЭ), Международной федерации робототехники (IFR), Росстата, Всемирного банка и Министерства промышленности и информатизации КНР: World Bank. World Development Indicators: Individuals Using the Internet (% of Population); Manufacturing, Value Added (current US$). [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD (дата обращения: 08.07.2026); International Federation of Robotics. Robot Density Surges in Europe, Asia, and Americas: Press Release, 08.04.2026; Росстат. Наука, инновации и технологии. М., 2025; MIIT of the PRC. Statistical Report on the Communications Industry, 2025. Пороговые значения уровней приведены в разделе «Материал и методы исследования».

* Плотность роботизации в открытых материалах IFR не публикуется; с учетом объема установок промышленных роботов и численности занятых она оценивается ниже 50% среднемирового уровня.

** Отраслевое технологическое лидерство России (атомная энергетика и др.) агрегированными индикаторами не улавливается

Опережающие инвестиции Китая в исследования и разработки, превысившие по ряду оценок отметку в 785 млрд долл. и почти сравнявшиеся с показателем Соединенных Штатов[21], конвертировались в контроль над несколькими стратегическими глобальными цепочками нового технологического уклада – производством солнечных панелей, литиевых аккумуляторов и электромобилей. В этих цепочках лидерство означает не просто наличие сборочных мощностей, а владение всей цепочкой создания стоимости – от материалов и компонентной базы до конечного продукта и стандартов его сертификации, что и делает позицию лидера трудновоспроизводимой для догоняющих экономик. Показательно и то, что осуществляется преимущественно предпринимательское финансирование науки, при котором бизнес обеспечивает около 80% затрат на исследования и разработки. Данный фактор свидетельствует о зрелости и самоподдерживаемости национальной инновационной системы лидера, тогда как у большинства членов объединения наука по-прежнему финансируется преимущественно за счет государственного бюджета.

Обобщение результатов проведенной диагностики по трем степеням цифровой трансформации позволяет выделить устойчивые группы экономик, различающиеся не столько уровнем связности, сколько способностью пройти вторую и третью степени. Оценки степени цифровой трансформации экономик стран БРИКС+ представлены в табл. 3.

Китай можно оценивать как технологическое ядро всего объединения, он имеет высокие показатели по всем степеням цифровой трансформации; экономики Персидского залива, обладая максимальной связностью, сильны на первой степени, но ограниченно продвинуты на второй и третьей; Россия, а также Бразилия, Индия и Индонезия располагают сильной производственной базой и приемлемой связно-

[21] WIPO. World Intellectual Property Indicators 2025; OECD. Main Science and Technology Indicators, 2026/1.

стью, но отстают в автоматизации; часть недавно присоединившихся стран (Иран, Египет, Эфиопия), а также ЮАР находятся пока на первой степени. Такое расслоение имеет прямое практическое следствие: для каждой группы имеется свое «узкое место» трансформации, требующее не типовых решений, а дифференцированного подхода. Применительно к цифровой трансформации российской экономики, которая обладает высокой связностью и технологическим лидерством в ряде отраслей, критическим является именно отставание на второй степени – в создании «умных производств» и роботизации.

Снижение технологического разрыва в «узком месте» возможно путем реализации концепции «окна возможностей адаптивного повторения». Ее суть в том, что более продвинутая позиция Китая на второй степени представляет собой уже пройденный и потому воспроизводимый маршрут лучших мировых практик. Масштаб имеющегося разрыва иллюстрируют официальные данные: по сведениям Росстата, российский парк промышленных роботов вырос с 12,8 тыс. единиц в 2023 г. до 20,8 тыс. в 2024 г., то есть на 62,5 %, а плотность роботизации увеличилась с 19 до 29 роботов на 10 тыс. работников [20] и, по отраслевым оценкам, приблизилась к 40 в 2025 г.[22] Коэффициент технологического окна по плотности роботизации, рассчитанный по формуле (1) для 2024 г., оценивает различие относительно Китая примерно в 5,7 раза ($G = 166 / 29 \approx 5,7$), относительно среднемирового уровня примерно в 4,6 раза ($G = 132 / 29 \approx 4,6$), а относительно Республики Корея как мирового лидера – в 42 раза ($G = 1220 / 29 \approx 42,1$). Следует отметить, что российский показатель рассчитывается по методике Росстата, а зарубежные – по методике Международной федерации робототехники, что обусловливает оценочный характер сопоставления. Принимая во внимание данное обстоятельство, можно констатировать, что для выхода на нынешний китайский уровень плотность роботизации в российской промышленности должна вырасти почти в шесть раз, что указывает на значительный разрыв и одновременно на широкий потенциал для ускоренного заимствования лучших мировых практик. Сокращение такого разрыва предусматривают и установленные цели национального развития, согласно которым российская экономика должна занять место в числе 25 ведущих стран мира по плотности роботизации к 2030 г., а парк промышленных роботов – достичь примерно 100 тыс. ед. Это означает, что при исходной базе 20,8 тыс. ед. в 2024 г. требуется среднегодовой прирост парка около 29,9 % на протяжении шести лет.

Разумеется, «окно возможностей адаптивного повторения» состоит не в механическом копировании, а в выборочном воспроизведении тех элементов китайского маршрута, которые уже доказали работоспособность и применимы в российских условиях. Наиболее ценным для повторения является модель локализации: последовательное наращивание доли отечественных поставщиков робототехники, которая в Китае выросла примерно с 28 до 57 % за 10 лет, что задает реалистичную траекторию для российской политики импортозамещения [21]. Показательно, что российская промышленная политика уже движется в этом направлении [22]: по итогам 2024 г. выпуск промышленных роботов в стране вырос примерно в 2,5 раза, формируется сеть региональных центров промышленной робототехники (к концу 2026 г. их число должно достичь 20, а в 2027 г. – увеличиться еще на 10), при этом государство в целях стимулирования возмещает предприятиям часть затрат на роботизацию производства[23]. Вместе с тем опыт Китая показывает, что устойчивый эффект достигается лишь при одновременном развитии собственной компонентной базы и локализации производства самих роботов.

Важно, что адаптивное повторение не означает отказа от собственной технологической специализации там, где она уже сложилась [23]. В российской промышленности накоплены значимые компетенции в создании социокиберфизических систем, в которых искусственный интеллект выступает не заменой человека, а интеллектуальным ассистентом в управлении сложными и критически важными процессами – в атомной энергетике, авиастроении, на транспорте. Эта человекоцентричная линия близка к идеологии Индустрии 5.0 и способна стать нишей, где Россия движется, опираясь на собственные технологические достиже-

[22] Промышленная робототехника в России. М.: Kept, 2025; Росстат. Наука, инновации и технологии. М., 2025.

[23] Минпромторг отметил рост производства промышленных роботов в России // ПРАЙМ. 12.03.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://1prime.ru/20250312/roboty-855714620.html (дата обращения: 08.07.2026); Россия ускоряет создание сети центров робототехники с ростом финансирования // Инвест-Форсайт. 08.07.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://investfuture.ru/articles/rossiya-uskoryaet-sozdanie-seti-tsentrov-robototekhniki-s-rostom-finansirovaniya-37201448 (дата обращения: 08.07.2026); Решение Минпромторга России № 25-60987-01963-Р «О порядке предоставления субсидий российским организациям обрабатывающей промышленности на возмещение затрат, связанных с роботизацией производства» (ред. от 14.05.2026).

ния. Поэтому продуктивная стратегия состоит в сочетании двух начал: адаптивного повторения китайского маршрута массовой роботизации и локализации там, где разрыв велик, а лучшие мировые практики отлажены, – и самостоятельного развития тех направлений автоматизации, где отечественная научно-инженерная школа обладает конкурентным потенциалом. Именно такое сочетание позволяет проходить вторую степень цифровой трансформации динамичнее, одновременно создавая и используя свои возможности и наработки для выхода на третью степень.

Заключение

В статье обоснованы теоретические и практические подходы к оценке степени цифровой трансформации экономик стран БРИКС+ на основе авторского методического подхода для достижения технологического лидерства путем поэтапного перехода, оцениваемого соответствующими индикаторами: «цифровая связность – умное промышленное производство – технологическое лидерство». Проведена эмпирическая апробация методики с использованием официальных международных и отечественных статистических источников за 2024–2025 гг. Показано, что цифровая связность является необходимым, но недостаточным условием технологического лидерства, которое достигается лишь при контроле над производством и техническими стандартами. Установлено, что страны объединения достаточно сильно различаются по степеням цифровой трансформации, имеют свои «узкие места», что требует дифференцированного подхода для преодоления их цифрового неравенства. Применительно к цифровой трансформации российской экономики, которая обладает высокой связностью и технологическим лидерством в ряде отраслей, критическим является именно отставание на второй степени – в создании «умных производств» и роботизации. Снижение технологического разрыва в «узком месте» возможно путем реализации концепции «окна возможностей адаптивного повторения». Исходя из полученных результатов, российскую программу роботизации целесообразно выстраивать с опорой на отечественных интеграторов и производителей, воспроизводя доказавший работоспособность китайский маршрут наращивания доли национальных поставщиков и не ограничиваясь стимулированием импортных поставок. Оправдано внедрение индекса цифровой зрелости средних предприятий по образцу экономик Персидского залива как инструмента адресного финансирования цифровизации производств. В рамках окна возможностей адаптивного повторения приоритетными для локализации являются те глобальные цепочки создания стоимости, где Китай уже лидирует, – производство литиевых аккумуляторов, солнечных панелей и электромобилей.

Предложенная в статье методика оценки степени цифровой трансформации экономик опирается на порядковые оценки и агрегированные индикаторы, которые упрощают многомерную реальность, но пока не оценивают всю совокупность отраслевых различий и моделей экономик стран БРИКС+, в том числе из-за неполноты их сопоставимой статистики. Дальнейшее совершенствование методики предполагает переход от статической диагностики к динамическому наблюдению траекторий движения по степеням, отраслевую детализацию анализа автоматизации, а также количественную верификацию эффекта окна возможностей адаптивного повторения на данных конкретных производственных проектов. Отдельного изучения заслуживает и вопрос о пределах применимости китайского образца в институциональных условиях России, поскольку воспроизводимость технологического маршрута не тождественна воспроизводимости институциональной среды, в которой он был реализован.

Список литературы

1. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016. 172 p. ISBN 978-1-944835-01-9.

2. Побываев С. А., Толкачев С. А. Реиндустриализация в США и ЕС // Мир новой экономики. 2015. № 2. С. 29–36. URL: http://elib.fa.ru/art2015/bv2750.pdf (дата обращения: 08.07.2026).

3. Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

4. Афанасьев А. А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. С. 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243. EDN: KEKJUR.

5. Абрамов В. Л., Котова Д. С. Цифровая трансформация государств Шанхайской организации сотрудничества в условиях цифрового неравенства // Инновации и инвестиции. 2025. № 8. С. 59–63. EDN: MJZQWT.

6. Эдер А. В., Абрамов В. Л. Компенсаторный механизм цифровой трансформации как фактор преодоления ресурсных ограничений // Мясная индустрия. 2025. № 12. С. 18–22. DOI: 10.37861/2618-8252-2025-12-18-22. EDN: AUWBWR.

7. Bahrini R., Qaffas A. A. Impact of Information and Communication Technology on Economic Growth: Evidence from Developing Countries // Economies. 2019. Vol. 7. Is. 1. Art. 21. DOI: 10.3390/economies7010021.

8. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128. Is. 6. P. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.

9. Graetz G., Michaels G. Robots at Work // The Review of Economics and Statistics. 2018. Vol. 100. Is. 5. P. 753–768. DOI: 10.1162/rest_a_00754.

10. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Роботизация национальной экономики: экономические эффекты // Мир новой экономики. 2026. Т. 20. № 2. С. 54–69. DOI: 10.26794/2220-6469-2026-20-2-54-69.

11. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The Governance of Global Value Chains // Review of International Political Economy. 2005. Vol. 12. Is. 1. P. 78–104. DOI: 10.1080/09692290500049805.

12. Hidalgo C. A., Hausmann R. The Building Blocks of Economic Complexity // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Vol. 106. Is. 26. P. 10570–10575. DOI: 10.1073/pnas.0900943106.

13. Lee K., Malerba F. Catch-up Cycles and Changes in Industrial Leadership: Windows of Opportunity and Responses of Firms and Countries in the Evolution of Sectoral Systems // Research Policy. 2017. Vol. 46. Is. 2. P. 338–351. DOI: 10.1016/j.respol.2016.09.006.

14. Perez C. Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms // Cambridge Journal of Economics. 2010. Vol. 34. Is. 1. P. 185–202. DOI: 10.1093/cje/bep051.

15. Демидова С. Е., Васюнина М. Л. Финансовые механизмы достижения технологического суверенитета: оценка отдачи расходов на НИОКР // Финансы: теория и практика. 2026. Т. 30. № 2. С. 78–89. DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-2-78-89.

16. Растопчина Ю. Л., Ковалева Е. И. Цифровизация в странах БРИКС: сравнительный обзор и рейтинговая диагностика // Экономика. Информатика. 2025. Т. 52. № 3. С. 539–566. DOI: 10.52575/2687-0932-2025-52-3-539-566.

17. Дежина И. Г., Пономарев А. К. Университеты в условиях перехода к новой модели технологического развития // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 4. С. 55–70. DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.3. EDN: GRTIAG.

18. Abramov V. L., Vasilchenko A. D., Seleznev P. S. Composite Index of the World Economy Technological Core Development: Methodological Framework // Review of Business and Economics Studies. 2025. Vol. 13. Is. 3. P. 6–26. DOI: 10.26794/2308-944X-2025-13-3-6-26. EDN: EILYXI.

19. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 3. С. 108–135. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-6.

20. Потапцева Е. В., Брянцева О. С. Промышленная роботизация в России: методологические подходы к статистическому измерению // Вопросы статистики. 2025. Т. 32, № 4. С. 5–20. DOI: 10.34023/2313-6383-2025-32-4-5-20.

21. Федюнина А. А., Симачев Ю. В. Устойчивость российских компаний в цепочках создания стоимости к санкционному шоку // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3 (60). С. 180–187. EDN: TWXKJC. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_180-187.

22. Федюнина А. А., Городный Н. А., Симачев Ю. В. Рынок промышленной робототехники в России под санкциями: в поиске драйверов спроса и предложения // ЭКО. 2024. № 2. С. 91–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-2-91-107.

23. Ленчук Е. Б. Россия в мировом процессе научно-технологического развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 72–91. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-5. EDN: DAVRDY.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Funding: The article is based on research conducted using budget funds under a government assignment from the Financial University under the Government of the Russian Federation.

УДК 336.2:336.4
DOI 10.17513/fr.44106

CC BY 4.0

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

Рукина С. Н. ORCID ID 0000-0003-4534-1143,
Денисова И. П. ORCID ID 0000-0002-4179-0390

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: denis8663@mail.ru

В налоговой системе любого государства мира налог на прибыль организаций относится к основным прямым налогам, выполняя фискальную и стимулирующую функции, содержание которых является предметом научных дискуссий. Цель проведенного исследования заключается в обосновании предложений, направленных на повышение стимулирующего потенциала и справедливости налогообложения прибыли хозяйствующих субъектов. Авторские выводы основываются на применении общенаучных методов познания и анализе данных, размещенных на официальных сайтах Министерства финансов РФ и Росстата. Тенденции развития налога на прибыль организаций связаны с активизацией действия его стимулирующей функции за счет систематизации и упорядочения налоговых льгот и введения целевого использования поступлений налога на сверхприбыль на развитие проектов технологического лидерства. В действующей редакции гл. 25 «Налог на прибыль организаций» Налогового кодекса Российской Федерации отсутствует статья, посвященная механизмам предоставления налоговых льгот. Однако ее изучение позволило выделить три вида налоговых льгот по рассматриваемому налогу, их недостатки, требующие устранения, и предложить изменить структуру главы, сгруппировав положения о пониженных налоговых ставках и инвестиционных налоговых вычетах в две самостоятельные статьи, посвященные всем видам налоговых льгот федерального и регионального уровней по рассматриваемому налогу. Предложенные меры будут способствовать улучшению управления налоговыми льготами по налогу на прибыль организаций, повышению их востребованности у большего количества налогоплательщиков, формированию полной информации об их объемах у финансовых органов для проведения аудита эффективности налоговых расходов, уменьшению налоговых споров по их применению и обеспечению устойчивой динамики социально-экономического развития.

Ключевые слова: налог на прибыль, налоговая система, налоговые льготы, налогоплательщики, налоговые вычеты, налоговые доходы, налоговые расходы

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CORPORATE INCOME TAX

Rukina S. N., Denisova I. P.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)", Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: denis8663@mail.ru

In the tax system of any country in the world, corporate income tax is one of the main direct taxes, performing fiscal and stimulating functions, the content of which is the subject of scientific debate. The aim of the study is to substantiate proposals aimed at increasing the stimulating potential and fairness of taxation of the profits of economic entities. The authors' conclusions are based on the application of general scientific methods of cognition and the analysis of data posted on the official websites of the Ministry of Finance of the Russian Federation and Rosstat. The trends in the development of the corporate income tax are linked to the intensification of its stimulating function through the systematization and streamlining of tax benefits and the introduction of targeted use of excess-profit tax revenues for the development of technological leadership projects. In the current version of Chapter 25, "Corporate Income Tax," of the Tax Code of the Russian Federation, there is no article devoted to the mechanisms for granting tax benefits. However, its study made it possible to identify three types of tax benefits for the tax in question, as well as their shortcomings that need to be addressed, and to propose changing the structure of the chapter by grouping the provisions on reduced tax rates and investment tax deductions into two separate articles, devoted to all types of federal and regional tax benefits for the tax in question. The proposed measures will contribute to improving the management of tax incentives for corporate income tax, increasing their appeal to a broader range of taxpayers, providing financial authorities with comprehensive information about their scope for conducting an audit of the efficiency of tax expenditures, reducing tax disputes related to their application, and ensuring sustainable socio-economic development.

Keywords: corporate income tax, tax system, tax incentives, taxpayers, tax deductions, tax revenues, tax expenses

Введение

Современный этап развития характеризуется изменениями глобальной экономики и торговой архитектуры, усилением конкуренции за технологическое лидерство, санкционным давлением, которое приобрело затяжной характер, усилением национальной безопасности государств. В этих условиях бюджетно-налоговая политика России, как было подчеркнуто на Петербургском Международном экономическом форуме (ПМЭФ-2026), направлена на реализацию

комплексной задачи по формированию достаточного объема финансовых ресурсов, его перераспределению для преодоления текущих негативных моментов и устойчивого финансирования национальной безопасности, а также стратегических мероприятий, обеспечивающих устойчивую положительную динамику экономического роста, научно-технологического развития, улучшения человеческого капитала [1].

Безусловно, реализуемая с 2025 г. реформа налогообложения рассматривается не только как катализатор роста налоговых доходов бюджетов бюджетной системы РФ, но и как стимул экономического развития, производства неинфляционного ВВП, повышения доходов россиян, насыщения экономики современными технологиями и инновациями, раскрытия потенциала российских регионов. В этом контексте развитие налога на прибыль организаций (НПО) увязывается со стратегическими направлениями налоговой политики, предусматривающими дифференцированный подход к налогообложению различных категорий налогоплательщиков с целью активизации их предпринимательской и социальной деятельности.

Поскольку НПО является основным прямым бюджетообразующим налогом с активно развивающейся стимулирующей функцией, ему посвящено множество научных публикаций, затрагивающих проблемные аспекты. Отметим исследования Л. П. Королевой, раскрывшей влияние налоговых льгот по НПО на объемы и структуру инвестиций в основной капитал предприятий [2], С. Н. Рукиной и И. П. Денисовой, оценивших опыт Ростовской области по управлению элементами НПО в рамках законодательно установленных полномочий субъектам РФ [3], А. В. Тихоновой, проанализировавшей эффективность налоговых льгот по НПО для управляющей компании и участников инновационных научно-технологических центров [4]. В следующих научных публикациях И. Н. Швецова рассмотрела механизм налоговой поддержки стартапов [5], Н. П. Малис дал оценку первым результатам самых значительных изменений налогообложения прибыли с 2025 г., опирающимся на статистическую налоговую отчетность ФНС России за 10 месяцев прошедшего финансового года [6], О. В. Староверова охарактеризовала механизм стимулирования инвестиционной деятельности в рамках налогообложения корпоративных доходов [7]. На взгляд авторов, необходимо разрешить накопившиеся спорные вопросы в налогообложении прибыли хозяйствующих субъектов, чтобы дать импульс дальнейшим научным дискуссиям.

Цель исследования – предложить меры, которые будут способствовать повышению справедливости и эффективности налогообложения прибыли организаций, улучшению его стимулирующего потенциала. Результаты проведенного исследования направлены на развитие теоретических и практических аспектов НПО с возможностью их использования органами власти, научным и бизнес-сообществами при разработке рекомендаций по совершенствованию его взимания.

Материалы и методы исследования

Применение методов теоретического и эмпирического познания, сравнения, системного логико-структурного анализа, контент-анализа законодательства о налогообложении прибыли в качестве методологической основы исследования позволило обосновать целесообразность выделения отдельных статей в гл. 25 Налогового кодекса РФ (НК РФ), посвященных механизмам предоставления налоговых льгот по НПО в виде пониженных налоговых ставок и инвестиционных налоговых вычетов на федеральном и региональном уровнях с акцентом на транспарентное содержание, которые отсутствуют в действующей редакции НК РФ, а также использования поступлений налога на сверхприбыль по целевому назначению – на финансирование проектов технологического развития в таких приоритетных направлениях, как микроэлектроника, станкостроение, робототехника.

Эмпирическую базу исследования составили открытые данные Министерства финансов РФ о динамике поступлений НПО в бюджетную систему России и динамике налоговых расходов РФ (налоговых льгот), данные Росстата о финансовых результатах деятельности организаций, а также научные публикации, что позволило обосновать выводы и предложения.

Результаты исследования и их обсуждение

НПО относится к федеральным налогам, его модель регулируется положениями гл. 25 «Налог на прибыль организаций» НК РФ [8]. Фискальная функция НПО характеризуется данными, приведенными в табл. 1.

Данные табл. 1 свидетельствуют от том, что в течение 2022–2025 гг.:

1) в доходах федерального бюджета поступления НПО выросли в 2,4 раза, с 1669,5 млрд до 3936,6 млрд руб., также увеличился их удельный вес с 6,0 до 10,6 % в общем объеме доходов федерального бюджета;

Таблица 1

Динамика и структура НПО в бюджетах бюджетной системы РФ в 2022–2025 гг., млрд руб.

Показатели	2022	2023	2024	2025	Темп изм., в %
Федеральный бюджет					
Доходы бюджета, всего в том числе: НПО в %	27 824,4 1669,5 6,0	29 124,0 1918,6 6,6	36 708,6 2285,7 6,2	37 283,6 3936,6 10,6	134,0 2,4р.
Консолидированные бюджеты субъектов РФ					
Доходы бюджетов, всего в том числе: НПО в %	19 676,9 4686,5 23,8	22 325,0 6003,9 26,9	24 621,5 5766,0 23,4	25 870,0 5278,6 20,4	131,5 112,6

Примечание: составлена авторами на основании источников:

*Официальный сайт Министерства финансов РФ. Краткая информация об исполнении федерального бюджета. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2026/05/main/Prilozhenie_3_dannye_109-111_—_god.xlsx (дата обращения: 10.09.2026).

**Официальный сайт Министерства финансов РФ. Краткая информация об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2026/05/main/Prilozhenie_6_dannye_112-114_—_god.xlsx (дата обращения: 10.09.2026).

Таблица 2

Динамика финансового результата хозяйствующих субъектов в 2022–2025 гг. (без субъектов малого предпринимательства)

Показатели	2022	2023	2024	2025
Сумма прибыли, млрд руб.	32 676	42 949	43 158	35 969
В % к пред. году	85,3	131,4	100,5	83,3
Сумма убытка, млрд руб.	10362	7570	13000	8896
В % к пред. году	236,8	73,1	171,7	68,4
Доля убыточных организаций, %	29,3	28,1	28,5	27,1

Примечание: составлена авторами на основании источника: Официальный сайт Росстата. Финансы организаций. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fin_sost %20org_2025.xlsx (дата обращения: 10.09.2026).

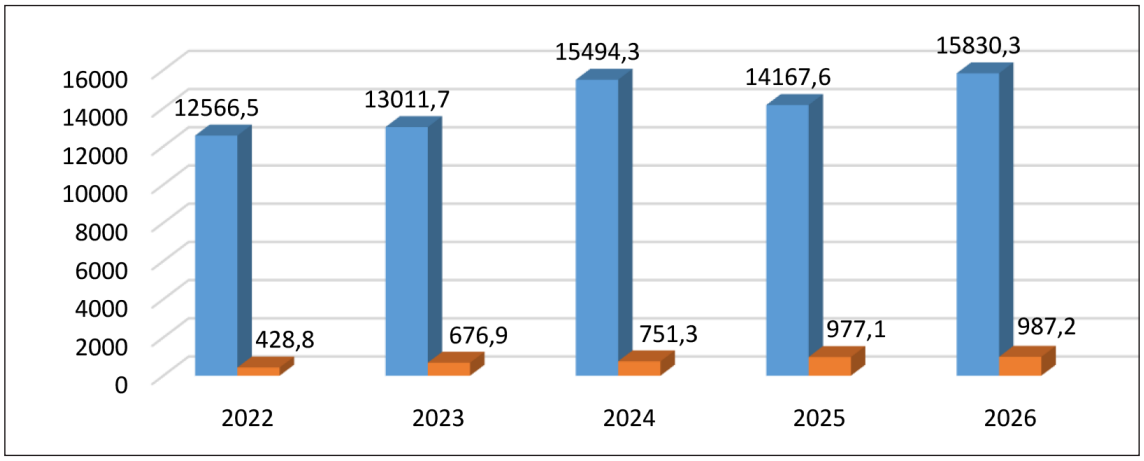
2) прирост НПО в доходах федерального бюджета в 2025 г. по сравнению с предыдущим годом составил 72,2 %, что связано, прежде всего, с повышением основной налоговой ставки на 5,0 п. п., до 25,0 %, в том числе ставки, зачисляемой в доходы анализируемого бюджета с 3,0 до 8,0 %;

3) в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ фискальное значение НПО более значимое по сравнению с федеральным бюджетом; так, в 2022 г. объемы указанного налога в региональных бюджетах в 2,8 раза превысили поступления в федеральный бюджет, в 2023 г.– в 3,1 раза, в 2024 г.– в 2,5 раза; в 2025 г.– в 1,34 раза;

4) разнонаправленные тенденции наблюдаются в динамике и структуре НПО в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ, характеризующиеся снижением его объемов с 6003,9 млрд руб. в 2023 г. до 5278,6 млрд руб. в 2025 г., на 12,1 %, и доли в общих доходах бюджета с 26,9 до 20,4 % соответственно.

Одним из факторов, который повлиял на указанную тенденцию, является динамика финансовых результатов, ее статистика представлена в табл. 2.

Приведенные данные показывают разнонаправленные тенденции в динамике показателей, характеризующих финансовые результаты деятельности организаций в течение 2022–2025 гг., причем они не учитывают показатели деятельности финансового сектора. В 2025 г. сумма прибыли предприятий сократилась до 35 969 млрд руб. по сравнению с предыдущим годом, что составило 16,7 %. Сумма убытков за 4 года снизилась с 10 362 млрд до 8896 млрд руб., на 14,2 %, а доля убыточных организаций – с 29,3 до 28,1 %, на 2,2 п. п.

Динамика налоговых расходов РФ (налоговых льгот), в том числе по НПО в 2022–2026 гг., млрд руб.
Примечание: составлен авторами на основании источника [11]

В дальнейшем возможен рост количества убыточных предприятий и получаемых ими убытков, связанный с повышением расходов организаций, в том числе на защиту и восстановление объектов в условиях СВО и оплату труда, дорогими заемными средствами, увеличением цен на сырье и материалы.

Как известно, налоговые льготы, приводят к выпадению налоговых доходов бюджетов бюджетной системы РФ, но призваны реализовать стимулирующую функцию налогов. Отметим, что в гл. 25 НК РФ отсутствует самостоятельная, отдельная статья, посвященная налоговым льготам по НПО и механизмам их предоставления[1]. Однако не следует считать, что их нет. Сложившаяся ситуация обусловлена дискуссионным характером вопроса о содержании, видах и классификации налоговых льгот. Авторская позиция по этому вопросу изложена в научной публикации «Налоговые льготы как базовый компонент системы управления инвестиционными налоговыми расходами в регионе» [9] и заключается в том, что с целью преодоления противоречия между фискальной и стимулирующей функциями налогов необходимо уточнить сущностную характеристику налоговых льгот и их видовой состав, отразив изменения в налоговом законодательстве. «Упорядочение законодательства о налоговых льготах, основанное на теоретических исследованиях и практическом опыте, направлено на исключение неточности понятийного аппарата и налоговых споров, а также повысит прозрачность и результативность оценки налоговых расходов» [9, с. 158]. Спорная точка зрения представлена О. Р. Мухамбеталиевой и А. Д. Моргуновой, считающих, что в современных условиях улучшение инвестиционного климата связано не с макроэкономическими стимулами (например, налоговыми льготами), а улучшением взаимодействия инвесторов с государством [10, с. 46].

Министерством финансов РФ приводятся данные об объемах налоговых расходов РФ, которые показали тенденцию к росту с 12 566,5 млрд руб. в 2022 г. до 14 167,6 млрд руб. в 2025 г., на 112,7 %. В 2026 г. также прогнозируется увеличение их объемов до 15 830,3 млрд руб. При этом в комментарии к показателям Министерство финансов РФ указывает на отсутствие исходных данных по отдельным налоговым расходам, что подтверждает их неполный объем (рисунок).

Налоговые льготы по НПО рассматриваются как стимулирующие инструменты, то есть как меры косвенного целенаправленного воздействия на хозяйствующие субъекты с целью стимулирования расширения их инвестиционно-инновационной деятельности, развития экономического потенциала и корпоративного социального партнерства, улучшения экологического благополучия. Результаты их применения направлены на получение положительных эффектов национальной и региональными экономиками в виде роста макроэкономических показателей – ВВП, ВРП, инвестиций в основной капитал, обрабатывающих производств, сельского хозяйства, экспорта продукции и др., а также домашними хо-

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации, часть 2. ФЗ № 118-ФЗ: принят Государственной Думой 19 июля 2000 г.; одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г.; последняя редакция // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 02.09.2026).

зяйствами в форме увеличения реальных доходов населения и дополнительных рабочих мест. Эффективность применения налоговых льгот характеризуется созданием условий для роста накоплений в экономике и притоком инвестиций в реальный сектор экономики [12]. С 2022 по 2025 г. объемы налоговых льгот по НПО возросли с 428,8 млрд до 977,1 млрд руб., почти в 2,3 раза; в 2026 г. прогнозируется их рост до 987,2 млрд руб. (рисунок).

Как показало изучение положений гл. 25 НК РФ[2], целесообразно выделить три вида налоговых льгот по НПО.

1. Расходы, уменьшающие налогооблагаемую прибыль организации, направленные на стимулирование экономических и социальных процессов:

а) начисления стимулирующего социального характера сотрудникам: премии за производственные результаты, надбавки за высокие достижения, единовременные вознаграждения за выслугу лет, платежи по договорам добровольного страхования работников, по организации туризма, отдыха и санаторно-курортного лечения на территории РФ (ст. 255 НК РФ); расходы на обучение по основным профессиональным программам, дополнительным профессиональным программам (ст. 264 НК РФ);

б) начисления, стимулирующие инвестиционную деятельность: амортизационная премия (ст. 256 НК РФ), нелинейный метод амортизации (ст. 258.2 НК РФ), повышающие коэффициенты к норме амортизации (ст. 258.3 НК РФ);

в) начисления, стимулирующие инновационную деятельность – расходы на НИОКР (ст. 262 НК РФ).

2. Пониженные налоговые ставки установлены ст. 284 НК РФ для субъектов РФ и отдельных видов экономической деятельности по двум направлениям: регионального уровня и федерального уровня. Они применяются только при соблюдении законодательно установленных условий и определенных особенностей.

Во-первых, субъектам РФ предоставлены полномочия по снижению налоговой ставки в размере 17,0 %, зачисляемой в региональный бюджет, для резидентов ОЭЗ, участников региональных инвестиционных проектов и специальных инвестиционных контрактов, малых организаций, включенных в реестр малых технологических предприятий, и др. Таким образом, определены категории таких налогоплательщиков-организаций, что ограничивает права по управлению элементами НПО и, по нашему мнению, представляется необоснованным, противоречащим возможностям поддержки приоритетных отраслей региональной экономики.

Во-вторых, пониженные налоговые ставки по НПО федерального уровня установлены для отдельных категорий налогоплательщиков, занимающихся определенными видами экономической деятельности и имеющих специфические особенности применения. Например, «…для организаций, осуществляющих образовательную и медицинскую деятельность, налоговая ставка установлена 0 %; для российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, налоговая ставка – 5,0 % в федеральный бюджет; для организаций, включенных в реестр, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности, – 8 % в федеральный бюджет» (ст. 284 НК РФ)[3].

3. Инвестиционные налоговые вычеты (ИНВ), которые уменьшают сумму НПО, подлежащую внесению в определенный бюджет, действуют двух видов: региональные и федеральный. По оценкам исследователей, они весьма востребованы налогоплательщиками [9; 13; 14]. Региональные ИНВ введены в налоговую практику в 2019 г. Статья 286.1 НК РФ предоставила субъектам РФ право вводить региональные ИНВ законом, в котором устанавливается перечень расходов, в отношении которых будет применяться налоговый вычет, их предельные размеры, категории плательщиков, которым предоставляется и не предоставляется право на региональный ИНВ, размер ставки НПО, применяемый для расчета предельной величины. В 2019–2025 гг. перечень расходов был закрытым, но почти ежегодно увеличивался. Если первоначально региональный ИНВ распространялся на расходы по приобретению объектов основных средств, на затраты на их достройку, дооборудование, реконструкцию, модернизацию и техническое перевооружение, то позднее – на расходы на НИОКР, на установку, тестирование, адаптацию, модификацию программ для ЭВМ и баз данных, включенных в реестр ЭВМ, обучение работников и другие направления. В указанный период в его состав входили подп. 1–10 п. 2 ст. 286.1 НК РФ. С 1 января 2026 г. перечень

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации, часть 2. ФЗ № 118-ФЗ: принят Государственной Думой 19 июля 2000 г.; одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г.; последняя редакция // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 02.09.2026).

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации, часть 2. ФЗ № 118-ФЗ: принят Государственной Думой 19 июля 2000 г.; одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г.; последняя редакция // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 02.09.2026).

стал открытым и расширенным. По мнению авторов, в состав регионального ИНВ могут быть включены любые расходы, тем самым усиливается самостоятельность субъектов РФ по поддержке налогоплательщиков перспективных направлений.

Размер федерального ИНВ, действующего 2-й финансовый год, составляет 3 % от первоначальной стоимости введенных в отчетном году в эксплуатацию основных средств или нематериальных активов. С 2026 г. параметры применения федерального ИНВ были расширены за счет предоставления возможности его применения любому юридическому лицу, входящему в одну группу компаний с налогоплательщиком, осуществляющим капитальные вложения, вне зависимости от отрасли, в которой ведет деятельность такое лицо. Следовательно, большее число организаций может использовать этот стимулирующий инвестиционную деятельность механизм.

Таким образом, стимулирующими инструментами НПО следует считать три вида налоговых льгот, перечень которых весьма разнообразен. Механизмы их расчета прописаны в различных статьях гл. 25 НК РФ, представляются сложными для понимания и применения из-за многочисленных отраслевых особенностей и оговорок, поэтому их следует упростить и сделать понятнее для налогоплательщиков, тем самым будут исключены налоговые споры при проведении налоговых проверок. Согласимся с мнением Л. П. Королевой, что к негативным эффектам налоговых льгот по НПО также следует отнести выборочность в их предоставлении, ограниченность в размерах, многочисленность, распределение по времени, снижение деловой активности в отдельных секторах и территориях из-за их отсутствия [2]. Считаем возможным изменить структуру гл. 25 НК РФ, сгруппировав положения о пониженных налоговых ставках и ИНВ в две самостоятельные статьи, посвященные всем видам налоговых льгот по НПО федерального и регионального уровней. Безусловно, их механизм целесообразно упростить, сделать более понятным для налогоплательщиков.

Полагаем, что налог на сверхприбыль следует рассматривать в качестве стимулирующего инструмента налогообложения прибыли хозяйствующих субъектов. Напомним, что его введение в 2024 г. связано с высокими финансовыми результатами деятельности предприятий отдельных отраслей национальной экономики, прежде всего добывающих компаний. ФЗ «О налоге на сверхприбыль» установил плательщиков налога и перечень организаций, не признаваемых ими. Объектом налогообложения налогом признается сверхприбыль, полученная налогоплательщиком. В 2024 г. налоговая база определялась как превышение средней арифметической величины прибыли за 2021 г. и прибыли за 2022 г. над средней арифметической величиной прибыли за 2018 г. и прибыли за 2019 г.

Налоговая ставка действует в размере 10 %. Налогоплательщик имеет право уменьшить сумму налога на налоговый вычет с учетом особенностей. Размер налогового вычета определяется как сумма обеспечительного платежа по налогу, перечисленного в федеральный бюджет за период с 1 октября по 30 ноября 2023 г. включительно. При этом размер налогового вычета не может превышать половину суммы налога. В целях подтверждения права на уменьшение суммы налога на налоговый вычет, налогоплательщик одновременно с налоговой декларацией обязан представить в налоговый орган копию (копии) платежных документов, подтверждающих перечисление обеспечительного платежа по налогу[4]. В научной публикации «К вопросу о новом налоге на сверхприбыль добывающих организаций» предлагается ввести новый механизм налогообложения сверхприбыли: разделить полученный финансовый результат на нормальную прибыль и сверхприбыль; ввести прогрессивные налоговые ставки от 30 до 100 %; зачислять сумму налога в специальный фонд [15]. В 2024 г. федеральный бюджет получил 318,8 млрд руб. налога на сверхприбыль от крупных компаний с доналоговой прибылью свыше 1,0 млрд руб.

Уплата налога на сверхприбыль за 2025 г. будет обсуждаться Министерством финансов РФ осенью 2026 г., поскольку необходимо проанализировать налоговые декларации по налогу на прибыль организаций, которые сдали налогоплательщики в налоговые органы и выполнение расходных обязательств публично-правовыми образованиями. По мнению аналитиков Газпромбанка, уплата налога на сверхприбыль за 2025 г. приведет к снижению чистой прибыли российских публичных компаний, потенциально попадающих под эту меру в 2026 г. в среднем на 10 %[5].

По мнению авторов, стимулирующая функция налога на сверхприбыль заклю-

[4] Федеральный Закон от 21 июля 2023 г. № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль»: принят Государственной Думой 21 июля 2023 г.; одобрен Советом Федерации 28 июля 2023 г.; последняя редакция. // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453902/ (дата обращения: 02.09.2026).

[5] Минфин обозначил сроки решения по налогу на сверхприбыль. [Электронный ресурс]. URL: https://www/kommersant.ru/doc/8589248 (дата обращения: 05.09.2026).

чается в том, что полученные сверхдоходы крупнейшими налогоплательщиками реального и финансового секторов экономики необходимо перераспределить в пользу достижения национальных целей развития, прежде всего на финансирование стратегических проектов, обеспечивающих технологическое лидерство в таких приоритетных направлениях, как микроэлектроника, станкостроение, робототехника, то есть придать его поступлениям целевой характер использования.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что НПО является фискально значимым доходом для бюджетной системы РФ, прежде всего для консолидированных бюджетов субъектов РФ, в которых его поступления за 4 года выросли на 112,6 %, с 4686,3 млрд руб. в 2022 г. до 5278,6 млрд руб. в 2025 г., однако удельный вес в совокупных доходах снизился с 23,8 до 20,4 % соответственно, но по-прежнему остается значительным. Между тем, по мнению авторов, вектором современного развития НПО является его стимулирующая функция. Результаты ее реализации должны положительным образом отразиться на динамике развития национальной и региональной экономики, которая в настоящее время пока не подтверждается официальной статистикой Росстата. Авторам статьи представляется, что в первую очередь необходимо уточнить законодательно установленное определение налоговых льгот и видовой состав, что позволит систематизировать их по всем налогам и сборам, в том числе и по НПО. Анализ положений гл. 25 НК РФ позволил выделить три вида налоговых льгот по НПО: расходы, уменьшающие налогооблагаемую прибыль, пониженные налоговые ставки, ИНВ – и предложить систематизировать два последних вида на налоговые льготы федерального и регионального уровней в отдельные статьи, уменьшив их негативные эффекты. К стимулирующим инструментам следует отнести налог на сверхприбыль, придав его поступлениям целевой характер использования – на финансирование проектов технологического развития государства. Предложенные меры будут способствовать улучшению управления налоговыми льготами по НПО органами власти федерации и субъектов РФ, ежегодному проведению аудита эффективности, повышению их востребованности у большего количества налогоплательщиков, уменьшению налоговых споров и в долгосрочной перспективе достижению национальных целей развития.

Список литературы

1. Прагматичный диалог – путь к стабильному будущему // Финансы. 2026. № 6. С. 3–6. EDN: ZDRF0D.

2. Королева Л. П. Налоговое стимулирование инвестиций в рамках налога на прибыль организаций: эффекты и перспектива // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 11. С. 2466–2483. DOI: 10.24891/fc30.11.2466.

3. Рукина С. Н., Денисова И. П. Привлечение инвестиций в российские регионы (налоговый аспект) // Фундаментальные исследования. 2023. № 11. С. 52–56. DOI: 10.17513/fr.43317.

4. Тихонова А. В. Проблемы сепарирования эффектов государственной финансовой поддержки и варианты // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 5. С. 104–113. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-104-113.

5. Швецова И. Н. Финансовая поддержка стартап-проектов как инструмент реализации региональных стратегий развития // Финансы и кредит. 2026. № 2. С. 64–79. DOI: 10.24891/zywbtc.

6. Малис Н. П. Новые правила налогообложения: первые итоги // Финансы. 2026. № 3. С. 31–38. URL: https://elib.fa.ru/art2026/bv36.pdf (дата обращения: 05.09.2026).

7. Староверова О. В. Налоговое стимулирование инвестиционной деятельности // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2023. Т. 12. № 1. С. 31–36. DOI: 10.12737/2306-627X-2023-12-1-31-36.

8. Денисова И. П., Рукина С. Н. Налоговые инструменты, стимулирующие технологическую модернизацию // Современные проблемы экономики, права и бизнеса постковидного кризиса: сборник научных трудов Международной научно-практической онлайн-конференции (г. Ростов-на-Дону, 20 сентября 2020 г.). М.: Знание-М, 2020. С. 237–241. EDN: YYJGM.

9. Рукина С. Н., Герасимова К. А., Такмазян А. С., Самойлова К. Н. Налоговые льготы как базовый элемент системы управления инвестиционными налоговыми расходами в регионе // Вестник университета. 2023. № 8. С. 156–165. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-8-156-163.

10. Мухамбеталиева О. Р., Моргунова А. Д. Инвестиционные стратегии и инвестиционный климат в современных условиях: риски, барьеры и адаптационные механизмы // Фундаментальные исследования. 2025. № 7. С. 43–50. DOI: 10.17513/fr43873.

11. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов (утверждены Министерством финансов РФ). [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/10/main/Osnovnye_napravleniya.pdf/ (дата обращения: 04.09.2026).

12. Евдокимова Т. Р. Оценка современного состояния бюджетных инвестиций в Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2025. № 10. С. 20–27. DOI: 10.17513/fr43911.

13. Тубанова Ю. Б. Условия и особенности применения инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций // Налоговая политика и практика. 2021. № 1. С. 72–76. EDN: XIKPZI.

14. Гончаренко А. Е. Налоговое стимулирование инвестиционной деятельности в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 3. С. 32–36. DOI: 10.11513/vaael.3281.

15. Полежарова Л. В., Гусев Д. С. К вопросу о новом налоге на сверхприбыль добывающих организаций // Финансы. 2024. № 2. С. 30–37. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.12.017.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 339.56.055
DOI 10.17513/fr.44107

CC BY 4.0

КОНЦЕНТРАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ СО СТРАНАМИ БРИКС+: ИНДЕКСНО-ДЕКОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ 1992–2025 ГГ.

[1,2]Суслов Д. Н. ORCID 0009-0006-8940-6788

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», Красноярск, Российская Федерация;
[2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: suslovdn@sibsau.ru

В условиях санкционной перестройки внешней торговли России рост связей со странами объединения Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, а также с новыми участниками этого объединения нередко трактуется как диверсификация. В то же время в академической литературе вопросы географической и товарной концентрации, глубины структурных сдвигов, источников роста торговли и характера ассоциированных рисков остаются по-прежнему дискуссионными. Цель исследования – с использованием комплекса индексных, декомпозиционных и эконометрических методов измерить географическую и товарную концентрацию торговли России со странами данного объединения, оценить интенсивность структурных сдвигов, разделить источники роста взаимной торговли и определить сравнительный вклад двух типов концентрации в нестабильность экспортной выручки. Информационную базу составили российские и международные статистические данные за длительный период, дополненные зеркальной верификацией потоков. Использованы нормированные индексы концентрации, показатели структурных сдвигов, сравнение экспортного и импортного каналов, а также модели роста торговли и волатильности выручки. Установлено, что переориентация торговли после санкционного шока привела прежде всего к географической реконцентрации, а не к диверсификации, поскольку рост доли рассматриваемого контура сопровождался усилением доминирования ограниченного круга партнеров. Показано, что импортный канал более концентрирован и потому более уязвим, чем экспортный. Определено, что товарные сдвиги в экспорте существуют и ускоряются, но пока не означают глубокой перестройки структуры, так как сохраняется преобладание сырьевых и близких к ним групп. Сравнение эконометрических оценок показало, что рост торговли объясняется главным образом масштабом экономик партнеров и санкционной переориентацией, а не самостоятельным институциональным эффектом объединения. Также выявлено, что нестабильность экспортных доходов в большей степени связана с товарной, а не географической концентрацией. Исследование показало, что к настоящему времени внешняя торговля России характеризуется сочетанием устойчивой товарной и усилившейся географической концентрацией. Практически значимым выводом является необходимость смещения акцента торговой политики с географического перераспределения потоков на товарную диверсификацию экспорта и снижение зависимости импорта от узкого круга поставщиков.

Ключевые слова: БРИКС+, внешняя торговля России, географическая концентрация, товарная структура, индекс Херфиндаля – Хиршмана, индекс Рябцева, коэффициент Салаи, структурные сдвиги, волатильность экспорта

CONCENTRATION AND STRUCTURAL SHIFTS IN RUSSIA'S FOREIGN TRADE WITH BRICS+ COUNTRIES: AN INDEX-DECOMPOSITION ANALYSIS, 1992–2025

[1,2]Suslov D. N. ORCID 0009-0006-8940-6788

[1]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev", Krasnoyarsk, Russian Federation;
[2]Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Siberian Federal University", Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: suslovdn@sibsau.ru

Amid the sanctions-induced restructuring of Russia's foreign trade, the expansion of ties with the BRICS countries and the bloc's new members is often interpreted as diversification. Meanwhile, in the academic literature, issues of geographic and product concentration, the depth of structural shifts, sources of trade growth, and the nature of associated risks remain a subject of ongoing debate. The aim of the study is to measure the geographic and product concentration of Russia's trade with the countries of this bloc, assess the intensity of structural shifts, decompose the sources of mutual trade growth, and determine the comparative contribution of the two types of concentration to export revenue volatility, using a combination of index, decomposition, and econometric methods. The empirical base comprises long-term Russian and international statistics, supplemented by mirror verification of trade flows. The methodology employs normalized concentration indices, structural shift

indicators, a comparison of export and import channels, as well as models of trade growth and revenue volatility. The study establishes that the post-sanctions trade reorientation has led primarily to geographic reconcentration rather than diversification, as the expanding share of this bloc was accompanied by increased dominance of a limited circle of partners. It is shown that the import channel is more concentrated and, consequently, more vulnerable than the export channel. The findings indicate that product shifts in exports exist and are accelerating but do not yet imply a profound structural overhaul, given the persistent dominance of raw materials and related product groups. A comparison of econometric estimates reveals that trade growth is driven primarily by the scale of partner economies and sanctions-induced reorientation, rather than by an independent institutional effect of the bloc. Furthermore, export revenue volatility is found to be more strongly associated with product rather than geographic concentration. The research demonstrates that Russia's foreign trade is currently characterized by a combination of persistent product concentration and intensified geographic concentration. A key practical implication is the need to shift the focus of trade policy from the geographic redistribution of flows toward the product diversification of exports and the reduction of import dependence on a narrow circle of suppliers.

Keywords: BRICS+, Russia's foreign trade, geographic concentration, commodity structure, Herfindahl – Hirschman index, Ryabtsev index, Szalai coefficient, structural shifts, export volatility

Введение

Тридцать четыре года – срок, за который внешняя торговля России успела пройти через несколько качественно различных фаз развития. Каждый раз реакция экономики на шок оказывалась неожиданной. Постсоветское десятилетие 1992–1999 гг. свелось к упрощению экспортной номенклатуры: в 1992 г. вывоз составлял 52,3 млрд долл., к кризисному 1998 г. добрался лишь до 71,3 млрд – очень скромный рост за 7 лет. Потом пришел сырьевой суперцикл 2000–2008 гг. Рост почти девятикратный, достигнуто 467,6 млрд долл. в 2008 г. Радоваться, впрочем, было нечему – топливно-энергетическая специализация только закрепилась, и к 2005 г. минеральные продукты уже занимали 73 % экспорта.

Санкционный шок 2014 г. наряду с девальвацией положил начало первому этапу адаптации российской внешней торговли, носившему относительно умеренный характер. Структурная перестройка 2022 г. характеризовалась принципиально иными темпами и масштабами. Доля европейского направления в экспорте, десятилетиями стоявшая у отметки 55–58 %, за 2 года рухнула до 28 %. Азия выросла с 30 до 55 %. На КНР в одиночку пришлось увеличение с 13 до 29 % (все расчеты выполнены по данным ФТС России, UN Comtrade, WITS, IMF DOTS, если не оговорено иное).

Институциональным каркасом этой перестройки принято считать БРИКС. Расширение 2024–2025 гг. – первое масштабное, к Бразилии, России, Индии, Китаю и ЮАР добавились Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ, а с января 2025 г. Индонезия. В официальной и значительной части экспертного дискурса рост доли БРИКС+ в обороте России с 5–8 % в начале 1990-х до более чем половины к 2024–2025 гг. описывается как диверсификация, снижение санкционной уязвимости и реализация потенциала объединения. Вместе с тем в настоящем исследовании предлагается иная трактовка наблюдаемых процессов. Динамика агрегированных долей не позволяет разграничить качественно различные сценарии, формирующие идентичную картину на уровне суммарных показателей. Полноценная диверсификация предполагает расширение круга сопоставимых по весу торговых партнеров и номенклатуры поставляемых товаров. Между тем наблюдаемая динамика может также отражать замещение одного доминирующего контрагента другим либо механическое перенаправление товарных потоков под воздействием внешних ограничений. Указанные сценарии неразличимы в агрегированных данных о товарообороте, что обусловливает необходимость применения более детального аналитического инструментария.

Дополнительным обстоятельством, значимым для интерпретации результатов, является то, что БРИКС не представляет собой ни таможенного союза, ни зоны свободной торговли. Поскольку объединение не создает тарифных преференций, гипотеза об институциональном вкладе БРИКС в рост взаимной торговли подлежит эмпирической проверке и не может рассматриваться как априорно подтвержденная.

В этой связи в качестве научной проблемы исследования выделяется недостаточно полная представленность в литературе количественного разграничения трех компонентов роста торговли России со странами БРИКС+: органического (обусловленного масштабом экономик партнеров), институционального (связанного с членством в объединении) и вынужденного (обусловленного санкционной переориентацией), а также проблема относительной значимости рисков товарной и географической концентрации. В политической повестке после 2022 г. доминирует географический аспект – противопоставление «дружественных» и «недружественных» юрисдикций. Между тем

традиционная аналитика уязвимости сырьевых экономик исходит из главенства товарной структуры экспорта. На практике это имеет следующие последствия – необоснованное приписывание наблюдаемого роста институциональному эффекту объединения ведет к завышению оценки управляемости внешнеторговыми процессами, а приоритет геополитического фактора перед товарной диверсификацией – к перераспределению ресурсов политики в пользу фактора с меньшим вкладом в нестабильность экспортных доходов.

Цель исследования – на едином индексно-декомпозиционном и эконометрическом инструментарии, примененном к ряду 1992–2025 гг., измерить географическую и товарную концентрацию торговли России со странами БРИКС+, оценить интенсивность структурных сдвигов, статистически разделить источники роста взаимной торговли и определить сравнительный вклад двух типов концентрации в волатильность экспортной выручки.

Исследовательская методика работы основана на систематизации противоречий, выявленных в существующей академической литературе. Гипотезы сформулированы в виде проверяемых утверждений с априорно заданными критериями верификации. Логическая схема «противоречие – гипотеза – тест – разрешение» обеспечивает интегральный характер результатов – на выходе формируется не совокупность разрозненных оценок, а последовательное разрешение четырех научных дискуссий.

Особо выделим исследовательский дизайн настоящей работы. Все гипотезы выведены из зафиксированных в литературе конфликтов позиций; каждая переформулирована в проверяемое утверждение с критерием верификации, заданным до обращения к данным. Схема «противоречие – гипотеза – тест – разрешение» обеспечивает интегральные выводы исследования: на выходе не набор разрозненных оценок, а разрешение четырех конкретных научных дискуссий.

Научная новизна работы обусловлена тремя результатами. Первое – впервые построен непрерывный 34-летний ряд нормированных индексов концентрации с раздельным измерением товарного и географического компонентов. Это дает возможность отделить тренды от шоков – задача, неразрешимая на коротких окнах 2014–2021 или 2022–2024 гг., которыми оперирует большинство публикаций. Второе – к паре «Россия – БРИКС+» впервые применена связка: индексы структурных сдвигов (Салаи, Рябцева) плюс эконометрическая декомпозиция роста плюс модель волатильности выручки – все на единой базе данных с зеркальной верификацией. Третье – эмпирическое разрешение дискуссии о природе «поворота на Восток», ранее носившей преимущественно качественный характер и не имевшей количественного обоснования.

Материалы и методы исследования

Основными методами настоящего исследования стали индексно-декомпозиционный анализ в сочетании с эконометрическим моделированием, примененные к непрерывному ряду данных о внешней торговле России со странами БРИКС+ за 1992–2025 гг. В ходе исследования были рассчитаны нормированные индексы концентрации Херфиндаля – Хиршмана, коэффициенты концентрации CRn, нормированная энтропийная мера, а также индексы интенсивности структурных сдвигов (коэффициент Салаи, индекс Рябцева), что позволило раздельно измерить географическую и товарную концентрацию экспорта и импорта на единой сопоставимой базе. Сравнительно-структурный анализ применялся для сопоставления динамики торговых структур в разрезе периодов и партнерских корзин. Эконометрическая часть включала оценку модели источников роста торговли с фиксированной корзиной БРИКС+9 (МНК с ошибками Ньюи – Уэста, проверки робастности через альтернативные спецификации, PPML, исключение КНР) и модели волатильности экспортной выручки на месячных данных 2000–2025 гг. В качестве источников данных использованы годовые и месячные ряды ФТС России[1], Росстата[2], Банка России[3], международные базы UN Comtrade[4], ITC Trade Map[5], WITS[6]/

[1] Таможенная статистика // Федеральная таможенная служба: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 27.04.2026).

[2] Внешняя торговля // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 27.04.2026).

[3] Статистика внешнего сектора // Банк России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ (дата обращения: 27.04.2026).

[4] Trade Flow // UN Comtrade Database: official website. [Электронный ресурс]. URL: https://comtradeplus.un.org/TradeFlow (дата обращения: 27.04.2026).

[5] Bilateral trade flows: Trade statistics for international business development // ITC Trade Map: official website. [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/en/goods/time-series/exports/c/000/c/000/p/ALL/byCountry/year/default/direct/values/USD/table (дата обращения: 27.04.2026).

[6] WITS (World Integrated Trade Solution): official website. [Электронный ресурс]. URL: https://wits.worldbank.org/datadownload.aspx?lang=en (дата обращения: 27.04.2026).

World Bank[7], IMF[8], UNCTADstat[9], а также зеркальная статистика стран-партнеров.

Результаты исследования и их обсуждение

Отбор автором источников подчинен не задаче максимизации охвата литературы, а цели идентификации содержательных противоречий и их операционализации в проверяемые гипотезы.

В исследование включены публикации 2019–2025 гг., отвечающие следующим критериям. Во-первых, наличие эксплицитной эмпирической базы или формализованной теоретической рамки, то есть условий, обеспечивающих возможность эмпирической верификации выводов. Во-вторых, прямая связь с одним из двух измерений изучаемой проблемы – концентрацией и структурой торговли России либо торгово-экономическим измерением БРИКС. В-третьих, наличие выводов, сопоставимых с результатами других авторов и потенциально с ними противоречащих.

В научной литературе выделяются четыре основных направления исследований. В рамках каждого из них наблюдается устойчивое расхождение позиций, носящее концептуальный и методологический характер. Анализ каждого направления строится по единой схеме – текущий статус исследований, основные линии аргументации, ключевое противоречие и необходимые условия для его эмпирического разрешения.

Первое направление: БРИКС как торгово-экономический формат

Академические публикации о БРИКС менялись вместе с самим объединением. Работы первого периода (2010-е гг.) были посвящены концептуализации природы БРИКС – дискуссии о том, представляет ли оно собой институционализированный экономический блок или является набором, объединяющим страны по формальным критериям. Второй период, начавшийся после создания Нового банка развития и пула условных валютных резервов, характеризовался акцентом на институциональное развитие. Третий период (2022–2025 гг.) посвящен анализу БРИКС как архитектуры устойчивой к санкциям торговли и последствиям расширения объединения.

Наиболее критическую трактовку БРИКС развивают Е. В. Пономаренко и Д. И. Дрожжина [1], а также А. Г. Большакова и Е. В. Храмова [2]. Близкие оценки представлены в работах Б. А. Хейфеца [3–5]. Аналогичные выводы формулируются в трудах других российских исследователей [6–8]. Сопоставимые заключения содержатся также в зарубежных публикациях [9]. В указанных работах систематизированы аргументы, согласно которым фактическая экономическая связность БРИКС существенно не соответствует декларируемому институциональному статусу объединения. Взаимная торговля стран БРИКС характеризуется выраженной асимметрией – преобладающая доля внутригрупповых товарных потоков приходится на Китай. Торговая комплементарность имеет преимущественно сырьевой характер: Россия, Бразилия и ЮАР выступают поставщиками сырьевых товаров для китайской и частично индийской промышленности. Финансовые механизмы объединения не создали ни тарифных, ни сопоставимых по масштабу нетарифных стимулов, а также сформулирован тезис, имеющий непосредственное отношение к настоящему исследованию, – ускоренная переориентация торговли на восточные направления сопряжена с риском замещения одной внешней зависимости другой, причем формируемая зависимость характеризуется меньшей управляемостью вследствие асимметрии переговорных позиций России и КНР.

Взаимная торговля членов резко асимметрична: подавляющая часть внутригрупповых потоков замкнута на Китай. Комплементарность носит ресурсный характер: Россия, Бразилия и ЮАР снабжают сырьем китайскую и отчасти индийскую промышленность. Финансовые механизмы объединения не породили ни тарифных, ни сколько-нибудь значимых нетарифных стимулов, а также выдвинут тезис, имеющий прямое отношение к настоящей работе, – форсированный разворот на Восток грозит «замещением одной зависимости другой», причем новая зависимость рискует оказаться менее управляемой из-за асимметрии переговорных позиций России и КНР.

Оптимистичную позицию занимают авторы, дающие более высокую оценку потенциала БРИКС, в частности О. А. Борисова [10], М. Н. Руденко [11] и ди Карвальо [12]. Сопоставимые выводы представлены в работах М. Нэша [13] и других исследователей [14, 15], которые при анализе расширения БРИКС акцентируют внимание

[7] World Bank Open Data // The World Bank: official website. [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/ (дата обращения: 27.04.2026).

[8] International Merchandise Trade Statistics (IMTS) // IMF Data: official website. [Электронный ресурс]. URL: https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:IMTS (дата обращения: 27.04.2026).

[9] From the Handbook of Statistics to Data Insights // UNCTADstat: official website. [Электронный ресурс]. URL: https://unctadstat.unctad.org/EN/FromHbsToDataInsights.html (дата обращения: 27.04.2026).

на кратном приросте совокупного веса объединения – свыше 36 % мирового ВВП по ППС, около 45 % населения, более 40 % мировой нефтедобычи. Отмечается также взаимодополняемость экономических профилей стран-участниц: Россия, Иран и ОАЭ как экспортеры энергоресурсов, Китай и Индия как крупные потребительские рынки, ОАЭ как логистический, финансовый центр и налоговая гавань. Ряд российских авторов рассматривает расчеты в национальных валютах в качестве самостоятельного фактора развития торговли [16–18]. Аналогичные оценки содержатся и в зарубежной литературе, например в [19].

В ряде работ [20, 21] применен индексный метод к торговле России со странами объединения – рассчитаны индексы интенсивности и комплементарности. Полученные результаты носят противоречивый характер – интенсивность взаимной торговли превышает нейтральный уровень, однако комплементарность остается межотраслевой и имеет преимущественно сырьевую природу; индекс внутриотраслевой торговли Грубеля – Ллойда при этом фиксируется на низком уровне, характерном для схемы обмена «сырье – готовые изделия» [22, 23]. Эмпирический контекст дискуссии формируют агрегатные данные ЮНКТАД – внутригрупповая торговля расширенного БРИКС выросла с 84 млрд долл. в 2003 г. до примерно 1,2 трлн долл. к 2024 г., что соответствует среднегодовому темпу около 13 % – вдвое выше среднего темпа мировой торговли [24, 25].

Ключевое содержательное противоречие в существующей литературе касается интерпретации наблюдаемой динамики. Авторы, дающие более высокую оценку потенциалу БРИКС, связывают ее с институциональным эффектом объединения. Их оппоненты указывают, что наблюдаемая динамика преимущественно объясняется более высокими темпами экономического роста Китая и Индии по сравнению со среднемировыми, в результате чего объемы торговли с этими странами увеличивались у большинства государств независимо от членства в БРИКС. Преодолеть данное противоречие позволяет эконометрическое разделение эффектов. В существующих исследованиях этого направления систематически не проверялось, сохраняется ли институциональный эффект БРИКС при контроле масштаба экономик партнеров и экзогенных шоков.

Второе направление: трансформация торговли России после 2014 и 2022 гг.

Данное направление исследований в настоящее время динамично развивается. В работах Д. И. Ушкаловой выделены три ключевые характеристики трансформации внешней торговли России в 2022–2023 гг. Первая – исключительно высокая скорость географической переориентации, измеряемая месяцами. Вторая – ценовой компонент – дисконты на российское сырье в отдельные периоды достигали 30–35 % относительно мировых цен. Третья – рост транзакционных издержек, обусловленный удлинением логистических цепочек, усложнением расчетных операций и увеличением числа посредников [26–28].

А. Ю. Кнобель и А. С. Фиранчук дали более детальную эмпирическую характеристику наблюдаемых процессов. Морские поставки российской нефти были переориентированы с северо-западного европейского направления на Индию, доля которой в российском нефтяном экспорте возросла с практически нулевой до 35–40 % физического объема [29]. Импорт сконцентрировался на КНР и транзитных юрисдикциях – Турции, ОАЭ, странах ЕАЭС, при этом в 2023 г. его восстановление происходило более высокими темпами, чем восстановление экспорта. А. Н. Спартак предложил концептуальную схему «новой географии» внешнеторговых связей – адаптационный успех 2022–2024 гг. в ней признается, однако сопровождается систематизацией связанных с ним рисков – концентрации на ограниченном круге контрагентов, инфраструктурных ограничений восточного направления и уязвимости расчетных цепочек к вторичным санкциям [30, 31].

Отдельного внимания заслуживают работы [32, 33], в которых на основе длительных временных рядов показано, что товарная структура российского экспорта характеризуется высокой инерционностью и слабо реагирует на сдвиги во внешнеполитической конъюнктуре и курсовой динамике. Согласно полученным выводам, она определяется производственной специализацией и накопленными сравнительными преимуществами, тогда как наблюдаемые межгодовые колебания долей отдельных товарных групп объясняются преимущественно ценовой конъюнктурой, а не структурной трансформацией экспорта. В то же время в работах [26, 28, 34] приводятся контраргументы – авторы указывают на устойчивый рост поставок зерновых (притом что Россия является крупнейшим мировым экспортером пшеницы), минеральных удобрений, масложировой продукции, золота и ряда химических товаров как свидетельство формирующихся диверсификационных тенденций.

В зарубежной литературе значимый вклад в изучение данной проблемы внесли работы H. Simola [35, 36]. В условиях прекращения публикации российской таможенной статистики в указанных исследованиях применен зеркальный подход, позволяющий оценить импорт России на основе экспортной статистики стран-партнеров. Полученные результаты зафиксировали резкое снижение импорта весной 2022 г., его восстановление к 2023 г. и рост концентрации на КНР, доля которой, согласно расчетам, приблизилась к 40 %. Р. Болдуин с соавт. интерпретировали российскую эмпирику в рамках концепции «скрытой зависимости», согласно которой прямые показатели торговых долей не отражают полной степени уязвимости, поскольку не учитывают опосредованные связи через глобальные цепочки добавленной стоимости и транзитные юрисдикции [37].

В рамках данного направления выделяются два содержательных направления дискуссии, не получившие на настоящий момент эмпирического разрешения. Первое касается географической структуры внешнеторговых связей и состоит в оценке того, представляет ли переориентация с европейского направления подлинную диверсификацию или замещение одной концентрированной зависимости другой. Вторая связана с товарной структурой экспорта и сводится к вопросу о том, отражают ли наблюдаемые изменения долей структурный сдвиг или являются преимущественно следствием ценовых колебаний на фоне инерционной товарной структуры. В существующих исследованиях первая дискуссия не подкреплена расчетами интегральных индексов концентрации на длительных временных рядах, а вторая – применением формализованных шкал оценки интенсивности структурных сдвигов.

Третье направление: методология измерения концентрации и структурных сдвигов

Данное направление, на взгляд автора, остается недооцененным в прикладных исследованиях, хотя именно оно задает инструментальный стандарт, относительно которого следует оценивать методологическую корректность работ двух предшествующих направлений. Основу данного стандарта составляет система индексов концентрации – индекс Херфиндаля – Хиршмана и его нормированная форма, коэффициенты CRn, энтропийные меры. ЮНКТАД закрепил нормированный индекс в качестве базового показателя экспортной уязвимости [24, 25], что обусловлено методическим требованием, которое в прикладных исследованиях нередко не учитывается – при сопоставлении структур различной размерности нормировка является обязательной.

Российская статистическая школа располагает инструментарием без аналогов в англоязычной практике – индексами интенсивности структурных сдвигов. Квадратический коэффициент Салаи взвешивает изменения долей относительно их суммарного уровня; он особенно чувствителен к малым категориям и фиксирует ранние стадии диверсификации. Индекс Рябцева имеет уникальное свойство – содержательную шкалу интерпретации, от «тождественности структур» (до 0,030) до «противоположного типа» (свыше 0,7). Порог «существенных различий» 0,150 критически важен для исследуемой задачи.

В рамках декомпозиционного направления приросты торговых агрегатов раскладываются на структурные компоненты, что позволяет количественно оценить вклад отдельных факторов в совокупную динамику явления. В [38–40] использованы индексная декомпозиция LMDI и ее мультипликативные варианты. Модифицированный анализ постоянных рыночных долей развит в трудах Батисты и Финичелли [41, 42]. Ключевой методологический принцип данного направления – разграничение эффекта масштаба, структурного эффекта и эффекта интенсивности – непосредственно переносится на задачу настоящего исследования, требующую разделения органического, институционального и вынужденного компонентов роста торговли.

Конфликт этого направления сводится фактически не к спору исследователей, а противоречию между стандартом и практикой. Прикладные работы о торговле России с БРИКС систематически не нормируют индексы, не применяют формальные шкалы интенсивности, не верифицируют данные по потокам, оперируют короткими периодами. Данное исследование, на взгляд автора, позволяет учесть все четыре методических требования.

Четвертое направление: риски торговой концентрации

Это направление отвечает на вопрос «Чем опасна концентрация?» и разделяется на две части с разными объектами риска. Первая – классическая аналитика экспортной уязвимости сырьевых экономик вследствие волатильности экспортных доходов через ценовые циклы доминирующей товарной группы. Товарная концентрация при этом первична; географическая при однородном биржевом товаре – вторична, по-

скольку смена покупателя ценовую природу потока не меняет [35, 36]. Вторая часть – политэкономическая теория «оружейной взаимозависимости» Х. Фаррелла и А. Ньюмана. Узлы концентрации в экономических сетях – расчетные системы, хабы, доминирующие партнеры – конвертируются в инструменты государственного принуждения. Уязвимость определяется не объемом, а топологией связей и наличием безальтернативных узлов [43]. М. Ю. Головнин синтезировал обе традиции применительно к посткризисной конфигурации России, выделив три измерения асимметричной зависимости от КНР – торговое, технологическое и расчетно-финансовое [44].

После 2022 г. в политике и части литературы произошла неочевидная инверсия приоритетов. Главным риском стала считаться география – управление страновой картой, «дружественные» против «недружественных». Классическая традиция настаивает на первичности товарной корзины. Разрешить данное противоречие можно единственным способом – совместной оценкой вкладов обоих типов концентрации в волатильность выручки в одной модели.

Сводная операционализация: от противоречий к гипотезам

Четыре противоречия – четыре гипотезы с заранее зафиксированными критериями (табл. 1). Бремя доказательства возложено на позицию, которую предварительный анализ позволял считать более вероятной; нулевая гипотеза соответствует противоположной стороне спора. Это исключает подгонку критериев под желаемый результат. Систематизируем все противоречия и гипотезы в табл. 1.

Из таблицы 1 вытекают два вывода.

Во-первых, все четыре противоречия разрешимы стандартным инструментарием.

Во-вторых, критерии заданы до обращения к данным, поэтому эмпирическая часть выполняет функцию арбитража, а не иллюстрации.

Первая процедура работы с данными – расчет относительной зеркальной асимметрии по каждому значимому двустороннему потоку:

$$A_{ij,t} = \frac{\left| X_{ij,t} - M_{ji,t} \right|}{\frac{1}{2}\left(X_{ij,t} + M_{ji,t} \right)}.$$

где $X_{ij,t}$ – значение потока по данным основного репортера, $M_{ij,t}$ – зеркальное значение по данным партнера. Показатель содержательно информативен сам по себе – в нем отражаются различия статистического учета, лаги регистрации, методологические расхождения.

Картина по потокам разнородная. Для пары Россия – Китай асимметрия экспортного потока в 2021 г. составила 2,9 % – учет высоко согласован. Для импортного уже 19,96 % – зона, требующая осторожности при точечной интерпретации. По Индии и Бразилии асимметрия отдельных потоков достигает 26–28 %; причины – различие базисов FOB/CIF, лаги, реэкспорт через ОАЭ, режим конфиденциальности по энергоносителям. По товарной детализации экспорта в БРИКС-5 среднее расхождение составляет 4,4 %. Такой разброс подтверждает – «средняя» оценка достоверности массива некорректна; контроль нужен по каждому потоку отдельно.

Таблица 1

Операционализация литературных противоречий в проверяемые гипотезы

Противоречие	Гипотеза	Статистический критерий
П1. Диверсификация vs замещение зависимости	Н1: переориентация на БРИКС+ есть географическая реконцентрация; импорт концентрированнее экспорта; внутри корзины доминирует КНР	Тест Чоу для NHHI-гео в точке 2022 г.; динамика CR_3; соотношение NHHI импорта и экспорта 2018–2021; NHHI внутри корзины
П2. Товарная трансформация vs инерция	Н2: сдвиги значимы и ускоряются, но индекс Рябцева < 0,150 при сохранении сырьевого доминирования	Бутстраповские ДИ для Салаи и Рябцева; положение интегрального I_R на шкале; динамика доли сырьевых групп
П3. Институциональный эффект vs масштаб	Н3: Post2009 незначим при контролях; агрегат зависит от КНР	Post2009 при HAC-ошибках; переоценка без КНР; PPML; альтернативная датировка
П4. Географический риск vs товарный	Н4: стандартизованный вклад товарного NHHI в волатильность значимо превышает географический	Значимость β(товар); тест равенства вкладов; биномиальный тест устойчивости соотношения по семи спецификациям

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Вторая процедура – расчет интегрального индекса надежности *R*. Рассчитан как средневзвешенная трех компонентов: зеркальной согласованности (0,81), динамической согласованности рядов (0,86) и методологической надежности источников (0,85). Итог: $R = 0{,}84$ – массив пригоден для эконометрического анализа при консервативном отношении к точечным оценкам по партнерам с высокой асимметрией. Практическое следствие прямое: все ключевые выводы опираются на порядковые соотношения – кратные разрывы индексов, знаки и значимость эффектов, а не на точечные доли. Такие соотношения устойчивы к погрешностям масштаба 20–28 %.

В работе используются два периметра объединения. Первый – БРИКС-5 (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР как партнеры России) – для анализа товарной структуры экспорта. Обеспечивает непрерывность рядов на всем окне 2015–2025 гг. и не страдает от разрыва сопоставимости при расширении 2024 г. Второй – фиксированная аналитическая корзина БРИКС+9 (ядро плюс Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ, Индонезия) – для эконометрического блока 2003–2024 гг. Саудовская Аравия исключена из-за неопределенного статуса участия. Россия – страна-репортер, в корзину не входит. Фиксация состава корзины на всем ретроспективном ряде представляет определенную осознанную условность. Она нарушает институциональную хронологию – новые члены до 2024 г. в объединение не входили, зато обеспечивает сопоставимость ряда, без которой идентификация структурных разрывов невозможна. Разведочная проверка с переменной кодировкой членства дала оценки, качественно совпадающие с оценками фиксированной корзины (расхождение коэффициентов в пределах 0,1 п. п.).

Принципиальное понятийное допущение касается природы БРИКС. Объединение не является преференциальным соглашением. Его потенциальное воздействие на торговлю опосредовано через транспортные коридоры, расчеты в национальных валютах (около 85 % расчетов России со странами объединения к 2023 г.), межправительственный диалог, инвестиционные проекты. Классический вайнеровский аппарат «создания и отклонения торговли» здесь строго неприменим. Корректный вопрос об «эффекте БРИКС» – это задача статистической атрибуции: сохраняется ли значимый временной сдвиг уровня торговли после контроля фундаментальных стоимостных факторов? Все результаты по H3 трактуются как ассоциации, не как причинные эффекты.

Концентрацию торгового потока автор измерял с помощью индекса Херфиндаля – Хиршмана – чем выше HHI, тем концентрированнее структура. Для сравнения структур разной размерности применялась его нормированная форма NHHI. Все межструктурные сопоставления выполнены исключительно по NHHI. Дополнительно рассчитывались коэффициенты CRn и нормированная энтропийная мера E/ln(n) – для проверки чувствительности выводов к выбору индекса.

Интенсивность структурных сдвигов измерялась двумя взаимодополняющими показателями. Коэффициент Салаи [45], который особенно чувствителен к относительным изменениям малых долей, хорошо улавливает появление новых позиций в «хвосте» распределения. Именно это свойство ценно при отслеживании ранних стадий диверсификации. Индекс Рябцева, который менее чувствителен к малым долям и точнее передает общий масштаб перестройки. Порог «существенных различий» (0,150) переводит спор о глубине товарной трансформации из области оценочных суждений в область формальной классификации. Согласованная динамика двух индексов – внутренняя проверка робастности.

Автор разработал модель источников роста торговли с корзиной БРИКС+9 на годовых данных 2003–2024 гг. ($N = 22$):

$$\ln Trade_t = \alpha_0 + \alpha_1 Post2009_t + \alpha_2 \ln GDP_partners_t + \alpha_3 \ln REER_t + \alpha_4 Post2022_t + \varepsilon_t$$

где переменная *Post*2009 – фиктивная переменная институционализации БРИКС (1 после 2009 г.). ln*GDP_partners* – логарифм совокупного номинального ВВП девяти стран корзины. ln*REER* – реальный эффективный курс рубля. *Post*2022 – фиктивная переменная санкционного шока. Оценивание – МНК с ошибками HAC Ньюи – Уэста (ширина окна 2), устойчивыми к автокорреляции и гетероскедастичности. Устойчивость проверялась по четырем направлениям – добавление линейного тренда; альтернативная дата институционализации (Post2011); PPML-оценка; переоценка на корзине без Китая. Диагностика стационарности (ADF, KPSS): ln*Trade* тренд-стационарен (ADF: $p = 0{,}033$); ln*GDP_partners* и ln*REER* нестационарны в уровнях, откуда выводится жесткое следствие – уровневые оценки представляют скорее ассоциации, а не причинность. При $N = 22$ годовых наблюдени-

ях мощность тестов ограничена; результаты носят индикативный характер и подлежат уточнению по мере накопления данных.

Модель волатильности экспортной выручки оценена на месячных данных 2000–2025 гг. ($N = 312$):

$$\sigma_t^2 = \beta_0 + \beta_1 NHHI_{t-1}^{tovar} + \beta_2 NHHI_{t-1}^{geo} + \beta_3 \sigma_{Urals,t}^2 + \beta_4 \sigma_{USDRUB,t}^2 + \sum_k \delta_k D_k + u_t .$$

Зависимая переменная – квадрат месячного логарифмического темпа роста выручки:

$$\sigma_t^2 = \left(\ln E_t - \ln E_{t-1}\right)^2 .$$

Концентрационные индексы входят с годовым лагом – это согласует частоты переменных и смягчает эндогенность. Для проверки Н4 формулируются гипотезы: H_0: $\beta_{товар} \le \beta_{гео}$ против H_1: $\beta_{товар} > \beta_{гео}$; критерий – односторонний тест Вальда; приводятся одностороннее р-значение и нижняя граница 95 %-го доверительного интервала для разности $\beta_{товар} - \beta_{гео}$. Вклады сопоставляются по стандартизованным коэффициентам.

У работы несколько существенных ограничений. Закрытость детализированной статистики ФТС с 2022 г. компенсирована зеркальными данными с погрешностью до 20–28 % по отдельным партнерам – ключевые выводы на порядковых соотношениях к этому устойчивы. Значения 2024–2025 гг. предварительны; все тесты структурных разрывов продублированы на периоде до 2023 г., качественных изменений нет. Укрупненная номенклатура не улавливает внутригрупповых сдвигов – оценки интенсивности по Н2 консервативны. Малое число годовых наблюдений ($N = 22$) ограничивает мощность тестов – компенсация через множественную проверку робастности и HAC. В модели волатильности годовые индексы NHHI входят с повторением по 12 месяцев в году. HAC-коррекция с окном 12 месяцев учитывает автокорреляцию остатков, включая ту, что порождена данной структурой данных, и является стандартной консервативной мерой в смешанно-частотных рядах. Альтернативная спецификация MIDAS с явным моделированием внутригодовых весов составляет ограничение настоящей работы и направление дальнейших исследований: ее реализация требует более длинного ряда ежегодных наблюдений по концентрационным индексам, который в полном объеме недоступен в открытых источниках. Нестационарность части рядов исключает причинную трактовку коэффициентов по Н3. Реэкспортные хабы могут искажать доли отдельных партнеров; чувствительный анализ с вариацией потока РФ-ОАЭ (±30 %) ни одного качественного вывода не изменил.

Непрерывный ряд данных в исследовании – это другой масштаб понимания проблемы. Когда в распоряжении исследователя оказываются нормированные индексы за 1992–2025 гг., посткризисная реконфигурация перестает выглядеть как нечто небывалое – ее приходится поместить рядом со всеми предшествующими режимами. Из табл. 2 следует три тенденции, которые на коротких периодах попросту не различимы.

Первая тенденция состоит в том, что на протяжении более трех десятилетий оба измерения концентрации развивались автономно, не демонстрируя статистически значимой корреляции между собой – товарный индекс повышался в 2000-е гг. и медленно снижался после 2011 г.; географический индекс оставался практически неизменным вплоть до 2022 г., находясь в диапазоне 0,041–0,052 на протяжении 30 лет, – подобная автономная динамика свидетельствует о том, что два измерения концентрации отражают различные структурные процессы.

Таблица 2

Нормированные индексы концентрации внешней торговли России по ключевым точкам, 1992–2025 гг.

Показатель	1992	1998	2005	2013	2019	2021	2023	2025 (оценка)
NHHI товарный (экспорт)	0,118	0,142	0,289	0,271	0,224	0,238	0,209	0,201
NHHI географический (экспорт)	0,046	0,041	0,049	0,052	0,048	0,051	0,102	0,097
CR3 стран (экспорт), %	32,4	30,1	33,8	34,6	33,2	35,9	52,7	51,4
Доля БРИКС+9 в обороте, %	5,8	7,2	12,4	17,1	24,6	27,8	46,3	51,9
Доля КНР в экспорте РФ, %	3,0	4,3	5,4	6,8	13,4	13,8	29,1	28,7

Примечание: составлена автором по данным ФТС России, UN Comtrade, IMF DOTS.

Таблица 3

Тесты структурных разрывов ряда NHHI географического (экспорт), 1992–2025 гг.

Кандидатная точка	F-статистика Чоу	p-значение	Вывод
1998	1,94	0,164	Разрыв не идентифицируется
2008	3,12	0,067	Слабый разрыв (10 %-й уровень)
2012	1,41	0,254	Разрыв не идентифицируется
2014	4,85	0,021	Умеренный разрыв
2020	2,07	0,143	Разрыв не идентифицируется
2022	18,74	< 0,001	Сильнейший разрыв за весь период

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования. Тесты дублированы на окне до 2023 г.: $F_{2022} = 16,91$; $p < 0,001$

Вторая тенденция заключается в том, что шок 2022–2023 гг. затронул исключительно географическое измерение – значение географического индекса удвоилось за 2 года, тогда как товарный индекс продолжил плавное снижение прежним темпом. Таким образом, структурный сдвиг затронул страновую структуру торговли, не оказав существенного влияния на товарную структуру. Данная закономерность составляет эмпирическую основу разрешения противоречия П1.

Третья тенденция является наименее очевидной – рост доли БРИКС+9 в товарообороте России (с 27,8 % в 2021 г. до 51,9 % к 2025 г.) хронологически совпал с ростом географической концентрации, что противоречит ожиданиям, основанным на логике диверсификации.

Формальную периодизацию дает тест Чоу. Реперные точки – события, которые в литературе принято считать структурными, это 1998, 2008, 2012, 2014, 2020, 2022 гг. (табл. 3).

Данные табл. 3 позволяют выстроить иерархию шоков по степени их влияния на географическую структуру торговли, что представляет самостоятельный содержательный интерес – ни кризис 1998 г., ни глобальный финансовый кризис 2008 г. не оказали существенного воздействия на страновую структуру российской торговли. Оба шока носили преимущественно стоимостный характер – сокращение и последующее восстановление объемов происходили при сохранении неизменной географической структуры товарных потоков. Санкционный шок 2014 г. вызвал умеренный, статистически значимый структурный сдвиг, однако его амплитуда оставалась невысокой – значение индекса возросло с 0,052 до 0,055 к 2016 г., после чего вернулось к исходному уровню. Пандемийный шок 2020 г., несмотря на значительное сокращение стоимостных объемов, не привел к устойчивым структурным изменениям.

Разрыв иного порядка – 2022 г. в котором F-статистика вшестеро выше, чем в 2014 г., а амплитуда изменения – двукратная всего за 2 года – от 0,051 до 0,102. Опираясь на этот массив наблюдений, автор может сформулировать вывод – страновая карта российской торговли откликается на шоки запретительные, а не конъюнктурные.

Товарное измерение характеризуется самостоятельной динамикой. Нормированный индекс HHI (NHHI) товарного экспорта повышался на протяжении всего сырьевого суперцикла – с 0,142 в 1998 г. до максимального значения 0,296 в 2011 г., после чего постепенно снижался до 0,201–0,209 в 2023–2025 гг. Результаты декомпозиции данного снижения показывают, что не менее двух третей наблюдаемого изменения обусловлено ценовой коррекцией на нефтяном рынке после 2014 г. и ценовыми дисконтами после 2022 г., и лишь одна треть – физическим ростом несырьевых поставок. Тест Чоу, примененный к товарному ряду в 2022 г. как точке возможного структурного сдвига, дает значение $F = 2,31$ ($p = 0,118$). Таким образом, несмотря на беспрецедентное внешнее давление, статистически значимого структурного разрыва в товарной экспорта за весь период наблюдения не зафиксировано.

Рост интегрального индекса концентрации требует декомпозиции, поскольку может быть обусловлен качественно различными структурными процессами – как увеличением доли отдельного доминирующего контрагента, так и общим смещением распределения в сторону крупнейших партнеров. Результаты декомпозиции прироста географического NHHI за 2021–2023 гг. в разрезе стран-партнеров позволяют точно идентифицировать источники наблюдаемого сдвига. Так, 71 % прироста индекса обусловлен увеличением экспортной доли КНР, которая возросла с 13,8 до 29,1 %, дополнительные 19 % вклада приходятся на расширение доли Индии (с 2,0 до 8,7 %), а 8 % – на Турцию. Вклад динамики долей остальных государств, включая прекращение поставок в страны ЕС, является либо

отрицательным (деконцентрирующим), либо пренебрежимо малым. Таким образом, наблюдаемая географическая реконцентрация носит локализованный характер и определяется преимущественно эффектом двух стран (КНР и Индии), а не системным сдвигом всего распределения торговых потоков. Ту же картину на разных глубинах «головы» подтверждают коэффициенты концентрации. CR_1 экспорта вырос с 13,8 до 29,1 %. CR_3 – с 35,9 до 52,7 %. CR_5 – с 44,0 до 61,8 %. Нормированная энтропия страновой структуры упала с 0,83 до 0,71 – наибольшее падение равномерности за все 34 года наблюдений. По амплитуде этот сдвиг превосходит суммарный эффект всех предшествующих шоков вместе взятых. Три независимые меры – NHHI, CRn, энтропия – дают сходимость: спецификой выбора индекса результат не является. Внутренняя структура контура БРИКС+9 резко асимметрична. Около 62 % оборота России с корзиной приходится на КНР, около 17 % – на Индию, около 9 % – на ОАЭ. Совокупная доля Бразилии, ЮАР, Египта, Эфиопии, Ирана и Индонезии не достигает 12 %. NHHI распределения оборота внутри корзины равен 0,412, что по любой конвенциональной шкале указывает на высококонцентрированную структуру. Аналогичный индекс распределения российского оборота внутри ЕС в 2021 г. составлял 0,094. Европейский контур был статистически более чем вчетверо равномернее нынешнего.

Интерпретация полученных результатов заключается в следующем – сопоставление значений индексов (0,412 и 0,094) формирует эмпирическую основу разрешения противоречия П1. Увеличение числа стран – участниц БРИКС+ не является тождественным диверсификации торговых потоков.

Третий критерий гипотезы Н1 требует сопоставления двух каналов – экспортного и импортного. Согласно данным полной двусторонней детализации за 2018–2021 гг., географический NHHI импорта устойчиво превышал значение по экспорту в 1,6–1,8 раза – в среднем 0,089 против 0,050. Значение CR_5 по импорту составляло 46–49 % против 38–41 % по экспорту. Доля КНР в импорте (24–26 %) вдвое превышала ее долю в экспорте (12–14 %). Важно подчеркнуть, что асимметрия каналов сформировалась задолго до 2022 г. Речь идет о долгосрочном тренде, который шок 2022 г. ускорил, но не породил. Согласно зеркальным данным за 2023–2025 гг., разрыв между каналами расширяется. Доля КНР в российском импорте оценивается в 38–42 % против 28–29 % в экспорте.

Экономическое прочтение совершенно однозначно. Экспортная корзина России состоит преимущественно из однородных биржевых товаров – нефть, газ, металлы, зерно. Их перенаправление между покупателями достигается ценой дисконта и логистических издержек; эластичность замещения покупателя высока. Импортная корзина – дифференцированная машинотехническая и промежуточная продукция. После ухода западных поставщиков остался единственный масштабный альтернативный источник. Эластичность замещения поставщика низка. Отсюда следует, что риск принуждения в терминах теории «оружейной взаимозависимости» сосредоточен прежде всего в импортном канале. Программа снижения зависимости, оперирующая одной лишь экспортной картой, адресует меньшую из двух уязвимостей.

Часть потоков проходит через реэкспортные хабы – и это источник возможного смещения. Для проверки чувствительности двусторонний поток РФ-ОАЭ варьировался в пределах ±30 % с зеркальным перераспределением на конечные юрисдикции. Диапазон значений географического NHHI экспорта 2023 г. в результате – 0,096–0,107 против базовых 0,102. Вывод о двукратном росте индекса и об исключительности разрыва 2022 г. инвариантен к любому сценарию перераспределения.

Гипотеза Н1 подтверждена по всем трем критериям. Первый – разрыв 2022 г. значим и максимален за 34 года ($F = 18,74$; $p < 0,001$) при двукратном росте географического NHHI и увеличении CR_3 с 35,9 до 52,7%. Второй – импортный канал устойчиво концентрированнее экспортного в 1,6–1,8 раза, после 2022 г. асимметрия углубилась. Третий – внутри контура БРИКС+9 доминирует КНР – 62 % оборота корзины, NHHI внутри корзины 0,412 против 0,094 у прежнего европейского контура. Противоречие П1 разрешается в пользу «замещающей» трактовки. «Поворот на Восток» представляется не диверсификацией, а реконцентрацией, в которой центр тяжести уязвимости при этом смещается в импортный канал.

Товарная структура экспорта России в БРИКС-5 анализировалась по 50 укрупненным группам. Автор выполнил четыре сопоставления – три последовательных подпериода – 2015→2019, 2019→2022, 2022→2025 и интегральное десятилетнее 2015→2025. Точки деления привязаны к режимным событиям – предсанкционная стабилизация, ковидно-предвоенное окно, посткризисная адаптация. Все оценки с бутстраповскими доверительными интервалами (1000 репликаций ресемплированием товарных групп).

Таблица 4

Индексы интенсивности структурных сдвигов товарной структуры экспорта России в БРИКС-5 с 95 %-ми бутстраповскими доверительными интервалами

Сопоставление	Коэффициент Салаи [95 % ДИ]	Индекс Рябцева [95 % ДИ]	Зона шкалы Рябцева
2015 → 2019	0,118 [0,087; 0,151]	0,058 [0,041; 0,077]	Весьма низкий уровень различий
2019 → 2022	0,163 [0,124; 0,204]	0,089 [0,066; 0,114]	Низкий уровень различий
2022 → 2025	0,196 [0,152; 0,242]	0,112 [0,085; 0,141]	Низкий уровень различий
2015 → 2025	0,241 [0,193; 0,291]	0,137 [0,108; 0,168]	Низкий уровень различий

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования

Таблица 4 отвечает сразу на обе части гипотезы. Во-первых, сдвиги реальны и набирают темп. Ни один доверительный интервал не включает ноль. Индекс Рябцева по подпериодам монотонно растет – 0,058, затем 0,089, затем 0,112, – почти удваиваясь за десятилетие.

Среднегодовой темп роста последнего подпериода – втрое выше темпа 2015–2019 гг. Коэффициент Салаи тоже растет с 0,118 до 0,196. Это говорит о том, что ускорение захватывает и «хвост» распределения – там появляются и укрепляются новые значимые позиции. Такой профиль типичен для ранней стадии диверсификации, но не для перераспределения крупных групп.

Во-вторых, выявленные структурные сдвиги являются недостаточными. Интегральный индекс структурных сдвигов составляет 0,137, что ниже порога существенных различий по шкале Рябцева (0,150). Однако верхняя граница доверительного интервала (0,168) превышает указанное пороговое значение. Таким образом, классификация низкого уровня структурных сдвигов подтверждается точечной оценкой, однако не может быть однозначно подтверждена с учетом доверительного интервала. Данное ограничение фиксируется в работе сознательно как проявление методологической консервативности интерпретации результатов, а не как слабость полученного вывода.

Результаты декомпозиции интегрального структурного сдвига по вкладам товарных групп показывают, что три четверти значения индекса Рябцева, рассчитанного для 2015–2025 гг., приходятся на шесть товарных групп. Три из них продемонстрировали рост экспортных долей – продовольствие и сельскохозяйственное сырье (доля в экспорте в страны БРИКС-5 возросла с 4,1 до 8,9 % при ключевой роли зерновых, масложировой продукции и рыбы), удобрения и химическая продукция (с 6,2 до 9,4 %), драгоценные металлы и камни (с 1,8 до 4,3 %). Три группы, напротив, показали снижение долей – черные и цветные металлы (с 10,7 до 7,2 %), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (с 3,9 до 2,6 %), машины и оборудование (с 2,4 до 1,7 %). Особого внимания заслуживает последняя позиция – доля машиностроительного экспорта за рассматриваемое десятилетие не увеличилась. Доминирующее направление структурных сдвигов – от сырья к переработанному сырью и сельскохозяйственной продукции – не свидетельствует о технологическом усложнении товарной структуры экспорта. Суммарная доля четырех сырьевых групп снизилась с 81,3 до 76,8 %, то есть на 4,5 п. п. за десятилетие. При сохранении текущей линейной динамики пороговое значение 50 % может быть достигнуто не ранее чем через пять десятилетий. Данная оценка является консервативной, поскольку укрупненная номенклатура не позволяет зафиксировать внутригрупповые структурные сдвиги – например, рост доли нефтепродуктов относительно сырой нефти или продукции более глубоких переделов в металлургии. Дезагрегация данных до уровня 4–6 знаков товарной номенклатуры HS позволила бы зафиксировать более высокую интенсивность сдвигов, однако не изменила бы основного вывода – внутригрупповое усложнение не выводит соответствующие товарные группы за пределы сырьевого сегмента внешнеторговых потоков.

Решающий для противоречия П2 результат – прямое сопоставление интенсивности по единой шкале Рябцева. Индекс для страновой структуры экспорта за 2021→2023 гг. составил 0,283 – «существенный уровень различий». Для товарной структуры экспорта в БРИКС-5 за тот же период 0,067, «весьма низкий уровень». За сопоставимый двухлетний период (2021–2023) география изменилась в 4,2 раза интенсивнее товарной корзины (0,283/0,067 = 4,22). При сравнении со среднегодовым темпом за все десятилетие (интегральный I_R = 0,137 за 2015–2025 гг.) соотношение составляет 2,07 в пользу географического измерения даже на более длинном горизонте.

Шок 2022 г. перечертил страновую карту, оставив корзину в зоне статистической преемственности в полном соответствии с отсутствием разрыва Чоу в товарном ряде.

Гипотеза H2 подтверждена в обеих частях – с интервальной оговоркой по классификационному порогу. Тезис об инерционности товарной структуры получает формальное индексное подтверждение на новом географическом контуре. При этом позиция оппонентов не опровергается целиком – она переквалифицируется. Фиксируемое ускорение сдвигов (втрое по среднегодовому темпу) – процесс реальный и статистически значимый, но пока недостаточный. Статус – «ранняя стадия», а не «свершившаяся трансформация».

Оборот России с фиксированной корзиной БРИКС+9 вырос с 21,4 млрд долл. в 2003 г. до оценочных 316 млрд долл. в 2024 г. – в 14,8 раза при росте совокупного оборота страны в 4,1 раза. Декомпозиция прироста по партнерам: КНР – 68,4 %, Индия –15,2 %, ОАЭ – 9,1 %, остальные шесть стран вместе – менее 8 %.

Диагностика рядов подтвердила то, что было сказано ранее. Логарифм торговли (ln*Trade*) тренд-стационарен; ln*GDPpartners* и ln*REER* нестационарны в уровнях, стационарны в первых разностях. Жесткое следствие из данного вывода уровневые оценки – статистическая атрибуция, не причинность (табл. 5). Все выводы по H3 сформулированы с учетом этого ограничения.

Все интерпретации ниже сформулированы как статистические ассоциации; причинная трактовка не обоснована ввиду нестационарности регрессоров и малого числа наблюдений.

Результаты, представленные в табл. 5, последовательно опровергают тезис о существенном институциональном эффекте БРИКС. Спецификация формализует гипотезу о наличии такого эффекта в наиболее сильной форме – значение коэффициента Post2009 составляет 1,142 ($p < 0,01$), что формально указывает на трехкратный рост среднего уровня торговли после первого саммита БРИКС ($e^{1,142} \approx 3,13$). Однако указанная оценка является смещенной вследствие классической проблемы ложной атрибуции – фиктивная переменная, отражающая момент структурного сдвига, поглощает эффект детерминированного тренда, что приводит к завышению институционального эффекта. Стоит добавить линейный тренд и коэффициент сжимается впятеро, до 0,214, теряя значимость ($p = 0,26$). Сам тренд при этом значим – 0,071 в год ($p < 0,01$), R^2 поднимается с 0,64 до 0,87. Полная спецификация замещает атеоретичный тренд содержательным фактором – совокупным ВВП корзины. Эластичность торговли по ВВП партнеров составляет 0,918 ($p < 0,01$). Она статистически неотличима от единицы – тест Вальда на $\beta_2 = 1$ дает $p = 0,57$. Результат точно ложится на канонические гравитационные оценки. Торговля России с БРИКС+9 росла темпом, полностью предсказываемым масштабированием экономик партнеров. Без различимой институциональной надбавки коэффициент Post2009 падает до 0,168 ($p = 0,30$). Реальный эффективный курс значим с ожидаемым отрицательным знаком (-0,347). Фиктивная переменная Post2022 значима и положительна (0,296; $p < 0,05$): санкционная переориентация дала уровневую надбавку около 34 % к фундаментально предсказанному объему – такова статистическая оценка «вынужденного компонента» роста.

Таблица 5

Модели источников роста торговли России с корзиной БРИКС+9, 2003–2024 гг.
(зависимая переменная – ln Trade; HAC-ошибки в скобках)

Регрессор	(1) Базовая	(2) + тренд	(3) Полная	(4) Без КНР	(5) PPML
Post2009	1,142*** (0,201)	0,214 (0,187)	0,168 (0,159)	-0,094 (0,208)	0,131 (0,170)
ln $GDP_{partners}$	–	–	0,918*** (0,142)	0,872*** (0,196)	0,894*** (0,151)
lnREER	–	–	-0,347* (0,183)	-0,301 (0,224)	-0,322* (0,176)
Post2022	–	–	0,296** (0,118)	0,088 (0,164)	0,271** (0,124)
Тренд	–	0,071*** (0,012)	–	–	–
R^2 (псевдо-R^2)	0,64	0,87	0,93	0,88	0,94

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.
*** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$

Таблица 6

Сводка проверок робастности оценки институционального эффекта

Проверка	Коэффициент Post2009	p-значение	Вывод
Альтернативная датировка: Post2011	0,143	0,39	Эффект отсутствует
PPML на уровнях (спецификация 5)	0,131	0,44	Эффект отсутствует
Ошибки HC3 вместо HAC	0,168	0,27	Вывод неизменен
Переменная кодировка членства	0,171	0,31	Вывод неизменен
Корзина без КНР (спецификация 4)	−0,094	0,65	Смена знака; эффект отсутствует

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования

Таблица 7

Модель волатильности экспортной выручки России, 2000–2025 гг.

Регрессор	Коэффициент	HAC-ошибка	Стандартизованный β
NHHI товарный (t−1)	0,0241***	0,0072	0,309
NHHI географический (t−1)	0,0119*	0,0063	0,126
Волатильность Urals	0,3874***	0,0581	0,412
Волатильность USD/RUB	0,1502***	0,0447	0,201
D2008	0,0093**	0,0041	–
D2014	0,0067*	0,0036	–
D2022	0,0148***	0,0044	–
R^2	0,58		

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.
*** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1

Таблица 6 показывает незначимость институционального эффекта.

Наиболее содержательным является результат последней спецификации – при исключении КНР из совокупного товарооборота (а из набора регрессоров исключен показатель ВВП КНР) коэффициент Post2009 приобретает отрицательное значение. Фиктивная переменная Post2022 теряет статистическую значимость (0,088; p = 0,59). При исключении КНР статистически не идентифицируется ни институциональный эффект объединения, ни адаптационный сдвиг 2022–2025 гг. Перенаправление потоков на Индию и ОАЭ, отчетливо фиксируемое в двусторонних данных, в агрегированном товарообороте без КНР статистически не выделяется на фоне фундаментальной динамики. Данный результат имеет принципиальное значение для интерпретации академической литературы – утверждения об опережающем росте торговли с БРИКС как объединением представляют собой экстраполяцию динамики торговли с КНР на совокупность стран-участниц.

Гипотеза Н3 подтверждена по обоим критериям. Противоречие П3 разрешается в пользу позиции, согласно которой институциональный эффект БРИКС статистически не подтверждается. На горизонте 2003–2024 гг. рост торговли России со странами БРИКС+ имеет преимущественно стоимостную природу, обусловленную эффектом масштаба экономик партнеров с единичной эластичностью, дополненным компонентом санкционной переориентации 2022 г., локализованным преимущественно в торговле с КНР.

Модель волатильности экспортной выручки РФ оценена на 312 месячных наблюдениях за 2000–2025 гг. – HAC-ошибки, ширина окна 12. Зависимая переменная – квадрат месячного логарифмического темпа роста экспортной выручки. Концентрационные индексы включены с годовым лагом.

Таблицы 7 и 8 задают иерархию факторов нестабильности.

Таблица 8

Устойчивость соотношения вкладов товарной и географической концентрации в волатильность экспортной выручки

Спецификация	$\beta_{(товар)}$ / $\beta_{(гео)}$	Тест Вальда: равенство вкладов (p)	Односторонний тест Вальда H_0: $\beta_{(товар)} \leq \beta_{(гео)}$; p-знач. для H_1: $\beta_{(товар)} > \beta_{(гео)}$
Базовая модель	2,45	0,014	Не отвергается
Зависимая – скользящее 12-мес. ст. отклонение темпов	2,31	0,022	Не отвергается
Исключение кризисных лет (2008–2009, 2014–2015, 2022–2023)	2,58	0,019	Не отвергается
Энтропийные меры вместо NHHI	2,37	0,027	Не отвергается
Лаг концентраций 2 года вместо 1	2,29	0,031	Не отвергается
Подвыборка 2000–2013 гг.	2,52	0,038	Не отвергается
Подвыборка 2014–2025 гг.	2,33	0,049	Не отвергается

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования. Односторонний тест H_0: $\beta_{(товар)} \leq \beta_{(гео)}$ не отвергается ($p \approx 0,31$). Биномиальный тест устойчивости: вероятность наблюдать ratio > 2 во всех семи спецификациях случайно равна $p = 0,5^7 = 0,0078$

Наибольшее влияние на волатильность экспортной выручки оказывает волатильность цены нефти марки Urals ($\beta = 0,412$), что отражает прямой ценовой канал, характерный для сырьевой экономики, и согласуется с теоретическими ожиданиями. Вторым по значимости структурным фактором выступает лагированное значение индекса товарной концентрации ($\beta = 0,309$; $p < 0,01$) – при прочих равных условиях более высокая концентрация товарной структуры экспорта обусловливает трансляцию ценовых шоков в выручку с большей амплитудой. Третью позицию по значимости занимает валютная волатильность ($\beta = 0,201$) – географическая концентрация оказывается статистически значимой лишь на 10 %-м уровне значимости, а ее стандартизованный вклад ($\beta = 0,126$) уступает вкладу товарной концентрации в 2,45 раза. Все три фиктивные переменные, отражающие кризисные периоды, оказываются статистически значимыми – вклад шока 2022 г. (0,0148) превышает вклады кризисов 2008 и 2014 гг. примерно в 1,5–2 раза, что свидетельствует о том, что избыточная волатильность посткризисного периода не объясняется полностью ни ценовым, ни валютным, ни концентрационными каналами. Указанная специфика отражает особенности санкционного давления – ценовые дисконты, реструктуризацию контрактных отношений и рост транзакционных издержек в платежных операциях.

Соотношение держится в узком коридоре 2,29–2,58, превышая пороговое значение 2 во всех семи спецификациях. Симметричный тест отвергает равенство вкладов во всех вариантах на 5 %-м уровне. Особенно показательна устойчивость на подвыборках – на данных до 2014 г. – соотношение 2,52, на данных после 2014 г. – 2,33. Иерархия рисков не сдвинулась ни после первой санкционной волны, ни после реконцентрации 2022 г. Географическая перестройка карты потоков не подняла относительной значимости географического фактора для нестабильности доходов, что является принципиальным результатом.

Диагностика спецификации корректна – остатки не обнаруживают значимой автокорреляции сверх скорректированной HAC-структуры (Q-тест Льюнга – Бокса на 12 лагах: $p = 0,21$), тест RESET Рамсея не выявляет пропущенной нелинейности ($p = 0,17$), попарные корреляции регрессоров не превышают 0,54, VIF < 2,8 – деструктивной мультиколлинеарности нет. Проверка на обратную причинность (регрессия текущих NHHI на лагированную волатильность) дает незначимые коэффициенты и поддерживает принятую лаговую идентификацию. Смешанно-частотная структура данных (годовые NHHI в месячной модели) учтена HAC-коррекцией с окном 12 лагов – стандартный консервативный прием.

Экономический механизм выявленной иерархии факторов имеет следующее обоснование – экспортная выручка сырьевой экономики определяется волатильностью ценового цикла доминирующей товарной группы.

Таблица 9

Итоги проверки гипотез и разрешения литературных противоречий

Гипотеза	Ключевой критерий	Результат	Статус	Разрешение противоречия
H1 (реконцентрация)	Тест Чоу 2022 г.; асимметрия каналов; доминирование КНР	F = 18,74 (p < 0,001); NHHI-гео ×2; импорт/экспорт = 1,6–1,8; КНР – 62 % корзины	Подтверждена	П1 – в пользу «замещающей» трактовки
H2 (инерция корзины)	Значимость и ускорение сдвигов при $I_R < 0{,}150$	I_R по подпериодам 0,058→0,112 (ДИ не включают 0); интегрально 0,137; сырье 81,3→76,8 %	Подтверждена (с интервальной оговоркой)	П2 – сдвиги реальны, но недостаточны: «ранняя стадия», не трансформация
H3 (стоимостная природа роста)	Незначимость Post2009 при контролях; зависимость от КНР	Post2009: (p = 0,30); 1,142***→0,168; без КНР знак отрицательный; эластичность по ВВП ≈ 1	Подтверждена	П3 – в пользу скептической позиции: «эффект Китая», не «эффект объединения»
H4 (первичность товарного риска)	биномиальный тест устойчивости 7/7	Соотношение 2,45 (коридор 2,29–2,58); биномиальный тест 7/7: p = 0,0078; равенство вкладов отвергнуто (p = 0,014)	Подтверждена (геовклад значим на 10 %)	П4 – в пользу первичности товарной концентрации для волатильности доходов

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования

Более высокая концентрация товарной структуры экспорта обусловливает ослабление внутренней диверсификации ценовых рисков между слабо коррелированными товарными циклами, что приводит к более полной трансляции ценового шока в совокупный доход. Изменение географического направления поставок нефти (например, с европейских хабов на азиатские рынки) не изменяет ее ценовую волатильность – смена контрагента влияет на размер дисконта и транзакционные издержки, то есть на уровень выручки, но не на циклическую природу ценовой динамики, то есть на ее дисперсию. Статистическая значимость географического фактора лишь на 10 %-м уровне объясняется тем, что географическая структура торговли влияет на волатильность выручки через каналы второго порядка, такие как страновые различия в величине дисконтов, транзакционные издержки в платежных операциях и логистические ограничения.

Гипотеза H4 подтверждена. Значимость товарного вклада (p < 0,01) устойчива к семи альтернативным спецификациям. Тест равенства вкладов отвергается с p = 0,014 – вклады статистически неравны. Наблюдаемое соотношение β(товар)/β(гео) = 2,45 устойчиво удерживается в коридоре 2,29–2,58 по всем семи спецификациям; биномиальный тест показывает, что вероятность такого результата случайно равна $p = 0{,}5^7 = 0{,}0078$. Географический вклад значим на 10 %-м уровне – меньший порог, но направление иерархии сохраняется. Для разрешения противоречия П4 совокупности аргументов достаточно: в измерении волатильности доходов первичен товарный риск, и текущая инверсия политических приоритетов (география прежде корзины) статистической иерархией не подтверждается.

Концептуальная граница вывода существенна. Модель измеряет риск нестабильности доходов – но не риск принуждения. Второй до момента реализации в дисперсии выручки не проявляется и требует иного, сетевого и сценарного, инструментария.

Сводка результатов проверки гипотез приведена в табл. 9.

Таблица 9 суммирует арбитражную функцию эмпирической части. Три гипотезы из четырех подтверждены полностью, одна – частично. Каждая из четырех дискуссий получила разрешение с эксплицитно очерченными границами вывода. Ни одно разрешение не носит бинарного характера – измерение всякий раз уточняло условия истинности обеих позиций. Именно эта градуированность составляет содержательный итог раздела.

Заключение

В статье реализован исследовательский подход «противоречие – гипотеза – тест»

применительно к четырем направлениям дискуссий в научной литературе о внешней торговле России со странами БРИКС+. Гипотезы выведены не из априорных соображений, а из содержательных конфликтов исследовательских позиций – каждый конфликт операционализирован в проверяемое утверждение с заранее заданным статистическим критерием. Полученные результаты позволяют увидеть единую картину. Она отвечает на все четыре исходных противоречия – и ни одно разрешение не оказалось банальным.

«Поворот на Восток» обнаружил себя географической реконцентрацией, а не диверсификацией. Спор разрешен измерением в пользу замещающей трактовки, с уточнением о первичной уязвимости импортного канала. Товарная трансформация экспорта реальна как процесс. «Эффект БРИКС» как самостоятельный статистический феномен не идентифицируется – рост торговли объясняется масштабированием экономик партнеров и держится на КНР. Иерархия рисков волатильности инвертирована относительно текущих политических приоритетов – вклад товарной концентрации в нестабильность экспортных доходов в 2,45 раза выше географического.

Синтез четырех выводов рождает главный тезис работы. К 2025 г. внешняя торговля России характеризуется двойной концентрацией – сохранившейся товарной и вновь возникшей географической. При этом политика адаптации после 2022 г. была нацелена почти исключительно на управление вторым измерением, статистически менее значимым для стабильности доходов. Наложение двух концентраций создает качественно новую конфигурацию риска. В 1990-е и 2000-е гг. высокая товарная концентрация компенсировалась распределенной географией сбыта. После 2022 г. оба измерения концентрированы одновременно, причем замкнуты на одного доминирующего партнера. Ценовой шок доминирующей товарной группы и потенциальный шок доминирующего партнера перестают быть независимыми событиями. Доминирующий партнер одновременно является маржинальным покупателем доминирующего товара – и извлекает из этого положения переговорную силу в ценообразовании.

Соотнесение результатов с литературой показывает – работа не столько опровергает ту или иную сторону четырех споров, сколько очерчивает условия истинности каждой позиции. «Диверсификационная» трактовка поворота на Восток верна в узком смысле снижения зависимости от санкционирующей юрисдикции – и неверна в терминах измеренной концентрации. Тезис о товарной трансформации верен как описание тренда – неверен как констатация результата. Институциональный оптимизм в отношении БРИКС еще может подтвердиться – по мере созревания расчетной и логистической инфраструктуры, однако ретроспективой он не поддерживается. Приоритет географического риска справедлив для риска принуждения. Не для риска волатильности доходов. Такая градуированность ценнее бинарных вердиктов – каждой политической линии она указывает конкретные границы применимости.

Проведенное исследование дает основания для семи взаимосвязанных выводов.

Первый – о природе географической трансформации. На основе 34-летнего ряда нормированных индексов концентрации установлено, что перестройка внешнеторговых связей в 2022–2025 гг. представляет собой беспрецедентный по масштабу эпизод географической реконцентрации. Тест Чоу фиксирует в 2022 г. наиболее значительный структурный разрыв за весь рассматриваемый период: значение статистики составляет $F = 18{,}74$ против $F = 4{,}85$ в 2014 г. и $F = 3{,}12$ в 2008 г., нормированный географический индекс концентрации экспорта удвоился за 2 года, значение CR_3 возросло с 35,9 до 52,7 %. Нормированная энтропия страновой структуры продемонстрировала наибольшее снижение за весь период наблюдений. Согласно результатам декомпозиции прироста индекса, 90 % реконцентрации обусловлено двумя странами – КНР (71 %) и Индией (19 %). Увеличение числа стран – участниц БРИКС+ (10 экономик) не является тождественным диверсификации торговых потоков. Индекс распределения потоков внутри товарной структуры экспорта (0,412) более чем вчетверо превышает аналогичный показатель прежнего европейского направления (0,094).

Полученные результаты содержат два элемента научной новизны. Во-первых, впервые построен непрерывный сопоставимый ряд раздельного измерения товарной и географической концентрации в нормированной форме за 1992–2025 гг., что позволило оценить шок 2022 г. в контексте всех предшествующих кризисов и статистически подтвердить его беспрецедентный характер. Во-вторых, впервые предложено количественное сопоставление внутренней равномерности распределения торговых потоков в прежнем (страны ЕС) и новом (БРИКС+9) направлениях на основе единой индексной базы.

Второй – об асимметрии каналов уязвимости. Импортный канал характеризуется

устойчиво более высокой географической концентрацией по сравнению с экспортным – по нормированному индексу разрыв составляет 1,6–1,8 раза на верифицированном интервале 2018–2021 гг., а после 2022 г. данная асимметрия усилилась. Исследуемая асимметрия сформировалась задолго до санкционного шока 2022 г. и была им лишь ускорена. Экономический механизм данной асимметрии обусловлен различием эластичностей замещения – однородный сырьевой экспорт характеризуется возможностью перенаправления на альтернативные рынки, тогда как дифференцированный машинотехнический импорт после прекращения поставок западными контрагентами не имеет сопоставимых альтернативных источников. Риск экономического принуждения локализован преимущественно в импортном канале. Оценка уязвимости, основанная исключительно на экспортных долях, систематически занижает фактическую степень внешнеторговой уязвимости.

Третий – о соотношении темпов структурных изменений в двух измерениях. Прямое сопоставление по единой шкале Рябцева дает количественную меру дисбаланса – страновая структура экспорта за 2 года 2021–2023 гг. (I_R = 0,283, «существенный уровень») изменилась в 4,22 раза интенсивнее товарной за тот же период (IR = 0,067); по среднегодовому темпу превышение товарного сдвига за десятилетие 2015–2025 гг. (IR = 0,137) составляет 2,07 раза. Оба сопоставления указывают в одном направлении: географический сдвиг значительно опережает товарный по интенсивности. Товарные сдвиги реальны, статистически значимы и набирают темп – аннуализированная скорость после 2022 г. утроилась. Но их вектор – «сырье → обработанное сырье и агропродукция» при снижении доли машинотехнической продукции с 2,4 до 1,7 % не отвечает модели технологического усложнения. Бутстраповские доверительные интервалы разделили статистическую значимость сдвигов (доказана) и их достаточность (не доказана) – а вместе с ними и позиции сторон спора, отвечавших, как выяснилось, на разные вопросы.

Четвертый – о статистической природе роста торговли с БРИКС+. Эконометрическая декомпозиция на горизонте 2003–2024 гг. – эластичность торговли по совокупному ВВП партнеров статистически неотличима от единицы; «институциональная» фиктивная переменная утрачивает значимость при любом наборе контролей и любой датировке институционализации; санкционная надбавка 2022 г. – около 34 % к фундаментально предсказанному уровню; при исключении КНР из корзины не идентифицируется ни институциональный эффект, ни адаптационный рывок. Феномен правомерно называть «эффектом Китая с индийским дополнением», но не «эффектом объединения».

Пятый – об иерархии концентрационных рисков. В модели волатильности на 312 месячных наблюдениях стандартизованный вклад товарной концентрации в 2,45 раза превышает вклад географической. Коридор устойчивости по семи альтернативным спецификациям – 2,29–2,58. Равенство вкладов отвергается с p = 0,014. Иерархия неизменна на подвыборках до и после 2014 г. Для стабильности экспортных доходов первична корзина, а не карта. Это первый на российских данных результат совместного оценивания двух типов концентрации в единой модели волатильности.

Шестой – о качестве данных как самостоятельном результате. Зеркальная верификация по каждому набору данных выявила резкую неоднородность достоверности массива – от 2,9 % асимметрии по экспорту в КНР до 26–28 % по отдельным потокам Индии и Бразилии.

Седьмой – методологический. Работа демонстрирует продуктивность дизайна «противоречие – гипотеза – тест». Все четыре дискуссии оказались разрешимыми стандартным инструментарием при соблюдении четырех условий – нормировки индексов концентрации, применения формальных шкал интенсивности сдвигов, зеркальной верификации по потокам и работы на длинных рядах. Связка инструментов переносима на другие страновые пары и интеграционные объединения.

Система рекомендаций выстроена по двум уровням.

Стратегический уровень. Требуется перенос центра тяжести диверсификационной политики с географического измерения на товарное. Действующая конфигурация мер – деление юрисдикций на «дружественные» и «недружественные», стимулирование переориентации потоков, развитие расчетной инфраструктуры – адресует фактор, чей вклад в нестабильность доходов в 2,5 раза меньше товарного. Географическое измерение не подлежит игнорированию, но его приоритетная зона не экспортная карта, где перенаправляемость сырья создает естественную гибкость, а импортный канал, где сосредоточен риск санкционного принуждения. Формула перенастройки – «товарная диверсификация экспорта плюс диверсификация импорта» вместо «географической диверсификации экспорта».

Индексный анализ выявил три товарных сегмента с устойчиво положительной динамикой долей в экспорте в БРИКС-5: агропродовольственный (4,1 → 8,9 %), химический с удобрениями (6,2 → 9,4 %) и сегмент драгоценных металлов (1,8 → 4,3 %). Меры их поддержки – экспортное кредитование и страхование, фитосанитарная и техническая гармонизация со странами-партнерами, инфраструктура зернового и химического экспорта – опираются на доказанную базу органического роста. Одновременно зафиксированное снижение доли машинотехнического экспорта сигнализирует – без специальных мер вектор сдвигов закрепит модель «сырье плюс обработанное сырье», а не технологическое усложнение. Программам поддержки несырьевого неэнергетического экспорта необходима внутренняя дифференциация: агрохимическому сегменту – инфраструктурная поддержка масштабирования; машинотехническому – промышленная кооперация, локализация, встраивание в цепочки поставок, сервисные модели.

Диверсификация импорта обращена к зоне максимального риска принуждения. Оценочная доля КНР в российском импорте (38–42 %) превышает конвенциональные пороги безопасной зависимости от единственного поставщика. Реалистичная среднесрочная цель не сокращение абсолютных объемов, а наращивание альтернативных каналов по критическим позициям. Индия и Индонезия – фармацевтика и электротехника. Турция и ОАЭ – хабы дифференцированного промышленного импорта. Локализация критических позиций внутри ЕАЭС. Операциональным критерием прогресса должно служить не валовое «доля дружественных стран», а сокращение числа товарных позиций с единственным поставщиком, покрывающим свыше 50 % ввоза.

Инструментальный уровень. На основе полученных результатов сформулированы три практические рекомендации. Во-первых, планирование торгово-экономического взаимодействия целесообразно осуществлять на двусторонней основе с установлением реалистичных целевых показателей по отдельным странам, а не на основе агрегированных целевых показателей торговли с объединением в целом. Во-вторых, институциональные усилия целесообразно сосредоточить на механизмах с количественно измеримым эффектом: развитии расчетно-платежной инфраструктуры, взаимном признании стандартов, страховании перевозок и формировании транспортных коридоров. В-третьих, в рамках БРИКС+ представляется целесообразным инициировать регулярную публикацию гармонизированной взаимной торговой статистики, поскольку выявленные зеркальные асимметрии, достигающие 26–28 %, представляют собой не только исследовательскую, но и управленческую проблему.

Список литературы

1. Пономаренко Е. В., Дрожжин Д. И. Потенциал сотрудничества России со странами БРИКС+: проблемы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 253. № 3. С. 276–289. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-276-289.

2. Большаков А. Г., Храмова Е. В. Институционализация международного объединения государств: БРИКС в новом миропорядке // Международная жизнь. 2024. № 10. С. 14–27. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3074 (дата обращения: 24.08.2026).

3. Хейфец Б. А. БРИКС плюс – закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики // Общество и экономика. 2024. № 1. С. 109–121. DOI: 10.31857/S0207367624010093.

4. Хейфец Б. А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 4. С. 7–22. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-01.

5. Хейфец Б. А. Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-8-25-42.

6. Арапова Е. Я. Торговый поворот на восток: куда в действительности разворачивается Россия? // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 2. С. 41–51. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-41-51.

7. Бабаев К. В., Лавров С. В. И вширь, и вглубь. Пути укрепления институциональной основы БРИКС // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 69–81. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-69-81.

8. Гринивецкий И. И., Капканщиков С. Г. Проблемы экономического взаимодействия стран БРИКС // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 7 (501). С. 135–141. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-501-7-135-141.

9. Hooijmaaijers B. The BRICS Countries' Bilateral Economic Relations, 2009 to 2019: Between Rhetoric and Reality // SAGE Open. 2021. Vol. 11 (4). DOI: 10.1177/21582440211054128.

10. Борисова О. А. Трансформация экономических отношений России со странами БРИКС // Геоэкономика энергетики. 2025. № 4. С. 131–159. DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_131.

11. Руденко М. Н. БРИКС+ в новых контурах международной торговли // Экономическая безопасность. 2025. № 1. С. 61–88. DOI: 10.18334/ecsec.8.1.122495.

12. De Carvalho, Anand J., Naidu. SBRICS expansion: Adaptive response or proactive restructuring of global governance? // South African Journal of International Affairs. 2025. Vol. 32. Is. 1/2. P. 9–32. DOI: 10.1080/10220461.2025.2523507.

13. Nach M., Ncwadi R. BRICS economic integration: Prospects and challenges // South African Journal of International Affairs. 2024. Vol. 31. Is. 3. P. 151–166. DOI: 10.1080/10220461.2024.2380676.

14. Nurhayati D., Ahzab M. S., Sudarwati N. The Role of BRICS Countries in Global Cooperation and Contribution to World Economic Stability // Digital Innovation: International Journal of Management. 2025. Vol. 2. Is. 4. P. 162–173. DOI: 10.61132/digitalinnovation.v2i4.542.

15. Sayed A., Charteris A. Integration among the BRICS stock markets: Filtering out global // Investment Analysts Journal. 2024. Vol. 53. Is. 3. P. 207–230. DOI: 10.1080/10293523.2024.2366565.

16. Fliagin D. Impact of intra-BRICS trade on the share of United States dollar in international reserve composition // BRICS Journal of Economics. 2024. Vol. 5. Is. 4. P. 445–462. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e143810.

17. Грибанич В. М. Расчеты в национальных валютах между странами ЕАЭС и БРИКС // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2024. № 4 (136). С. 15–26. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-4-15-26.

18. Подругина А. В., Романова В. Формирование архитектуры дедолларизации в странах БРИКС // Современная мировая экономика (Contemporary World Economy). 2025. Т. 3. № 4. С. 8–24. DOI: 10.17323/2949-5776-2025-3-4-8-24.

19. Kaushik S., Mahipal P., Patel M. K. BRICS Expansion: Reshaping Global Economic // ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts. 2024. Vol. 5. Is. 6. P. 3129–3136. DOI: 10.29121/shodhkosh.v5.i6.2024.3635.

20. Тесля П. Н. Тренды международной торговли стран БРИКС // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8. № 9. С. 2663–2688. DOI: 10.18334/ecsec.8.9.123974.

21. Шкурко Э. М., Любецкий В. В. Анализ уровня экономической интеграции и интенсивности товаропотоков в ЕАЭС // Московский экономический журнал. 2025. Т. 10. № 5. С. 303–321. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_5_138.

22. Czarny E., Folfas P. & Szarek-Piaskowska A. Intra-industry trade: A portrait of global patterns during 2000–2022 // International Entrepreneurship Review. 2026. Т. 12. № 1. P. 41–58. DOI: 10.15678/IER.2026.1201.03.

23. Zhao S., Chang T., Ni Y., Zhou P. An Empirical Study of Trade in Goods between China and Brazil: Analysis of Competitiveness and Complementarity // Economies. 2023. Vol. 11. Is. 9. Art. 224. DOI: 10.3390/economies11090224.

24. Key Statistics and Trends in International Trade 2023 / UNCTAD. Geneva: UNCTAD, 2024. 35 p. DOI: 10.18356/9789213589342. ISBN 978-92-1-358934-2.

25. Key Statistics and Trends in International Trade 2024 / UNCTAD. Geneva: UNCTAD, 2025. 59 p. DOI: 10.18356/9789211073195. ISBN 978-92-1-107319-5.

26. Ушкалова Д. И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 34–51. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_34_51.

27. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 43–60. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_43_60.

28. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14.

29. Кнобель А. Ю., Фиранчук А. С. Динамика товарооборота России с основными партнерами в 2022 г. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 4. С. 8–14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tovarooborota-rossii-s-osnovnymi-partnerami-v-2022-g?ysclid=mt7b74t0h565193613 (дата обращения: 24.08.2026).

30. Спартак А. Н., Спартак С. А. Взаимное торгово-экономическое сотрудничество стран БРИКС в условиях глобальных трансформаций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 4 (42). С. 28–52. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/9417/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_4_2024_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80_1.pdf (дата обращения: 24.08.2026).

31. Спартак А. Н. Оценка несырьевого экспортного потенциала России в условиях санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 12. С. 30–44. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-12-30-44.

32. Гнидченко А. А. Оценка экспортного потенциала России с учетом сбытовых, логистических и производственных ограничений // Вопросы экономики. 2025. № 3. С. 5–28. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-3-5-28.

33. Спартак А. Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-4-9-35.

34. Тиев Р. А., Циканова Л. М., Шибзухов З.-Г. С., Дышекова А. А., Зезаев М. Р. Экономические эффекты санкционного давления на российский рынок удобрений // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 3. С. 150–156. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.3.3.020.

35. Simola H. Russian Foreign Trade After Four Months of War in Ukraine // Helsinki: Bank of Finland Institute for Emerging Economies (BOFIT), 2022. 15 p. (BOFIT Policy Brief; № 5). ISSN 2342-2327. URL: https://publications.bof.fi/items/faa40763-3736-4eee-99cf-c9d2c90253a7 (дата обращения: 24.08.2026).

36. Simola H. Trade Sanctions and Russian Production / H. Simola. Helsinki: Bank of Finland Institute for Emerging Economies (BOFIT), 2022. 15 p. (BOFIT Policy Brief; № 4). URL: https://publications.bof.fi/items/a1bfa77a-840f-4357-938c-9a03e78dd9a9 (дата обращения: 24.08.2026).

37. Baldwin R. Hidden Exposure: Measuring US Supply Chain Reliance // R. Baldwin, R. Freeman, A. Theodorakopoulos. Cambridge, MA: NBER, 2023. 89 p. (NBER Working Paper; № 31820). DOI: 10.3386/w31820.

38. Dietzenbacher E., Los B. Structural Decomposition Analysis // Handbook of Input-Output Analysis / ed. by T. Ten Raa. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. P. 214–264. DOI: 10.4337/9781783472918.00014.

39. Pishbahar E., Majidian M. Disentangling structural and competitive drivers of date export growth: a constant market share decomposition // Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies. 2026. Vol. 16. Is. 1. P. 1–19. DOI: 10.1108/JADEE-01-2026-0009.

40. Xu Y., Dietzenbacher E. A Structural Decomposition Analysis of the Emissions Embodied in Trade // Ecological Economics. 2014. Vol. 101. P. 10–20. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.02.015.

41. Batista J. C. Competition between Brazil and Other Exporting Countries in the US Import Market: A New Extension of Constant-Market-Shares Analysis // Applied Economics. 2008. Vol. 40. Is. 19. P. 2477–2487. DOI: 10.1080/00036840600970203.

42. Finicelli A. A Disaggregated Analysis of the Export Performance of Some Industrial and Emerging Countries // International Economics and Economic Policy. 2011. Vol. 8. Is. 1. P. 93–113. DOI: 10.1007/s10368-010-0174-8.

43. Farrell H., Abraham L. Newman Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. Is. 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/ISEC_a_00351.

44. Головнин М. Ю. Новые тенденции в развитии мировой экономики и их влияние на Россию // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. № 4. С. 85–97. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-85-97.

45. Региональная статистика: учебник / под ред. Е. В. Заровой, Г. И. Чудилина. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 172–173. ISBN 5-279-03175-5.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 336.76:519.862.6
DOI 10.17513/fr.44108

CC BY 4.0

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ДИНАМИКУ СТОИМОСТИ ЗОЛОТА

Тиндова М. Г. ORCID ID 0000-0002-8287-0223,
Ваганова О. Е. ORCID ID 0000-0003-1989-8247,
Боброва Е. А. ORCID ID 0000-0002-6898-5884

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Москва, Российская Федерация, e-mail: mtindova@mail.ru

Современная экономика требует от инвесторов разработки новых стратегий, способных противостоять негативной динамике современного рынка. В качестве инструмента, уверенно чувствующего себя в ситуации снижения промышленной активности, мировые инвесторы рассматривают вложения в золото. В результате целью работы стала проверка гипотез о росте стоимости золота в ситуации снижения объемов промышленного производства, падения спроса на недвижимость и усиления кредитных рисков в банковском секторе. Материалом и методами исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных авторов, аналитические и справочные материалы, посвященные различным вопросам оценки возможностей использования золота как объекта инвестирования. Методологическую основу исследования составили системный и иерархический подходы, методы динамического анализа многомерных данных, коинтеграционный анализ временных рядов. Проведенный в работе анализ показал справедливость первых двух утверждений с 90% вероятностью и наличие ограничений в третьем утверждении, заключающихся в низких значениях корреляционных связей между фондовым рынком и ставками потребительских кредитов, что является следствием усиления внешнего давления в долгосрочной перспективе. В результате авторы приходят к выводу о том, что вложения в золото действительно могут выступать хорошим инвестиционным инструментом в ситуации снижения активности в промышленных секторах экономики.

Ключевые слова: промышленное производство, регрессии во временных рядах, динамический анализ, фондовый рынок

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF MACROECONOMIC FACTORS ON GOLD PRICE DYNAMICS

Tindova M. G. ORCID ID 0000-0002-8287-0223,
Vaganova O. E. ORCID ID 0000-0003-1989-8247,
Bobrova E. A. ORCID ID 0000-0002-6898-5884

Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Moscow University Synergy", Moscow, Russian Federation, e-mail: mtindova@mail.ru

The modern economy requires investors to develop new strategies capable of withstanding adverse market trends. Global investors view gold as an investment instrument that performs well during periods of declining industrial activity. Consequently, this study aimed to test hypotheses regarding the appreciation of gold amidst falling industrial production volumes, declining demand for real estate, and rising credit risks in the banking sector. The research drew upon scholarly publications by domestic and international authors, as well as analytical and reference materials addressing various aspects of gold's potential as an investment asset. The methodological framework incorporated systems and hierarchical approaches, dynamic analysis of multidimensional data, and time-series cointegration analysis. The analysis confirmed the validity of the first two hypotheses with 90% probability; however, it revealed limitations regarding the third hypothesis—specifically, weak correlations between the stock market and consumer loan rates–attributable to intensifying external pressures over the long term. Ultimately, the authors conclude that gold investments can indeed serve as an effective investment tool during periods of declining activity in the industrial sectors of the economy.

Keywords: stock market, industrial production, dynamic analysis, time-series regression

Введение

Современная экономика, экономика возрастающих политических, военных и протекционистских рисков, требует разработки новых инвестиционных стратегий, способных противостоять угрозам и быстро адаптироваться к изменению мировой рыночной конъюнктуры. Успешные мировые инвесторы рассматривают вложение в золото в качестве одного из таких инструментов [1], поскольку именно оно уверенно выступает на рынке в ситуации снижения промышленной активности, которая возникает в последнее время все чаще в мировой практике

из-за дефицита и удорожания топливно-энергетических ресурсов, усложнения мировой логистики и создания искусственных барьеров в форме санкций.

Цель исследования – проверить гипотезу о том, что стоимость золота растет, когда снижается объем промышленного производства, когда падает спрос на недвижимость и у банков возрастает риск невозврата кредитов.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов, таких как С. А. Морозов, И. В. Павлова, Н. Б. Грошева, L. Chen, X. Zhang и некоторых других. В данных работах фьючерсы золота рассматриваются как актив, позволяющий, с одной стороны, выходить на мировой финансовый рынок, а с другой – стабилизировать курсы национальных валют по отношению к доллару [2]. Золотые ценные бумаги рассматриваются в качестве инструмента корпоративного хеджирования инфляционных и валютных рисков для нефинансового сектора экономики [3]. Кроме того, вследствие отмены НДС на покупку физическими лицами золота в слитках проводится анализ инвестиционной привлекательности такого актива для частных инвесторов, описываются риски и возможности таких инвестиций [4]. Оцениваются факторы, влияющие на динамику стоимости золота на мировых рынках [5, 6].

Также были использованы базы данных, представленные ММВБ, Банком России, Единой информационной системой жилищного строительства, Евразийской экономической комиссией.

В качестве объекта исследования выбрана среднемесячная динамика стоимости золота на ММВБ (y, тыс. руб./г)[1], а также на Лондонской товарно-сырьевой бирже (y_1, тыс. долл / тр. унцию)[2]. В качестве макроэкономических факторов, влияющих на стоимость золота, рассмотрен ряд переменных, характеризующих промышленный сектор экономики, сектор недвижимости и банковский сектор. Так, промышленное производство в исследовании описывается переменной x_1 – объем промышленного производства в РФ, трлн руб.[3] Для описания спроса на недвижимость в работе рассмотрены такие переменные, как x_2 – доля распроданности новостроек, процент и x_3 – стоимость 1 м^2, тыс. руб.[4] Банковский сектор в работе описывают переменные x_4 – среднемесячная ставка по потребительским кредитам Сбербанка, процент[5]; x_5 – инфляция в РФ, процент[6] и x_6 – инфляция в Еврозоне, процент[7]. В качестве временного интервала исследования взят промежуток с января 2020 г. по март 2026 г.

Результаты исследования и их обсуждение

Для проверки выдвинутых в работе гипотез используется коинтеграционный анализ временных рядов, выполнение которого должно предваряться анализом порядка стационарности рассматриваемых переменных и оценкой моделей их основных тенденций [7]. Оценка коинтеграции, выражающаяся в совпадении тенденций развития на длительной перспективе, возможна лишь для динамических данных с одинаковой формой тренда [8].

Если сравнить динамику стоимости золота на Московской и Лондонской биржах (рисунок), то можно отметить достаточно похожие модели развития: средний темп прироста стоимости на ММВБ составляет 3,43 % в месяц, на Лондонской бирже – 2,01 %. Однако формирование цены на Лондонской бирже имеет более устойчивые тенденции.

Если оценить устойчивость к внешнему воздействию в формировании стоимости золота и рассчитать коэффициент вариации [9], то для ММВБ до февраля 2022 г. среднее значение составляло 9,5 %, в период с февраля 2022 г. по май 2024 г. средняя вариация колебалась около 16 %, начиная с июня 2024 г. вариация цены ежемесячно увеличивалась на 1,5–2 %, и в июне 2026 г. она составляет 41,4 %.

[1] InvestFunds. Фиксинг золота Московской Биржи (RUB). [Электронный ресурс]. URL: https://investfunds.ru/indexes/174121/ (дата обращения: 02.10.2026).

[2] InvestFunds. Золото (Лондон, USD, PM). [Электронный ресурс]. URL: https://investfunds.ru/indexes/354/ (дата обращения: 02.10.2026).

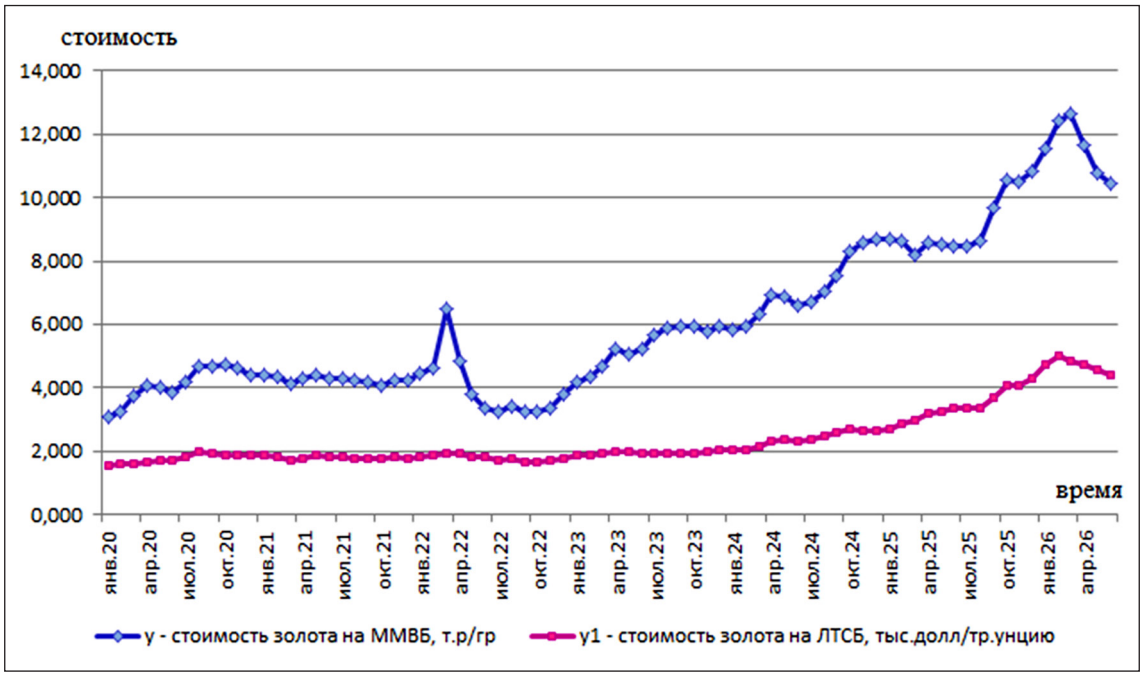
[3] Евразийская экономическая комиссия. Промышленность. Динамические ряды. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/industry/series/ (дата обращения: 02.10.2026).

[4] Единая информационная система жилищного строительства (ЕИСЖС). Реализация квартир в строящихся домах. [Электронный ресурс]. URL: https://наш.дом.рф/аналитика/реализация_строящихся_квартир (дата обращения: 02.10.2026).

[5] Банк России. Процентные ставки по кредитным и депозитным операциям кредитных организаций в рублях. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 02.10.2026).

[6] СтатБюро. Таблицы Месячной и Годовой Инфляции в России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-tables (дата обращения: 02.10.2026).

[7] Eurostat. Harmonised index of consumer prices (HICP) – ECOICOP ver.2 – indices and rates of change, monthly data (dataset prc_hicp_minr) [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/prc_hicp_minr/default/table?lang=en (дата обращения: 02.10.2026).

Динамика стоимости золота
Примечание: составлен авторами на основе источника [1]

Для Лондонской биржи вариация носит более умеренный и устойчивый характер. Так, до августа 2024 г. среднее значение коэффициента вариации составило 5,5 %, и только начиная с сентября 2024 г. вариация увеличивалась ежемесячно на 1 %, сегодня она составляет 38,5 %.

Кроме того, анализ рисунка позволяет предположить наличие структурных сдвигов в формировании стоимости золота на ММВБ в феврале – марте 2022 г., сентябре – октябре 2025 г. и январе – феврале 2026 г. Для проверки данных утверждений используем фиктивную переменную наклона

$$z = \begin{cases} 0, t < t_0 \\ 1, t \geq t_0 \end{cases},$$

после включения которой в уравнение

$$y_t = b_0 + b_1 \cdot t + b_2 \cdot z \cdot t$$

статистическая значимость параметра b_2 будет свидетельствовать о наличии структурного сдвига в момент времени t_0 [10].

Для стоимости золота на ММВБ имеем уравнение

$$y_t = 2,5 + 0,1 \cdot t - 0,02 \cdot z_1 \cdot t + 0,03 \cdot z_2 \cdot t + 0,05 \cdot z_3 \cdot t,$$

в котором только параметр b_3 статистически значим

$$(t_3 = 3,98 > t_{кр}(\alpha = 5\ \%; k = 74) = 2,0003).$$

Данный факт позволяет говорить о том, что в октябре 2025 г. произошел структурный сдвиг в формировании стоимости золота на ММВБ: скачки стоимости в две другие даты являются статистическими выбросами – ситуационной реакцией рынка на произошедшие события (начало СВО и начало войны в Иране).

Для формирования стоимости золота на Лондонской бирже структурным сдвигом стали только события января – февраля 2026 г. (начало войны в Иране).

Для построения уравнений долговременной тенденции рассматриваемых рядов в работе были сравнены линейная, квадратичная и показательная функции, в итоге были получены следующие оптимальные модели:

– для ММВБ:

$$y_t = 4,55 - 0,07 \cdot t + 0,002 \cdot t^2 + \varepsilon;$$

все параметры модели значимы по критерию Стьюдента; коэффициент детерминации равен R^2 = 0,924 и он значим по критерию Фишера; ошибка аппроксимации составляет $\bar{A}$ = 10,4% [11];

– для ЛТСБ:

$$y_{1t} = 2,15 - 0,04 \cdot t + 0,001 \cdot t^2 + \varepsilon;$$

коэффициент детерминации R^2 = 0,924; все параметры модели значимы; ошибка аппроксимации составляет $\bar{A}$ = 8,6%.

Таблица 1

Модели долговременной тенденции факторных переменных

Переменная	Уравнение тренда; коэффициент детерминации R^2; ошибка аппроксимации $\bar{A}$
x_{1t}	$x_{1t} = 4,73 + 0,15 \cdot t - 0,001 \cdot t^2 + \varepsilon$; $R^2 = 0,754$; $\bar{A} = 8,8\%$
x_{2t}	$x_{2t} = 48,8 - 0,37 \cdot t + 0,002 \cdot t^2 + \varepsilon$; $R^2 = 0,812$; $\bar{A} = 5,2\%$
x_{3t}	$x_{3t} = 69,2 + 1,84 \cdot t + 0,002 \cdot t^2 + \varepsilon$; $R^2 = 0,996$; $\bar{A} = 1,7\%$
x_{4t}	$x_{4t} = \begin{cases} 16,9 - 0,47 \cdot t + 0,016 \cdot t^2, & t < \text{март } 2022 \\ -618,1 + 46 \cdot t - 0,82 \cdot t^2, & \text{март } 2022 \le t \le \text{август } 2022 \\ -3,9 + 0,76 \cdot t - 0,004 \cdot t^2, & t > \text{август } 2022 \end{cases}$; $R^2 = 0,881$; $\bar{A} = 7,5\%$
x_{5t}	$x_{5t} = \begin{cases} 2,09 + 0,16 \cdot t + 0,004 \cdot t^2, & t < \text{март } 2022 \\ -29,5 + 3,5 \cdot t - 0,06 \cdot t^2, & \text{март } 2022 \le t \le \text{март } 2023 \\ -51,9 + 2,05 \cdot t - 0,02 \cdot t^2, & t > \text{март } 2023 \end{cases}$; $R^2 = 0,853$; $\bar{A} = 10,5\%$
x_{6t}	$x_{6t} = \begin{cases} 0,93 - 0,21 \cdot t + 0,015 \cdot t^2, & t < \text{октябрь } 2022 \\ 40,9 - 1,25 \cdot t + 0,009 \cdot t^2, & t \ge \text{октябрь } 2022 \end{cases}$; $R^2 = 0,912$; $\bar{A} = 9,5\%$

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Проводя анализ динамики переменных, рассматриваемых в работе в качестве факторных, можно увидеть, что все они, во-первых, имеют тренд, а во-вторых, указанный тренд описывается квадратичной функцией (табл. 1).

Кроме того, при анализе динамики объемов промышленного производства была выявлена сезонность процесса с длиной волны в 12 периодов [12]. Индексы сезонности аддитивной модели получили значения: $I_1 = -0,857$, $I_2 = -0,596$, $I_3 = 0,565$, $I_4 = -0,231$, $I_5 = -0,493$, $I_6 = -0,336$, $I_7 = -0,333$, $I_8 = -0,203$, $I_9 = 0,004$, $I_{10} = 0,411$, $I_{11} = 0,279$ и $I_{12} = 1,790$. Положительные значения индексов показывают, насколько объем производства конкретного месяца превышает средний уровень производства, задаваемый трендом; отрицательные значения индексов показывают снижение объемов промышленного производства. Так, например, наибольший спад по сравнению со среднегодовым уровнем происходит в январе каждого года; максимальный рост – в декабре, и он составляет 1,79 трлн руб. по сравнению со среднегодовым уровнем.

Анализ рынка недвижимости, описываемый динамикой средних цен и долей распроданности новостроек, показывает уверенный рост первой переменной на всем промежутке исследования и снижение второй начиная с июля 2021 г.

Исследование банковского сектора, описываемого двумя переменными – средней ставкой по потребительскому кредиту, а также уровнем инфляции, показало, что обе указанные переменные претерпели структурный сдвиг в марте 2022 г. Кроме того, формирование ставки кредита имеет структурный сдвиг в августе 2022 г., а инфляционные процессы в РФ имеют сдвиг в марте 2023 г., что находит отражение в моделях их основных тенденций, в виде смены формы уравнения регрессии в указанные моменты времени. Динамика инфляции в Еврозоне показывает наличие структурного сдвига в октябре 2022 г.

Таблица 2

Корреляционная матрица по отклонениям от трендов

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6
y	0,436	0,503	-0,427	-0,066	-0,046	-0,094
y_1	-0,107	0,402	-0,362	-0,148	-0,078	-0,187

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Переходя к цели исследования, а именно к проверке гипотез о том, что стоимость золота растет, когда снижается объем промышленного производства, падает спрос на недвижимость и у банков возрастает риск невозврата кредитов, необходимо провести коинтеграционный анализ между рассматриваемыми в работе переменными.

На первом шаге данного анализа оцениваются корреляционные связи между переменными на основе коэффициента корреляции по отклонениям от трендов (табл. 2), чем исключаются возможности появления ложных корреляций, обусловленных временным характером анализируемых данных [13].

Анализ таблицы показывает, что стоимость золота на Московской бирже формируется под достаточно сильным прямым воздействием доли распроданности новостроек (x_2) и объема промышленного производства (x_1); обратное влияние здесь оказывает средняя цена новостроек (x_3). Сила влияния переменных, описывающих банковский сектор, не превышает 10%. Стоимость золота на Лондонской бирже формируется под прямым воздействием переменной x_2 и обратным влиянием переменных x_3, x_6 и x_4.

Другими словами, гипотеза о том, что стоимость золота растет в случае падения объема промышленного производства, подтверждается для торгов на Лондонской бирже и опровергается для ММВБ.

Гипотеза о росте стоимости золота при падении спроса на недвижимость подтверждается в обоих случаях. О зависимости стоимости золота от рисков кредитного сектора можно говорить по сути (связь между переменными обратная), но сила ее не превышает 10% для ММВБ и 19% для ЛТСБ.

Для подтверждения результатов проведем тест Ингла – Гренджера, который покажет наличие коинтеграции между переменными, то есть выявит долговременное совпадение трендов рассматриваемых переменных [14].

Результаты теста, основанного на сравнении расчетной t-статистики факторного параметра в регрессии $\Delta\varepsilon_t = a + b \cdot \varepsilon_{t-1}$ (где ε_t – остатки регрессии $y_t = a + b \cdot x_t$) с тестовыми значениями критерия [15], показали с 90% вероятностью наличие коинтеграционных связей между стоимостью золота на ММВБ и x_1 – объемом промышленного производства, а также x_4 – среднемесячной ставкой по потребительским кредитам. Для стоимости золота на Лондонской бирже с 99% вероятностью существует коинтеграционная связь с уровнем инфляции, как в РФ, так и в Еврозоне.

Для построения прогнозных моделей изменения стоимости золота под воздействием факторных переменных воспользуемся уравнением по отклонениям от трендов, которое в случае ММВБ принимает вид:

$$\left(y_t - \widehat{y_t}\right) = 0,32 + 0,28\left(x_{1t} - \widehat{x_{1t}}\right) - 0,011\left(x_{4t} - \widehat{x_{4t}}\right)$$

$$\text{или} \quad y_t = 3,5 - 0,129 \cdot t + 0,002 \cdot t^2 + 0,28 \cdot x_{1t} - 0,011 \cdot x_{4t}.$$

Ошибка аппроксимации полученной модели составляет 9,6%.

Для построения прогноза стоимости золота на ММВБ, например, в сентябре 2026 г. необходимо по уравнениям трендов рассчитать прогнозные значения переменных x_1 и x_4 ($x_{1сен}$ = 10,53 трлн руб.; $x_{4сен}$ = 30,601%) и, подставив в последнее уравнение, получить значение $y_{сен}$ = 13,325 тыс. руб./г.

Аналогично прогнозная модель стоимости золота на Лондонской бирже приняла вид

$$\left(y_{1t} - \widehat{y_{1t}}\right) = 0,32 + 0,002\left(x_{5t} - \widehat{x_{5t}}\right) + 0,034\left(x_{6t} - \widehat{x_{6t}}\right)$$

$$\text{или} \quad y_{1t} = 2,19 - 0,06 \cdot t + 0,001 \cdot t^2 + 0,002 \cdot x_{5t} + 0,034 \cdot x_{6t}.$$

Прогноз на сентябрь 2026 г. стоимости золота на Лондонской товарно-сырьевой бирже, составленный на основе полученной модели, равен 5,26 тыс. долл. / тр. унцию. Ошибка аппроксимации полученной модели составляет 8,5%.

Заключение

Проведенный в работе анализ, направленный на проверку утверждения о зависимости стоимости золота от объемов промышленного производства, сферы недвижимости и банковского сектора, показал частичное влияние указанных сфер экономики. Причем влияние тех или иных сфер варьируется в зависимости от того, на какой торговой площадке формируется сама стоимость золота, на Московской или Лондонской биржах.

Так, выдвинутая в работе гипотеза о том, что стоимость золота растет в случае падения объема промышленного производства, подтверждается для торгов на Лондонской бирже и опровергается для ММВБ.

Гипотеза о росте стоимости золота при падении спроса на недвижимость подтвердилась в обоих случаях. Гипотеза о зависимости стоимости золота от рисков кредитного сектора подтвердилась, но указанные связи носят достаточно слабый характер.

Кроме того, проведенный в работе анализ выявил, что все рассмотренные переменные на длительном промежутке времени формируются под влиянием квадратичных моделей и что сама стоимость золота и переменные, описывающие банковский сектор, имеют структурные сдвиги, говорящие о сильном воздействии внешних факторов. Другими словами, изучаемые объекты можно рассматривать как индикаторы стабильности экономики как в России, так и в мире в целом, а вложение в золото – как инструмент инвестирования в условиях дестабилизации экономики.

Список литературы

1. Файзрахманова Э. А. Тенденции на рынке золота в условиях глобальной нестабильности // Вестник Университета управления «ТИСБИ». 2024. № 3. С. 14–22. EDN: FIVRUJ.

2. Морозов С. А. Оценка влияния стоимости золота, нефти и фондовых индексов на российский курс валют по отношению к американскому доллару // Хроноэкономика. 2017. № 6 (8). С. 75–79. EDN: LBBNYT.

3. Павлова И. В., Толмачев Э. В. Золото в корпоративном хеджировании инфляционных и валютных рисков: эконометрическая оценка влияния на вариативность операционных денежных потоков // Экономика строительства. 2025. № 10. С. 494–496. EDN: JDEDTD.

4. Грошева Н. Б., Грошева Е. К., Болтенков И. А., Сюэцяо Ф. Инвестиции физических лиц в золото // Отходы и ресурсы. 2022. Т. 9. № 1 (январь – март). DOI: 10.15862/15ECOR122. EDN: HDEIRD.

5. Chen L. & Zhang X. (2019, February). Gold price forecasting based on projection pursuit and neural network // In Journal of Physics: Conference Series. Vol. 1168. № 6. P. 062009. IOP Publishing. DOI: 10.1088/1742-6596/1168/6/062009.

6. Мухамеджанов Р. Р., Орусова О. В. Оценка зависимости стоимости золота от макроэкономических факторов и возможности его использования для защиты от кризисных явлений // Региональная и отраслевая экономика. 2026. № 6. С. 145–149. DOI: 10.47576/2949-1916.2026.6.6.018. EDN: NARDSF.

7. Гусева А. И., Романов Р. М. Метод прогнозирования временных рядов, основанный на когнитивном нечетком моделировании и регрессионном анализе // Известия ЮФУ. Технические науки. 2025. № 6 (248). С. 157–178. DOI: 10.18522/2311-3103-2025-6-157-178. EDN: ERFYVH.

8. Владимирова Д. Б., Боронникова Л. А. Исследование финансовых временных рядов посредством многомерного статистического анализа // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2023. № 2 (32). С. 69–84. EDN: NRBORD.

9. Сунчалин А. М., Сунчалина А. Л. Обзор методов и моделей прогнозирования финансовых временных рядов // Хроноэкономика. 2020. № 1 (22). С. 25–29. EDN: ATTSEI.

10. Тиндова М. Г., Боброва Е. А., Ваганова О. Е. Сравнительный анализ инвестиционной привлекательности объектов с разной степенью ликвидности // Экономическая среда. 2026. Т. 15. № 1. С. 31–41. EDN: CMUUBT.

11. Мохнаткина У. С., Парфенов Д. В., Петрусевич Д. А. Анализ подходов к определению тренда в структуре временного ряда // Russian Technological Journal. 2024. Т. 12. № 3. С. 93–103. DOI: 10.32362/2500-316x-2024-12-3-93-103. EDN: YSWUJG.

12. Лаптев В. Н., Лаптев С. В. Традиционные и интеллектуальные методы долгосрочного прогнозирования в экономике // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2024. № 199. С. 337–345. DOI: 10.21515/1990-4665-199-032. EDN: DJOMKM.

13. Банин А. А. Применение тензоров в многомерном компонентном анализе категоризованных признаков // Моделирование и анализ информационных систем. 2025. Т. 32. № 4. С. 330–359. DOI: 10.18255/1818-1015-2025-4-330-359. EDN: IYEHFM.

14. Натробина О. В., Рожкова А. Н. Анализ временных рядов в экономике: методы и приложения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 9–1 (115). С. 127–130. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-9-1-127-130. EDN: BAJPNH.

15. Костин А. В., Макарычев П. П. Непараметрические регрессионные модели анализа и прогнозирования временных рядов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Технические науки. 2024. № 4 (72). С. 16–27. DOI: 10.21685/2072-3059-2024-4-2. EDN: ORANPQ.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

СТАТЬИ

УДК 332.1:330.322
DOI 10.17513/fr.44109

CC BY 4.0

ЦИФРОВОЕ И ПАРТНЕРСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

Арсланов Ш. Д. ORCID ID 0000-0002-5461-8610

Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Российская Федерация, e-mail: ars_dgu@mail.ru

Исследование посвящено анализу регионального опыта и перспектив развития цифрового и партнёрского инвестирования как альтернативных механизмов привлечения капитала в контексте реализации стратегических задач развития РФ и её регионов. Актуальность работы обусловлена необходимостью укрепления экономического суверенитета страны и трансформации инвестиционной политики под влиянием новых вызовов и угроз в направлении формирования интеграционного контура «Инвестиции – Цифровизация – Технологии», отражающего взаимосвязь соответствующих направлений региональной экономической политики. В исследовании проанализированы направления развития экспериментального инвестирования, поддерживаемые Центральным Банком РФ: цифровой краудфандинг и партнёрское финансирование. На основе аналитических материалов Банка России выявлена положительная динамика развития отечественных рынков краудфандинга и партнёрского финансирования, обусловленная переориентацией малого и среднего бизнеса на внутренние источники капитала. Рассмотрен опыт Республики Татарстан как региона, осуществляющего комплексное развитие региональных рынков цифрового и партнёрского инвестирования, демонстрирующих устойчивый рост числа участников и объёмов операций. Установлены возможности и перспективы сопряжения цифровых и партнёрских механизмов инвестирования на основе формирования партнёрских цифровых площадок. Уделено внимание институционализации альтернативных финансово-инвестиционных механизмов и их роли в обеспечении устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: экономическая безопасность, региональное развитие, партнёрское финансирование, цифровизация, инвестиции

DIGITAL AND PARTNERSHIP INVESTMENT AS MECHANISMS OF REGIONAL DEVELOPMENT: EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR INTEGRATION

Arslanov Sh. D. ORCID ID 0000-0002-5461-8610

Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation, e-mail: ars_dgu@mail.ru

The study is devoted to analyzing regional experience and development prospects in digital and partnership-based investment as alternative mechanisms for raising capital in the context of implementing the strategic development objectives of the Russian Federation and its regions. The relevance of the study stems from the need to strengthen the country's economic sovereignty and transform investment policy in response to new challenges and threats, with a focus on establishing an integrated Investment–Digitalization–Technology framework that reflects the interrelationship between the respective areas of regional economic policy. The study analyzes the development areas of experimental investment supported by the Central Bank of the Russian Federation, namely digital crowdfunding and partnership-based financing. Based on analytical materials published by the Bank of Russia, the study identifies positive trends in the development of Russia's crowdfunding and partnership-financing markets, driven by the reorientation of small and medium-sized enterprises toward domestic sources of capital. The experience of the Republic of Tatarstan is examined as an example of a region pursuing the comprehensive development of regional digital investment and partnership-financing markets, which demonstrate sustained growth in both the number of participants and transaction volumes. The study identifies the possibilities and prospects for integrating digital and partnership-based investment mechanisms through the establishment of partnership-based digital platforms. Particular attention is paid to the institutionalization of alternative financial and investment mechanisms and their role in ensuring the sustainable development of territories.

Keywords: economic security, regional development, digitalization, partnership financing, investments

Введение

Сложившаяся объективная необходимость наращивания экономического суверенитета страны выступает одним из ключевых факторов трансформации действующих государственно-правовых и организационно-экономических условий развития страны посредством корректировки стратегических и целевых ориентиров, определенных Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г.

№ 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1; 2]. В его содержательной части закреплены следующие основные направления по достижению национальных целей развития: устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство и цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [3].

В целях исполнения поручений Президента РФ от 7 мая 2024 г. Правительством РФ был сформирован и принят «Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года», определяющий ориентиры и показатели достижения национальных целей развития с учетом противодействия новым вызовам и угрозам. Их перечисление дается в актуальной редакции «Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года», где также представлены первоочередные задачи и направления их преодоления, к которым отнесены: улучшение инвестиционного климата; развитие технологий, в том числе технологий цифровой экономики; создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий; стимулирование инновационного развития; формирование благоприятных условий для привлечения частных инвестиций; развитие механизмов и инструментов инвестиционно ориентированной государственной финансовой политики, предусматривающей привлечение накоплений для реализации инвестиционных проектов.

Вышеперечисленное позволяет определить состоятельность (проявление) национального экономического суверенитета как процесс консолидации усилий всех уровней органов государственной власти и институтов гражданского общества, направленный на решение задач формирования единой интеграционной среды, объединяющей цифровизацию, технологизацию и инвестиционное развитие.

В рамках исследования сочетание инвестиционного развития, цифровизации и технологического развития рассматривается как концептуальный интеграционный контур И-Ц-Т, отражающий взаимосвязь соответствующих направлений региональной экономической политики.

Решение задач формирования интеграционного контура И-Ц-Т предполагает трансформацию политики экономического развития страны в целом как системы, так и её составляющих – региональных компонентов. В связи с чем особую актуальность приобретает проблематика развития экспериментальных цифровых и партнерских механизмов инвестирования, способных интегрировать цифровые, технологические и инвестиционные решения в единый контур, формируя новые инвестиционные возможности регионов [4].

Недостаточная изученность потенциала и перспектив развития экспериментальных цифровых и партнерских механизмов привлечения инвестиционных ресурсов [5; 6] определяет **цель исследования** – анализ регионального опыта и перспектив развития цифрового и партнёрского инвестирования как альтернативных механизмов привлечения капитала в контексте реализации стратегических задач развития РФ и её регионов.

Научная новизна исследования состоит в систематизации регионального опыта одновременного развития цифровых и партнерских механизмов привлечения инвестиционных ресурсов, выявлении предпосылок их институционального сопряжения и обосновании перспектив формирования интегрированных цифровых площадок партнерского инвестирования.

Методы и материалы исследования

В исследовании применен комплекс общенаучных и специальных методов: институциональный и системный анализ – для оценки трансформации условий инвестиционной деятельности под влиянием стратегических приоритетов РФ; сравнительный анализ – для сопоставления краудфандинга и партнёрского финансирования по механизмам привлечения ресурсов, степени регулирования, отраслевой и региональной структуре сделок; статистический анализ – для обработки данных Центрального Банка России (ЦБ РФ) за 2021–2025 гг.; методы систематизации и содержательного анализа выявленных тенденций – для определения перспективных направлений сопряжения цифрового и партнерского инвестирования. Информационную базу составили нормативно-правовые акты РФ, аналитические и статистические материалы ЦБ РФ, региональные документы стратегического планирования и научные публикации по теме исследования. В качестве регионального кейса выбрана Республика Татарстан в связи с сочетанием двух исследуемых направлений: наличием зарегистрированных инвестиционных платформ и наиболее высокой концентрацией участников и операций партнерского финансирования среди регионов, включенных в эксперимент.

Результаты исследования и их обсуждение

Трансформирующаяся в условиях новых вызовов и угроз государственная политика, направленная на развитие инвестиционной, технологической и цифровой сфер, предполагает необходимость формирования национальной цифровой инфраструктуры. В рамках ее развития ЦБ РФ осуществляет процесс интеграции экспериментальных финансово-инвестиционных механизмов [7] на основе реализации положений федеральных законов: № 259-ФЗ от 02.08.2019 г. «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], № 258-ФЗ от 31.07.2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[2] и № 417-ФЗ от 4.08.2023 г. «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3].

Реализуя положения федерального законодательства, ЦБ РФ одновременно является генератором и регулятором процесса развития экспериментального инвестирования, поддерживая формирование отечественных рынков краудфандинга в его цифровом проявлении и партнерского финансирования [8].

Краудфандинг – инструмент новых инвестиционных возможностей

В экономической литературе понятие краудфандинга чаще всего характеризует определенную совокупность краудфандинговых технологий, позволяющих находить и привлекать заемные (инвестиционные) ресурсы от неограниченного числа инвесторов. Главным конкурентным преимуществом краудфандинга относительно традиционных форм инвестирования принято считать гибкость и эффективность, определяющиеся отсутствием сложной структуры взаимодействия всех участников инвестиционного процесса и минимизацией издержек в процессах инвестирования и привлечения инвестиций [9; 10].

Краудфандинг как процесс привлечения инвестиционно-финансового ресурса может включать в себя несколько самостоятельных сегментов, среди которых принято выделять краудинвестинг и краудлендинг. Краудлендинг по своей природе это возвратное финансирование, не предусматривающее наличие ограничений по количеству инвесторов и объемам инвестирования. В то же время краудинвестинг, как механизм привлечения инвестиций, предполагает участие в акционерном капитале заемщика, идентичное общей схеме покупки ценных бумаг, что нередко становится фактором, усложняющим практическую реализацию сделок в данном сегменте краудфандинга [11].

Несомненное преимущество краудфандинговых инструментов привлечения инвестиционных ресурсов заключается в демократизации доступа к заемным средствам, а постоянное развитие коммуникационных систем позволяет исключать отраслевые и территориальные ограничения.

В условиях снижения объемов рынка заемного капитала и сжатия возможностей привлечения инвестиционных ресурсов, для большинства субъектов инвестиционной деятельности краудфандинг становится одним из востребованных механизмов привлечения и размещения финансово-инвестиционных ресурсов, обладающим рядом несомненных преимуществ, к которым относятся:

1) возможность привлечения инвестиций в цифровом пространстве при минимизации операционных рисков и личных контактов;

2) возможность привлечения инвестиций на разных стадиях реализации бизнеса, в сжатые сроки;

3) возможность вовлечения широкого круга непрофессиональных инвесторов;

4) возможность исключения либо минимизации транзакционных издержек;

5) возможность распределения инвестиционных ресурсов согласно индивидуальным предпочтениям.

1 Федеральный закон от 02.08.2019. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020032 (дата обращения: 21.10.2026).

2 Федеральный закон от 31.07.2020. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007310024 (дата обращения: 21.10.2026).

3 Федеральный закон от 04.08.2023. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040028 (дата обращения: 21.10.2026).

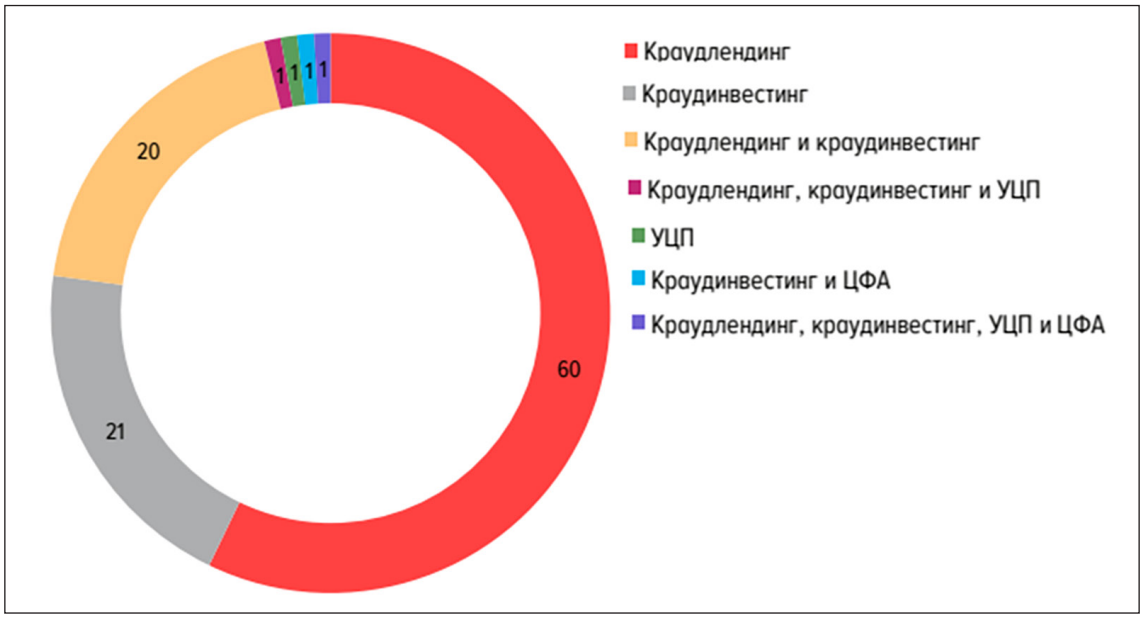

Рис. 1. Количество ОИП в разрезе видов предоставляемых способов инвестирования по состоянию на 31.12.2025, лиц
Источник: «Обзор платформенных сервисов в России. Центральный Банк России» [12]

Помимо лиц, привлекающих инвестиции, и инвесторов, краудфандинг в РФ предполагает участие в инвестиционном процессе специализированного посредника – инвестиционной платформы, деятельность которой регулируется оператором инвестиционной платформы (ОИП). В зависимости от реализуемых моделей краудфандинга инвестиционные платформы могут быть краудлендинговыми или краудинвестинговыми, а также совмещенными (гибридными).

Согласно Федеральному Закону № 259-ФЗ краудфандинговые механизмы, реализуемые на инвестиционных площадках, включают в себя: краудлендинг, краудинвестинг, утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы.

По итогам 2025 года общее количество отечественных компаний, зарегистрированных как ОИП (рис. 1), достигло 105 единиц [12].

Сложившееся кратное превышение количества ОИП, специализирующихся на реализации исключительно краудлендинговых сделок, объясняется их простотой и доступностью для малых компаний в сравнении с краудинвестингом, предполагающим раскрытие отчётности и дробление капитала на доли.

Несмотря на незначительное количество ОИП, отечественный рынок краудфандинга с 2021 года демонстрирует устойчивую тенденцию роста (рис. 2).

Наблюдаемая динамика рынка краудфандинга в 2023 г. формировалась в условиях изменения внешнеэкономической среды и усиления интереса к внутренним источникам привлечения инвестиционных ресурсов. В том же 2023 году на цифровых инвестиционных площадках успешно были размещены ценные бумаги малого и среднего бизнеса, что характеризует рост доверия к инструментам краудфинансирования со стороны частных инвесторов. По итогам 2024 года (относительно 2022 г.) количество МСП, активно привлекающего инвестиции на основе краудфандинга, возросло с 26,2 тысячи (64% от общего числа МСП – 54,6 тысячи, зарегистрированных на цифровых площадках) до 46,9 тысячи (99% от общего числа МСП – 172,3 тысячи, зарегистрированных на цифровых площадках) (рис. 3).

Объем привлеченных средств МСП на основе краудинвестинговых и краудлендинговых сделок на цифровых инвестиционных платформах составил 3,62 и 11,74 миллиарда рублей соответственно (рис. 4).

Несмотря на то, что в последний год российский рынок краудфандинга не демонстрирует прежних темпов роста, увеличение числа стартапов и быстрорастущих компаний в высокотехнологичном секторе МСП, вызванное трансформацией стратегических целей и задач развития, создаёт условия для сохранения положительной динамики рынка в долгосрочной перспективе.

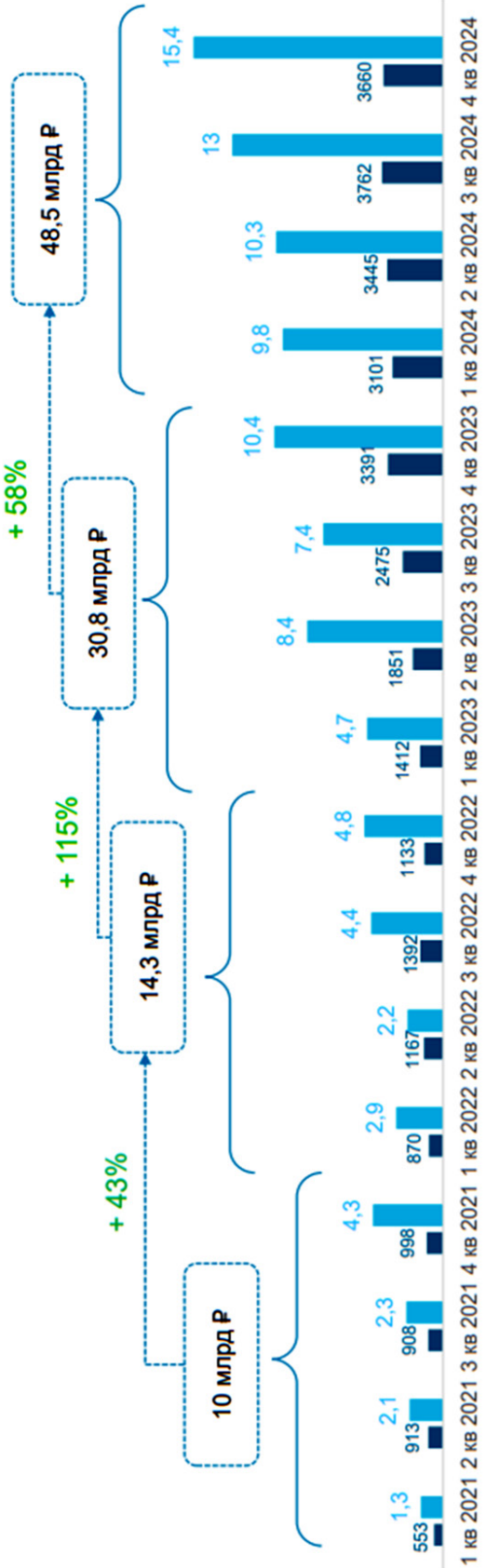

Рис. 2. Динамика основных показателей рынка краудфандинга в Российской Федерации в 2021–2024 гг.
Источник: «Краудфинансирование инструмент привлечения финансирования для малого и среднего бизнеса. Библиотека Банка России» [13]

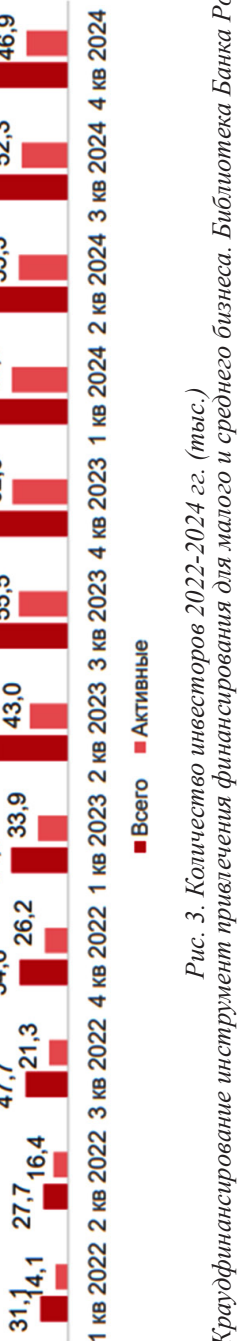

Рис. 3. Количество инвесторов 2022-2024 гг. (тыс.)
Источник: «Краудфинансирование инструмент привлечения финансирования для малого и среднего бизнеса. Библиотека Банка России» [13]

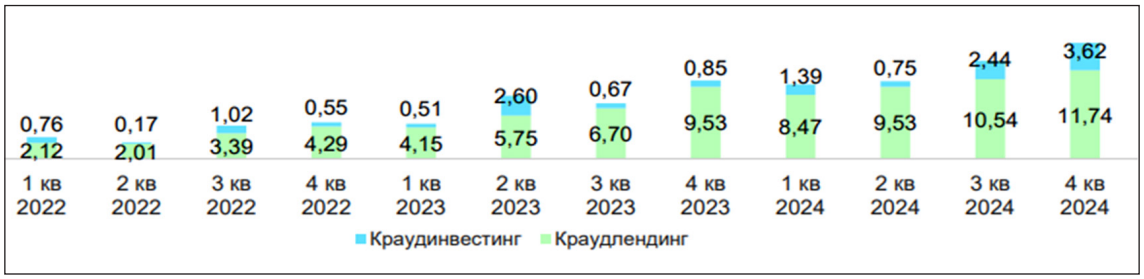

Рис. 4. Объем средств, привлеченных на ИП 2022-2024 гг. субъектами МСП (млрд руб.)
Источник: «Библиотека Банка России. Краудфинансирование инструмент привлечения финансирования для малого и среднего бизнеса» [13]

Проведенный анализ позволяет констатировать факт успешного формирования отечественного рынка краудфандинга и закрепление за краудинвестингом и краудлендингом позиций доступных и самостоятельных механизмов привлечения инвестиционных ресурсов.

Партнерское финансирование – инструмент новых инвестиционных возможностей

Партнерское финансирование (ПФ) в широком своем понимании – это финансово-инвестиционная деятельность, основанная на принципе строгого партнёрства в распределении прибыли и рисков между инвестором и бизнесом при соблюдении ограничений морально-этического характера [14; 15]. Эксперимент по реализации ПФ в РФ начат в 2023 году и территориально охватывает 4 республики, среди которых Татарстан, Башкортостан, Дагестан и Чечня [16]. Развитие российского рынка ПФ, помимо своей приоритетной задачи – интеграции альтернативных финансово-инвестиционных механизмов, определяет дополнительный вектор открытости экономики страны и её регионов для инвестиционного сотрудничества. А главной задачей интеграции принципов партнерского инвестирования в финансово-инвестиционную сферу регионов страны является расширение инструментария поддержки предпринимательских инициатив посредством формирования ряда преимуществ:

1) стимулирования внедрения и развития инноваций;

2) представления более гибких правил взаимодействия финансового сектора и субъектов предпринимательства;

3) формирования прозрачных долгосрочных партнерских отношений, не предусматривающих платежей до завершения инвестпроекта.

Основными механизмами ПФ, формирующими новые возможности привлечения финансово-инвестиционных ресурсов, являются:

1) партнерство, основанное на интеграции инвестиционного капитала и предпринимательских способностей, основной целью которого является получение прибыли (Мудараба);

2) партнерство, основанное на коллективном инвестировании с приобретением права участия в управлении бизнесом (Мушарака).

В немногочисленных научных исследованиях, посвященных анализу практической реализации такого механизма партнерского инвестирования, как Мудараба, его чаще всего отождествляют либо рассматривают как аналог доверительного управления (финансирования), при котором в случае наступления убытков у инвестора нет права требовать возврата своих вложений, за исключением случаев доказанного мошенничества или преднамеренной растраты инвестированных ресурсов.

В свою очередь, инвестиционное партнерство Мушарака отождествляется с созданием совместного предприятия, цель которого – получение фактической прибыли. Специфика инвестиционного партнерства Мушарака заключается в формировании полноценного взаимодействия участников инвестиционной деятельности, при котором сторонами вносится установленная доля в общее дело, то есть формируется уникальный баланс интересов и ответственности, превращая инвестора и предпринимателя в равноправных участников инвестиционного проекта.

За короткий период реализации эксперимента по развитию рынка ПФ в РФ общее количество организаций, осуществляющих деятельность в соответствии с нормами религиозной этики и морали и вошедших в реестр ЦБ РФ, достигло 38 [17], большинство из которых расположены в Республике Татарстан.

Таблица 1

Распределение организаций, осуществляющих деятельность в сфере партнёрского и альтернативного финансирования в регионах – участниках эксперимента

Субъект Федерации	ОИП, реестр ЦБ РФ (ед.)	Участники ПФ, реестр ЦБ РФ (ед.)
Республика Дагестан	-	3
Чеченская Республика	-	2
Республика Татарстан	2	17
Республика Башкортостан	1	3

Источник: составлено автором на основе данных ЦБ РФ – «Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию на 21.10.2026» [17] и «Реестр операторов инвестиционных платформ на 21.10.2026» [19].

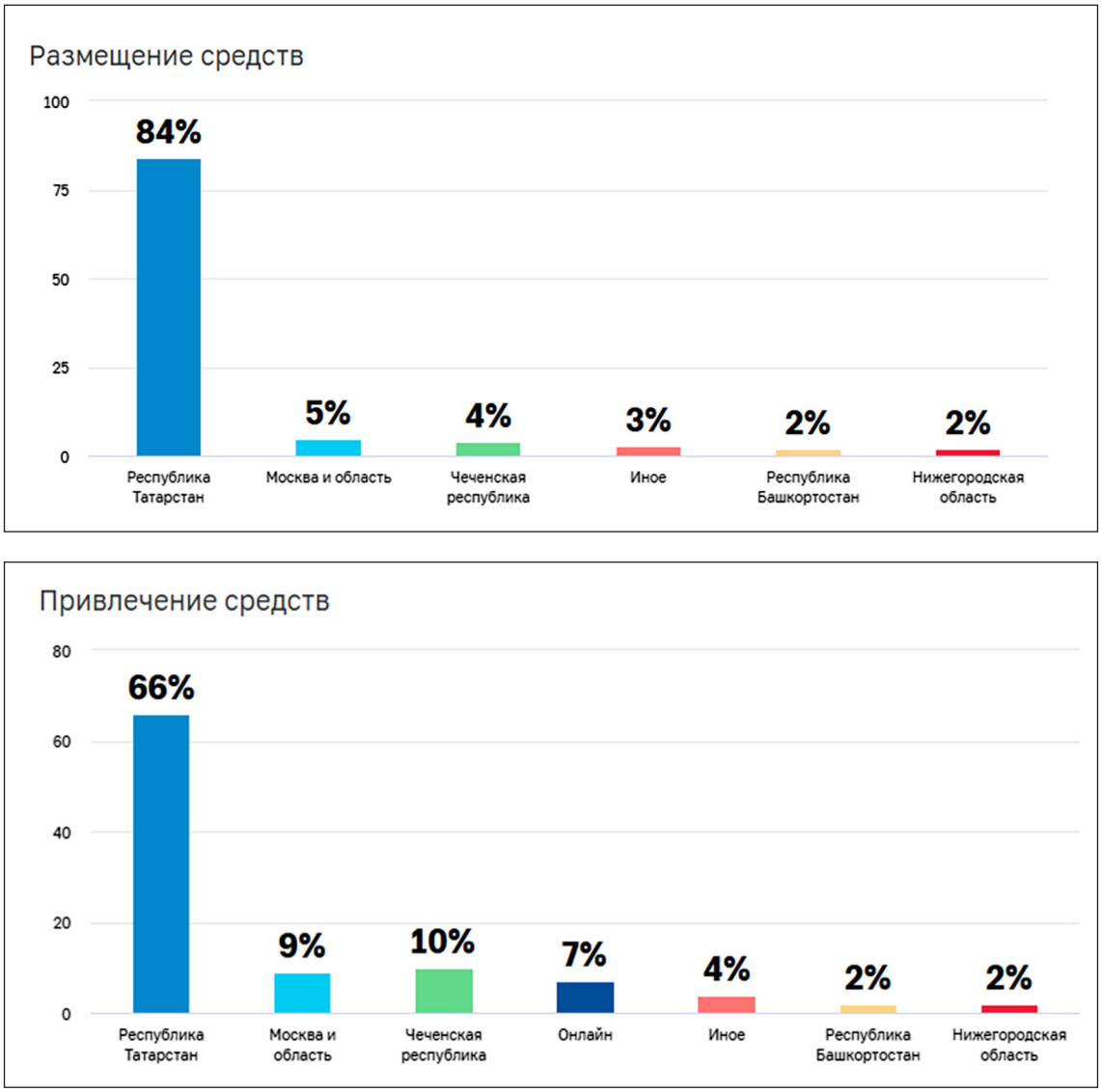

Рис. 5. Объемы операций (сделок) партнерского финансирования по регионам (в %). Источник: «Обзор рынка партнерского финансирования по итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 года. ЦБ РФ» [18]

Таблица 2

Национальные приоритеты:
связь регионального инвестиционного развития и безопасности

Глобальный вызов / Национальная угроза	Стратегическая задача РФ	Потенциальная роль партнерского и цифрового инвестирования
Внешнее санкционное давление, зависимость от иностранного капитала	Финансовый суверенитет: диверсификация финансовой системы, развитие внутренних источников инвестиций	Развитие партнёрского и цифрового инвестирования как механизмов привлечения капитала из «дружественных» юрисдикций и мобилизующих внутренние инвестиции
Технологическая блокада, угроза цифровому суверенитету	Технологический и цифровой суверенитет: импортозамещение и развитие собственных технологических платформ	Цифровизация инвестиционных процессов (краудфандинг, ПФ) как полигон для отечественных финансово-технических решений, соответствующих национальным стандартам и этическим нормам
Необходимость перехода к модели развития, основанной на реальном секторе	Стимулирование несырьевого экспорта, поддержка МСП, реализация крупных инфраструктурных проектов	Развитие партнерского финансирования с учетом этических и культурных особенностей, укрепление доверия к государству

Источник: авторская систематизация потенциальных направлений влияния цифрового и партнерского инвестирования на реализацию стратегических задач регионального развития.

Республика Татарстан характеризуется не только высокой концентрацией участников партнерского финансирования (реализующих 66% от общего количества сделок по привлечению средств и 84% от всех операций по размещению привлеченных средств на рынке партнерского финансирования страны [18]), но и одновременным присутствием операторов инвестиционных платформ (табл. 1 и рис. 5), что позволяет рассматривать регион как показательный кейс сопряжения исследуемых механизмов.

Рост объёмов отечественного рынка ПФ, с момента запуска эксперимента, характеризуется объемом привлечённых средств на 30.09.2024 г. в размере «3,8 миллиарда рублей» [18], а по итогам 2025 года только по Республике Татарстан объем привлеченных денежных средств в рамках эксперимента по ПФ составил около «35 миллиардов рублей» [20], однако прямое сопоставление приведенных показателей ограничено различиями в их экономическом содержании и территориальном охвате.

Представленные данные (рис. 5) свидетельствуют о наличии операций партнерского финансирования за пределами регионов с наибольшей концентрацией участников эксперимента, что указывает на потенциал экстерриториального распространения соответствующих финансовых механизмов.

В то же время имеющийся потенциал развития отечественного рынка ПФ еще не раскрыт, что связано с новизной финансово-инвестиционных механизмов ПФ, низким уровнем осведомленности населения и недостаточной правовой регламентацией операций по ПФ.

Несмотря на успешное развитие сфер цифрового и партнерского инвестирования страны, очевидно, что в современных условиях имеющиеся альтернативные механизмы привлечения финансово-инвестиционных ресурсов требуют своего дальнейшего развития и совершенствования не только с позиций создания оптимальных условий их развития, но и с позиций создания действенных механизмов их конвергенции в целях достижения стратегических задач развития и обеспечения экономической безопасности.

Авторская аналитическая систематизация потенциальных связей стратегическими задачами преодоления вызовов и угроз экономической безопасности страны с ролью партнерского и цифрового инвестирования представлена в таблице 2.

Анализ данных таблицы 2 показывает, что в современных условиях развитие как партнерских, так и цифровых механизмов инвестирования в рамках формирования регионального интеграционного контура И-Ц-Т – это не только экономическая, но и стратегическая задача обеспечения экономической безопасности.

С данной точки зрения наибольший интерес представляет опыт Республики Татарстан, в которой одновременно взаимодействуют 2 цифровые инвестиционные площадки и 17 организаций участников партнерского финансирования (табл. 1), благодаря реализации практических мер

по достижению стратегических задач развития страны, отразившихся в региональном инвестиционном меморандуме. Основная его цель – повышение предсказуемости условий ведения бизнеса и синхронизация усилий всех органов государственной власти при решении задач инвестиционного развития, включая системную увязку на региональном уровне:

1) инвестиционных приоритетов (экспорт, импортозамещение, АПК, инфраструктура);

2) технологического развития (биотехнологии, ИИ, наукоёмкие производства);

3) цифровой трансформации (платформенные экосистемы, инвестиционная карта).

Опыт стратегического планирования инвестиционного развития Республики Татарстан, основанный на качественном переходе от политики декларации приоритетов, задач и направлений к политике практического их воплощения, может служить определенным бенчмарком для остальных регионов участников эксперимента по ПФ при активизации процессов:

1) институционализации инвестиционной политики;

2) увязки инвестиционной, технологической и цифровой повесток в единый синергетический контур (И-Ц-Т);

3) институционализации новых партнерских (альтернативных) финансово-инвестиционных ресурсов как самостоятельного направления инвестиционного развития.

Проведенный анализ опыта Республики Татарстан в развитии экспериментальных механизмов цифрового и партнерского инвестирования позволяет выделить институциональные предпосылки для дальнейшего сближения цифровых и партнерских механизмов инвестирования. Одним из перспективных направлений такого сближения может стать развитие цифровых инвестиционных площадок, учитывающих принципы партнерского финансирования.

Заключение

Проведённое исследование, в фокусе которого находились региональный опыт и перспективы развития цифрового и партнёрского инвестирования как альтернативных механизмов привлечения капитала, позволило зафиксировать, что данные механизмы, постепенно преодолевая периферийный характер, всё отчётливее встраиваются в региональную инвестиционную политику. Вместе с тем исследование показало, что потенциал альтернативных механизмов раскрыт не в полной мере, что обусловлено новизной соответствующих инструментов, недостаточной осведомлённостью населения и неполной правовой регламентацией операций.

Полученные результаты свидетельствуют о расширении использования альтернативных механизмов привлечения инвестиционных ресурсов и наличии институциональных предпосылок для дальнейшего сопряжения цифрового и партнерского инвестирования, при этом опыт Республики Татарстан показывает возможность одновременного развития соответствующих механизмов на региональном уровне, а их потенциальное влияние на финансовую устойчивость, инвестиционную активность и экономическую безопасность регионов требует дальнейшей количественной оценки.

Список литературы

1. Полозков М. Г., Ишина М. С., Зуев М. Д. Экономический суверенитет регионов: векторы развития // Государственная служба. Т. 26. 2024. № 1(147). С. 33-43. DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-33-43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-suverenitet-regionov-vektory-razvitiya (дата обращения: 21.10.2026).

2. Макар С. В., Медведева Е. И., Крошилин С. В., Ярашева А. В. Стратегические цели национального развития России: риски и возможности // Дискуссия. 2024. № 7(128). С. 61-71. EDN: ECLBSQ. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-7-128-61-71. URL: https://elibrary.ru/eclbsq (дата обращения: 21.10.2026).

3. Горький А. С. Приоритетные направления укрепления и развития экономического суверенитета в цифровой экономике // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12. С. 212-217. DOI: 10.17513/vaael.3907. URL: https://vaael.ru/article/view?id=3907 (дата обращения: 21.10.2026).

4. Веретенникова А. Ю. Моделирование потенциала развития совместного финансирования и инвестирования в регионах России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 4. С. 2269-2284. EDN: XMTDUY. DOI: 10.18334/vinec.12.4.116522. URL: https://1economic.ru/lib/116522 (дата обращения: 21.10.2026).

5. Арсланов Ш. Д. Инвестиционное развитие регионов: перспективы альтернативного и партнерского финансирования // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 2(160). С. 14-21. EDN: BVXJUH. DOI: 10.26726/1812-7096-2024-2-14-21. URL: https://rppe.ru/index.php/rppe/article/view/2379 (дата обращения: 21.10.2026).

6. Арсланов Ш. Д. Новые возможности и перспективы инвестиционного развития республик Северного Кавказа // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 11. С. 29-36. EDN: EUSMHW. DOI: 10.26726/rppe2024v11noapf. URL: https://www.rppe.ru/index.php/rppe/article/view/2669 (дата обращения: 21.10.2026).

7. Кулемина Т. Н., Гусева И. А. Предпосылки развития партнерского финансирования в Российской Федерации // Финансовые рынки и банки. 2024. № 12. С. 245-249. URL: https://finmarketbank.ru/upload/iblock/284/5dozjgdq7bo45bum3vclw6om1a8p7xc8/%E2%84%9612%202024%20%D0%A4%D0%A0%D0%B8%D0%91.pdf (дата обращения: 21.10.2026).

8. Воробьева Е. А. Лобзова М. А., Петрова Е. И., Спокойнова А. И., Федин Г. А. Краудфандинговое инвестирование в условиях цифровой трансформации: риски, возможности и институциональные перспективы // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s4. URL: https://esj.today/PDF/18FAVN425.pdf (дата обращения: 21.10.2026).

9. Кувалдина Т. Б., Следнева К. Е., Балашова Ю. Г. Краудфандинг как элемент цифровой финансовой инфраструк-

туры // Сибирская финансовая школа. 2025. № 2 С. 113-123. DOI: 10.34020/1993-4386-2025-2-113-123. URL: https://sfs.elpub.ru/jour/article/view/568?locale=ru_RU (дата обращения: 21.10.2026).

10. Дякин М. В. Трубицына Н. С. Современное состояние краудфандинга и перспективы его развития // Вопросы отраслевой экономики. 2025. № 3(11). С. 28-36. DOI: 10.24888/2949-2793-2025-11-28-36. URL: https://elsu.ru/economy/issues/402/articles/5110/ (дата обращения: 22.09.2026).

11. Шихгафизов П. Ш., Данилова М. Р., А. А. Мальшаков Краудфандинг в России: опыт российских компаний в «финансировании толпой» // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 5. С. 205-212. EDN: DPQPCL. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-5-205-212. URL: https://journals.eco-vector.com/2223-0092/article/view/696810/ru_RU (дата обращения: 21.10.2026).

12. Обзор платформенных сервисов в России / Центральный Банк Российской Федерации. Информационно-аналитический материал. Москва. 2026. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/62088/platform_services_2025.pdf (дата обращения: 21.10.2026).

13. Краудфинансирование инструмент привлечения финансирования для малого и среднего бизнеса. Библиотека Банка России. Москва. 2024. URL: https://library.cbr.ru/pdf-viewer/?uid=c1d02591-009b-49dd-9f06-1658569dd0d9/ (дата обращения: 21.10.2026).

14. Туфетулов А. М. Партнёрское финансирование в России: от пилотного проекта до инструмента экономического суверенитета // Международный бизнес. 2026. Т. 15. № 1. С. 87-108. DOI: 10.24833/2949-639X-2026-1-15-87-108. URL: https://ibj.mgimo.ru/jour/article/view/178/0 (дата обращения: 21.10.2026).

15. Дерзаева Г. Г. Исламские финансовые инструменты как фактор устойчивого развития регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2026. № 5. С. 129-141. EDN: BSGDGA. DOI: 10.24891/bsgdga. URL: https://www.fin-izdat.ru/journal/region/arch.php (дата обращения: 21.10.2026).

16. Нагимова А. З. Эксперимент по партнерскому финансированию в Российской Федерации: промежуточные итоги // Финансы. 2025. № 6. С. 52-56. URL: http://finance-journal.ru/index.php?part=finance&num=202506 (дата обращения: 21.10.2026).

17. Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию / Центральный Банк Российской Федерации. 2026. URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_PF.xlsx (дата обращения: 21.10.2026).

18. Обзор рынка партнерского финансирования по итогам анкетирования за 9 месяцев 2024 г. / Центральный Банк Российской Федерации. Москва. 2024. URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/2024_1/ (дата обращения 01.10.2026.).

19. Объем привлеченных средств по партнерскому финансированию в Татарстане вырос в шесть раз в 2025 году / Агентство Бизнес Новостей. 2026. 11 февраля. URL: https://abn.agency/2026/02/11/obem-privlechennyh-sredstv-po-partnerskomu-finansirovaniyu-v-tatarstane-vyros-v-shest-raz-v-2025-godu/ (дата обращения 21.10.2026.).

20. Реестр операторов инвестиционных платформ. / Центральный Банк Российской Федерации. 2026. URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_invest_platform_op.xlsx (дата обращения: 21.10.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Финансирование осуществлялось в рамках государственного задания Минобрнауки России для ДФИЦ РАН, регистрационный номер темы 125020601654-2.

Financing: The financing was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the Russian Academy of Sciences, registration number of the topic 125020601654-2.

УДК 332.14
DOI 10.17513/fr.44110

CC BY 4.0

ИНДИКАТОРНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Гусейнли К. М. ORCID ID 0009-0004-9332-1803, Большакова Ю. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: gonchmn@usue.ru

В данной статье авторами представлено комплексное исследование текущего состояния экономической безопасности Архангельской области в период с 2020 по 2024 г. Актуальность темы обусловлена стратегическим значением региона как арктической и лесопромышленной территории, сталкивающейся с серьезными внутренними и внешними вызовами. Цель работы заключается в диагностике уровня защищенности региональной экономики и разработке стратегических рекомендаций по нейтрализации выявленных угроз. Методологическую основу исследования составил индикаторный анализ, в рамках которого проводилась оценка по 10 ключевым социально-экономическим показателям в сравнении с их пороговыми значениями. Авторами также применен SWOT-анализ для определения сильных и слабых сторон региона, возможностей его развития и потенциальных рисков. По итогам исследования, результаты анализа свидетельствуют о низком уровне экономической безопасности региона (интегральный индекс составил 0,716 в 2024 г. при нормативе ≥ 1,0), а также выявлено критическое отставание в инновационной и инвестиционной сфере, неблагоприятная социально-демографическая динамика, которая характеризуется депопуляцией и высоким социальным неравенством. На основе сопоставления факторов внешней и внутренней среды выделено пять значимых стратегических пар, направленных на диверсификацию экономики и развитие глубокой переработки сырья. Предложены меры по укреплению экономической безопасности, включающие использование потенциала Северного морского пути, усиление государственной поддержки НИОКР и реализацию программ по закреплению квалифицированных кадров. Сформулирован вывод, что долгосрочная устойчивость Архангельской области зависит от перехода от сырьевой специализации к модели роста с высокой добавленной стоимостью.

Ключевые слова: экономическая безопасность региона, индикаторы, угрозы, SWOT-анализ, Архангельская область

INDICATOR ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE LEVEL OF ECONOMIC SECURITY OF THE ARKHANGELSK REGION

Guseynli K. M. ORCID ID 0009-0004-9332-1803, Bolshakova Yu. A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State University of Economics", Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: gonchmn@usue.ru

In this article, the authors present a comprehensive study of the current state of economic security in the Arkhangelsk Region for the period 2020–2024. The relevance of this topic stems from the region's strategic importance as an Arctic and forestry territory, facing significant internal and external challenges. The aim of the study is to assess the level of security of the regional economy and develop strategic recommendations for mitigating the identified threats. The study's methodological basis was indicator analysis, which assessed ten key socioeconomic indicators against their thresholds. The authors also used a SWOT analysis to identify the region's strengths and weaknesses, development opportunities, and potential risks. The study concludes that the analysis reveals a low level of economic security in the region (the integral index reached 0,716 in 2024 against the threshold of ≥1,0). Critical gaps in innovation and investment were also identified, along with unfavorable sociodemographic dynamics characterized by depopulation and high social inequality. Based on a comparison of external and internal environmental factors, five significant strategic pairs aimed at economic diversification and the development of advanced raw material processing are identified. The paper concludes by proposing measures to strengthen economic security, including harnessing the potential of the Northern Sea Route, strengthening state support for R&D, and implementing programs to retain skilled personnel. It is concluded that the long-term sustainability of the Arkhangelsk Region depends on the transition from a raw materials-based specialization to a high-value-added growth model.

Keywords: economic security of the region, indicators, threats, SWOT analysis, Arkhangelsk region

Введение

Экономическая безопасность региона является фундаментом для социально-экономического развития, устойчивости при защите интересов территории в условиях внешних и внутренних вызовов. Архангельская область занимает стратегическое положение в Северо-Западном федеральном округе и обладает значительным природно-ресурсным и промышленным потенциалом, однако сталкивается с рядом сложностей. В современной науке подчеркивается, что оценка и своевременное принятие мер по обеспечению националь-

ной безопасности становятся приоритетом как для страны в целом, так и для каждого региона [1, 2]. Обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу приоритетов социально-экономического развития региона. Как подчеркивают И. И. Смотрицкая и С. С. Шувалов, одним из индикаторов качества государственного управления на макроэкономическом уровне является мультипликатор государственных расходов, отражающий их влияние на стимулирование экономического роста страны, что актуально и для регионального уровня [3].

Экономическая безопасность региона – это совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательное ее развитие; одновременно это степень интеграции региональной экономики с экономикой России и региональной независимости [4].

Архангельская область – субъект РФ на севере Европейской части России. В ее отраслевой структуре преобладает обрабатывающая промышленность (деревообработка, целлюлозно-бумажное производство, машиностроение), а с учетом Ненецкого автономного округа – также добывающая промышленность [5, 6].

Цель исследования – комплексная диагностика уровня защищенности региональной экономики Архангельской области на основе индикаторного и SWOT-анализа и обоснование и разработка комплекса стратегических рекомендаций по нейтрализации выявленных угроз и обеспечению долгосрочной устойчивости региона.

Материалы и методы исследования

Для анализа уровня экономической безопасности региона использовалась методика оценки ЭБ региона, разработанная в рамках дисциплины «Экономическая безопасность» в Уральском государственном экономическом университете. Она основана на сравнении фактических значений 10 показателей с установленными пороговыми значениями. Данные индикаторы наиболее полно характеризуют состояние производства, инноваций, социальной сферы, демографии и инвестиций, что позволяет комплексно оценить экономическую безопасность региона. Важной методологической особенностью сбора статистической базы исследования является учет специфики административно-территориального устройства Архангельской области, а макроэкономические показатели реального сектора, такие как объем ВРП на душу населения, доля обрабатывающих производств, доля инвестиций, рассчитаны по Архангельской области, включая Ненецкий автономный округ из-за их производственно-логистических связей. При этом показатели социальной и демографической сферы, такие как коэффициент Джини, доля населения ниже прожиточного минимума, депопуляция и безработица, были проанализированы по Архангельской области без учета НАО, что позволило устранить статистические искажения и получить объективную оценку уровня жизни населения региона.

По каждому индикатору определяется отклонение от нормы: если он соответствует порогу или имеется положительная динамика, то это свидетельствует об отсутствии угроз, превышение порога или ухудшение динамики говорит о нарастании рисков. Аналогичный подход – зонная теория с применением индикативного метода и пороговых значений – широко используется в российской практике оценки экономической безопасности регионов, в том числе применительно к показателям уровня жизни населения [7]. При оценке экономической безопасности Кировской области Ф. Е. Смирнов, С. В. Чучкалова также использовали нормирование показателей и выделение зон риска на основе сопоставления с пороговыми значениями [8]. При этом многие авторы сходятся во мнении, что для регионов Севера и Арктики, к которым относится Архангельская область, необходим пересмотр самих пороговых значений с учетом специфических условий [9].

Интегральный показатель экономической безопасности рассчитан методом линейного нормирования (индексного анализа), что позволяет оценить не просто факт выполнения норматива, а глубину отклонения показателей от безопасных границ.

Для показателей-стимуляторов, рост которых укрепляет безопасность (ВРП, доля обрабатывающих производств, инвестиции, затраты на НИОКР), расчет частных коэффициентов K_i производился по формуле

$$K_i = K_{\text{факт}} / K_{\text{порог}}.$$

Для показателей-дестимуляторов, рост которых усиливает угрозы (износ фондов, коэффициент Джини, бедность, безработица, депопуляция, преступность), использовалась формула

$$K_i = K_{\text{порог}} / K_{\text{факт}}.$$

Чтобы избежать математических искажений при значительном перевыполнении нормативов по дестимуляторам, например при слишком низкой безработице, значения

частных коэффициентов в безопасной зоне ограничивались сверху единицей $K_i \leq 1{,}0$.

Интегральный индекс I рассчитывался как среднее арифметическое полученных коэффициентов. Интерпретация результатов осуществлялась по следующей шкале: $I \geq 1{,}0$ – высокий уровень экономической безопасности; $0{,}8 \leq I < 1{,}0$ – средний; менее 0,8 – низкий.

Информационную базу исследования составили данные официальной статистики (Росстат, Регионы России. Социально-экономические показатели за 2023–2024 гг., Паспорт Архангельской области)[1], а также стратегические и программные документы: Указ Президента РФ о Стратегии национальной безопасности, Указ Президента РФ о Стратегии экономической безопасности[2, 3], областной закон об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 г., государственная программа «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области».

Период наблюдения охватывает 2020–2024 гг. Анализ динамики за 5 лет позволяет выделить позитивные и негативные тенденции, что в совокупности укажет либо на устойчивость, либо на ослабление экономической безопасности региона. Методологическая основа включает индикаторный анализ, динамический анализ, SWOT-анализ.

Результаты исследования имеют методологические ограничения:

− Во-первых, выводы чувствительны к выбору системы индикаторов и их пороговых значений, которые носят нормативно-экспертный характер и не в полной мере учитывают специфику северных и арктических территорий, такую как повышенные издержки производства и жизнеобеспечения населения.

− Во-вторых, надежность интегральной оценки зависит от полноты данных официальной статистики Росстата и региональных ведомств, в которой присутствует временной лаг (актуальные данные публикуются с задержкой в 1–1,5 года), а также происходят методологические изменения в расчете отдельных показателей, что может временно снижать сопоставимость динамических рядов.

Результаты исследования и их обсуждение

Первичный анализ статистических данных, которые представлены в табл. 1, выявляет глубокие диспропорции в социально-экономическом развитии Архангельской области. Несмотря на стабильное превышение порогового значения по объему ВРП на душу населения и формальное соблюдение нормативов по безработице, износу фондов и преступности, в регионе фиксируется опасное отставание в инвестиционной, инновационной и демографической сферах, а для точной оценки глубины этих отклонений и масштаба угроз авторами был применен метод линейного нормирования, результаты которого изложены далее. Также для обеспечения методологической прозрачности отметим, что показатель преступности рассчитан как количество зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. чел., а пороговое значение (не более 5000 ед.) обосновано классическими методиками Института экономики УрО РАН.

В целях обеспечения сопоставимости показателей и корректности динамического анализа количественная оценка выполнена на основе итоговых данных Федеральной службы государственной статистики за 2020–2024 гг., опубликованных в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» и на официальном сайте ведомства.

В целях обеспечения сопоставимости показателей и корректности динамического анализа количественная оценка выполнена на основе итоговых данных Федеральной службы государственной статистики за 2020–2024 гг. В открытом доступе на момент проведения исследования отсутствовали сопоставимые данные за 2025 г. по всему спектру 10 базовых социально-экономических индикаторов, в связи с чем хронологические рамки основного индикаторного анализа ограничены 2024 г. включительно. Однако для обеспечения полноты исследования оценка сопутствующего фактора бюджетной устойчивости региона была расширена и доведена до 2025 г. включительно на основе привлечения оперативной ведомственной отчетности Министерства финансов Архангельской области.

[1] Архангельская область (паспорт субъекта) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Обновлено: 12.12.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/maps/ru/ru-ark/1770322/ (дата обращения: 26.03.2026).

[2] Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 26.03.2026).

[3] Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/ (дата обращения: 26.03.2026).

Таблица 1

Показатели экономической безопасности Архангельской области

Показатель	Пороговое значение	2020	2021	2022	2023	2024
Объем ВРП на душу населения, %	Не менее 100 %	113, 5	123,2	120,8	113,5	113,5
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %	43,6	42,4	33,6	37,9	29,2
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %	45,9	48,6	49,5	50,9	51,0
Доля инвестиции в ВРП, %	Не менее 25 %	24,9	16,6	16,3	16,3	15,7
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП, %	Не менее 2 %	0,20	0,17	0,17	0,18	0,16
Коэффициент концентрации Джини	Не более 0,2	0,378	0,383	0,381	0,387	0,385
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %	11,0	10,8	10,5	9,0	8,2
Уровень зарегистрированной безработицы (к численности рабочей силы), %	Не более 8 %	4,8	1,7	1,3	1	1,1
Условный коэффициент депопуляции	Не более 1	1,75	2,2	1,92	1,82	1,9
Уровень преступности (количество зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения), ед.	Не более 5 тыс.	1678	1568	1741	1717	1666

Примечание: составлена авторами на основе данных, полученных в ходе исследования и источников:

1) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1037 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 23.09.2026).

2) Официальная статистика / Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу (Архангельскстат). [Электронный ресурс]. URL: https://29.rosstat.gov.ru/ofstatistics (дата обращения: 24.09.2026).

На основе показателей табл. 1 можно сделать следующие выводы:

Объем ВРП на душу населения превышает пороговое значение на протяжении всего исследуемого периода в диапазоне от 113,5 до 123,2 %, что связано с высокой долей добывающего сектора в НАО и ростом цен на энергоносители.

Доля обрабатывающих производств в промышленности демонстрирует критически низкое значение, снижение составляет с 43,6 до 29,2 % из-за опережающего роста добывающего сектора, а также спада в ЛПК и машиностроении.

Степень износа основных фондов несмотря на то, что находится в допустимой зоне, имеет тенденцию к росту с 45,9 до 51,0 %, что свидетельствует о накопленном износе инфраструктуры и низких расходах на обновление. В этой связи следует учитывать вывод Е. Б. Дворядкиной и П. С. Куклиновой о том, что в регионах с преобладающим влиянием производственных факторов (а именно состояние основных фондов, технологический уровень) политика регулирования немонетарных факторов инфляции должна быть дифференцированной и нацеленной именно на модернизацию реального сектора [10].

Снижение доли инвестиций в ВРП региона с 24,9 до 15,7 % характеризуется ухудшением инвестиционной активности реального сектора, так как в условиях геополитического давления в 2022–2024 гг. лесопромышленный комплекс и машиностроение региона столкнулись с разрывом логистических цепочек, блокировкой экспорта в европейские страны и критическими трудностями при импортозамещении высокотехнологичного оборудования, что и вынудило крупных региональных инвесторов временно заморозить долгосрочные проекты, а также перенаправить ресурсы на текущие операционные процессы. Данная тенденция коррелирует с выводами исследователей о трансформации инвестиционных процессов в северных регионах РФ [11].

В инновационной сфере сложилась особо критическая ситуация, так как доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП составляет 0,16–0,20 %, что существенно ниже порогового значения, а аналогичное отставание фиксируется и в других регионах: например, в Брянской области доля затрат на НИОКР не превышает 0,4 % ВРП [12], в Кировской области внутренние

затраты на исследования и разработки находятся в зоне повышенного риска [13].

Хроническое превышение порогового значения коэффициента Джини свидетельствует о глубоком внутрирегиональном социальном расслоении, а причинный контур данного неравенства носит дуальный характер. Так, с одной стороны, сказывается очаговая дифференциация, поскольку, сверхдоходы добывающего сектора, локализованного преимущественно в Ненецком автономном округе, входящем в состав Архангельской области, резко контрастируют с доходами населения в лесопромышленных, аграрных и периферийных районах, а с другой стороны, фиксируется межотраслевой дисбаланс, при котором заработные платы в сырьевом секторе существенно опережают доходы работников бюджетной сферы и обрабатывающей промышленности, что повышает риски для социальной стабильности региона [14].

Необходимо подчеркнуть, что в рамках данного исследования сознательно оценивается уровень зарегистрированной безработицы на основе данных Федеральной службы по труду и занятости, который в 2024 г. составил 1,1 %, позволяет оценить давление на бюджетную систему региона в части социальных выплат, несмотря на то, что общая безработица по методологии МОТ в регионе выше и достигает 2,7 %. Уровень безработицы находится в пределах порога и составляет 1,0–4,8 % из-за сокращения трудоспособного населения, но позитивная динамика уровня безработицы скрывает глубокие структурные деформации регионального рынка труда, поскольку наблюдается «демографическое сжатие» и формирование жесткого кадрового дефицита, а данная тенденция обусловлена эффектом устойчивой депопуляции, старением локальной рабочей силы и миграционным оттоком квалифицированных специалистов и молодежи в центральные регионы страны, в результате чего возникает вынужденный рост заработных плат для удержания сотрудников, усиливаются издержки региональных предприятий и создается дополнительное давление на бюджетную систему [15].

Коэффициент депопуляции превышает порог и находится в диапазоне 1,75–2,2 из-за высокой смертности, низкой рождаемости и оттока молодежи, а аналогичная ситуация наблюдается также в Тамбовской области, что оценивается как реальная угроза экономической безопасности [16]. Показатель уровня преступности ниже порога и составляет от 1568 до 1741.

В табл. 2 представлены результаты расчета частных нормированных коэффициентов и интегрального индекса экономической безопасности Архангельской области за 2020–2024 гг.

Анализ рассчитанных нами нормированных коэффициентов позволяет перейти к оценке глубины отклонений и выявить скрытые структурные тренды: так, на протяжении всего исследуемого периода интегральный индекс экономической безопасности Архангельской области стабильно находился в зоне низкого уровня в узком диапазоне от 0,759 в 2020 г. до 0,716 в 2024 г., а локальный максимум защищенности пришелся на 2020 год, после чего зафиксировано снижение индекса на 5,6 %, что указывает на долгосрочный и застойный характер существующих угроз.

Таблица 2

Нормированные частные показатели и интегральный индекс экономической безопасности Архангельской области

Показатель	Порог	2020	2021	2022	2023	2024
ВРП на душу	≥ 100 %	1,135	1,232	1,208	1,135	1,135
Доля обрабатывающих производств	≥ 70 %	0,623	0,606	0,480	0,541	0,417
Степень износа ОФ	≤ 60 %	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Доля инвестиций	≥ 25 %	0,996	0,664	0,652	0,652	0,628
Затраты на НИОКР	≥ 2 %	0,100	0,085	0,085	0,090	0,080
Коэффициент Джини	≤ 0,2	0,529	0,522	0,525	0,517	0,519
Доля населения ниже ПМ	≤ 7 %	0,636	0,648	0,667	0,778	0,854
Уровень безработицы	≤ 8 %	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Коэффициент депопуляции	≤ 1	0,571	0,455	0,521	0,549	0,526
Уровень преступности	≤ 5 тыс.	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Интегральный индекс (*I*)	≥ 1	0,759	0,721	0,714	0,726	0,716

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таким образом, данный анализ позволяет разделить исследуемые индикаторы на три группы:

− стабильно безопасная зона, где коэффициент равен 1,000 и выше, которая обусловлена положительным значением ВРП из-за высокой ценовой конъюнктуры на рынках углеводородов добывающего сектора Ненецкого автономного округа, а износ основных фондов 51 % в 2024 г. удерживается в рамках предельно допустимых значений;

− зона умеренного риска, где коэффициент от 0,500 до 0,999, включает позитивный тренд частного индекса доли населения с доходами ниже прожиточного минимума с увеличением от 0,636 до 0,854, что отражает сокращение бедности с 11 % до 8,2 %, при этом коэффициент Джини стабильно удерживается на опасной отметке 0,519 от норматива, характеризуя социальное расслоение внутри субъекта;

− зона критической угрозы, где коэффициент ниже 0,500, обусловленный критическим уровнем частного индекса затрат на НИОКР и снижением доли инвестиций в ВРП с 0,996 в 2020 г. до 0,628 в 2024 г. Вместе с тем частный индекс депопуляции 0,526 отражает некомпенсируемость естественной и миграционной убыли населения.

Таким образом, можно наблюдать, как метод линейного нормирования доказал, что низкий уровень экономической безопасности Архангельской области характеризуется критическим ослаблением инновационно-инвестиционного базиса и демографическим кризисом, которые не могут быть компенсированы исключительно за счет стабильно высоких объемов валового регионального продукта добывающего сектора.

Также дополнительным значимым фактором, не вошедшим в основной индикаторный набор, является бюджетная устойчивость региона, а для оценки бюджетной устойчивости региона применена методика Г. Б. Поляка, основанная на сопоставлении расходов консолидированного бюджета и суммы собственных и регулирующих доходов, где расчет выполнен по данным об исполнении консолидированного бюджета Архангельской области за 2021–2025 гг. (табл. 3).

Данная методика выделяет четыре типа устойчивости бюджетной системы:

– абсолютно устойчивое: Р < Дс + Др – расходы покрываются без привлечения доп. источников;

– нормальное: Р = Дс + Др – полная сбалансированность;

– неустойчивое: Р = Дс + Др + Ид – требуются дополнительные источники;

– кризисное: Р > Дс + Др + Ид – расходы превышают все источники покрытия [17].

Результаты расчета показывают, что на протяжении всего периода консолидированный бюджет Архангельской области находился в неустойчивом состоянии (тип 3 по классификации Г. Б. Поляка). Для верификации данного вывода были проанализированы первичные данные Министерства финансов Архангельской области об источниках финансирования дефицита бюджета, вследствие чего установлено, что значение показателя дополнительных источников (Ид) формировалось за счет привлечения коммерческих кредитов банковских организаций, выпуска государственных ценных бумаг субъекта и использования остатков средств на счетах. Ежегодная потребность в привлечении данных инструментов (от 4,5 млрд руб. в 2022 г. до 19,9 млрд руб. в 2023 г.) подтверждает неустойчивый тип бюджетной системы. Ежегодно требовалось привлечение дополнительных источников финансирования для покрытия расходов. Объем дополнительных источников варьировался от 4,5 млрд руб. (2022 г.) до 19,9 млрд руб. (2023 г.). В 2025 г. данный показатель составил 14,5 млрд руб.

Таблица 3

Оценка устойчивости консолидированного бюджетаАрхангельской области по методике Г. Б. Поляка, млн руб.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Расходы консолидированного бюджета (Р), млн руб.	138 354,53	161 198	171 462,25	177 358	193 189,6
Собственные доходы (Дс), млн руб.	91 789,88	102 465	107 788,83	121 301	132 191,0
Регулирующие доходы (Др), млн руб.	38 801,73	54 245	43 791,03	37 851	46 546,2
Дс + Др	130 591,61	156 710	151 579,86	159 152	178 737,2
Ид = Р – (Дс+Др)	7762,92	4488	19 882,39	18 206	14 452,4

Примечание: составлена авторами на основе годовых отчетов об исполнении консолидированного бюджета Министерства финансов Архангельской области за 2021–2025 гг.

Таблица 4

SWOT-анализ экономической безопасности Архангельской области

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
S1 высокий подушевой ВРП – 5 S2 низкая безработица – 4 S3 низкий уровень преступности – 3 S4 ресурсная база – 5 S5 транспортная инфраструктура – 4	W1 низкая доля обрабатывающих производств – 5 W2 критически низкие затраты на науку и инновации – 5 W3 падение инвестиционной активности – 5 W4 высокое социальное неравенство – 4 W5 депопуляция – 5 W6 бедность выше порога – 4 W7 высокий износ основных фондов – 4 W8 отток населения – 5
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
O1 развитие лесопромышленного комплекса – 5 O2 реализация инвестиционных проектов в деревообработке, целлюлозно-бумажном производстве, аквакультуре и рыбопереработке – 4 O3 развитие Северного морского пути – 5 O4 государственная поддержка инноваций и импортозамещения – 4 O5 развитие туризма – 3	T1 сырьевая зависимость – 5 T2 санкционные ограничения – 4 T3 дальнейший отток населения – 5 T4 демографический кризис – 5 T5 ухудшение инвестиционного климата – 4 T6 экологические риски – 3 T7 износ инфраструктуры – 4 T8 рост долговой нагрузки из-за неустойчивости бюджета – 4

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Скачки показателя Ид связаны с неравномерным поступлением безвозмездных перечислений из федерального бюджета, их снижение в 2023–2024 гг. с 54,2 до 37,9 млрд руб. при росте расходов привело к увеличению потребности в дополнительных источниках до 18–20 млрд руб. Переход консолидированного бюджета в категорию «неустойчивых» на протяжении всего анализируемого периода обусловлен хроническим опережением темпов роста расходов над динамикой собственных налоговых и неналоговых доходов, а сокращение безвозмездных поступлений из федерального бюджета в 2023–2024 гг. вынудило субъект активно замещать их коммерческими займами. Таким образом, зависимость региональной казны от кредитов банковских организаций приводит к росту затрат на обслуживание государственного долга, что сужает пространство для финансового маневра и ограничивает возможности прямого бюджетного финансирования региональных инвестиционных и инновационных программ [18].

Представим SWOT-анализ в табл. 4. С целью выявления приоритетов всем факторам присвоены экспертные оценки от 1 до 5 в зависимости от их влияния на экономическую безопасность.

Далее составим взаимосвязанные факторы и подробнее охарактеризуем пять значимых пар:

− S1 (высокий подушевой ВРП) + O3 (развитие Северного морского пути). Такое сочетание можно использовать для преодоления сырьевой зависимости, например использовать сверхдоходы от добывающего сектора для диверсификации отраслевой структуры экономики региона;

− S4 (ресурсная база) + O1 (развитие ЛПК). Например, на базе лесных ресурсов можно реализовать проекты по глубокой переработке древесины, которые в перспективе могут увеличить долю обрабатывающей промышленности и увеличить количество рабочих мест;

− S2 (низкая безработица) + W8 (отток населения). Низкая безработица только формально показывает уровень благополучия, но скрывает дефицит кадров. Необходимо улучшить программы закрепления населения (жилье, социальная инфраструктура, повышение качества жизни), чтобы остановить отток, в особенности молодежи и квалифицированных специалистов;

− W2 (критически низкие затраты на науку и инновации) + O4 (государственная поддержка инноваций и импортозамещения). Например, надо создавать региональные механизмы софинансирования НИОКР, налоговые льготы для инновационных предприятий, использовать федеральные гранты и программы для создания научно-образовательных центров по профильным для региона направлениям (лесо-

переработка, биотехнологии, арктические технологии);

– W6 (бедность выше порога) + T5 (ухудшение инвестиционного климата). Например, использовать бюджетную обеспеченность от добывающего сектора для сохранения социальных программ, поддержки занятости в моногородах, развития малого предпринимательства как альтернативы инвестициям.

Предложенные пять стратегических пар охватывают ключевые направления повышения экономической безопасности региона: диверсификацию экономики, кадровое обеспечение и закрепление населения, инновационное развитие и социальную устойчивость. Их реализация требует оптимизации бюджетной, инвестиционной и социальной политики с учетом специфики Архангельской области как арктического и лесопромышленного региона.

Применительно к рассматриваемому региону это могут быть следующие рекомендации для минимизации рисков и угроз.

Согласно Стратегии до 2035 г. Архангельской области, нейтрализация угроз ведется по четырем направлениям:

– сохранение и развитие человеческого капитала (здравоохранение, образование, культура, спорт, благосостояние);

– создание комфортного пространства для жизни (жилье, инфраструктура, транспорт, городская среда, экология);

– обеспечение устойчивого экономического роста (инновации, рынок труда, поддержка бизнеса, сельские территории, развитие кластеров и экспорта);

– консолидация населения и развитие гражданского общества (доверие, молодежь, безопасность, семья, гражданское единство)[4].

В соответствии с государственной программой «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области» нейтрализация угроз ведется по пяти направлениям:

– развитие промышленности и инвестиций (инвестклимат, производительность труда, ГЧП);

– поддержка малого и среднего предпринимательства (финансы, инфраструктура, экспорт, инновации);

– совершенствование управления экономикой (стратегическое планирование, оценка регулирующего воздействия, эффективность органов власти);

– организация государственных закупок (эффективность расходов, конкуренция, централизация);

– регулирование тарифов (сбалансированная ценовая политика, доступность услуг)[5].

Заключение

Проведенная диагностика на основе метода линейного нормирования подтвердила низкий уровень экономической безопасности Архангельской области, где интегральный индекс на протяжении всего исследуемого периода стабильно находился в диапазоне от 0,714 до 0,759 при нормативе ≥ 1,0, а основные риски региона связаны с низким финансированием инноваций, спадом в инвестиционной сфере и устойчивой депопуляцией, несмотря на высокие объемы ВРП сырьевого сектора.

Кроме того, оценка бюджетной устойчивости по методике Г. Б. Поляка выявила неустойчивое состояние консолидированного бюджета. На основе SWOT-анализа выделены пять стратегических пар, реализация которых поможет повысить уровень экономической безопасности Архангельской области, а для повышения предложены меры по диверсификации промышленности, развитию инноваций, сохранению численности населения на территории региона, снижению бедности и улучшению инвестиционного климата.

Реализация предложенных рекомендаций позволит снизить влияние проблем и укрепить экономическую безопасность региона в долгосрочной перспективе, и при любом сценарии развития Архангельская область будет характеризоваться сырьевой специализацией, в связи с чем необходимо рассмотреть вопросы глубокой переработки сырья, добываемого в регионе, на модернизируемых обрабатывающих предприятиях, что, в свою очередь, позволит региону получить выигрыш за счет роста добавленной стоимости как в условиях глобализации, так и при изменении геоэкономической ситуации.

Список литературы

1. Наумова О. Н., Николаева Н. А. Методологический подход к оценке уровня экономической безопасности реги-

[4] Областной закон от 18 февраля 2019 г. № 57-5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» // Кодекс. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/462642024 (дата обращения: 27.03.2026).

[5] Постановление Правительства Архангельской области от 10 октября 2019 № 547-пп «Об утверждении государственной программы Архангельской области “Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области”» // Кодекс. [Электронный ресурс]. URL: https://dvinainvest.ru/upload/iblock/08e/Postanovlenie-Pravitelstva-Arkhangelskoy-oblasti-_-547_pp-ot-10.10.2019-_O-gosudarstvennoy-programme-Arkhangelskoy-oblasti-_Ekonomicheskoe-razvitie-i-investitsionnaya-deyatelnost.pdf (дата обращения: 23.09.2026).

она (на примере Самарской области) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2023. № 4. С. 63–72. DOI: 10.18384/2949-5024-2023-4-63-72. EDN: KRLXOC.

2. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. 7-е изд. М.: Лаборатория знаний, 2025. 818 с. ISBN 978-5-93208-878-4.

3. Смотрицкая И. И., Шувалов С. С. Оценка мультипликативного эффекта государственных расходов: методический подход и эмпирический анализ // Управленец. 2025. Т. 16. № 5. С. 2–17. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-5-1. EDN: AZDKHY.

4. Ворона-Сливинская Л. Г. Экономический потенциал и экономическая безопасность на примере региона // Евразийский союз ученых. 2018. № 4–6 (49). С. 36–39. EDN: XPIHBB.

5. Лапочкина Л. В., Никулина Н. В. Сценарные условия и пути развития промышленного сектора Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 108–114. EDN: ULPDJL.

6. Лапочкина Л. В. Основные направления реализации региональной промышленной политики Архангельской области // Российское предпринимательство. 2013. № 13 (235). С. 23–29. EDN: QYPVFD.

7. Маслов Г. А., Шерстобитова Ю. А. Уровень жизни и развитие человеческого потенциала: оценка рисков экономической безопасности регионов // Journal of New Economy. 2024. Т. 25. № 4. С. 24–46. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-4-2. EDN: HGTEMR.

8. Смирнов Ф. Е., Чучкалова С. В. Оценка уровня экономической безопасности на примере Кировской области // Вектор экономики. 2022. № 10 (76). EDN: OTASUZ.

9. Ульченко М. В. Оценка уровня экономической безопасности Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 3 (34). С. 64–69. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20299175 (дата обращения: 24.09.2026). EDN: RCFJQZ.

10. Дворядкина Е. Б., Куклинова П. С. Стратегические приоритеты регионального экономического развития в контексте регулирования немонетарных факторов инфляции // Управленец. 2024. Т. 15. № 4. С. 27–40. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-4-3. EDN: HURFDP.

11. Тагиев М. И., Гасымов Р. А. Лесопромышленный комплекс России в новых геополитических условиях: рынки сбыта и пути эффективного развития // Инновации и продовольственная безопасность. 2026. Т. 14. № 2. С. 171–181. DOI: 10.31677/2311-0651-2026-14-2-171-181.

12. Савинова Е. А. Оценка экономической безопасности Брянской области на основе анализа индикаторов социально-экономического развития региона // Вопросы региональной экономики. 2021. № 3 (48). С. 61–70. EDN: XCICVB.

13. Логинов Д. А., Наговицына В. П., Лузянина Е. Ю. Оценка системы экономической безопасности Кировской области, анализ и динамика развития основных рисков и угроз экономической безопасности // Вектор экономики. 2023. № 12 (90). DOI: 10.51691/2500-3666_2023_12_2. EDN: AAQACG.

14. Зубаревич Н. В., Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода; 6-е изд., стер. М.: Ленанд, 2016. 264 с. EDN: VTIGAP. ISBN 978-5-9710-2755-3.

15. Мостахова Т. С. Региональная специфика воспроизводства населения северного региона и приоритеты демографической политики // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 4 (439). С. 784–798. DOI: 10.24891/re.15.4.784. EDN: YJMILP.

16. Гребенникова В. К. Оценка уровня экономической безопасности Тамбовской области // Державинский форум. 2025. Т. 9. № 2. С. 280–286. EDN: IEPCIE.

17. Шатова Д. И. Устойчивость бюджетной системы региона // Стратегически ориентированное развитие экономических систем в условиях чрезвычайных ситуаций: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Самара, 2021. С. 186–190. EDN: YEDHUZ.

18. Яшина Н. И. Методический инструментарий оценки бюджетной стабильности регионов в условиях санкционного давления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-instrumentariy-otsenki-byudzhetnoy-stabilnosti-regionov-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya (дата обращения: 02.10.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 332.02
DOI 10.17513/fr.44111

CC BY 4.0

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конищев Е. С. ORCID ID 0000-0001-9733-4821,
Федоров И. Л. ORCID ID 0009-0004-3599-4970

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация, e-mail: eskonishchev@fa.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования инфраструктурного обеспечения высокотехнологичных производств в Российской Федерации в условиях ускоренного технологического развития и наличия разрывов между стадиями разработки и промышленного освоения продукции. Цель работы – обоснование перспективных инструментов и механизмов инфраструктурного обеспечения локализации высокотехнологичных производств в Российской Федерации. На основе функционального подхода, сравнительного и структурно-функционального анализа, а также проблемно ориентированного обобщения отечественных и зарубежных исследований рассмотрены практики организации технологической инфраструктуры, инженерного сопровождения, производственной кооперации и первой промышленной апробации. По результатам исследования сформирована система из четырех взаимодополняющих групп инструментов: инфраструктуры полного технологического цикла, инженерно-технологического сопровождения предприятий, кооперации с участием технологических лидеров и на основе якорных проектов, а также инструментов формирования спроса и первой промышленной апробации. Установлено, что выбор инфраструктурного решения должен определяться характером дефицитной функции, потребностями предприятий, наличием доступных технологических возможностей и условиями устойчивой эксплуатации создаваемых мощностей. Практическая значимость состоит в возможности применения предложенного подхода при формировании инфраструктурной политики, отборе проектов, сокращении необоснованного дублирования мощностей и повышении результативности использования технологической инфраструктуры.

Ключевые слова: инфраструктурные решения, технологическая инфраструктура, инженерно-технологическое сопровождение, производственная кооперация, высокотехнологичное производство, промышленная апробация

PROMISING INSTRUMENTS AND MECHANISMS FOR DEVELOPING INFRASTRUCTURE SOLUTIONS TO SUPPORT THE LOCALIZATION OF HIGH-TECHNOLOGY PRODUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Konishchev E. S. ORCID ID 0000-0001-9733-4821,
Fedorov I. L. ORCID ID 0009-0004-3599-4970

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», Moscow, Russian Federation, e-mail: eskonishchev@fa.ru

The relevance of the study is determined by the need to improve infrastructure support for high-technology production in the Russian Federation amid accelerated technological development and gaps between the stages of product development and industrial production. The study aims to substantiate promising tools and mechanisms for the infrastructure support of high-tech manufacturing localization in the Russian Federation. Drawing on a functional approach, comparative and structural-functional analysis, and a problem-oriented synthesis of Russian and international research, the study examines practices related to technology infrastructure, engineering support, industrial cooperation, and initial industrial validation. The findings provide a system of four complementary groups of instruments: full-cycle technology infrastructure, engineering and technological support for enterprises, cooperation involving technology leaders and based on anchor projects, and instruments for demand formation and initial industrial validation. The study establishes that infrastructure solutions should be selected based on the nature of the missing function, enterprise needs, available technological capabilities, and the conditions required for the sustainable operation of infrastructure facilities. The practical significance of the study lies in the potential application of the proposed approach to infrastructure policy design, project selection, reduction of unjustified duplication of capacities, and improvement of the effectiveness of technology infrastructure utilization.

Keywords: infrastructure solutions, high-technology production, technology infrastructure, industrial cooperation, engineering and technological support, industrial validation

Введение

В условиях ускоренного технологического развития высокотехнологичным предприятиям необходима инфраструктура для промышленного освоения результатов исследований и разработок, причем одной исследовательской базы для выполнения всех работ по проекту может оказаться недостаточно. Прежде всего речь идет о доступе к оборудованию для изготовления опытной продукции и проведения испытаний, подтверждающих ее соответствие установленным требованиям. При недоступности такого оборудования предприятию приходится привлекать дополнительных исполнителей, что сопряжено с пересмотром сроков подготовки производства и предусмотренных затрат.

С учетом обозначенной проблематики под инфраструктурой высокотехнологичного производства в статье понимается совокупность территориально размещенных и распределенных технологических ресурсов, специализированных компетенций и механизмов доступа к ним на стадиях разработки и освоения продукции. К инфраструктуре относятся не только оборудование и производственные мощности, но и услуги по выполнению необходимых предприятию работ. При этом не предполагается обязательного сосредоточения всех ресурсов на одной площадке: в зависимости от технологической задачи возможно привлечение организаций из других регионов. О фактической доступности соответствующих возможностей нельзя судить исключительно по наличию технопарка или центра коллективного пользования. Для содержательной оценки требуется установить, какие ранее недоступные предприятию работы могут быть выполнены с использованием инфраструктуры и в какой мере полученные результаты применимы в производстве [1-3].

В зарубежной литературе проблематика научно-технологических парков рассматривается во взаимосвязи с результатами деятельности размещенных на их территории компаний. Так, в обзоре 221 публикации А. Альбахари и соавторами не установлено однозначного положительного влияния технопарков на деятельность резидентов, поскольку оценки различаются в зависимости от характеристик компаний и инфраструктурных организаций [1]. Л. А. Сандовал Хамон и соавторы рассматривают развитие технопарков в контексте перехода от территориальной концентрации к открытым инновационным системам, основанным на устойчивом взаимодействии университетов и бизнеса [4]. Вместе с тем при оценке результатов такого взаимодействия необходимо учитывать региональную научную базу и отраслевую структуру, а также институциональные и финансовые условия, в которых осуществляется деятельность инфраструктурных организаций [5].

Применительно к распределенной научной инфраструктуре в исследованиях отдельно рассматривается сопровождение предприятий при использовании внешних ресурсов. Наряду с выбором оборудования может потребоваться помощь в постановке технологической задачи, определении методов ее решения и интерпретации полученных результатов [3]. В исследованиях инновационного посредничества и развития малого и среднего бизнеса доступ к внешнему оборудованию рассматривается в составе сопровождения производственного проекта. Помимо инженерных и консультационных услуг, в данном случае может потребоваться подготовка работников к использованию осваиваемой технологии в условиях конкретного предприятия [6-8].

В отечественных исследованиях при рассмотрении возможностей формирования высокотехнологичных кластеров особое внимание уделяется территориально-отраслевым предпосылкам, проанализированным С. П. Земцовым и соавторами [9]. Вместе с тем применительно к региональным инновационным стратегиям отмечается недостаточная проработанность процедур выбора приоритетов и привлечения внешней экспертизы [10]. В организационном отношении исследуются управление технопарками и межрегиональная кооперация с технологическими лидерами, в том числе с учетом наличия квалифицированных кадров и доступности научного оборудования [11-13]. Е. С. Куценко, в свою очередь, связывает устойчивость кластеров с сотрудничеством участников и отмечает риск их зависимости от бюджетной поддержки [14]. Здесь следует различать формальное объединение организаций и совместную проектную деятельность, для которой имеется внебюджетный спрос. Поэтому при характеристике региональных инфраструктурных ограничений необходимо рассматривать наличие объектов совместно с условиями предоставления услуг, включая их соответствие потребностям предприятий и организацию доступа к ресурсам через кооперационные связи.

Целью исследования является обоснование перспективных инструментов и механизмов инфраструктурного обеспечения локализации высокотехнологичных производств в Российской Федерации. Объект исследования – инфраструктурное обеспечение высокотехнологичной деятельности, а предмет – способы устранения дефицита технологических функций и условия их

практического применения. Инструментом в данном случае предлагается считать способ предоставления недостающей предприятию технологической функции для получения определенного результата на стадии разработки или освоения продукции. При характеристике механизма рассматривается, кем и на каких организационных и экономических условиях применяется такой способ поддержки.

Научная новизна исследования заключается в разработке функциональной системы инфраструктурных инструментов, сгруппированных по характеру ограничений, возникающих на стадиях разработки и освоения высокотехнологичной продукции. В отличие от описания инфраструктуры по типам организаций, в предложенной системе конкретизированы способы получения недостающего предприятию технологического результата. Создание материальной базы рассматривается совместно с предоставлением специализированных услуг и организацией кооперации, а не в качестве отдельного результата инфраструктурной поддержки.

Материалы и методы исследования

В методологическом отношении исследование выполнено с применением функционального подхода к технологической инфраструктуре и положений теории региональных инновационных систем, используемых для учета территориальных условий ее развития. На основе сравнительного анализа сопоставлены практики организации инфраструктуры и кооперации предприятий, включая сопровождение разработки и промышленной апробации продукции. Структурно-функциональный анализ применен для определения роли ресурсов, услуг и участников на отдельных стадиях производственного проекта. Отечественные и зарубежные публикации обобщены с точки зрения рассматриваемых в них инфраструктурных ограничений и организационных условий применения соответствующих инструментов.

Результаты исследования и их обсуждение

Инфраструктура полного технологического цикла

Под инфраструктурой полного технологического цикла в статье понимается совокупность ресурсов и услуг, необходимых для доведения разработок определенного технологического профиля от опытного образца до воспроизводимого малосерийного выпуска. В ее составе предусматриваются мощности для проектирования и прототипирования, последующей отработки технологии в опытном и демонстрационном производстве. Испытания и метрологическое обеспечение рассматриваются на соответствующих стадиях работ, а подготовка к подтверждению соответствия – с учетом требований к готовой продукции[1]. Конкретный состав оборудования определяется применительно к технологической последовательности изготовления изделия и результатам, необходимым для продолжения проекта. Допускается как сосредоточение ресурсов у одного оператора, так и их распределение между несколькими организациями.

При использовании инфраструктуры полного цикла принципиально важно рассматривать отдельные работы как части единого технологического проекта, а не как совокупность обособленных услуг. Для этого в общем техническом задании необходимо установить последовательность этапов и требования к продукции, с учетом которых определяются параметры промежуточных результатов. Координация возлагается на оператора инфраструктуры или специально назначенную инженерную группу с распределением ответственности между исполнителями. При участии нескольких организаций требуется дополнительно определить порядок передачи документации и проверки совместимости результатов. До начала очередного этапа должно быть подтверждено соответствие результатов предшествующих работ установленным критериям. В случае выявления отклонений допускается возвращение к ранее выполненным операциям, в том числе для корректировки конструкции изделия или технологических режимов. Изменения методов контроля качества и иных параметров работ оформляются документально в пределах исходного технического задания. Основные элементы полного технологического цикла и результаты их использования представлены в таблице.

При определении состава инфраструктуры полного цикла на уровне субъекта Российской Федерации необходимо сопоставить потребности предприятий с уже доступными технологическими возможностями. Для этого на основании перечня производственных проектов устанавливаются операции, которые невозможно выполнить собственными силами, и рассматриваются варианты их выполнения в регионе либо с привлечением организаций из других субъектов.

[1] European Commission. Technology Infrastructures // Research and Innovation. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/research-area/industrial-research-and-innovation/technology-infrastructures_en (дата обращения: 08.09.2026).

Функциональные элементы инфраструктуры
полного технологического цикла и результаты их использования

Функциональный элемент	Содержание работ и необходимые ресурсы	Результат и основание для последующих работ
Проектирование и технологическая подготовка	Проведение расчетов и моделирования, выбор материалов, разработка конструкции изделия, определение последовательности технологических операций и требований к контролю качества	Комплект конструкторской и технологической документации, содержащий параметры изделия, требования к материалам, операциям и контрольным характеристикам
Прототипирование	Изготовление деталей, монтаж и сборка опытного образца, первичная проверка принятых конструктивных решений, корректировка документации	Опытный образец, подтвержденные конструктивные решения и перечень изменений, необходимых для опытного изготовления
Опытное производство	Изготовление опытной партии, разработка оснастки, определение производственных режимов, отработка технологических операций и процедур контроля	Документированные технологические режимы, состав оснастки и последовательность операций, пригодные для проверки процесса в условиях, приближенных к промышленным
Демонстрационное производство	Выполнение технологического процесса в условиях и масштабе, приближенных к планируемому производству, оценка устойчивости режимов и потребности в ресурсах	Подтверждение достижимости установленных параметров процесса и продукции, уточненные требования к оборудованию, материалам и организации производства
Испытания и метрологическое обеспечение	Разработка и применение методик измерений, калибровка оборудования, проведение испытаний на последовательных этапах разработки, обеспечение метрологической прослеживаемости	Протоколы испытаний, подтвержденные характеристики изделия и данные для корректировки конструкции, технологических режимов и методов контроля
Подготовка к подтверждению соответствия	Определение применимых требований, формирование доказательной базы и технической документации, взаимодействие с аккредитованными испытательными лабораториями и органами по сертификации	Комплект документов, необходимый для оценки соответствия, и документы о соответствии продукции установленным требованиям
Выпуск малых серий	Изготовление нескольких последовательных партий, операционный контроль качества, оценка стабильности характеристик, трудоемкости и расхода материалов	Подтвержденная воспроизводимость производственного процесса и готовность к последующему увеличению объема выпуска

Примечание: составлено авторами.

Создание новых или модернизацию действующих мощностей следует обосновывать подтвержденной потребностью нескольких предприятий, учитывая также наличие ресурсов для последующей эксплуатации оборудования.

Инженерно-технологическое сопровождение предприятий

В составе инженерно-технологического сопровождения объединяются работы по выявлению производственных ограничений и разработке решения, пригодного для освоения в условиях конкретного предприятия. На основании диагностики действующего процесса определяются требования к результату, в соответствии с которыми обосновываются выбор технологии и необходимость ее адаптации. В техническом задании устанавливается состав расчетов и испытаний, по результатам выполнения которых подготавливается документация для внедрения. Ответственная инженерная группа участвует в проекте вплоть до подтверждения достигнутых производственных параметров, не ограничиваясь предоставлением отдельных консультационных услуг. По завершении сопровождения предприятие должно располагать освоенным технологическим решением и документацией, в которой определены условия его применения и порядок дальнейшей эксплуатации.

Особое значение инженерно-технологическое сопровождение имеет для малых и средних предприятий, не располагающих достаточными внутренними ресурсами для самостоятельного выполнения ком-

плексных технологических проектов [15;16]. В исследовании А. Спитховена и К. Ван Крикингена, выполненном на материалах бельгийских центров коллективных исследований, в качестве основного мотива обращения компаний выделен дефицит квалифицированных специалистов. Наряду с технологическими услугами в центрах предоставлялась информационная и нормативная поддержка, а также помощь в решении операционных задач. При этом установлена связь между получением технологической поддержки и улучшением рыночных результатов и эффективности деятельности предприятий [17]. Применительно к организации сопровождения необходимо учитывать не только решение текущей задачи, но и способность работников самостоятельно использовать и адаптировать освоенную технологию. Поэтому передача документации должна дополняться практической подготовкой сотрудников предприятия и их участием в испытаниях и внедрении.

В работе А. Барже-Хиля и А. Модрего на основе опроса 257 испанских предприятий и данных национального обследования инновационной деятельности рассмотрены технические и экономические результаты сотрудничества, а также инвестиционные и нематериальные эффекты. Для всех выделенных групп установлена положительная связь с тесным взаимодействием сторон, в том числе при временном включении специалистов в работу другой организации и формировании смешанных команд. Продолжительность сотрудничества имела значение для инвестиционных и нематериальных результатов. Для технических и экономических результатов отмечена значимость сочетания исследований и разработок с предоставлением технических, консультационных и образовательных услуг [18].

С учетом этого сопровождение целесообразно организовывать в форме поэтапного проекта, содержание и границы которого определяются на основании инженерного заключения. В техническом задании до начала разработки фиксируются исходное состояние производственного процесса и требуемые параметры результата с указанием условий применения решения. Отдельно определяются состав предоставляемых предприятием данных, ответственность сторон и критерии завершения этапов.

Развитие кооперации с участием технологических лидеров и на основе якорных проектов

При кооперации в высокотехнологичном производстве необходимо согласовывать работу предприятий и исследовательских организаций, располагающих взаимодополняющими компетенциями, с требованиями к конечной продукции. В статье технологическим лидером предлагается считать участника, ответственного за определение этих требований и объединение отдельных технических решений в готовое изделие. Таким участником может быть производитель конечной продукции или системный интегратор, способный организовать ее проектирование и выпуск, а также провести квалификацию поставщиков. Для научной либо образовательной организации участие в подобной роли возможно при принятии ответственности за конечный технический результат.

Предприятия и исследовательские организации могут объединяться для реализации якорного проекта, предварительно определив границы совместных работ и ожидаемый технический результат. В отличие от участия в постоянно действующем объединении предприятий, в данном случае сотрудничество осуществляется для разработки или локализации конкретного высокотехнологичного изделия, производственной технологии, подсистемы либо критически важного компонента. При подготовке проекта необходимо установить потребность в материалах и комплектующих, а состав участников определить с учетом инженерных работ, требуемых для получения конечного результата.

При подготовке программы развития поставщика необходимо установить, насколько его производственные возможности соответствуют требованиям технологического лидера. В отношении выпускаемой продукции оцениваются ее характеристики и устойчивость их воспроизведения, в том числе с учетом применяемых методов контроля качества. Дополнительно рассматривается способность поставщика обеспечить необходимый объем выпуска. По результатам оценки определяются мероприятия по устранению выявленных несоответствий и подготовке предприятия к квалификации. В зависимости от характера ограничений предусматривается доработка конструкции изделия или технологии изготовления с изменением производственной документации. Изготовление и испытание образцов при этом сочетаются с подготовкой работников к применению требуемых методов контроля.

В российской практике индивидуальная подготовка потенциальных поставщиков из числа субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется в рамках программ их развития. Так, в июне 2026 г. при поддержке Корпорации МСП были под-

писаны индивидуальные карты развития двух предприятий, отобранных с учетом потребностей промышленного холдинга. Для каждого из них предусмотрены меры поддержки и подготовка к заключению офсетного договора с последующим включением в производственную цепочку крупной компании[2]. В данном случае можно говорить об организационном оформлении индивидуальных программ, но не об оценке их долгосрочных результатов. Для высокотехнологичных проектов представляется обоснованной ориентация такой поддержки на освоение критически важных компонентов и технологий, а не исключительно на расширение числа предприятий, участвующих в поставках.

При завершении совместных инженерных работ необходимо подтвердить технические характеристики изготовленного образца и возможность их воспроизведения поставщиком. Для последующего выпуска продукции требуется комплект документации, подготовленный с учетом результатов проверки технического решения. Предоставление доступа к расчетной, испытательной и производственной базе в рамках поддержки совместного проекта обоснованно при освоении поставщиком технологий и компетенций, применимых за пределами первоначального заказа, в том числе в других производственных цепочках. На обычные договорные отношения по поставке продукции, не предусматривающие технологического развития предприятия, данную поддержку распространять не следует.

Инструменты формирования спроса и первой промышленной апробации

На стадии первоначального промышленного применения высокотехнологичной продукции изготовителем и потенциальным заказчиком оцениваются различные аспекты ее готовности. Разработчику требуется подтвердить работоспособность опытного образца и возможность его использования в действующем производственном процессе, а также повторного изготовления с заданными характеристиками. Потенциальный заказчик, даже будучи заинтересованным в новом решении, не всегда располагает достаточными основаниями для принятия рисков его первого применения. Поэтому финансирование разработки и проверку пригодности продукции с использованием испытательной инфраструктуры или в ходе опытной эксплуатации следует отличать от принятия обязательств по ее приобретению.

Дж. Эдлер и Л. Георгиу при рассмотрении государственных закупок обращают внимание на способность заказчика заблаговременно выявлять перспективные потребности и доводить их до сведения разработчиков. В данном случае наряду с объемом закупки существенное значение имеет содержание требований к будущей продукции [19]. По результатам опроса британских поставщиков государственного сектора, проведенного Э. Уяррой и соавторами, в числе препятствий для инноваций выделены недостаточное взаимодействие с заказчиками и чрезмерно подробное описание заранее выбранного решения вместо ожидаемого результата. Дополнительно отмечены недостаточная компетентность закупочных подразделений и неудовлетворительное распределение рисков между сторонами [20].

В российской практике дополнительно отмечается неоднородность трактовок инновационной продукции. Так, Д. В. Кашин и соавторы сопоставили открытые данные за 2018-2023 гг. о закупках готовой инновационной продукции и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Для заказчиков, действующих в разных правовых режимах, установлены различия в критериях инновационности, составе закупок и закупочной активности. Кроме того, выявлена связь между частотой таких закупок и организационно-правовой формой заказчика, предметом и ценой договора, а также способом определения поставщика [21]. При рассмотрении закупок как инструмента инфраструктурной поддержки важно устанавливать, какие именно результаты будут получены по договору и какие вопросы технической готовности решения остаются неразрешенными.

В отношении предкоммерческих закупок необходимо различать финансирование целевых НИОКР по технологической задаче заказчика и обязательство приобрести будущую продукцию. На материалах трех проектов в Нидерландах, Великобритании и Австралии Ч. Эдквистом и Х. М. Сабалой-Итурриагагоитиа такие закупки отнесены преимущественно к мерам развития предложения. Заказчик в данном случае финансирует получение новых знаний, изготовление прототипа или проверку технического решения [22]. Для приобретения самой продукции требуется отдельное обязательство заказчика, оформляемое посредством инновационной закупки либо первого квалифицированного заказа.

[2] МСП-поставщики при поддержке Корпорации МСП подписали индивидуальные карты развития на ПМЭФ // Корпорация МСП. 08.06.2026. URL: https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/msp-postavshchiki-pri-podderzhke-korporatsii-msp-podpisali-individualnye-karty-razvitiya-na-pmef-/ (дата обращения: 08.09.2026).

В случае инновационной закупки основные технические характеристики решения уже определены, однако для его применения требуется освоить выпуск в необходимом масштабе либо адаптировать продукцию к условиям заказчика. В отличие от финансирования НИОКР, речь идет о поставке и приемке решения, пригодного для использования по назначению. Поэтому при определении предмета договора, наряду с изготовлением продукции, необходимо учитывать работы по ее настройке и интеграции с действующим оборудованием. При наличии соответствующей потребности предусматриваются обучение работников и первоначальное техническое сопровождение.

К опытной эксплуатации допустимо приступать после подтверждения базовой безопасности и работоспособности решения, когда необходимо проверить его применение в действующем процессе будущего пользователя. В течение установленного периода продукция используется штатным персоналом в ограниченном масштабе, с учетом совместимости с имеющимся оборудованием и информационными системами. В качестве организационного примера можно рассмотреть московскую программу пилотного тестирования инновационных решений. Фондом «Московский инновационный кластер» осуществляется организационное, техническое и экспертно-аналитическое сопровождение. Со стороны площадки предусмотрено участие в оценке результатов и подготовке рекомендаций по внедрению[3].

Под первым квалифицированным заказом предлагается понимать первоначальное обязательство приобрести ограниченный объем продукции при условии подтверждения ее характеристик и готовности изготовителя к воспроизводимому выпуску. По сравнению с опытной эксплуатацией отдельного образца необходимо дополнительно оценить готовность предприятия к изготовлению установленного количества изделий. В заказе могут предусматриваться изготовление и квалификация первой промышленной партии с последующей поставкой пригодных к эксплуатации изделий либо поставка ограниченной партии после завершения квалификации.

Заключение

В результате исследования систематизированы инструменты инфраструктурного обеспечения высокотехнологичных производств в Российской Федерации с учетом ограничений, возникающих при разработке и промышленном освоении продукции. В качестве исходного основания их выбора предложено рассматривать недостающую предприятию технологическую функцию и результат, необходимый для продолжения производственного проекта. При таком понимании недостаточно оценивать инфраструктурное обеспечение по количеству созданных объектов и стоимости оборудования. С практической точки зрения требуется установить, может ли предприятие получить специализированные услуги у исполнителей необходимой квалификации и использовать результаты работ в производстве.

В составе предложенной системы выделены четыре взаимодополняющие группы инструментов. Применительно к инфраструктуре полного цикла предусмотрено доведение разработки до малосерийного выпуска, а при инженерно-технологическом сопровождении специалисты участвуют в подготовке и освоении решения непосредственно на предприятии. Технологический лидер в кооперации на основе якорного проекта принимает на себя ответственность за конечный продукт, причем развитие поставщиков рассматривается с учетом освоения ими новых технологий. При формировании спроса и проведении первой промышленной апробации разграничены финансирование НИОКР, проверка продукции в эксплуатации и подготовка первого квалифицированного заказа.

Оценку результативности предлагается проводить по завершенным производственным проектам, в которых освоена технология или организован выпуск продукции. Наряду с достижением технических параметров необходимо проверять воспроизводимость результата и соблюдение сроков выполнения работ. Применительно к инфраструктурным организациям дополнительно учитываются фактическая загрузка оборудования и условия поддержания его в эксплуатации, а не только ввод новых мощностей.

При реализации рассмотренных инструментов и механизмов следует учитывать риски избыточной ориентации на запросы крупных технологических лидеров в ущерб малым предприятиям, использования региональной инфраструктуры преимущественно для нужд отдельных якорных проектов и недостаточного финансирования эксплуатации созданных мощностей. Более подробная оценка этих рисков возможна в рамках последующих исследований с учетом опыта реализации конкретных проектов. Несмотря на это, реализация предложенных ин-

[3] О проведении пилотных тестирований инновационных решений в городе Москве: постановление Правительства Москвы от 27.05.2020 № 631-ПП (ред. от 18.03.2025). URL: https://www.mos.ru/upload/content/files/2b552d79304ffcce8e7c77de6d655d8f/0Post.pdf (дата обращения: 08.09.2026).

струментов имеет потенциал для развития инфраструктурных решений и расширения возможностей локализации высокотехнологичных производств.

Список литературы

1. Albahari A., Barge-Gil A., Pérez-Canto S., Landoni P. The effect of science and technology parks on tenant firms: a literature review // The Journal of Technology Transfer. 2023. Vol. 48. P. 1489-1531. DOI: 10.1007/s10961-022-09949-7.

2. Hellsmark H., Frishammar J., Söderholm P., Ylinenpää H. The role of pilot and demonstration plants in technology development and innovation policy // Research Policy. 2016. Vol. 45. № 9. P. 1743-1761. DOI: 10.1016/j.respol.2016.05.005.

3. Rüffin N. V., Cramer K. C. Research infrastructures as bottleneck resources: a pathway-based evaluation of support in challenge-driven access // EPJ Research Infrastructures. 2026. Vol. 10. Article 25. DOI: 10.1007/s41781-026-00178-3.

4. Sandoval Hamón L. A., Ruiz Peñalver S. M., Thomas E., Fitjar R. D. From high-tech clusters to open innovation ecosystems: a systematic literature review of the relationship between science and technology parks and universities // The Journal of Technology Transfer. 2024. Vol. 49. P. 689-714. DOI: 10.1007/s10961-022-09990-6.

5. Poonjan A., Tanner A. N. The role of regional contextual factors for science and technology parks: a conceptual framework // European Planning Studies. 2020. Vol. 28. № 2. P. 400-420. DOI: 10.1080/09654313.2019.1679093.

6. Howells J. Intermediation and the role of intermediaries in innovation // Research Policy. 2006. Vol. 35. № 5. P. 715-728. DOI: 10.1016/j.respol.2006.03.005.

7. Serrano-Ruiz J. C., Ferreira J., Jardim-Goncalves R., Ortiz Á. Relational network of innovation ecosystems generated by digital innovation hubs: a conceptual framework for the interaction processes of DIHs from the perspective of collaboration within and between their relationship levels // Journal of Intelligent Manufacturing. 2025. Vol. 36. P. 1505-1545. DOI: 10.1007/s10845-024-02322-5.

8. Shapira P., Youtie J., Kay L. Building capabilities for innovation in SMEs: a cross-country comparison of technology extension policies and programmes // International Journal of Innovation and Regional Development. 2011. Vol. 3. № 3/4. P. 254-272. DOI: 10.1504/IJIRD.2011.040526.

9. Земцов С. П., Баринова В. А., Панкратов А. А., Куценко Е. С. Потенциальные высокотехнологичные кластеры в российских регионах: от текущей политики к новым точкам роста // Форсайт. 2016. Т. 10. № 3. С. 34-52. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.34.52.

10. Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. Smart by oneself? An analysis of Russian regional innovation strategies within the RIS3 framework // Foresight and STI Governance. 2018. Vol. 12. № 1. P. 25-45. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.1.25.45.

11. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С., Бекулова С. Р. Анализ эффективности кластеров и технопарков как институтов развития высокотехнологичных отраслей экономики // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 3. С. 70-79. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-70-79.

12. Матвеев Д. А., Белоусов Д. Р., Ганичев Н. А., Солнцев О. Г. Экосистемный подход к реализации научно-технического потенциала регионов: обобщение международного опыта и уроки для России // Проблемы прогнозирования. 2026. № 1(214). С. 183-194. DOI: 10.47711/0868-6351-214-183-194.

13. Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of regional innovation in Russia: are people or capital more important? // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. № 2. P. 29-42. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.2.29.42.

14. Куценко Е. С. Пилотные инновационные территориальные кластеры России: модель устойчивого развития // Форсайт. 2015. Т. 9. № 1. С. 32-55. DOI: 10.17323/1995-459X.2015.1.32.55.

15. Строев П. В., Орлов С. Л. Взаимодействие малого и среднего предпринимательства и крупного бизнеса в России в современных геополитических условиях // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16. № 5. С. 3039-3060. DOI: 10.18334/epp.16.5.125051.

16. Строев П. В., Башкинова Р. В. Мировой опыт синергии креативного и промышленного секторов экономики и действующих мер поддержки // Вопросы инновационной экономики. 2026. Т. 16. № 2. С. 341-362. DOI: 10.18334/vinec.16.2.124838.

17. Spithoven A., Van Criekingen K. Beyond internal capacity: research and technology organizations as embedded system actors in low-tech manufacturing // Journal of Evolutionary Economics. 2026. Vol. 36. № 1. Article 10. DOI: 10.1007/s00191-025-00926-5.

18. Barge-Gil A., Modrego A. The impact of research and technology organizations on firm competitiveness. Measurement and determinants // The Journal of Technology Transfer. 2011. Vol. 36. P. 61-83. DOI: 10.1007/s10961-009-9132-4.

19. Edler J., Georghiou L. Public procurement and innovation—resurrecting the demand side // Research Policy. 2007. Vol. 36. № 7. P. 949-963. DOI: 10.1016/j.respol.2007.03.003.

20. Uyarra E., Edler J., Garcia-Estevez J., Georghiou L., Yeow J. Barriers to innovation through public procurement: a supplier perspective // Technovation. 2014. Vol. 34. № 10. P. 631-645. DOI: 10.1016/j.technovation.2014.04.003.

21. Кашин Д. В., Вилкова М. Н., Заворохина А. П., Петрова П. А., Подгоренко Ю. П., Тиллашайхов Д. Р. Государственные закупки инноваций в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 129-156. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-2-129-156.

22. Edquist C., Zabala-Iturriagagoitia J. M. Pre-commercial procurement: a demand or supply policy instrument in relation to innovation? // R&D Management. 2015. Vol. 45. № 2. P. 147-160. DOI: 10.1111/radm.12057.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета.

Financing: The article was prepared based on the results of research carried out with funds from the Scientific Fund of the Financial University.

УДК 338.43
DOI 10.17513/fr.44112

CC BY 4.0

РОЛЬ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Куликова Е. С., Кухарь В. С., Сабурова Л. В., Горбунова О. С.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный аграрный университет», Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

Малые формы хозяйствования сохраняют существенное значение для российского сельского хозяйства, однако изменение их совокупной доли не раскрывает различий между фермерским производством и хозяйствами населения. Цель исследования заключается в определении структурных изменений и продуктовой специализации этих категорий производителей. Информационную базу составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики за 2015–2024 гг. Применены сравнительный и динамический анализ, расчет долей, изменений структуры и вклада отдельных категорий хозяйств в производство основных продуктов. Научная новизна состоит в разграничении совокупного изменения расчетного контура малых форм и разнонаправленных процессов внутри него. Контур включает фермерские хозяйства с индивидуальными предпринимателями и хозяйства населения; малые юридические лица внутри сельскохозяйственных организаций отдельно не оценивались. Установлено, что доля указанного контура в стоимости сельскохозяйственной продукции сократилась с 46,0 до 39,5 %, тогда как доля фермерского производства увеличилась с 11,5 до 14,2 %. В 2024 г. хозяйства населения обеспечивали 59,1 % производства картофеля, фермерские хозяйства – 38,9 % семян подсолнечника. Показано, что снижение совокупной доли сочетается с сохранением выраженной продуктовой специализации. Практическая значимость результатов заключается в обосновании дифференцированной поддержки сбыта, кооперации и инфраструктуры. Стоимостная динамика не интерпретируется как измерение реального роста или экономической эффективности.

Ключевые слова: фермерство, хозяйства, производство, структура, кооперация, специализация, трансформация

THE ROLE OF SMALL-SCALE FARMING IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN RUSSIA: STRUCTURAL CHANGES AND ECONOMIC TRENDS

Kulikova E. S., Kukhar V. S., Saburova L. V., Gorbunova O. S.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University", Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

Small-scale farming retains a substantial role in Russian agriculture, although changes in its aggregate share conceal differences between peasant farms and household production. This study identifies structural changes and product specialisation within these producer categories. Official statistics for 2015–2024 are examined through comparative and dynamic analysis, output shares and changes in production structure. The contribution lies in distinguishing changes in an explicitly defined analytical group from divergent developments within that group. It comprises peasant farms, including individual entrepreneurs, and household farms; small legal entities classified as agricultural organisations are not estimated separately. The group's share in the monetary value of agricultural output declined from 46.0 to 39.5 percent, while the share of peasant farms increased from 11.5 to 14.2 percent. In 2024, household farms produced 59.1 percent of potatoes, whereas peasant farms accounted for 38.9 percent of sunflower seeds. Declining aggregate shares therefore coexist with pronounced product specialisation. The findings support differentiated approaches to marketing infrastructure, cooperation and public support. Changes in output value at current prices are not interpreted as evidence of real production growth or economic efficiency.

Keywords: farming, households, production, structure, cooperation, specialization, transformation

Введение

Многоукладность российского сельского хозяйства предполагает сосуществование производителей, различающихся масштабом деятельности, использованием семейного труда и степенью включенности в товарный обмен. Поэтому роль малых форм хозяйствования нельзя определить только через общий объем выпуска или число действующих хозяйств. Для экономического анализа существенны изменения структуры производства, распределение продуктовых ниш и соотношение предпринимательских и преимущественно семейных способов хозяйствования. Сокращение совокупной доли нескольких категорий еще не означает одинакового ослабления каждой из них.

Библиографический анализ показывает, что И. М. Куликов и И. А. Минаков рассматривают малые формы хозяйствования

как значимую составляющую аграрной экономики и связывают их перспективы с условиями развития производственного потенциала [1]. Р. Х. Адуков выделяет государственные функции и контрактацию в обеспечении деятельности малого агробизнеса [2]. А. В. Голубев соотносит развитие сельской экономики с состоянием сельских территорий и качеством жизни населения [3]. Эти позиции позволяют различать коммерческий результат отдельного производителя и более широкий эффект сохранения хозяйственной активности на селе.

О. В. Исаева подчеркивает неоднородность аграрной структуры и необходимость учитывать взаимодействие разных форм хозяйствования при выборе механизмов управления [4]. Исследование структурных сдвигов в деятельности фермеров и индивидуальных предпринимателей уточняет организационное измерение этих изменений [5]. Анализ их участия в производстве основных продуктов раскрывает отраслевые различия [6]. Следовательно, изменение места фермерства следует проверять одновременно по совокупной продукции и по отдельным продуктовым направлениям: усредненная доля способна скрывать специализацию, важную для региональных рынков.

В исследованиях институциональной трансформации развитие форм хозяйствования рассматривается в связи с изменением национальных целей и условий взаимодействия участников отрасли [7]. М. В. Муравьева, И. Л. Воротников и А. Ш. Ситалиев обосновывают необходимость устранения ограничений небольших производителей и усиления внимания к их государственной поддержке [8]. Для настоящего исследования эта позиция означает, что сокращение статистической доли не является достаточным основанием для уменьшения поддержки: требуется выяснить, какие категории и функции затронуты структурными изменениями.

Региональный анализ малых форм хозяйствования Амурской области раскрывает зависимость их развития от территориальных условий [9]. Исследование трансформации аграрного производства областей Центрального Черноземья показывает значимость пространственного контекста структурных процессов [10]. Рассмотрение государственного регулирования в условиях глобальных вызовов дополняет проблему институциональным измерением [11]. Перенос отдельных региональных выводов на российское сельское хозяйство требует осторожности: природные условия, продуктовые рынки и доступность инфраструктуры формируют неодинаковые возможности для расширения производства.

О. А. Рущицкая, Е. С. Куликова, Е. Н. Ялунина и Т. В. Зырянова выявляют разнонаправленность изменений выпуска по категориям хозяйств и возрастающее значение организационных сдвигов [12]. Исследование развития малых форм хозяйствования дополняет эту постановку вопросами сохранения многоукладности [13]. Анализ их положения в региональном агропромышленном комплексе связывает хозяйственные результаты с условиями кооперации и взаимодействия производителей [14]. Рассмотрение становления фермерства позволяет учитывать длительность организационных изменений [15]. Объединение этих подходов требует разграничить фермерскую предпринимательскую динамику и изменение производства населения.

Исследовательский пробел состоит в недостаточном разграничении общего структурного изменения и процессов внутри статистически объединяемых малых форм. Настоящая работа рассматривает их роль через разложение совокупной доли на фермерскую и семейную составляющие и последующее сопоставление продуктовых ниш. Такой подход позволяет уточнить экономический смысл наблюдаемой трансформации, сохраняя различие между организационной категорией производителя, размером хозяйства и эффективностью использования ресурсов. Принципиально также отделить статистическую видимость категории от ее общественного значения: небольшие денежные показатели семейного производства не позволяют непосредственно оценить его вклад в самообеспечение и сохранение сельского образа жизни.

Цель исследования – выявить структурные изменения роли малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве России за 2015–2024 гг., разграничив динамику фермерского производства и хозяйств населения и определив направления их продуктовой специализации, значимые для дифференциации аграрной политики.

Материалы и методы исследования

Информационную базу составили табл. 1.3 и 1.15 сборника Федеральной службы государственной статистики «Сельское хозяйство в России. 2025» и методологические пояснения Российского статистического ежегодника за 2025 г. Числовые ряды проверены по открытому электронному воспроизведению таблиц. Рассмотрены опубликованные данные за 2015–2024 гг.; для компактного представления структурных изменений использованы крайние

годы, продуктовая специализация оценена по состоянию на 2024 г. Оперативные оценки более поздних периодов не включались.

Крестьянские (фермерские) хозяйства, включая индивидуальных предпринимателей, далее обозначены как КФХ. Расчетный контур малых форм объединяет КФХ и хозяйства населения. Это организационный контур наблюдения, а не размерная классификация: КФХ неоднородны по масштабу, малые юридические лица внутри сельскохозяйственных организаций отдельно не выделялись. Последние поэтому не отождествлялись исключительно с крупным агробизнесом. Такой выбор обеспечивает воспроизводимость расчета, ограничивая полноту оценки всего малого сектора.

Стоимость продукции измерена в миллиардах рублей в фактически действовавших ценах. Доля категории рассчитана делением ее выпуска на выпуск хозяйств всех категорий с умножением на 100. Изменение долей выражено в процентных пунктах. Масштаб структурного сдвига определен как половина суммы абсолютных изменений долей трех непересекающихся категорий. Доли производителей отдельных продуктов использованы в процентах от натурального объема соответствующей продукции. Расчеты выполнены до округления до одного десятичного знака. Денежная динамика не трактовалась как изменение физического выпуска или рентабельности. Анализ является описательным; причинные эффекты поддержки и межрегиональная неоднородность не идентифицировались.

Результаты исследования и их обсуждение

Главный результат сравнения заключается в разнонаправленности изменений внутри расчетного контура малых форм. Фермерское производство усиливает долю в стоимости выпуска, тогда как хозяйства населения уступают часть относительных позиций. Объединение этих процессов в единый показатель создает впечатление однородного сокращения малого сектора. Однако такой вывод не объясняет, какие функции сохраняются за каждой категорией, и может привести к неверному выбору инструментов поддержки.

В табл. 1 сопоставлены стоимость продукции и доли организационных категорий в начале и конце наблюдаемого периода. Стоимостные показатели приведены в фактически действовавших ценах, поэтому отражают совместное воздействие количества продукции и цен. Отдельной строкой показана сумма выпуска КФХ и хозяйств населения. Она позволяет оценить расчетный контур малых форм, сохраняя возможность увидеть различия его составляющих и избежать подмены структурной динамики реальным ростом.

Таблица 1 показывает увеличение стоимости фермерской продукции с 551,1 млрд до 1327,8 млрд руб. при росте ее доли с 11,5 до 14,2 %. Для хозяйств населения стоимость выросла с 1654,9 млрд до 2374,2 млрд руб., но доля сократилась с 34,5 до 25,4 %. Следовательно, денежное увеличение выпуска может сопровождаться ослаблением относительных позиций. Расчетный контур малых форм увеличился с 2206,0 млрд до 3702,0 млрд руб., тогда как его доля снизилась с 46,0 до 39,5 %. Структурное перераспределение связано прежде всего с динамикой хозяйств населения. Рост доли сельскохозяйственных организаций с 54,0 до 60,5 % при этом не свидетельствует исключительно об усилении крупных предприятий: представленная категория включает организации разных размеров и не раскрывает распределение выпуска между ними.

Таблица 1

Стоимость и структура сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств

Категория	2015, млрд руб.	2024, млрд руб.	Доля 2015, %	Доля 2024, %
Сельскохозяйственные организации	2588,6	5659,1	54,0	60,5
Хозяйства населения	1654,9	2374,2	34,5	25,4
КФХ, включая индивидуальных предпринимателей	551,1	1327,8	11,5	14,2
Расчетный контур малых форм	2206,0	3702,0	46,0	39,5

Примечание: составлена авторами по данным Росстата. Сельское хозяйство в России. 2025. Таблица 1.3. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2025.pdf (дата обращения: 19.10.2026). Доли и расчетный контур – расчеты авторов до округления. Сумма долей может отличаться от 100 % вследствие округления.

Таблица 2

Доли категорий хозяйств в производстве отдельных продуктов в 2024 г.

Продукт	Сельскохозяйственные организации, %	Хозяйства населения, %	КФХ, включая индивидуальных предпринимателей, %
Зерно, вес после доработки	68,6	1,2	30,2
Семена подсолнечника	60,8	0,3	38,9
Картофель	24,4	59,1	16,5
Овощи	30,9	45,5	23,6
Молоко	60,9	30,7	8,5
Скот и птица на убой, убойный вес	84,2	12,7	3,1

Примечание: составлена авторами по данным Росстата. Сельское хозяйство в России. 2025. Таблица 1.15. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2025.pdf (дата обращения: 19.10.2026).

Расчет по неокругленным долям дает масштаб структурного сдвига 9,2 п. п. Этот показатель характеризует перераспределение стоимостных пропорций, не устанавливая непосредственного перемещения ресурсов между производителями. Различия ценовой динамики продуктовых направлений также способны влиять на доли. Поэтому обнаруженная трансформация требует проверки через натуральную структуру выпуска. Такая проверка особенно существенна для хозяйств населения: уменьшение их общего веса совместимо с сохранением значительных позиций в отдельных видах продовольствия.

Для определения продуктовых ниш в табл. 2 сопоставлены доли производителей в натуральном объеме отдельных продуктов за 2024 г. Отобраны зерно, подсолнечник, картофель, овощи, молоко и мясная продукция, представляющие разные производственные циклы. Сравнение проводится внутри каждого продукта, поэтому доли по разным строкам не суммируются. Такая конструкция показывает специализацию категорий хозяйств и позволяет проверить, насколько общий стоимостный показатель отражает их фактическое значение.

По табл. 2 хозяйства населения обеспечивали 59,1 % картофеля и 45,5 % овощей, тогда как КФХ – 16,5 и 23,6 % соответственно. Совместный вклад этих категорий достигал 75,6 % картофеля и 69,1 % овощей. В зерновом производстве распределение иное: доля КФХ составляла 30,2 %, хозяйств населения – 1,2 %. Для семян подсолнечника соответствующие значения равнялись 38,9 и 0,3 %. В животноводстве сельскохозяйственные организации производили 84,2 % скота и птицы на убой и 60,9 % молока. Хозяйства населения сохраняли 30,7 % молочного производства, КФХ – 8,5 %. Следовательно, небольшая совокупная доля определенной категории не исключает ее существенной роли в конкретном продукте. Особенно заметно это при сравнении зернового производства и картофелеводства. Эти соотношения характеризуют производство, но не показывают товарность, прибыльность или устойчивость каналов реализации.

Сопоставление таблиц позволяет говорить о дифференциации хозяйственных функций. Фермерская категория заметно участвует в зерновом производстве и выращивании подсолнечника, хозяйства населения сохраняют значительную роль в картофелеводстве и овощеводстве. Однако принадлежность продукта к определенной категории не доказывает направление его использования. Часть продукции населения потребляется внутри семьи, часть реализуется; опубликованные доли выпуска не позволяют установить соответствующие пропорции. Поэтому вклад в продовольственное обеспечение необходимо отличать от доли организованного товарного рынка.

Полученные наблюдения согласуются с рассмотренными исследованиями многоукладности и институционального развития. Их дополнительное содержание состоит в том, что изменение общего веса малых форм обусловлено неодинаковыми процессами внутри расчетного контура. Увеличение фермерской доли совместимо с уменьшением совокупного показателя. Следовательно, сохранение хозяйств населения и развитие предпринимательского фермерства требуют разных критериев оценки. Для первой категории существенны доступность ресурсов и возможность реализации излишков, для второй – устойчивость договоров, инфраструктура хранения и возможность формирования товарных партий.

Практическое следствие заключается в переходе от одинаковой поддержки организационных категорий к учету их производственных задач. Кооперация может уменьшать затраты на сбор, сортировку и перевозку небольших партий, однако ее результат зависит от реальной загрузки инфраструктуры и наличия покупателей. Поддержку целесообразно оценивать по изменению затрат, потерь и устойчивости сбыта, дополняя эти показатели результатами для сельской занятости. Представленные данные обосновывают направления такой диагностики, но не измеряют эффективность конкретных программ. Для ее проверки необходимы сведения об участниках поддержки, затратах, продажах и сопоставимой группе производителей.

Заключение

Исследование показывает, что изменение роли малых форм хозяйствования представляет собой внутренне неоднородную трансформацию. Снижение доли расчетного контура сочетается с усилением фермерской составляющей и сохранением хозяйств населения в продуктовых нишах. Научный вклад состоит в раздельной интерпретации общего структурного сдвига и разнонаправленной динамики его составляющих, дополненной проверкой специализации по натуральным показателям.

Для аграрной политики это означает необходимость согласовывать поддержку с функциями производителей. Развитие предпринимательского фермерства связано с устойчивостью сбыта и доступностью инфраструктуры, тогда как сохранение семейного производства требует учета самообеспечения и возможностей реализации излишков. Универсальный показатель совокупной доли не позволяет оценить выполнение обеих задач.

Проверяемость результатов обеспечивается раскрытием исходной стоимости продукции, базы расчета долей и продуктовых пропорций. При этом валидация арифметики не устраняет ограничений статистического охвата. Расчетный контур не включает отдельно малые юридические лица внутри сельскохозяйственных организаций и не является размерной классификацией. Стоимостные изменения отражают влияние цен, натуральные доли не характеризуют товарность и рентабельность. Дальнейшее исследование должно объединить сведения о выпуске, ресурсах, реализации и участии производителей в кооперации. Такая база позволит проверить, какие организационные решения обеспечивают устойчивое развитие разных категорий хозяйств, а какие лишь изменяют распределение выпуска между ними.

Список литературы

1. Kulikov I. M., Minakov I. A. Development of Small forms of Farming in the Agricultural Sector: Trends and Outlook // Bioscience Biotechnology Research Communications. 2021. Vol. 14. Is. 3. P. 948–955. DOI: 10.21786/bbrc/14.3.7.

2. Адуков Р. Х. Функции государства по развитию малых форм хозяйствования и контрактации в АПК // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2025. № 12. С. 140–150. DOI: 10.33938/2512-140.

3. Голубев А. В. Влияние сельской экономики на развитие сельских территорий // АПК: экономика, управление. 2025. № 4. С. 108–114. DOI: 10.33305/254-108.

4. Исаева О. В. Аграрная структура Ростовской области: уровень развития и механизмы управления // Аграрный вестник Урала. 2021. № 11 (214). С. 80–90. DOI: 10.32417/1997-4868-2021-214-11-80-90.

5. Кекелева С. В. Структурные сдвиги в аграрном секторе в деятельности фермеров и индивидуальных предпринимателей // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 1. С. 66–71. DOI: 10.32651/211-66.

6. Кекелева С. В. Тенденции и роль крестьянских (фермерских) хозяйств в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 2. С. 52–58. DOI: 10.32651/212-52.

7. Максимова Т. П., Зинчук Г. М. Развитие форм хозяйствования в сельском хозяйстве РФ в контексте институциональной трансформации и новых национальных целей // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 10. С. 22–33. DOI: 10.32651/2510-22.

8. Муравьева М. В., Воротников И. Л., Ситалиев А. Ш. Проблемы и перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств и сельских индивидуальных предпринимателей в России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2023. Т. 16. № 1 (76). С. 243–257. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2023_1_243.

9. Пашина Л. Л., Реймер В. В., Зияйдинов У. Ю. Малые формы хозяйствования в аграрном секторе Амурской области: анализ развития // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 4 (382). С. 31–36. DOI: 10.24412/2587-6740-2021-4-31-36.

10. Прибыткова И. И. Трансформационные процессы структуры аграрного производства областей ЦЧР // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 4. С. 51–54. DOI: 10.32651/214-51.

11. Решетникова Н. В. Особенности государственного регулирования малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса в условиях глобальных вызовов и угроз // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65. № 2. С. 811–826. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_23.

12. Рущицкая О. А., Куликова Е. С., Ялунина Е. Н., Зырянова Т. В. Структурные сдвиги и динамика производства сельскохозяйственной продукции в разрезе категорий хозяйств // Аграрный вестник Урала. 2025. Т. 25. № 7. С. 1143–1152. DOI: 10.32417/1997-4868-2025-25-07-1143-1152.

13. Старкова О. Я. Развитие малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве // Аграрный вестник Урала. 2021. № 7 (210). С. 93–100. DOI: 10.32417/1997-4868-2021-210-07-93-100.

14. Терновых К. С., Попкова Е. В., Кучеренко О. И. Малые формы хозяйствования в системе регионального АПК // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2021. Т. 14. № 4 (71). С. 93–100. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2021_4_93.

15. Уколова Н. В., Голубева А. А., Дозоров А. С. Становление крестьянских (фермерских) хозяйств и тенденции их развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2025. № 4 (122). С. 119–127. DOI: 10.33938/254-119.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 330.101.541:622
DOI 10.17513/fr.44113

CC BY 4.0

ДОБЫЧА МЕДИ В РОССИИ И ЕЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Курилова А. А. ORCID ID 0000-0002-1943-5675,
Савенков Л. Д. ORCID ID 0000-0002-0912-4048

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет», Тольятти, Российская Федерация, e-mail: aakurilova@yandex.ru

Добыча меди играет важную роль в развитии российской металлургической промышленности и во многом зависит от изменений внешнеэкономической конъюнктуры. Целью исследования является оценка влияния мировых цен на медь, курса доллара США и инвестиций в основной капитал на динамику добычи меди в России в 2006–2024 гг. Информационную базу исследования составили официальные статистические данные о добыче меди, мировых ценах на металл, валютном курсе и инвестиционной активности. В работе использованы методы описательной статистики, корреляционного и регрессионного анализа, тесты стационарности Дики – Фуллера, модели векторной авторегрессии (VAR), тесты причинности Грейнджера. Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь между объемом добычи меди и курсом USD/RUB (r = 0,854), тогда как связь с мировой ценой меди была положительной, но существенно слабее (r = 0,298). В линейной и log-log моделях, оцененных в уровнях показателей, статистически значимый коэффициент получен только для курса USD/RUB. Тестирование временных рядов выявило нестационарность добычи, мировой цены и валютного курса в уровнях, а наличие коинтеграционной связи между ними не подтвердилось. Тесты причинности Грейнджера и VAR(1), построенная на первых логарифмических разностях, также не выявили статистически значимых краткосрочных связей на 5 %-м уровне. Научная новизна исследования состоит в выявлении различий между зависимостями добычи меди от мировых цен, валютного курса и инвестиционной активности, наблюдаемыми в уровнях показателей, и их краткосрочным динамическим взаимодействием применительно к российской медной промышленности. Полученные результаты могут быть использованы при разработке отраслевых стратегий, прогнозировании динамики добычи и формировании мер промышленной политики.

Ключевые слова: добыча меди, валютный курс, инвестиции в основной капитал, регрессионный анализ, причинность Грейнджера

COPPER MINE PRODUCTION IN RUSSIA AND ITS MACROECONOMIC FACTORS

Kurilova A. A. ORCID ID 0000-0002-1943-5675,
Savenkov L. D. ORCID ID 0000-0002-0912-4048

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolyatti State University", Tolyatti, Russian Federation, e-mail: aakurilova@yandex.ru

Copper mining plays a vital role in the development of Russia's metallurgical industry and is heavily influenced by fluctuations in external economic conditions. This study aims to assess the impact of global copper prices, the USD/RUB exchange rate, and fixed capital investment on copper mining output in Russia from 2006 to 2024. The research relies on official statistical data regarding copper production, global metal prices, exchange rates, and investment activity. Methodologically, the study employs descriptive statistics, correlation and regression analysis, Dickey-Fuller stationarity tests, vector autoregression (VAR) models, and Granger causality tests. Correlation analysis revealed a strong positive relationship between copper production volume and the USD/RUB exchange rate ($r=0.854$), whereas the correlation with global copper prices, while positive, was significantly weaker ($r=0.298$). In linear and log-log models estimated using variable levels, a statistically significant coefficient was obtained only for the USD/RUB exchange rate. Time-series testing indicated non-stationarity in production, global prices, and exchange rates at the level stage, and no cointegration relationship was confirmed among them. Granger causality tests and a VAR(1) model based on first log-differences likewise failed to reveal statistically significant short-term relationships at the 5 % significance level. The study's scientific novelty lies in identifying the differences between the dependencies of copper mining on global prices, exchange rates, and investment activity – as observed in variable levels – and their short-term dynamic interactions within the context of the Russian copper industry. The results obtained can be used in developing industry strategies, forecasting production dynamics, and formulating industrial policy measures.

Keywords: copper mine production, exchange rate, investments in fixed assets, regression analysis, Granger causality

Введение

Медь является одним из основных цветных металлов современной экономики и играет важную роль в развитии промышленности, энергетики, транспортной инфраструктуры и высокотехнологичных отраслей.

Вопрос о реакции предложения меди на изменение мировых цен занимает важное место в исследованиях рынка цветных

металлов. Классическая эконометрическая модель мировой медной промышленности F. Fisher и соавт. показала существенные различия между краткосрочной и долгосрочной ценовой эластичностью предложения в основных странах-производителях: возможности быстрого изменения объемов добычи ограничены, тогда как на более длительном горизонте производители способны адаптировать мощности к изменению рыночной конъюнктуры [1]. Современные исследования в целом подтверждают наличие такого временного различия. M. Stuermer на основе данных о мировой добыче меди за 1880–2020 гг. установил, что положительный глобальный шок спроса, сопровождающийся повышением реальной цены меди, вызывает последующее увеличение производства, причем наиболее выраженная реакция формируется с временным лагом [2]. L. Boer и соавт. также показали, что предложение меди значительно менее эластично по цене в краткосрочном периоде, чем на длительном временном горизонте [3].

Литература не позволяет рассматривать положительную краткосрочную реакцию добычи на повышение цены как универсальную закономерность. B. Jordan, используя панельные данные 113 рудников в 30 странах, не обнаружил статистически значимой собственной ценовой эластичности предложения меди [4]. V. Fernandez при исследовании циклов производства и цен промышленных металлов показала, что ценовые колебания характеризуются значительно большей амплитудой, чем изменения физического выпуска, а циклы цен и добычи синхронизированы лишь частично [5]. Для вторичного предложения меди X. Fu и соавт. также получили низкую ценовую эластичность [6]. Более поздние оценки рынка невозобновляемых минеральных ресурсов подтверждают, что краткосрочная реакция предложения на изменение цен остается ограниченной по сравнению с долгосрочной [7].

Одним из объяснений такой инерционности является капиталоемкость медной промышленности и длительность реализации инвестиционных проектов. V. Marmer и M. Slade при исследовании входа новых предприятий в мededобывающую промышленность США показали принципиальное значение фактора временного разрыва между принятием инвестиционного решения и началом эксплуатации соответствующих мощностей [8]. F. Auger и J. Guzmán на данных по медным рудникам также выделили существенное значение выбора времени инвестирования и производственной мощности для долгосрочной эффективности проектов [9].

Наряду с мировыми ценами и инвестициями существенное значение для экспортно ориентированных сырьевых отраслей может иметь валютный курс. Его влияние потенциально носит разнонаправленный характер. Ослабление национальной валюты увеличивает внутренний эквивалент экспортной выручки и способно улучшать ценовую конкурентоспособность производителей, однако одновременно повышает стоимость импортируемого оборудования, технологий и других инвестиционных ресурсов. Для российской экономики C. Gianella и C. Chanteloup выявили долгосрочную реакцию объемов российского нетопливного экспорта на изменение реального валютного курса [10]. I. Tarasenko, исследуя российскую торговлю по отдельным товарным категориям, не обнаружила статистически значимого воздействия волатильности валютного курса на торговлю рудами и металлами [11].

Неоднозначность валютного канала подтверждается и результатами исследований других экономик и отраслей. O. Ozcelebi и N. Yildirim исследовали взаимосвязь валютных курсов и различий в динамике промышленного производства в парах Турция – Германия и Турция – Россия, показав преимущественно временный характер реакции рассматриваемых показателей на номинальные валютные шоки [12]. A. Habibi, используя нелинейную ARDL-модель для отраслей экономики США, не обнаружил статистически значимой реакции горнодобывающего сектора на изменение валютного курса [13]. Наличие экспортной ориентации отрасли само по себе не означает непосредственной и устойчивой реакции физического выпуска на изменение обменного курса.

Исследования конкурентоспособности крупнейших производителей медной продукции показывают существенную неоднородность положения компаний и значение производственно-экономических характеристик для их конкурентных позиций [14]. Ценовую эластичность предложения меди исследовала также S. Shojaeinia, которая на данных рынка меди США за 1990–2020 гг. установила, что долгосрочная ценовая эластичность предложения меди остается небольшой, хотя и является статистически значимой [15]. Даже в долгосрочном периоде количественная реакция предложения меди на изменение цен остается ограниченной.

Недостаточно изученным остается вопрос о том, как мировая цена меди, валютный курс и инвестиционная активность соотносятся непосредственно с динамикой добычи меди в России и сохраняются ли зависимости, наблюдаемые в уровнях показателей, после учета временных свойств данных.

Цель исследования – оценка взаимосвязи мировых цен на медь, курса доллара США и инвестиций в основной капитал с динамикой добычи меди в России в 2006–2024 гг., а также в проверке наличия краткосрочных динамических связей между исследуемыми показателями.

Научная новизна исследования состоит в выявлении различий между зависимостями добычи меди от мировых цен, валютного курса и инвестиционной активности, наблюдаемыми в уровнях показателей, и их краткосрочным динамическим взаимодействием применительно к российской медной промышленности.

Для достижения поставленной цели проверяются следующие исследовательские гипотезы:

H1. Между мировой ценой меди и объемом ее добычи в России существует положительная статистическая связь, выраженность которой различается между моделями в уровнях показателей и краткосрочными динамическими спецификациями.

H2. Характер статистической связи между валютным курсом и добычей меди в России различается между моделями в уровнях показателей и краткосрочными динамическими спецификациями.

H3. Текущая инвестиционная активность не демонстрирует статистически значимой краткосрочной связи с добычей меди; одним из возможных объяснений может выступать временной разрыв между осуществлением капиталовложений и изменением производственных мощностей.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при разработке стратегий развития предприятий медной промышленности, оценке влияния внешнеэкономических факторов на отрасль и формировании мер промышленной политики в условиях нестабильной мировой конъюнктуры.

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили годовые данные за 2006–2024 гг. Выбор годовой периодичности обусловлен доступностью сопоставимого ряда данных о добыче меди в пересчете на содержание металла за весь рассматриваемый период и позволяет согласовать периодичность показателя добычи с используемыми макроэкономическими переменными. В настоящем исследовании в качестве показателя производства меди используется объем добычи меди в пересчете на содержание металла (mine production, metal content), тыс. т. Данные о добыче меди в России получены из базы Statbase, сформированной на основе статистики British Geological Survey (BGS). Показатель характеризует добычу медных руд и концентратов в пересчете на содержание металла и выражен в тыс. т. Данные о мировых ценах на медь получены из World Bank Commodity Price Data (The Pink Sheet); использовалась среднегодовая номинальная цена меди в долл. США за метрическую тонну. Среднегодовой курс доллара США к российскому рублю (руб./долл. США) рассчитан авторами на основе официальных данных Банка России. В качестве показателя инвестиционной активности использован индекс физического объема инвестиций в основной капитал Росстата, выраженный в процентах к предыдущему году и рассчитанный в сопоставимых ценах [16–19].

Тесты причинности Грейнджера проводились в парных спецификациях, включающих лаг зависимой переменной и лаг соответствующего объясняющего показателя. VAR(1), напротив, оценивалась как многомерная система, одновременно включающая первые логарифмические разности добычи меди, мировой цены меди и курса USD/RUB. Поэтому значения статистик и p-value коэффициентов VAR не обязаны совпадать с результатами парных тестов причинности Грейнджера.

Автокорреляция остатков регрессионных моделей оценивалась с использованием статистики Дарбина – Уотсона. Стационарность логарифмированных временных рядов проверялась расширенным тестом Дики – Фуллера (ADF), а для проверки устойчивости выводов применялся тест Филлипса – Перрона (PP) с непараметрической поправкой Newey – West на возможную серийную корреляцию и гетероскедастичность остатков. Для нестационарных рядов рассчитывались первые логарифмические разности. Наличие долгосрочной связи между I(1)-переменными проверялось двухэтапным методом Энгла – Грейнджера с использованием специальных критических значений MacKinnon для residual-based cointegration test.

На первом этапе были рассчитаны показатели описательной статистики и проведен корреляционный анализ.

Линейная спецификация имела следующий вид:

$$Production_t = \beta_0 + \beta_1 Price_t + \beta_2 USD_t + \beta_3 Investment_t + \varepsilon_t,$$

где $Production_t$ – объем добычи меди в году t; $Price_t$ – мировая цена меди; USD_t – среднегодовой курс доллара США к российскому рублю; $Investment_t$ – индекс физического объема инвестиций в основной капитал; ε_t – случайная ошибка.

Динамические взаимосвязи между исследуемыми показателями анализировались с использованием векторной авторегрессионной модели VAR(1):

$$Y_t = A_0 + A_1 Y_{t-1} + \varepsilon_t,$$

где

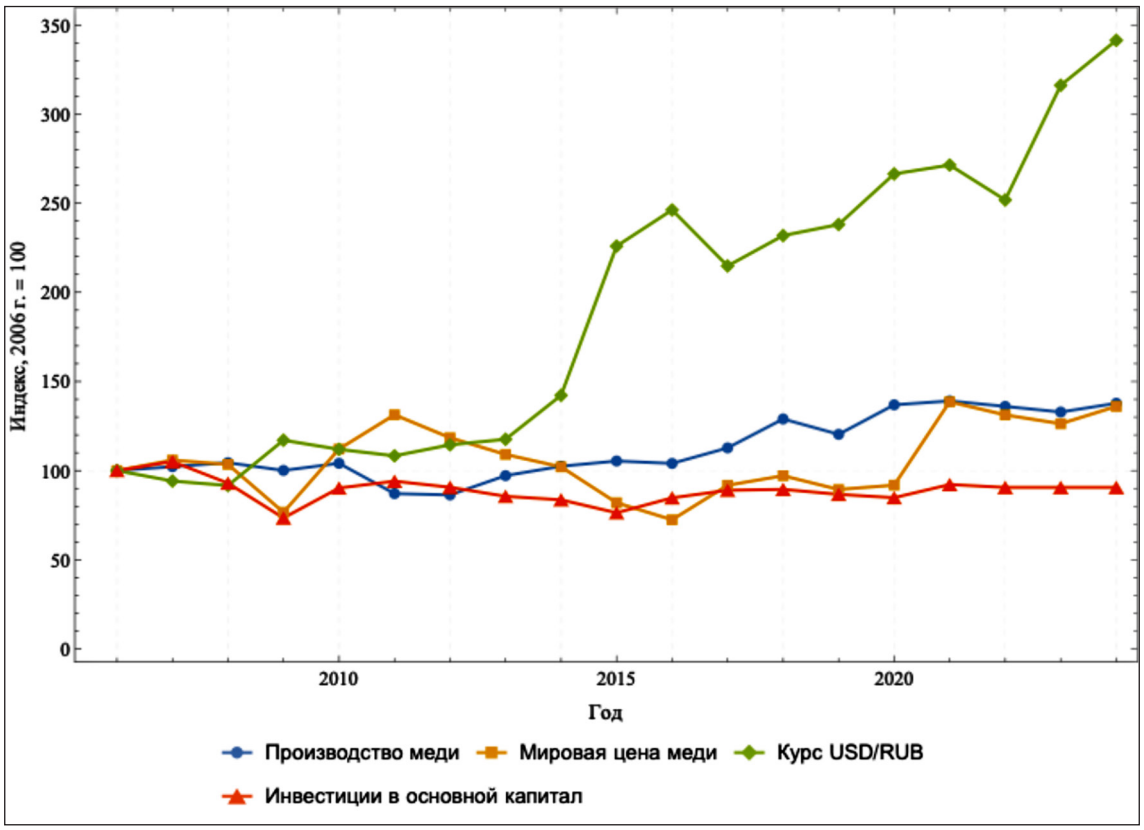
$$Y_t = \left(\Delta \ln Production_t, \Delta \ln Price_t, \Delta \ln USD_t\right)'.$$

Таким образом, вектор эндогенных переменных включает первые логарифмические разности добычи меди, мировой цены меди и курса USD/RUB. С учетом небольшой длины годовой выборки использовалась экономная спецификация VAR с одним лагом.

Дополнительно была оценена log-log регрессионная модель в уровнях показателей, позволяющая представить статистические взаимосвязи между переменными в относительном масштабе. Краткосрочные прогнозные взаимосвязи исследовались с помощью тестов причинности Грейнджера и модели VAR(1). Все расчеты выполнены в программной среде Wolfram Mathematica 13.3.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2006–2010 гг. объем добычи меди оставался относительно стабильным и находился в диапазоне 675,0–705,0 тыс. т. Существенное сокращение наблюдалось в 2011–2012 гг., причем минимальное за исследуемый период значение было зафиксировано в 2012 г. и составило 582,9 тыс. т. В последующие годы объем добычи начал восстанавливаться и к 2017 г. достиг 761,1 тыс. т. Динамика добычи меди, мировых цен на медь, курса доллара США и инвестиций в основной капитал представлена на рисунке.

Динамика добычи меди, мировой цены меди, курса USD/RUB и индекса физического объема инвестиций в основной капитал в России в 2006–2024 гг. (2006 г. = 100)
Примечание: составлен авторами по данным Statbase/British Geological Survey (добыча меди), World Bank Commodity Price Data (The Pink Sheet) (мировая цена меди), Банка России (USD/RUB) и Росстата (индекс физического объема инвестиций в основной капитал)

Несмотря на снижение цен на медь в 2015–2016 гг. до уровня менее 5500 долл. за тонну, объемы добычи сохранили относительную устойчивость. Одновременно происходило значительное ослабление рубля: средний курс доллара вырос с 38,6 руб. в 2014 г. до 66,8 руб. в 2016 г.

Наиболее быстрый рост добычи меди наблюдался после 2017 г. Выпуск увеличился с 761,1 тыс. т в 2017 г. до 938,8 тыс. т в 2021 г. Данный период характеризовался благоприятной ценовой конъюнктурой мирового рынка и относительно стабильным уровнем инвестиций в основной капитал. В 2021 г. среднегодовая цена меди достигла 9317 долл. за тонну, что стало одним из максимальных значений за весь исследуемый период.

Корреляционный анализ показал сильную положительную связь между объемом добычи меди и курсом USD/RUB (r = 0,854). Связь с мировой ценой меди была положительной, но существенно слабее (r = 0,298), тогда как корреляция с индексом физического объема инвестиций в основной капитал была практически нулевой (r = −0,004). Диагностика мультиколлинеарности с использованием VIF также не выявила выраженной проблемы – значения VIF составили 1,520 для мировой цены меди, 1,182 для USD/RUB и 1,538 для индекса физического объема инвестиций в основной капитал.

Для оценки влияния макроэкономических факторов на объемы добычи меди была построена множественная линейная регрессионная модель, включающая мировые цены на медь, курс доллара США и инвестиции в основной капитал. Полученная модель обладает высокой объясняющей способностью (R^2 = 0,764). Результаты оценки множественной линейной регрессионной модели представлены в табл. 1.

Статистика Дарбина – Уотсона для линейной модели составила 1,106, а для log-log спецификации – 1,009. Данные значения указывают на возможность положительной автокорреляции остатков и являются основанием для осторожной интерпретации регрессий, оцененных в уровнях показателей. Среди включенных переменных статистически значимым оказался только курс доллара США. Экономически это может быть обусловлено экспортной ориентацией российской медной промышленности. Положительная связь может отражать влияние валютных условий на рублевую выручку экспортно ориентированных производителей.

Таблица 1

Результаты множественного линейного регрессионного анализа факторов добычи меди в России

Переменная	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	t-статистика	p-value
Константа	267,76	204,748	1,308	0,211
Цена меди, долл. США/т	0,006	0,014	0,438	0,668
Курс USD/RUB, руб./долл. США	4,625	0,724	6,386	< 0,001
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году	2,016	2,186	0,922	0,371

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 2

Описательная статистика исследуемых переменных

Переменная	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Добыча меди, тыс. т	759,584	705	118,838	582,9	938,8
Цена меди, долл. США/т	7131,61	6955,88	1347,99	4867,9	9317,05
Курс USD/RUB, руб./долл. США	51,447	58,3	22,396	24,87	92,66
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году	104,811	106,3	8,462	86,5	123,8

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 3

Результаты тестирования временных рядов на единичный корень

Переменная	ADF, уровень, p-value	ADF, Δ, p-value	PP Z(t), уровень	PP Z(t), Δ	Порядок интегрированности
ln(Production)	0,827	0,001	−0,525	−4,465***	I(1)
ln(Price)	0,163	0,002	−1,952	−4,268***	I(1)
ln(USD/RUB)	0,917	0,006	−0,213	−3,814***	I(1)
ln(Investment)	0,031	0,001	−3,091**	−4,614***	I(0)

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

ADF – расширенный тест Дики – Фуллера; PP – тест Филлипса – Перрона. Для PP использована спецификация с константой без детерминированного тренда и поправка Newey – West с ядром Bartlett; bandwidth = 2. ** и *** обозначают отклонение нулевой гипотезы о наличии единичного корня на уровнях значимости 5 и 1 % соответственно.

Коэффициент при мировых ценах на медь оказался положительным (0,006), однако статистически незначимым (p = 0,668). Аналогично инвестиции в основной капитал продемонстрировали положительный, но статистически незначимый эффект (коэффициент 2,016; p = 0,371). Связь с объемом добычи меди статистически не подтверждается.

Описательная статистика исследуемых переменных приведена в табл. 2.

Средняя мировая цена меди составила 7131,6 долл. за тонну, при этом диапазон колебаний был значительным – от 4867,9 до 9317,1 долл. за тонну. Средний курс доллара за период равнялся 51,45 руб., однако его стандартное отклонение составило 22,40 руб., что отражает высокую валютную волатильность. Инвестиции в основной капитал были более устойчивыми: среднее значение составило 104,8, медиана – 106,3, а стандартное отклонение – 8,46.

В качестве проверки устойчивости результатов был применен тест Филлипса – Перрона (PP). Для добычи меди, мировой цены и курса USD/RUB PP-тест подтвердил результаты ADF. Гипотеза о наличии единичного корня не отвергалась для уровней рядов, тогда как первые разности являлись стационарными. В качестве проверки устойчивости результатов ADF дополнительно применялся тест Филлипса – Перрона (PP). Совместные результаты тестирования представлены в табл. 3.

Результаты теста Филлипса – Перрона подтверждают выводы ADF. Для логарифмов добычи меди, мировой цены меди и курса USD/RUB нулевая гипотеза о наличии единичного корня не отвергается в уровнях, тогда как после первого дифференцирования она отвергается на 1 %-м уровне. Данные переменные классифицируются как интегрированные первого порядка, I(1). Для логарифма индекса инвестиционной активности нулевая гипотеза отвергается уже в уровнях на 5 %-м уровне, что соответствует классификации I(0). Таким образом, результаты ADF и PP дают согласованную классификацию порядка интегрированности исследуемых рядов.

Поскольку логарифмы добычи меди, мировой цены и курса USD/RUB являются нестационарными в уровнях и стационарными в первых разностях, наличие долгосрочной равновесной связи между ними проверялось с использованием двухэтапного подхода Энгла – Грейнджера. Показатель инвестиционной активности в коинтеграционное уравнение не включался, поскольку результаты ADF- и PP-тестов указывают на его стационарность в уровнях, то есть интегрированность порядка I(0), тогда как процедура Энгла – Грейнджера в данном исследовании применяется к переменным, классифицированным как I(1).

На первом этапе было оценено коинтеграционное уравнение для логарифмов добычи меди, мировой цены меди и курса USD/RUB с константой и без временного тренда. На втором этапе была проведена проверка единичного корня в остатках уравнения. Residual ADF-регрессия оценивалась без константы и временного тренда, без дополнительных лагов первых разностей. Полученная статистика составила $\tau = -2{,}197$, что является менее отрицательным значением по сравнению с критическими значениями MacKinnon −5,190, −4,245 и −3,809 для уровней значимости 1, 5 и 10 % соответственно. Нулевая гипотеза об отсутствии коинтеграции не отвергается даже на 10 %-м уровне. Статистически подтвержденная долгосрочная коинтеграционная связь между добычей меди, мировой ценой и курсом USD/RUB не выявлена. Корректность динамической

спецификации была проведена на основе проверки устойчивости VAR(1) и выполнена диагностика остатков отдельных уравнений системы. Модули собственных значений матрицы коэффициентов составили 0,358; 0,358 и 0,088; все они находятся внутри единичного круга, что свидетельствует об устойчивости оцененной VAR(1). Для остатков каждого из трех уравнений были проведены одномерные тесты Ljung–Box на лагах 1–3. Во всех случаях нулевая гипотеза об отсутствии остаточной автокорреляции не отвергалась (\(p>0{,}05\)). Таким образом, проведенные диагностические проверки не выявили признаков серийной корреляции в остатках отдельных уравнений VAR(1).

Анализ краткосрочной прогнозной связи макроэкономических показателей с динамикой добычи меди был проведен на основе теста причинности Грейнджера с одним лагом. Нулевая гипотеза об отсутствии причинности по Грейнджеру не была отвергнута ни для одного из рассматриваемых показателей.

Для мировых цен на медь значение F-статистики составило 2,87 при p = 0,112. Несмотря на относительно более высокое значение F-статистики по сравнению с другими факторами, гипотеза о наличии причинности Грейнджера не подтверждается. Результаты теста причинности Грейнджера представлены в табл. 4.

Для анализа краткосрочной динамики была оценена VAR(1)-модель для первых логарифмических разностей добычи меди, мировой цены меди и курса USD/RUB. В табл. 5 представлены оценки уравнения изменения добычи меди.

В уравнении изменения добычи коэффициент при ее собственном лаге составил -0,063 (p = 0,799), а при лагированном изменении курса USD/RUB – -0,191 (p = 0,248); оба коэффициента статистически незначимы. Коэффициент при лагированном изменении мировой цены меди составил -0,256 и находился вблизи традиционного 5 %-го уровня значимости (p = 0,056), однако формально также не достиг его. При уровне значимости 5 % результаты VAR(1) не подтверждают статистически значимой краткосрочной связи лагированных изменений мировой цены и валютного курса с изменением добычи меди.

Построенная log-log регрессионная модель в уровнях показателей для оценки устойчивости представлена в табл. 6.

В log-log спецификации статистически значимым оказался только коэффициент USD/RUB (0,294; p < 0,001). Коэффициенты мировой цены и инвестиционной активности статистически незначимы. Модель характеризуется R^2 = 0,738 и скорректированным R^2 = 0,685.

Коэффициент при USD/RUB требует осторожной интерпретации. Логарифмы добычи меди и валютного курса являются нестационарными в уровнях, а проведенный тест Энгла – Грейнджера не подтвердил наличие коинтеграционной связи между добычей, мировой ценой и валютным курсом.

Таблица 4

Результаты теста причинности Грейнджера

Направление причинности	F-статистика	p-value
Цена меди → Добыча	2,87	0,112
Курс USD/RUB → Добыча	0,006	0,938
Инвестиции → Добыча	1,37	0,261

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 5

Результаты оценки VAR(1)-модели добычи меди

Переменная	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	t-статистика	p-value
Константа	0,035	0,022	1,629	0,127
Лаг добычи (lagProd)	-0,063	0,241	-0,26	0,799
Лаг цены меди (lagPrice)	-0,256	0,122	-2,102	0,056
Лаг курса USD/RUB (lagUSD)	-0,191	0,158	-1,209	0,248

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 6

Результаты log-log регрессионной модели взаимосвязи добычи меди и макроэкономических показателей

Переменная	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	t-статистика	p-value
Константа	3,336	1,285	2,596	0,020
Цена меди	0,063	0,133	0,470	0,645
USD/RUB	0,294	0,048	6,142	< 0,001
Инвестиции	0,344	0,324	1,062	0,305

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Поэтому оценку 0,294 не следует интерпретировать как устойчивую долгосрочную эластичность добычи по валютному курсу или как свидетельство причинного воздействия курса на добычу. Log-log модель в уровнях используется преимущественно для характеристики наблюдаемой в рассматриваемой выборке статистической взаимосвязи и ее сопоставления с результатами динамических спецификаций.

Исходная выборка включает только 19 годовых наблюдений, а использование первых разностей и лагированных переменных сокращает эффективный размер выборки. Поэтому отсутствие статистической значимости отдельных коэффициентов следует интерпретировать как отсутствие достаточных статистических свидетельств соответствующей краткосрочной связи в рассматриваемой выборке, а не как доказательство отсутствия экономической взаимосвязи.

Заключение

Проведенный анализ выявил различие между зависимостями, наблюдаемыми в уровнях показателей, и их краткосрочной динамикой. Наиболее выраженная связь с добычей меди обнаружена для курса USD/RUB: его коэффициент статистически значим в линейной и log-log моделях в уровнях. Однако добыча, мировая цена и валютный курс являются I(1), а тест Энгла – Грейнджера не подтверждает наличие коинтеграции. Поэтому выявленная связь валютного курса не рассматривается как устойчивый долгосрочный или причинный эффект.

В краткосрочных спецификациях статистически значимых связей курса USD/RUB с изменением добычи не выявлено. Для мировой цены результаты также не дают достаточных оснований говорить об устойчивой краткосрочной реакции добычи: причинность по Грейнджеру не подтверждается, а коэффициент лагированной цены в VAR(1), хотя и близок к 5 %-му уровню значимости, формально остается незначимым (p = 0,056). Это согласуется с представлением об инерционности физического предложения меди.

Статистически значимой краткосрочной связи инвестиционной активности с добычей также не обнаружено. Такой результат может отражать длительность инвестиционного цикла в горнодобывающей промышленности и агрегированный характер используемого показателя.

Интерпретация результатов ограничена небольшой выборкой из 19 годовых наблюдений. Поэтому отсутствие статистической значимости рассматривается как отсутствие достаточных свидетельств связи в имеющихся данных, а не как доказательство ее отсутствия. Дальнейшие исследования целесообразно проводить на более детализированных отраслевых и корпоративных данных с учетом сроков реализации инвестиционных проектов и ввода новых мощностей.

Список литературы

1. Fisher F. M., Cootner P. H., Baily M. N. An Econometric Model of the World Copper Industry // The Bell Journal of Economics and Management Science. 1972. Vol. 3. Is. 2. P. 568–609. DOI: 10.2307/3003038.

2. Stuermer M. Non-renewable resource extraction over the long term: empirical evidence from global copper production // Mineral Economics. 2022. Vol. 35. P. 617–625. DOI: 10.1007/s13563-022-00352-0.

3. Boer L., Pescatori A., Stuermer M. Energy Transition Metals: Bottleneck for Net-Zero Emissions? // Journal of the European Economic Association. 2024. Vol. 22. Is. 1. P. 200–229. DOI: 10.1093/jeea/jvad039.

4. Jordan B. W. Companions and Competitors: Joint Metal-Supply Relationships in Gold, Silver, Copper, Lead and Zinc Mines // Resource and Energy Economics. 2017. Vol. 49. P. 233–250. DOI: 10.1016/j.reseneeco.2017.05.003.

5. Fernandez V. Assessing cycles of mine production and prices of industrial metals // Resources Policy. 2019. Vol. 63. Art. 101405. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.101405.

6. Fu X., Ueland S. M., Olivetti E. Econometric modeling of recycled copper supply // Resources, Conservation and Recycling. 2017. Vol. 122. P. 219–226. DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.02.012.

7. Shojaeddini E., Alonso E., Nassar N. T., Pineault D. G., Allen S. M., Brainard J. L., McCaffrey D. M., O'Brien T. M., Padilla A. J., Ryter J. W. Understanding market sensitivity: estimation of supply and demand elasticities for non-fuel minerals // Mineral Economics. 2025. Vol. 38. P. 985–996. DOI: 10.1007/s13563-025-00537-3.

8. Marmer V., Slade M. E. Investment and uncertainty with time to build: Evidence from entry into U.S. copper mining // Journal of Economic Dynamics and Control. 2018. Vol. 95. P. 233–254. DOI: 10.1016/j.jedc.2018.09.001.

9. Auger F., Guzmán J. I. How rational are investment decisions in the copper industry? // Resources Policy. 2010. Vol. 35. Is. 4. P. 292–300. DOI: 10.1016/j.resourpol.2010.07.002.

10. Gianella C., Chanteloup C. Assessing Russia's Non-fuel Trade Elasticities: Does the Russian Economy React 'Normally' to Exchange Rate Movements? // Post-Communist Economies. 2007. Vol. 19. Is. 2. P. 153–166. DOI: 10.1080/14631370701312063.

11. Tarasenko I. The impact of exchange rate volatility on trade: The evidence from Russia // Russian Journal of Economics. 2021. Vol. 7. Is. 3. P. 213–232. DOI: 10.32609/j.ruje.7.57933.

12. Ozcelebi O., Yildirim N. Revisiting the relationship between exchange rates and output within SVAR Blanchard-Quah framework: empirical evidence from Turkey, Germany and Russia // Economic and Business Review. 2011. Vol. 13. Is. 3. P. 187–208. DOI: 10.15458/2335-4216.1239.

13. Habibi A. Non-linear impact of exchange rate changes on U.S. industrial production // Journal of Economic Structures. 2019. Vol. 8. Art. 40. DOI: 10.1186/s40008-019-0172-0.

14. Krivorotov V. V., Kalina A. V., Erypalov S. E. Modern Assessment and Forecast Prospects of the Competitiveness of the World's Largest Manufacturers of Copper Products // Journal of Applied Economic Research. 2022. Vol. 21. Is. 4. P. 734–774. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.4.026.

15. Shojaeinia S. Metal market analysis: an empirical model for copper supply and demand in US market // Mineral Economics. 2023. Vol. 36. Is. 3. P. 509–517. DOI: 10.1007/s13563-023-00371-5.

16. British Geological Survey. World Mineral Statistics: Data Download. World Mineral Statistics – BGS. URL: https://www.bgs.ac.uk/mineralsuk/statistics/world-mineral-statistics/world-mineral-statistics-data-download/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.06.2026).

17. World Bank. Commodity Price Data (The Pink Sheet). Annual Prices. World Bank Commodity Markets – Pink Sheet Data. URL: https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.06.2026).

18. Банк России. Динамика официального курса заданной валюты. Доллар США. Банк России – динамика официальных курсов валют. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.06.2026).

19. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Инвестиции в нефинансовые активы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.06.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 330.341.2:001.895:338.24(470+571)
DOI 10.17513/fr.44114

CC BY 4.0

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА ДЛЯ ИННОВАЦИЙ В ГЕТЕРОГЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ НА ПУТИ К СУВЕРЕНИТЕТУ РОССИИ

Никонова А. А. ORCID ID 0000-0002-9115-3795

Федеральное государственное бюджетное учреждение
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация, e-mail: prettyall@yandex.ru

В статье изучается проблема незавершенности процесса от создания знаний до их применения в российской экономике, что является критически важным для формирования суверенитета России. Поставлена цель обосновать различия подходов к воспроизводству источников инноваций, исходя из применения системной парадигмы к суверенитету страны. В статье использованы общенаучные методы исследования: теоретической основой выступает системный подход, прикладными методами исследования – дескриптивный и сравнительный анализ, кластеризация. Определены причины разрывов инновационной цепи и факторы, не способствующие завершенности цикла. Дескриптивно показана ограниченность развития институциональной среды в России на основе Глобального индекса инновационности, проведено сопоставление с другими странами. Обосновано, что существующие институты ограниченно содействуют транслированию интеллектуального потенциала в практику. Раскрыт высокий потенциал России по компонентам интеллектуальной среды. Дескриптивно представлен рост использования результатов интеллектуальной деятельности и снижение разницы между поданными заявками и выданными патентами. Проведена кластеризация стран по индикаторам: создание знаний, влияние знаний, распространение знаний, человеческий потенциал и исследования, институциональная среда. Сформирован первый кластер – инновационные лидеры, второй кластер – страны с формирующейся моделью инновационного развития, третий кластер – страны с развитой моделью инновационного развития. Кластеризация без включения показателей институциональной среды выявила перераспределение России из второго кластера в третий кластер. Интеллектуальная среда в России, создающая знания, сдерживается в распространении и коммерциализации, в том числе из-за ограниченности развитости институтов, которые не отражают и не поддерживают разнообразие (гетерогенность) экономики страны. Высокий научно-образовательный потенциал не реализован из-за институциональных разрывов, ведущих к незавершенности инновационного цикла. Применение системного подхода определяет многогранность суверенитета: технологического, политического, институционального и ментального. Технологический суверенитет России в условиях санкционного давления достижим лишь при условии системной сбалансированности интеллектуальной и институциональной сред.

Ключевые слова: российская экономика, инновации, интеллектуальная среда, институты, технологический суверенитет

INSTITUTIONAL AND INTELLECTUAL ENVIRONMENT FOR INNOVATION IN A HETEROGENEOUS ECONOMY: SYSTEMIC CHALLENGES TO SOVEREIGNTY IN RUSSIA

Nikonova A. A. ORCID ID 0000-0002-9115-3795

Federal State Budgetary Institution Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: prettyall@yandex.ru

This article focuses on the incompleteness process from knowledge creation to diffusion in Russia, which is critical for the development of Russia's sovereignty. Objective. The aim is to substantiate the differences in approaches to reproducing sources of innovation, based on the systems paradigm to national sovereignty. The article relies on general scientific research methods: system approach as the theoretical backbone, descriptive and comparative analysis and clustering. The failures in the innovation chain and factors, that disrupt innovation cycle's completion, are identified. The limited development of the institutional environment in Russia is descriptively demonstrated based on the components of the Global Innovation Index, and a comparison with other countries is made. It is substantiated that existing institutions provide limited support for the translation of intellectual potential into diffusion in practice. Russia's high potential of the intellectual environment is revealed. The descriptive analysis presents the increasing use of intellectual property and the decreasing gap between applications filed and patents issued. Countries were clustered based on: knowledge creation, knowledge impact, knowledge diffusion, human potential and research, institutional environment. Three clusters were identified: first – innovation leaders, second – countries with an emerging model of innovation development, third – countries with a developed model of innovation. Clustering performed without including institutional environment indicators resulted in Russia shifting from the second cluster to the third. The intellectual environment in Russia, which creates knowledge, is constrained in its diffusion and commercialization due to the limited development of institutions, that do not support the diversity (heterogeneity) of the country's economy. High scientific and educational potential is unrealized due to institutional gaps, that undermines and incompletes innovation cycle. The application of a system approach determines the multifaceted nature of sovereignty: technological, political, institutional and mental. Russia's technological sovereignty, under the pressure of sanctions, can only be achieved through a systemic balance between the intellectual and institutional environments.

Keywords: Russian economy, innovation, intellectual environment, institutions, technological sovereignty

Введение

Источниками создания инноваций выступают научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), финансовые и трудовые ресурсы. Необходимым условием для инноваций является в том числе развитая экономическая, политическая, социокультурная, регуляторная и институциональная среда, правила взаимодействий участников инновационной деятельности [1, с. 304; 2]. Однако в России цикл «фундаментальная наука – прикладная наука и опытно-конструкторские разработки – опытное производство – массовое производство» достаточно часто не завершается созданием инновации, то есть нового товара, технологии, признанного рынком.

Введенные санкции повышают неопределенность среды, делают зарубежные источники инноваций недоступными. В то же время остается проблема дисфункции внутренней инновационной системы, которая проявляется в размыкании инновационной цепи [3; 4]. Данная проблема актуализируется в контексте формирования суверенитета страны, который является целью согласно «Стратегии научно-технологического развития РФ»[1].

Российская экономика характеризуется высокой гетерогенностью, что определяет различия способов воспроизводства инноваций, которые предполагают не только активные инвестиции, но и рост талантов и мотиваций.

Для формирования суверенитета страны не только возникает задача в стимулировании финансовых вложений в инновации, но и определяется более серьезная системная проблема – отсутствие сбалансированности социально-экономической системы, что невозможно решить без повышения качества институтов даже за счет высокого уровня интеллектуальной среды. Россия испытывает в острой степени влияние объективных особенностей неравномерности научно-технологического прогресса и субъективных факторов, к которым причислим решения и действия, усиливающие гетерогенность, но не заботящиеся о релевантности институтов развития системным законам движения социально-экономической системы (СЭС).

Цель исследования – с позиции системной парадигмы к суверенитету страны обосновать различия подходов к воспроизводству источников инноваций. Для достижения цели важно раскрыть теоретико-методологическую основу исследования, далее на базе которой с разных сторон будут проанализированы связи, обоснованы и выявлены разрывы в инновационной цепи, а также согласно актуальным данным будут определены условия, которые укрепляют или ограничивают создание и распространение знаний, влияют на формирование суверенитета страны.

Материал и методы исследования

Далее представлена системная сущность феномена инноваций. Раскрыт комплекс условий и факторов принятия решений и траектории развития инноваций в рамках модели тетрады Г. Б. Клейнера [5, с. 74; 6] (рис. 1).

Методологическая основа системной экономической парадигмы позволяет представить понятие суверенитета в многомерном представлении. Применение системной экономической парадигмы раскрывает многогранную картину системной сущности суверенитета, четырех его ипостасей, определенным образом связанных между собой:

– Технологический суверенитет (ТС) предполагает в основном получение критических технологий для непрерывности производственного цикла.

– Технологическое лидерство (ТЛ) нацеливает на создание собственных прорывных технологий, определяющих НТП (в том числе сквозных технологий).

– Политический суверенитет (ПС) связан с выбором экономической политики, вектора движения, концепции и географии сотрудничества.

– Институциональный и ментальный суверенитет обеспечивает контроль над распределением ресурсов; формирует, закрепляет, распространяет во времени и пространстве правила взаимодействий игроков.

Несмотря на высокий уровень создания знаний, остается низкой их диффузия, то есть новые идеи создаются, но не выходят на рынок и не получают свое распространение. Одной из причин разрывов в инновационной цепи выступает раскоординированность институциональной среды. Существующие институты ограниченно содействуют транслированию интеллектуального потенциала в российской практике. Возникают структурно-институциональные ловушки в технологическом развитии России [7].

[1] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. П. 23. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 20.08.2026).

Рис. 1. Системное представление феномена инноваций в рамках тетрадной модели Г. Б. Клейнера
Примечание: составлен автором на основе источников [5; 6]

Результаты исследования и их обсуждение

Институты играют важную роль в интенсификации научно-технологического развития [8]. Действительно, все страны, лидирующие в рейтинге инновационного развития, отличаются высочайшим уровнем институциональной среды для инноваций по всем ее компонентам в 2025 г. (рис. 2).

На рис. 2 страны расположены по возрастанию Глобального индекса инновационности (1-е место – наилучшее), Россия занимает 60-е место в Глобальном индексе инновационности в 2025 г. Развитие институтов в России всегда было достаточно сдержанным, в 2025 г. Россия занимает 131-е место по качеству институтов.

Также представлены позиции стран по институциональной среде (компонент субиндекса качества институтов), по стабильности операционной деятельности и государственной эффективности (компоненты институциональной среды), по политике и культуре в сфере предпринимательства (компоненты бизнес-среды). Страны-лидеры демонстрируют значительно более высокие позиции по сравнению с Россией.

Компоненты бизнес-среды, характеризующие политику и культуру в сфере предпринимательства, показывают средние результаты для России в восприятии предпринимательства обществом, готовности к риску, поддержке стартапов.

Существующие институты ограниченно содействуют транслированию мощнейшего интеллектуального потенциала в практику в России, неравномерно стимулируют применение генерируемых знаний в экономике и, более того, развитие когнитивных способностей и связанных с ним качеств социально-экономической системы. Такая ситуация рассматривается автором как следствие нарушения базовых системных законов в организации и институциональном сопровождении стратегии научно-технологического развития российской экономики.

Признание значимости институтов для технологий и инноваций требуется дополнить научным пониманием, какими именно должны быть «правильные» институты с точки зрения их назначения в инновационной системе – чтобы способствовать инновациям [9; 10, с. 69], как и созданию интеллектуального потенциала на перспективу.

В институциональной системе России недостает согласованности, разнообразия, гибкости, комплементарности и других качеств институтов, соответствующих гетерогенной экономике.

Таким образом, ограниченная развитость институтов сдерживает инновационное развитие, а что тогда способствует и в целом позволяет России занимать средние места по индексу инновационности?

Санкции серьезно ограничивают варианты получения технологий: в географии поставок, финансировании, нормативно-правовом, техническом, инфраструктурном обеспечении.

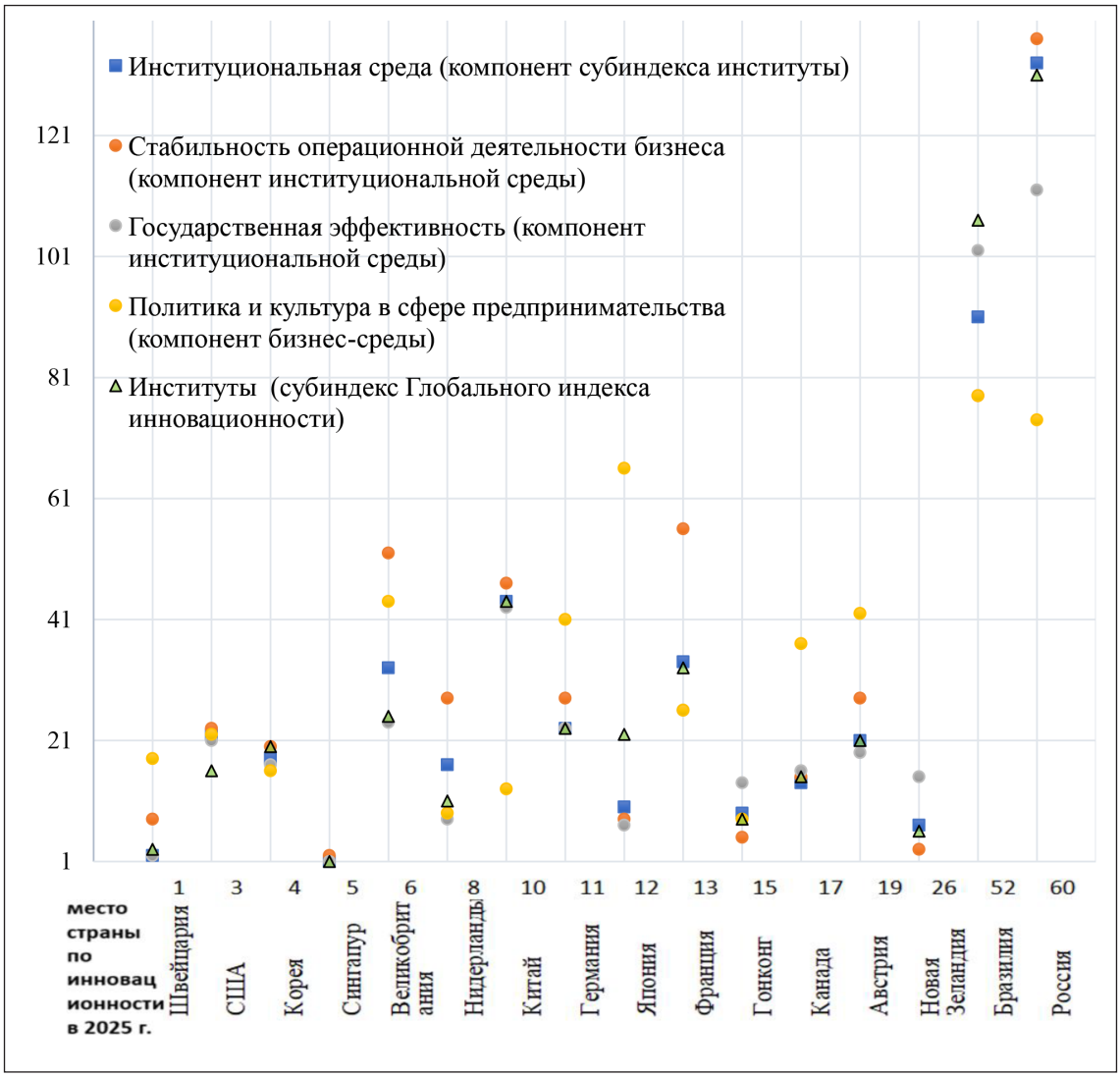

Рис. 2. Места стран по индикаторам развития институтов (где 1 – наилучшее место) в 2025 г. Примечание: составлен автором по данным: World Intellectual Property Organization (WIPO). Global innovation index 2025. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html (дата обращения: 20.07.2026).

Поэтому с системных позиций, в выборе способов получения и/или создания технологий следует руководствоваться результатами анализа ключевых секторов, которые взаимодействуют между собой путем обмена ресурсами и способностями, которыми они обладают [11]. Инерционный сценарий развития России приведет к ограниченному технологическому суверенитету [12].

В российской санкциономике поддержка человеческих факторов может компенсировать нехватку других факторов производства. Содержание национальных целей развития страны расширяется с учетом ценностей, связанных с развитием человеческих качеств [13]. Интеллектуальные факторы выступают на первый план в период трансформаций, что повышает роль человека для целостности системы. Человеческие факторы составляют и национальную силу России [14]. Для формирования технологического суверенитета страны актуально не только усиливать государственную поддержку, но также и активизировать кооперацию науки и бизнеса [15].

Улучшению взаимодействий способствуют качественные инклюзивные институты, расширение сетевых интеллектуальных технологий и «цифровых экосистем», удлинение горизонта мышления, рост доверия и культуры [16]. «Институты, как и стандарты, определяют выбор траектории развития, а устойчивой колеей ее делает культура» [17].

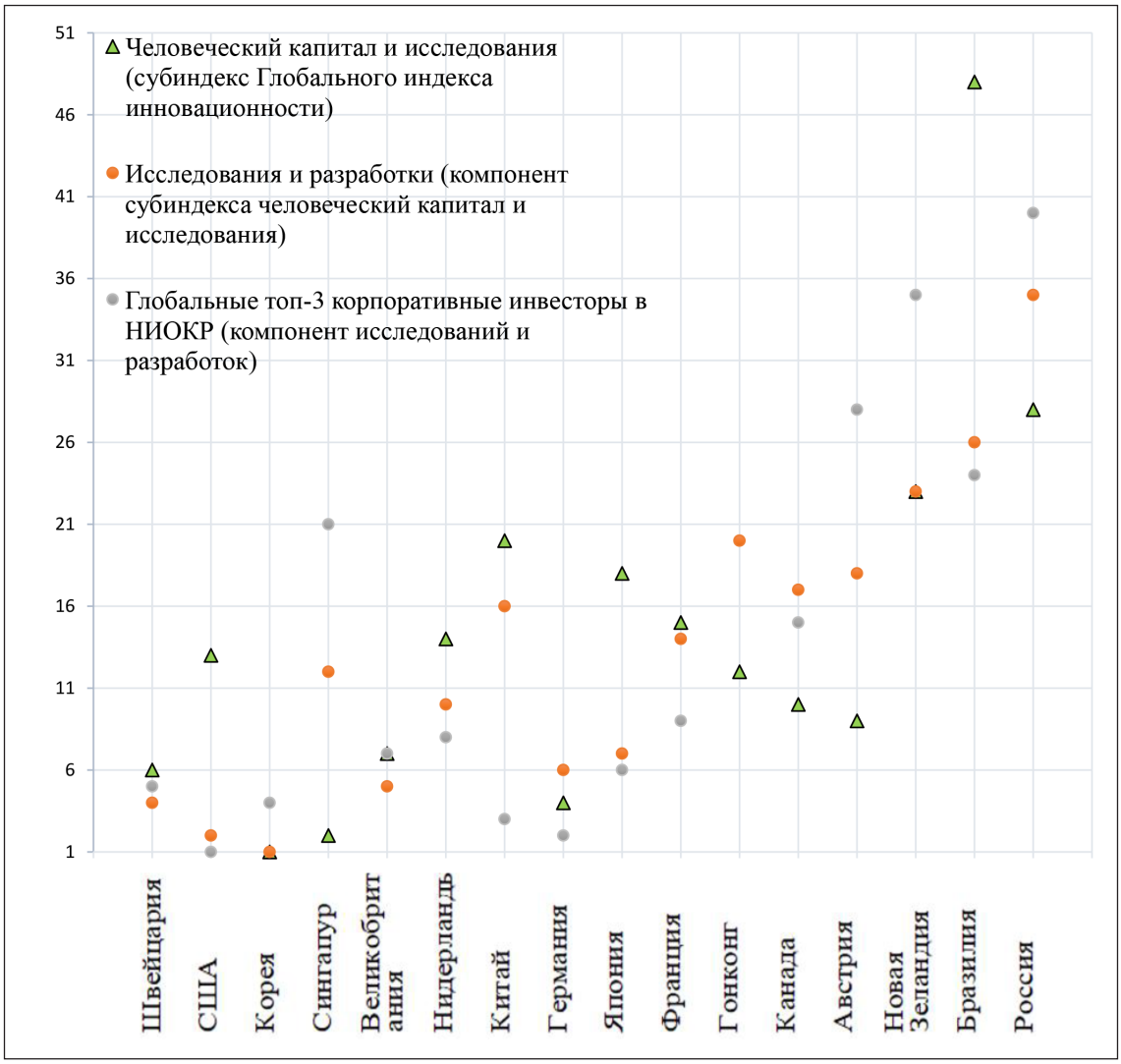

Рис. 3. Места стран по компонентам субиндекса человеческого потенциала и исследований (где 1 – наилучшее место) в 2025 г.
Примечание: составлен автором по данным: World Intellectual Property Organization (WIPO). Global Innovation Index 2025. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html (дата обращения: 20.07.2026)

Согласно результатам оценки компонентов субиндекса человеческого капитала и исследований в рамках Глобального индекса инновационности в 2025 г, Россия показывает высокий уровень человеческого и научного потенциала (28-е место) (рис. 3), но все равно отстает от развитых стран.

Россия демонстрирует высокий уровень занятости в наукоемких секторах (21-е место), что характеризует сильные стороны страны в образовании и качестве компетенций сотрудников.

По созданию знаний Россия занимает 37-е место, по патентованию полезных моделей 9-е место в 2025 г., что также характеризует высокий уровень интеллектуальной среды и инженерного задела. По влиянию знаний (62-е место) и распространению знаний (92-е место) результаты России существенно ниже, и это обозначает, что не все знания превращаются в осязаемые технологии, определяется изолированность диффузии знаний. Часть знаний остается в виде публикаций или патентов, но не доходит до производства и не влияет на экономику. Показатель стоимости компаний-единорогов в объеме ВВП также характеризует среднюю позицию России (53-е место). По показателю взаимосвязей науки (университетов) с бизнесом Россия занимает 73-е место, несмотря на позитивные тренды присутствия бизнеса во внеакадемической деятельности университетов.

Например, Китай показывает кардинальные изменения за последнее десятилетие. Отмечается активное повышение инновационной активности на выборках данных по китайским предприятиям [18]. К 2025 г. занимает 1-е место по созданию знаний, по патентам 2-е место, по распространению знаний 9-е место, по стоимости компаний-единорогов по отношению к ВВП 13-е место. Такие результаты характеризуют замкнутый цикл создания знаний, превращение знаний в инновации, коммерциализацию и выход на рынок инноваций.

Для обоснования существования разрывов между созданием знаний и их распространением, которые проявляются преимущественно из-за ограничений институциональной среды, целесообразно сформировать выборку из развитых и развивающихся стран. Выборка включает следующие страны: Австрия, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Греция, Индия, Канада, Китай, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Россия, Сингапур, США, Франция, Швейцария, Швеция, Южно-Африканская Республика, Южная Корея, Япония.

Разделение стран на кластеры по результатам инновационной активности является распространенным методом в определении устойчивых групп, обусловленных общими признаками.

Выбраны показатели[2], характеризующие инновационное развитие, институциональную и интеллектуальную среду стран по направлениям[3]:

Создание знаний:

1) число заявок на патенты, поданных резидентами страны, на 1 млн чел.;

2) число заявок на товарные знаки, поданных резидентами страны, на 1 млн чел.;

3) число заявок на промышленные образцы, поданных резидентами страны, на 1 млн чел.;

4) число заявок на патенты, поданных резидентами страны, по отношению к ВВП страны.

Влияние знаний:

5) отношение стоимости компаний-единорогов к ВВП страны;

Распространение знаний:

6) отношение доходов от использования интеллектуальной собственности в объеме торговли страны;

Человеческий капитал и исследования:

7) расходы на НИОКР по отношению к ВВП страны;

8) число учащихся в средней школе по отношению к числу учителей;

Институциональная среда:

9) вероятность политических, правовых, операционных рисков или рисков безопасности, влияющих на деятельность предприятий;

10) качество регуляторной среды.

Далее раскрывается методика проведения кластеризации.

Проведена стандартизация (z-score normalization) обследуемых показателей, которая обуславливает приведение показателей (x) в выборке к единому масштабу. Найдено среднее значение по ряду (x среднее) и стандартное отклонение (σ). Для каждого показателя по странам было осуществлено нормирование:

$$\frac{\left(x - x_{\text{среднее}}\right)}{\sigma}.$$

В результате сформирована выборка нормированных показателей по странам для проведения кластеризации.

Elbow method определяет зависимость внутрикластерной суммы квадратов от числа кластеров. Выявлено замедление снижения этого показателя при третьем кластере, что обуславливает выбор трех кластеров стран для дальнейшего анализа.

Применение метода k-средних в программе Eviews также определяет формирование трех сильно отличающихся кластеров стран. В первом кластере находятся инновационные лидеры – Китай и Южная Корея. Южная Корея доминирует по числу заявок на патенты, промышленные образцы и товарные знаки, сохраняется высокая доля расходов на НИОКР (около 5 %). Китай также характеризуется высоким уровнем создания и распространения знаний, при этом занимает средние позиции по развитости институциональной среды. Во втором кластере находятся страны с формирующейся моделью инновационного развития и невысоким качеством институциональной среды: Бразилия, Греция, Индия, Россия, Южно-Африканская Республика. В третьем кластере присутствуют развитые страны со зрелой моделью инновационного развития: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Сингапур, США, Франция, Швейцария, Швеция, Япония.

[2] Актуальные данные по заявкам на патенты, товарные знаки и промышленные образцы доступны только на 2024 г.; соответственно, остальные показатели также использованы по данным 2024 г. Пропусков данных нет».

[3] 1) World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024). Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship. Geneva: WIPO. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000 %20Global %20Innovation %20 Index %202024_WEB3lite.pdf (дата обращения: 20.07.2026).

2) World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024). WIPO IP Facts and Figures 2024. Geneva: WIPO. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4761 (дата обращения: 20.07.2026). DOI: 10.34667/tind.57723.

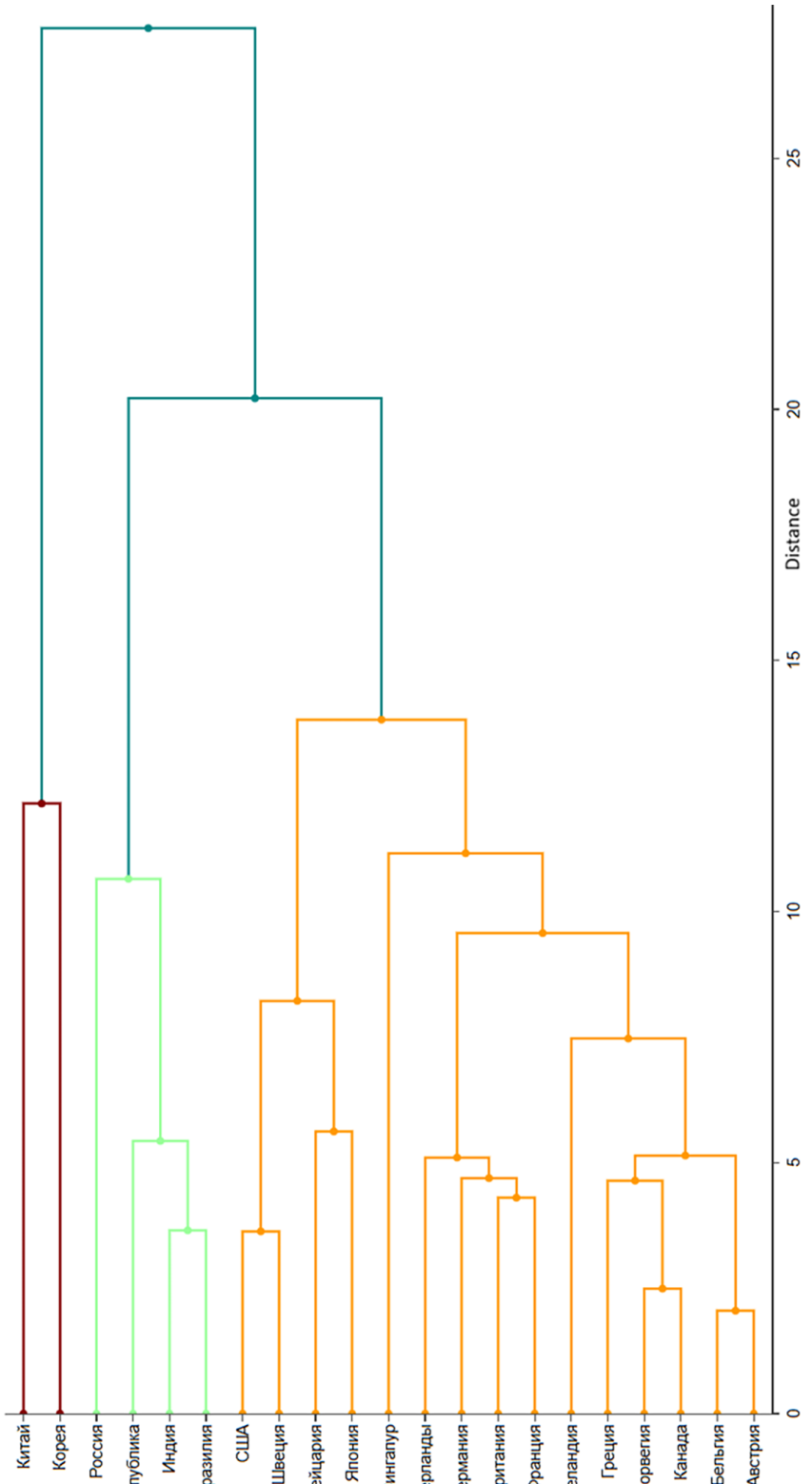

Рис. 4. Кластеризация стран по индикаторам инновационного развития, институциональной и интеллектуальной среды

Примечание: составлен автором по данным:

1. Cluster Analysis Online (Cluster Analysis Calculator). [Электронный ресурс]. URL: https://numiqo.com/statistics-calculator/cluster (дата обращения: 12.08.2026).

2. World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024). Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship. Geneva: WIPO. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000 %20Global %20Innovation%20Index %20 2024_WEB3lite.pdf (дата обращения: 20.07.2026).

3. World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024). WIPO IP Facts and Figures 2024. Geneva: WIPO. DOI: 10.34667/tind.57723. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4761 (дата обращения: 20.07.2026).

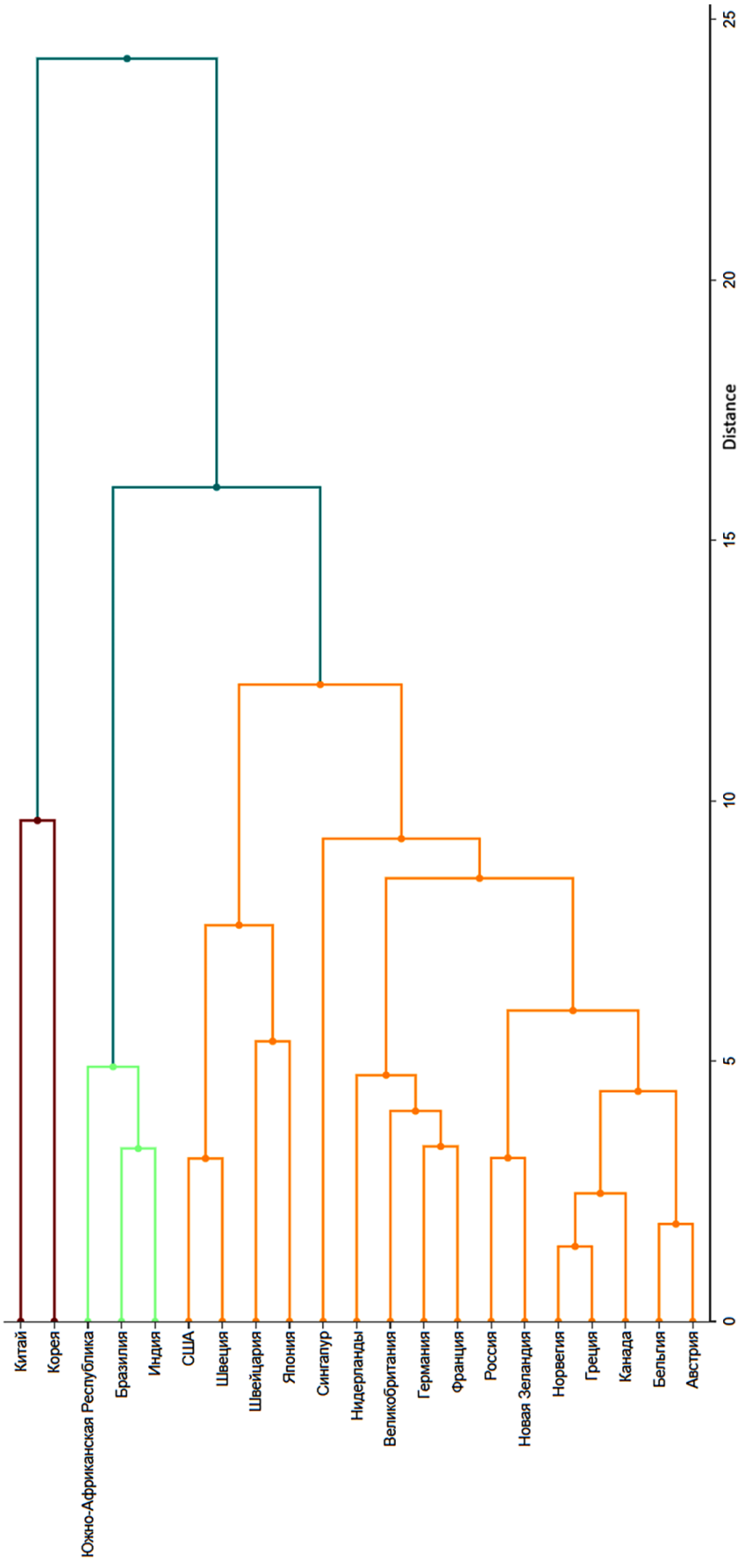

Рис. 5. Кластеризация стран по индикаторам инновационного развития и интеллектуальной среды

Примечание: составлен автором по данным:

1. Cluster Analysis Online (Cluster Analysis Calculator) [Электронный ресурс]. URL: https://numiqo.com/statistics-calculator/cluster (дата обращения: 12.08.2026).

2. World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024). Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship. Geneva: WIPO. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000 %20Global %20Innovation %20Index %20 2024_WEB3lite.pdf (дата обращения: 20.07.2026).

3. World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024). WIPO IP Facts and Figures 2024. Geneva: WIPO. DOI: 10.34667/tind.57723. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4761 (дата обращения: 20.07.2026).

Для графической визуализации на основе метода иерархической кластеризации построена дендрограмма (рис. 4). По горизонтальной оси показано расстояние (различия) между странами. Для объединения стран выбран метод Complete-linkage, который позволяет сформировать компактные кластеры и определяет расстояние между кластерами как максимум расстояний между их результатами. В качестве метрики расстояния (Distance) использована метрика Manhattan, которая устойчива к выбросам.

В первом кластере и на основе метода k-средних, и по результатам иерархической кластеризации оказались Китай и Южная Корея. Этот кластер кардинально отличается от остальных согласно расстоянию.

Во втором кластере присутствуют страны со сдержанным инновационным развитием и средним качеством институциональной среды: Россия, Южно-Африканская Республика, Индия, Бразилия. Россия объединяется в кластер с этими странами на более значительном расстоянии. В отличие от кластеризации методом k-средних, во второй кластер не попала Греция.

В третий кластер входят развитые страны, однако наблюдается неравномерность объединения стран. Можно выделить несколько подгрупп: США, Швеция, Швейцария, Япония; Нидерланды Германия, Великобритания, Франция; Новая Зеландия, Греция, Норвегия, Канада, Бельгия, Австрия. Например, Сингапур отличается от других стран в этом кластере, поскольку у страны средние результаты в создании знаний и в расходах на НИОКР, при этом значительная коммерциализация знаний.

В статье поставлена и исследуется научная проблема существования системных разрывов, которые ограничивают инновационное развитие России. Качество институциональной среды сдерживает влияние и распространение знаний. Для формализации оценки системных разрывов проведена дополнительная кластеризация стран. Однако из кластерного анализа исключены показатели, характеризующие институциональную среду страны: вероятность политических, правовых, операционных рисков или рисков безопасности, влияющих на деятельность предприятий, а также качество регуляторной среды.

Построение кластеров методов k-средних в Eviews определило перераспределение стран между кластерами. В первом кластере остались инновационные лидеры Китай и Южная Корея. Во втором кластере произошло изменение состава стран. Так, в третий кластер к инновационно развитым странам попала Россия. То есть получены предварительные выводы о том, что качество институциональной среды сильно влияет на инновационное развитие страны.

Построение дендрограммы на основе иерархической кластеризации также показывает перераспределение стран и переход России к кластеру развитых стран (рис. 5).

Таким образом, результаты кластеризации подтверждают обоснованность выводов о том, что в России существует высокий потенциал создания знаний, но определяются системные разрывы в их распространении, обусловленные институциональной средой.

Согласно данным Роспатента, которые раскрывают число поданных заявок, выданных патентов и использование результатов интеллектуальной собственности[4], продолжается рост использования результатов интеллектуальной деятельности (указано в единицах). На рис. 6 представлена динамика использования объектов интеллектуальной деятельности. Данные за 2018–2021 гг. не представлены в статистической информации Роспатента, поэтому эти годы не приведены на гистограмме.

Можно отметить структурный сдвиг в типах интеллектуальной собственности, в 2011 г. доминировали изобретения и составляли 53 % в общем объеме, в 2025 г. преобладают программы ЭВМ и составляют 40 %, изобретения составляют 26 % от общего объема. Также в 2022 г. отмечается активизация использования секретов производства (ноу-хау) и баз данных. В 2025 г. наблюдается рост использования программ для ЭВМ и баз данных, а по остальным типам интеллектуальной собственности определяется снижение.

Однако часто заявки на патенты не поддерживаются, и знания не превращаются в инновации. Отмечается высокий разрыв между поданными заявками на патенты по разным типам интеллектуальной собственности и поддержанными заявками, по которым выданы патенты. Однако заявка могла быть направлена в предыдущем году, а патент выдан через некоторый срок. Согласно Приказу[5], срок рассмотрения заявки на патентование изобретения до принятия решения составляет 22 месяца.

[4] ЕМИСС. Статистическая информация Роспатента о регистрации и использовании результатов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/39277 (дата обращения: 20.07.2026).

[5] Приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 11 декабря 2020 г. № 163 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» [Электронный ресурс]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/prik-rosp-163-11122020 (дата обращения: 20.07.2026).

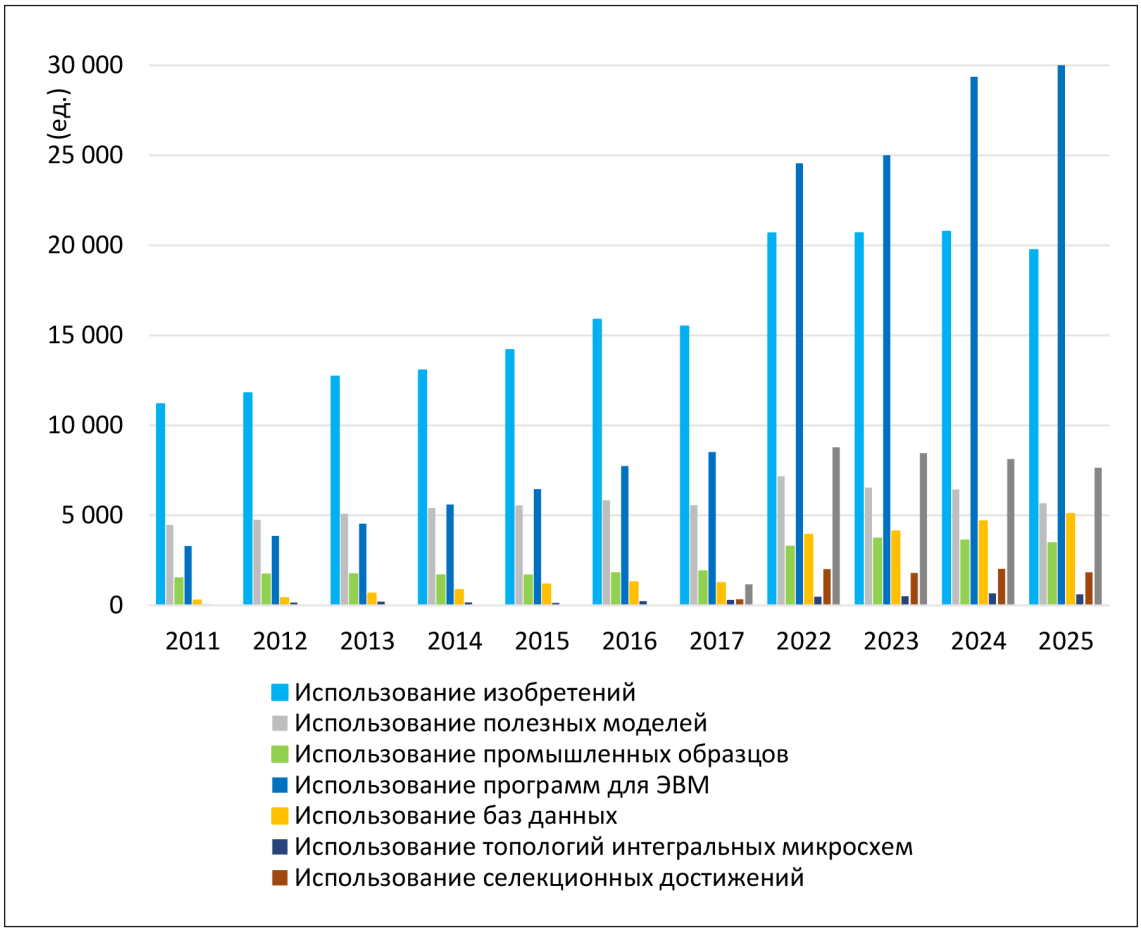

Рис. 6. Использование результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации по типу интеллектуальной собственности (ед.)
Примечание: составлен автором по данным Роспатента: ЕМИСС. Статистическая информация Роспатента о регистрации и использовании результатов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/39277 (дата обращения: 20.07.2026)

Далее определен разрыв (разница) между числом поданных заявок в году t_0 и числом выданных патентов в году t_{+2}. Затем рассчитан среднегодовой темп роста

$$\left(\frac{\text{Разрыв заявок}_{2025}}{\text{Разрыв заявок}_{2011}}\right)^{\frac{1}{n}} - 1 \quad .$$

Вычислено снижение разрыва в среднем на 3 % в год между поданными заявками и выданными патентами на изобретения. При этом абсолютное число и поданных заявок, и выданных патентов на изобретения снижается.

Вычислено увеличение разрыва в среднем на 14 % в год между поданными заявками и выданными патентами на полезные модели. Абсолютное число поданных заявок и выданных патентов растет с 2011 до 2014 г., далее происходит снижение до 2024 г., с 2024 г. число заявок и выданных патентов на полезные модели снова повышается.

Вычислено увеличение разрыва в среднем на 17 % в год между поданными заявками и выданными патентами на промышленные образцы. При этом абсолютное число заявок и выданных патентов растет.

Таким образом, существует отклонение между поданными заявками и выданными патентами. С одной стороны, не все заявки обязательно должны быть поддержаны. С другой стороны, общая тенденция показывает неустойчивость, например в 2025 г. на 36 % снизилось число поданных заявок на изобретения по сравнению с 2016 г. С учетом обоснованности институциональных ограничений, волатильности разрывов между поданными заявками и выданными патентами, снижения числа заявок и патентов на изобретения все это негативно влияет на формирование технологического суверенитета страны.

В России отмечается высокий интеллектуальный потенциал, который, при прочих равных, способствует формированию суверенитета. Обоснованность и важность развития интеллектуальной среды подтверждается правительственными документами, в которых подчеркивается связь между созданием технологий и человеческими факторами. Как отмечает А. А. Аузан, важно формировать 3D-культуру, которая развивает «длинный взгляд, доверие большинству людей, договороспособность» [16]. Важна роль человеческого потенциала, формирование интеллектуальной среды для развития инноваций, а также роль социокультурного пространства инноваций. Культурный код задает тип и траекторию движения системы [17].

Заключение

Таким образом, в России существует высокий интеллектуальный потенциал, который усиливается развитием интеллектуальной культуры и образует интеллектуальную среду, которые формируют способность экономической системы генерировать новые знания, создавать интеллектуальную собственность, воспроизводить интеллектуальный потенциал.

По результатам системного анализа проблем российской экономики трансформация является критически необходимой в соответствии с гуманитарно-технологическим вектором развития и усилением человеческого потенциала, а именно: сохранением и преумножением навыков и компетенций, повышением академичности лиц, принимающих решения, обеспечением взаимных связей между наукой, экономикой, обществом, бизнесом и государством и т. д. Определение потенциала и динамических способностей когнитивной подсистемы может стать существенным драйвером инновационных перемен.

Достаточно закономерно, что в программе научно-технологического развития задачу технологического суверенитета России планируется решить на основе наращивания интеллектуального потенциала нации. Создание знаний находится на высоком уровне, однако, как было показано в статье, в настоящее время в России экономические субъекты и участники инноваций разобщены как по горизонтали, так и по вертикали. В частности, сектор науки остается выключенным из воспроизводственного цикла, несмотря на некоторое незначительное повышение коллаборативности университетов и бизнеса в НИОКР.

В России существуют объективные условия формирования технологического суверенитета на основе мощного интеллектуального потенциала и сильных академических традиций. Однако на практике оно сдерживается неэффективностью институтов, слабостью институциональной среды, инерционностью управления, что не обеспечивает ни диффузии знаний, ни их коммерциализации. Для этого необходимо не только усиление финансирования науки, но и более сложная трансформации в виде коренной перестройки институциональной среды – в первую очередь повышения стабильности и предсказуемости регуляторной политики, усиления защиты прав интеллектуальной собственности и создания эффективных механизмов координации между наукой, бизнесом и государством. Только системная сбалансированность интеллектуальной и институциональной сред позволит замкнуть инновационную цепь и перейти от имитационного к подлинно суверенному технологическому развитию.

Санкционное давление на Россию серьезно ограничивает предприятия получать необходимые технологии, инновационно наполненные инвестиции и НИОКТР за рубежом, что угрожает как нарушению воспроизводственного цикла, так и снижению технологического уровня экономики, вызывая снижение производительности и усиление технологической зависимости.

Существенные признаки для российской действительности показали следующее.

1. Под влиянием санкций накапливается эффект, дестабилизирующий технологическое развитие.

2. Меры госполитики фрагментарные и направлены на адаптацию, но не долгосрочное научно-технологическое развитие.

3. Происходит рассоединение экономических связей.

4. В гражданском секторе практикуется подход к решению технологических проблем, ведущий к снижению востребованности российских разработок, в конечном счете ресурсной обеспеченности российской науки – технологическая рента достается иностранным разработчикам.

Важна роль человеческого потенциала, формирование интеллектуальной среды для развития инноваций, а также роль социокультурного пространства инноваций. Культурный код задает тип и траекторию движения системы. Связанное с культурой доверие, рефлексия, открытость к коммуникациям, готовность обучаться и меняться – условия непрерывности создания ин-

новаций в качестве ресурсов, передаваемых из средовой системы в процессную.

По результатам сравнительного анализа выявлена позиция России среди остальных стран по компонентам Глобального индекса инновационности. Однако высокий уровень человеческого и научного потенциала сдерживается финансированием НИОКР и сильно ограничивается институциональной средой.

Представлена кластеризация стран на основе индикаторов: создание знаний, влияние знаний, распространение знаний, человеческий капитал и исследования, институциональная среда. Результаты кластеризации методом k-средних и методом иерархической кластеризации показали, что выделяются три кластера. Первый кластер – инновационные лидеры (Китай и Южная Корея). Второй кластер – страны с формирующейся моделью инновационного развития (Россия, Южно-Африканская Республика, Индия, Бразилия). Третий кластер – развитые страны (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Сингапур, США, Франция, Швейцария, Швеция, Япония). При исключении индикаторов институциональной среды выявлено, что Россия переходит из второго кластера в третий кластер.

Для России определены позитивные тенденции в использовании интеллектуальной деятельности, однако с 2022 г. сменилась структура, использование программ на ЭВМ стало выше, чем использование изобретений. Кроме того, определены разрывы между поданными заявками и выданными патентами.

В результате стратегия создания собственных технологий в России требует соответствующих мероприятий: усиление качества институтов, ревизия заделов НИОКР; согласованность системы защиты интеллектуальной собственности, мотивирующей как исследователей, так и предпринимателей; нормативно-правовое урегулирование распределения доходов между образованием, наукой, государством, производителями, бизнесом с учетом интересов всех участников создания НИОКР и внедрения технологий.

Список литературы

1. Голиченко О. Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. М.: Наука, 2011. 634 с. [Электронный ресурс]. URL: http://opac.hse.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:222702/Source:default (дата обращения: 01.06.2026). ISBN 978-5-02-037647-2.

2. Голиченко О. Г. Государственная политика и провалы национальной инновационной системы // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 97–108. URL: https://www.vopreco.ru/jour/article/view/279?locale=ru_RU (дата обращения: 02.07.2026). DOI: 10.32609/0042-8736-2017-2-97-108. EDN: XWTVJF.

3. Никонова А. А. Три источника безрезультативности российской науки и три кита инноваций // Экономика науки. 2024. Т. 10. № 4. С. 8–24. URL: https://ecna.elpub.ru/jour/article/view/477?locale=ru_RU (дата обращения: 12.06.2026). DOI: 10.22394/2410-132X.477. EDN: PLWLCT.

4. Самоволева С. А. Проблемы формирования национальной инновационной системы: возможности и ограничения взаимодействия бизнеса и науки // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 70–89. URL: https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/28 (дата обращения: 15.06.2026). DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.4. EDN: XLAUEB.

5. Клейнер Г. Б. Системная экономика: шаги развития. М.: Научная библиотека, 2021. 746 с. [Электронный ресурс]. URL: https://s-lib.com/shop/978-5-907242-87-6 (дата обращения: 12.05.2026). ISBN 978-5-907242-87-6.

6. Никонова А. А. Модификация механизма передачи знаний в экономику в условиях турбулентности // Экономика науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 21–35. URL: https://ecna.elpub.ru/jour/article/view/384 (дата обращения: 21.05.2026). DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-1-21-35. EDN: RIMNZM.

7. Блохин А. А., Васюнина М. Л., Демидова С. Е. Анализ структурно-институциональных ловушек технологического развития в условиях внешних шоков // Экономическая политика. 2026. Т. 21. № 2. С. 90–119. URL: https://www.ecpolicy.ru/jour/article/view/663 (дата обращения: 15.06.2026). DOI: 10.18288/1994-5124-2026-2-90-119. EDN: CUQDGE.

8. Сухарев О. С. Теория институциональных изменений: создание, возможности, ограничения // Общество и экономика. 2025. № 7. С. 5–27. URL: https://ruspoj.com/0207-3676/article/view/691395/206959 (дата обращения: 15.06.2026). DOI: 10.31857/S0207367625070011. EDN: CDVQGJ.

9. Peneder M. Competitiveness and industrial policy: from rationalities of failure towards the ability to evolve // Cambridge Journal of Economics. 2017. Vol. 41. Is. 3. P. 829–858. URL: https://academic.oup.com/cje/article-abstract/41/3/829/2625393 (дата обращения: 22.05.2026). DOI: 10.1093/cje/bew025.

10. Taylor M. Z. The Politics of Innovation: Why some countries are better than others at science and technology. New York: Oxford University Press, 2016. 449 p. [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/25361 (дата обращения: 12.12.2025). DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190464127.001.0001. ISBN 9780190609252.

11. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и теория технологий // Terra Economicus. 2024. Т. 22. № 4. С. 6–18. URL: https://te.sfedu.ru/arkhiv-nomerov/2024/214-nomer-4/2989-sistemnaya-paradigma-i-teoriya-tekhnologij.html (дата обращения: 16.06.2026). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-4-6-18. EDN: BOVNWJ.

12. Катуков Д. Д., Смородинская Н. В. Технологический суверенитет и технологическое лидерство России: замыслы и внутренние ограничения // Общество и экономика. 2025. № 12. С. 38–59. URL: https://journals.rcsi.science/0207-3676/article/view/359843 (дата обращения: 16.06.2026). DOI: 10.7868/S207367625120032. EDN: NLAFST.

13. Бузгалин А. В., Манахова И. В., Молчанов И. Н., Павлов М. Ю., Рассадина А. К. Человек как экономический актор: потенциал диалога поведенческой экономики и современной марксистской политэкономии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2022. № 2. С. 26–44. URL: https://msuecon.elpub.ru/jour/article/view/813 (дата обращения: 23.06.2026). DOI: 10.38050/01300105202222.

14. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д. Национальная стратегическая сила стран, международная торговля и экономическая успешность стран в нестабильном мире // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 3. С. 277–297. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/69558/view (дата обращения: 23.06.2026). DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-3-277-297. EDN: JOBJHC.

15. Дежина И. Г. Формирование мобилизационного режима управления наукой в России // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7. № 1. С. 39–54. URL: https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/432 (дата обращения: 11.05.2026). DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.3. EDN: MUBMXM.

16. Аузан А. А. Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2025. Т. 60. № 1. С. 3–18. URL: https://msuecon.elpub.ru/jour/article/view/1703 (дата обращения: 23.05.2026). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-1. EDN: NJWSOU.

17. Аузан А. А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. № 2 (168). С. 4–10. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28434361_45173776.pdf (дата обращения: 23.05.2026). EDN: XYFYQR.

18. Красильникова Е. В. Инновационная активность предприятий: влияние государственного участия в собственности и ESG-результатов по результатам эконометрических моделей для китайских компаний // Экономика и предпринимательство. 2025. № 12 (1). С. 889–893. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=86436641 (дата обращения: 12.06.2026). DOI: 10.34925/EIP.2025.185.12.150. EDN: SZPCUF.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Центрального экономико-математического института Российской академии наук.

Financing: The article is based on research conducted using budget funds under the state assignment of the Central Economics and Mathematics Institute Russian Academy of Sciences.

УДК 332.1:338.47
DOI 10.17513/fr.44115

CC BY 4.0

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗРЫВЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ КОМПЛЕКСОМ АРКТИКИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серова Н. А. ORCID 0000-0001-8064-1251

Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина – обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Российская Федерация, e-mail: n.serova@ksc.ru

Реализация в Арктической зоне и на Дальнем Востоке России крупных транспортных проектов – развития Северного морского пути, модернизации Восточного полигона железных дорог, обеспечения северного завоза – предъявляет повышенные требования к согласованности государственного управления. Отраслевая вертикаль Минтранса России здесь дополняется территориальным институтом развития и организациями, наделенными отдельными публичными функциями, что порождает противоречия на стыке их компетенций. Цель статьи – выявить институциональные разрывы в системе государственного управления транспортным комплексом Арктики и Дальнего Востока и предложить направления их преодоления. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты в действующей редакции, документы стратегического планирования, программные документы ОАО «РЖД» и отчетность ГК «Росатом»; применен качественный институциональный анализ трех управленческих ситуаций. Под институциональным разрывом понимается несогласованность распределения полномочий, ресурсов или процедур взаимодействия участников, создающая риски задержки решений, конфликта интересов либо нарушения согласованности транспортных процессов. Выделены три вида разрывов: регуляторный (сосредоточение разрешительных и хозяйственных функций в одном контуре управления на Северном морском пути как потенциальный риск конфликта интересов), ресурсный (критерии очередности пропуска грузов на Восточном полигоне, вновь установленные с 2025 г., не увязаны с целевыми установками территориального развития) и координационный (потенциальная несогласованность речной навигации, подачи подвижного состава и перевалки грузов при северном завозе). В заключение предложены адресные меры: гарантии самостоятельности разрешительных процедур, информационное взаимодействие действующих систем мониторинга и планирования перевозок, межведомственное согласование инвестиционных программ с участием Минвостокразвития России при сохранении компетенции участников. Типология не является исчерпывающей, а эффективность мер требует последующей оценки.

Ключевые слова: институциональные разрывы, транспортный комплекс, Арктика, межведомственная координация, Дальний Восток, государственные корпорации

INSTITUTIONAL GAPS IN THE PUBLIC GOVERNANCE SYSTEM OF THE TRANSPORT COMPLEX OF THE ARCTIC AND THE FAR EAST

Serova N. A. ORCID 0000-0001-8064-1251

Institute for Economic Studies named after G. P. Luzin – a subdivision of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences", Apatity, Russian Federation, e-mail: n.serova@ksc.ru

Large transport projects in the Russian Arctic and the Far East demand coherent public governance. Here the sectoral hierarchy of the Ministry of Transport is complemented by a territorial development institution and organisations with certain public functions, creating contradictions where their competences meet. The aim of the article is to identify institutional gaps in the governance of the transport sector of the Arctic and the Far East and to propose ways to overcome them. The study draws on current regulatory acts, strategic planning documents, documents of Russian Railways and Rosatom reports, and applies qualitative institutional analysis to three governance situations. An institutional gap is an inconsistency in the distribution of powers, resources or interaction procedures that creates risks of delayed decisions, conflicts of interest or disrupted coordination of transport processes. Three gaps are identified: regulatory (permitting and commercial functions combined in one governance circuit on the Northern Sea Route, a potential conflict of interest), resource-related (freight priority criteria on the Eastern Operating Domain, re-established in 2025, ignore territorial development targets) and coordination-related (possible misalignment of river navigation, rolling stock supply and transshipment in the Northern Supply Haul). In conclusion, targeted measures are proposed: safeguards for independent permitting, information exchange between existing monitoring and planning systems, and interdepartmental coordination of investment programmes involving the Ministry for the Development of the Russian Far East and Arctic without changing statutory competences. The typology is not exhaustive, and the measures require further assessment.

Keywords: institutional gaps, transport complex, the Arctic, the Far East, interdepartmental coordination, state corporations

Введение

В условиях санкционного давления и меняющейся геополитической обстановки транспортный комплекс перестает быть просто обслуживающей отраслью, становясь стратегическим фактором обеспечения национального суверенитета и экономической связности территорий. Особое место в этом процессе занимают Арктическая зона (АЗРФ) и Дальневосточный федеральный округ (ДФО), которые выступают не только как ресурсные базы страны, но и как опорные территории для переориентации внешнеэкономических связей России на Восток [1–4]. Реализация в этих макрорегионах таких масштабных проектов, как развитие Северного морского пути (СМП), модернизация Восточного полигона железных дорог и создание новых международных транспортных коридоров (МТК) (подробнее в [5–7]), предъявляет повышенные требования к качеству государственного управления, что определяет высокую актуальность исследования его институциональной структуры.

Цель исследования – анализ функциональных связей в институциональной структуре управления транспортным комплексом АЗРФ и ДФО, выявление системных межведомственных противоречий и предложение направлений их преодоления.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) систематизировать иерархию и распределение полномочий в институциональной структуре управления транспортным комплексом РФ;

2) изучить механизмы взаимодействия Минтранса с другими институтами развития при реализации ключевых инфраструктурных инициатив в АЗРФ и на Дальнем Востоке;

3) выявить конкретные институциональные противоречия и зоны дублирования функций при развитии транспортного комплекса Арктики и Дальнего Востока.

Научная новизна исследования состоит в выявлении институциональных разрывов, возникающих на стыке отраслевого и территориально-проектного контуров управления, на примере конкретных транспортных процессов – организации плавания по СМП, распределения пропускной способности Восточного полигона и северного завоза. В работах, посвященных системе государственного управления транспортом [8, 9], основное внимание уделяется иерархии органов власти и распределению полномочий, а исследования механизмов взаимодействия федеральных и региональных органов власти [10] и государственных корпораций с субъектами РФ [11] не рассматривают противоречия, возникающие между отраслевыми агентствами и организациями, наделенными публичными функциями, в конкретных транспортных проектах. В настоящей работе такие противоречия классифицированы по предмету расхождения между участниками (регуляторные полномочия, доступ к инфраструктурной мощности, синхронизация операционных графиков), что позволяет увязать каждый вид разрыва с адресной мерой его преодоления. Типология не является исчерпывающей и может быть дополнена при анализе иных транспортных процессов.

Материалы и методы исследования

Под институциональным разрывом в работе понимается несогласованность распределения полномочий, ответственности, ресурсов или процедур взаимодействия участников управления, создающая риски задержки решений, конфликта интересов либо нарушения согласованности транспортных процессов. Разрыв выделяется при сочетании двух условий: результат единого управляемого процесса, зависит от решений нескольких участников, и при этом отсутствует закрепленная процедура их согласования либо в одном контуре сосредоточены функции с потенциально расходящимися интересами. Само по себе разделение компетенции между органами и организациями разрывом не считается.

Термин «государственный агент» используется как авторская аналитическая категория, обозначающая организации (ОАО «РЖД», ГК «Росатом»), наделенные государством отдельными публичными функциями по развитию транспортной инфраструктуры, и не совпадает с их официальным правовым статусом.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов исполнительной власти в сфере транспорта и полномочия государственных корпораций; документы стратегического планирования (Транспортная стратегия РФ до 2030 года от 27 ноября 2021 г. № 3363-р, Стратегия развития АЗРФ от 26 октября 2020 г. № 645, Национальная программа развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года от 24 сентября 2020 г. № 2464-р, План развития Северного морского пути (СМП) от 01 августа 2022 г. № 2115-р); программные документы ОАО «РЖД» и публичная отчетность ГК «Росатом»; публикации отечественных и зарубежных ученых.

Метод исследования – качественный анализ трех управленческих ситуаций: для каждой устанавливались состав участников и правовые основания их полномочий в действующей редакции нормативных актов, предмет возможного расхождения решений и наличие процедуры их согласования. Количественная оценка последствий разрывов в задачи исследования не входила.

Результаты исследования и их обсуждение

Современная российская институциональная структура управления транспортным комплексом представляет собой многоуровневую модель, построенную на распределении полномочий между органами власти (рисунок). Центральным звеном данной структуры является Министерство транспорта (Минтранс), осуществляющее функции по нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта и выработке государственной политики [8, 9], а ее практическая реализация возложена на четыре профильных федеральных агентства и федеральную службу, осуществляющую надзорно-контрольную деятельность.

Для АЗРФ и ДФО деятельность профильных агентств Минтранса выходит за рамки стандартного отраслевого администрирования: на Дальнем Востоке усилия Росжелдора и Росавтодора сосредоточены на расширении пропускной способности Восточного полигона (подробнее в [12, 13]), а в Арктике – на создании железнодорожной магистрали «Северный широтный ход», связывающей Западную Сибирь с портовой инфраструктурой СМП [7, 14]. Росморречфлот и Росавиация в обоих макрорегионах обеспечивают связь удаленных территорий с «большой землей».

Специфика управления транспортным комплексом в АЗРФ и ДФО также состоит в том, что вертикаль Минтранса дополняется специализированными институтами развития. Ключевым участником этой структуры является Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития), синхронизирующее инфраструктурное строительство с развитием территорий и запросы регионов с ресурсами Минтранса. Другими значимыми участниками системы управления транспортным комплексом АЗРФ и ДФО являются также государственные корпорации и естественные монополии с государственным участием, наделенные отдельными публичными функциями.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ разработка и реализация государственной политики в сфере транспорта, нормативно-правовое регулирование, синхронизация отраслевых стратегий с общенациональными целями развития транспорта				
Министерство транспорта РФ (Минтранс) 2 ФАУ, 1 ФБУ, 2 ФГБУ, 2 ФГУП, 1 ФГКУ, 1ФКУ, 3 АНО, АО «Государственная транспортная лизинговая компания» (АО ГТЛК), ГК «Российские автомобильные дороги» (ГК «Автодор»), Российский университет транспорта (МИИТ) (mintrans.gov.ru)				
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ планирование, строительство и эксплуатация транспортной инфраструктуры, оказание государственных услуг и управление государственным имуществом, обеспечение транспортной безопасности				
Федеральное агентство железнодорожного транспорта (Росжелдор) 2 ФГУП, 1 ФГП, 1 ФКУ, 7 тер. управлений, учебные заведения (rlw.gov.ru)	**Федеральное дорожное агентство (Росавтодор)** 2 ФГБУ, 1 ФБЛПУ (rosavtodor.gov.ru)	**Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот)** 2 ФГУП, 8 ФГБУ, 12 ФБУ, учебные заведения (morflot.gov.ru)	**Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация)** 4 ФГУП, 18 ФКУ, 6 ФКП, 5 ФБУ, 6 ФАУ, учебные заведения (favt.gov.ru)	**Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор)** 8 тер. управлений по федеральным округам (rostransnadzor.gov.ru)

Структура федеральных органов управления транспортным комплексом Российской Федерации по состоянию на 21.09.2026
Примечание: составлен автором на основе Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации и положений о подведомственных ему агентствах и службе, а также официальных сведений с сайтов соответствующих ведомств

Типология институциональных разрывов
в управлении транспортным комплексом АЗРФ и ДФО

Вид разрыва	Критерий выделения (предмет расхождения)	Участники	Потенциальные управленческие риски
Регуляторный (СМП)	Сочетание разрешительных и хозяйственных функций в одном контуре (потенциальный риск конфликта интересов); разделение регулирования по линии «акватория – порт»	ГК «Росатом», ФГБУ «Главсевморпуть», ФГУП «Атомфлот»; Минтранс России, Росморречфлот, Ространснадзор	Снижение предсказуемости разрешительных решений; увеличение сроков согласования проектов на стыке акватории и портов
Ресурсный (Восточный полигон)	Расхождение критериев очередности пропуска грузов (категория груза, вид сообщения) и целевых установок территориального развития; в 2022–2024 гг. – отсутствие очередности, установленной актом Правительства РФ	ОАО «РЖД», Минтранс России, Росжелдор, ФАС России, Минвостокразвития России	Снижение предсказуемости доступа к инфраструктуре; рассогласование ввода производственных мощностей и расширения пропускной способности
Координационный (северный завоз)	Планирование завоза и управление навигацией и подвижным составом закреплены за разными участниками	Минвостокразвития России, ГК «Росатом», Росморречфлот, ОАО «РЖД», субъекты РФ	Нарушение синхронизации перевозок; перенос доставки на следующий сезон; дополнительные логистические издержки

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Например, вертикально интегрированная естественная монополия ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») выступает исполнителем инвестиционного проекта модернизации Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей (Восточного полигона), реализуемого в соответствии с долгосрочной программой развития компании[1], и ведет проектирование, строительство и эксплуатацию путевых мощностей [13], а Росжелдор обеспечивает институциональное сопровождение проекта и контроль целевого использования бюджетных инвестиций. Еще одним значимым участником является государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (ГК «Росатом»), в 2018 г. наделенная статусом инфраструктурного оператора СМП[2]. В 2022 г. к хозяйственным функциям корпорации (управление атомным ледокольным флотом и развитие портовой инфраструктуры) добавились публичные функции по организации плавания в акватории СМП, ранее закрепленные за отраслевыми органами[3]. Помимо этого, ГК «Росатом» продвигает проект формирования Трансарктического транспортного коридора (ТАТК), который связывает СМП с речными и железнодорожными путями [5, 15], что закрепляет за корпорацией роль ведущего участника развития морского сообщения между Европой и АТР.

Таким образом, ведомственная вертикаль Минтранса России, отраженная на рисунке, дополняется наделением ОАО «РЖД» и ГК «Росатом» отдельными публичными функциями (то есть функциями государственных агентов), а Минвостокразвития выступает связующим звеном, синхронизирующим отраслевые инициативы с потребностями макрорегионов. Взаимодействие этих участников не носит иерархического характера и складывается в рамках конкретных транспортных процессов. Применение приведенного выше критерия к трем таким процессам позволяет выделить три вида институциональных разрывов (таблица).

1. Регуляторный разрыв в управлении СМП. До 2022 г. разрешения на плавание в акватории СМП выдавало ФГБУ «Администрация Северного морского пути», подведомственное Росморречфлоту, тогда как ГК «Росатом» выполняла функции инфраструктурного оператора. После принятия Федерального закона от 28 июня 2022 г. № 184 функции организации плавания сосредоточились в контуре ГК «Росатом»: разрешения вы-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 19 марта 2019 г. № 466-р «Долгосрочная программа развития открытого акционерного общества «Российские железные дороги» до 2025 года» (в ред. от 13 октября 2022 г.).

[2] Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 525-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[3] Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 184-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.1 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”».

дает подведомственная корпорация ФГБУ «Главсевморпуть», а ледокольную проводку осуществляет ФГУП «Атомфлот». Тем самым дублирование разрешительных функций между Росморречфлотом и ГК «Росатом» было устранено, однако в одном контуре управления оказались сосредоточены разрешительная функция и хозяйственная деятельность, доходы от которой зависят от интенсивности судоходства. Отметим, что такое сочетание функций можно квалифицировать как потенциальный риск конфликта интересов, а не как установленную управленческую проблему. Одновременно за Минтрансом России и Росморречфлотом сохраняются нормативное регулирование торгового мореплавания, государственная регистрация судов и функции администраций морских портов, расположенных на трассе СМП, а контроль и надзор за безопасностью мореплавания относятся к компетенции Ространснадзора. Граница регулирования проходит по линии «акватория – порт», поэтому проекты, затрагивающие и акваторию, и порты (строительство портовых терминалов, организация судоходства в акваториях портов), требуют согласования решений органов, относящихся к разным контурам управления.

2. Ресурсный разрыв при распределении пропускной способности Восточного полигона. Целевые установки Минвостокразвития, отраженные в Национальной программе развития Дальнего Востока, ориентированы на рост вывоза несырьевой продукции и грузов резидентов ТОР и СПВ, тогда как значительную долю грузопотока Восточного полигона традиционно формирует экспорт угля [12, 13]. Распределение ограниченной пропускной способности между грузоотправителями регулируется Правилами недискриминационного доступа (далее – ПНД)[4], режим применения которых менялся. С 15 марта 2022 г. по 31 декабря 2024 г. действие этих правил было приостановлено[5], а очередность перевозок определялась Временными правилами, утвержденными ОАО «РЖД»[6], то есть локальным актом субъекта естественной монополии. Ни Минвостокразвития, ни Минтранс и Росжелдор, отвечающие за инфраструктурное планирование и контроль целевого использования бюджетных инвестиций, в этот период не обладали закрепленными полномочиями по определению очередности пропуска грузов. С 1 января 2025 г. ПНД применяются вновь в редакции, вступившей в силу с 1 сентября 2024 г.[7]: установлены многоуровневая очередность перевозок грузов (экспортные сырьевые грузы в универсальном подвижном составе отнесены к одной из последних очередей), отдельная методика планирования экспорта угля в восточном направлении и контроль ФАС России. Следовательно, для 2025–2026 гг. разрыв в части оперативного распределения мощности был устранен. Вместе с тем критерии очередности сформированы по признакам категории груза, вида сообщения и типа подвижного состава и не учитывают статуса грузоотправителя как резидента преференциального режима, а Минвостокразвития России не участвует в формировании плана перевозок. Поэтому распределение полномочий между участниками стратегического планирования и субъектами оперативного управления перевозочным процессом требует дополнительной координации при определении приоритетов использования ограниченной инфраструктурной мощности и прежде всего – приоритетов ее наращивания.

3. Координационный разрыв в логистике северного завоза. До принятия Федерального закона от 04 августа 2023 г. № 411 «О северном завозе»[8] организация завоза осуществлялась преимущественно субъектами РФ при участии федеральных органов в пределах их отраслевой компетенции. Закон ввел институты федерального координатора (Минвостокразвития России) и единого морского оператора (ГК «Росатом»), план и федеральную государственную информационную систему мониторинга северного завоза. Вместе с тем механизм единого оператора охватывает морское звено, а параметры, определяю-

[4] Постановление Правительства РФ от 25 ноября 2003 г. № 710 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа перевозчиков к инфраструктуре железнодорожного транспорта общего пользования, грузоотправителей к услуге по перевозке грузов железнодорожным транспортом общего пользования» (в ред. постановлений Правительства РФ от 27 мая 2024 г. № 680 и от 06 июня 2025 г. № 843).

[5] Постановление Правительства РФ от 06 марта 2022 г. № 304 «О приостановлении действия постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2003 г. № 710» (в ред. постановлений Правительства РФ от 05 августа 2024 г. № 1052).

[6] Временные правила определения очередности перевозок грузов (в том числе в ред., утв. протоколом ОАО «РЖД» от 27 декабря 2022 г. № 102).

[7] Постановление Правительства РФ от 27 мая 2024 г. № 680 (изменения в ПНД вступили в силу с 01 сентября 2024 г.); с 01 марта 2026 г. ПНД применяются с изменениями, внесенными постановлением Правительства РФ от 06 июня 2025 г. № 843.

[8] Федеральный закон от 04 августа 2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе».

щие выполнение плана при смешанных перевозках, – сроки и условия навигации на внутренних водных путях (Росморречфлот и подведомственные ему администрации бассейнов внутренних водных путей) и подача подвижного состава к пунктам перевалки грузов с железнодорожного транспорта на речной (ОАО «РЖД») – остаются в ведении участников, не подчиненных координатору. Координационный разрыв проявляется в потенциальной несогласованности сроков речной навигации, подачи подвижного состава и готовности пунктов перевалки при выполнении единого плана северного завоза.

Заключение

Анализ трех управленческих ситуаций показал, что институциональные разрывы в управлении транспортным комплексом АЗРФ и ДФО связаны не с разделением компетенции как таковым, а с недостаточностью процедур согласования решений в рамках единых транспортных процессов и сосредоточением в отдельных контурах управления функций с потенциально расходящимися интересами. Выделенные три типа институциональных разрывов (регуляторный, ресурсный и координационный) требуют различных инструментов преодоления. С учетом действующего распределения компетенций, на наш взгляд, целесообразно:

1. Для преодоления регуляторного разрыва предусмотреть организационные гарантии самостоятельности разрешительных процедур в акватории СМП, выполняемых ФГБУ «Главсевморпуть», прозрачность критериев принятия решений и публичную отчетность об их результатах (о выданных разрешениях и отказах в их выдаче), а также закрепить регламент взаимодействия ФГБУ «Главсевморпуть» с администрациями морских портов на трассе СМП и Ространснадзором.

2. Для преодоления координационного разрыва обеспечить информационное взаимодействие действующих систем мониторинга северного завоза (ФГИС мониторинга северного завоза), сервисов организации судоходства на СМП и информационных систем железнодорожного транспорта для согласования графиков мультимодальных перевозок с доступом к ним администраций бассейнов внутренних водных путей и ОАО «РЖД».

3. Для преодоления ресурсного разрыва сформировать механизм межведомственного согласования инвестиционных программ ОАО «РЖД», Росжелдора, Росавтодора и Росморречфлота в части развития инфраструктуры Восточного полигона с целевыми установками Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока, при котором Минвостокразвития России участвует в согласовании, а установленная законодательством компетенция участников по утверждению программ сохраняется.

Предложенные меры не предполагают перераспределения компетенции участников, а оценка их эффективности составляет предмет последующих исследований.

Список литературы

1. Минаков А. В. Оценка экономического сотрудничества дальневосточных регионов России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1. DOI: 10.15862/73ECVN123. URL: https://esj.today/PDF/73ECVN123.pdf (дата обращения: 08.102026).

2. Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 2. С. 181–191. URL: https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/39725 (дата обращения: 08.102026). DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191.

3. Blakkisrud H. An Asian Pivot Starts at Home: The Russian Far East in Russian Regional Policy // Russia's Turn to the East / eds. H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham: Palgrave Pivot, 2018. P. 11–30. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-69790-1_2 (дата обращения: 08.10.2026). DOI: 10.1007/978-3-319-69790-1_2.

4. Воробьева Н. А. Дальний Восток России и партнерство со странами Азии: расширение и укрепление транспортного суверенитета России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2026. Спецвыпуск. С. 10–15. DOI: 10.24866/2311-2271/2026-s/2127. URL: https://journals.dvfu.ru/jem/article/view/2127 (дата обращения: 08.10. 2026).

5. Журавель В. П., Гриняев С. Н. Трансарктический транспортный коридор: политико-экономический и стратегический потенциал для России // Арктика и Север. 2025. № 60. С. 135–151. URL: https://arcticandnorth.ru/upload/iblock/2d8/ye15aia20pjeluaull4r5l8rvmi616c1/60_135_151.pdf (дата обращения: 08.10. 2026). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.60.135.

6. Савушкин С. А., Цыганов В. В., Горбунов В. Г. Трансконтинентальные транспортные коридоры в России // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2019. № 2 (12). С. 67–71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transkontinentalnye-transportnye-koridory-v-rossii (дата обращения: 08.10. 2026).

7. Серова Н. А., Серова В. А. Транспортная инфраструктура российской Арктики: специфика функционирования и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2 (185). С. 142–151. URL: https://ecfor.ru/publication/transportnaya-infrastruktura-rossijskoj-arktiki (дата обращения: 08.10. 2026). DOI: 10.47711/0868-6351-185-142-151.

8. Остапчук В. Н. Особенности государственного управления национальной транспортной системой // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2021. № 1. С. 147–151. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46362040 (дата обращения: 08.102026).

9. Халтурин Р. А. Система государственного управления транспортом в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 3. С. 64–72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-gosudarstvennogo-upravleniya-transportom-v-rossii(дата обращения: 08.10. 2026).

10. Бондарева Д. О. Механизмы взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования // Актуальные исследования. 2025. № 38 (273). Ч. I. С. 77–79. URL: https://apni.ru/article/13100-mehanizmy-vzaimodejstviya-federalnyh-i-regionalnyh-organov-gosudarstvennoj-vlasti-v-rossijskoj-federacii-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya(дата обращения: 08.10. 2026).

11. Тарба Т. О. Механизмы взаимодействия государственных корпораций с субъектами Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 109. С. 185–196. URL: https://www.spajournal.ru/jour/article/view/194 (дата обращения: 01.10.2026). DOI: 10.55959/MSU2070-1381-109-2025-185-196.

12. Сечин И. И. Развитие Восточного полигона – приоритет российской экономики в условиях поворота на Восток // Международная торговля и торговая политика. 2024. Т. 10. № 2. С. 88–104. URL: https://mttp.rea.ru/jour/article/view/686 (дата обращения: 01.10.2026). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-88-104.

13. Баженов Ю., Денежкин А. Восточный полигон РЖД как пример региональной интеграции на Дальнем Востоке // Постсоветский материк. 2019. № 1 (21). С. 53–63. URL: https://i-sng.ru/img/2020/10/3a3075f147c3973c69d2a08ff4d39fc3.pdf (дата обращения: 01.10.2026).

14. Серова Н. А., Яковчук А. А. Ключевые аспекты государственной арктической инвестиционной политики России // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 3 (34). С. 72–74. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35691029 (дата обращения: 01.10.2026).

15. Борисова Е. А. Сложности переориентации внешней торговли России с Запада на Восток: логистика и транспорт // Восточная аналитика. 2025. Т. 16. № 2. С. 9–24. URL: https://www.ivran.ru/f/Vostochnaia-analitika-2025-Vypusk-2.pdf (дата обращения: 01.10.2026). DOI: 10.31696/2227-5568-2025-02-009-024.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-18-20078.

Financing: This research was supported by the RSF grant No. 25-18-20078.

УДК 332.1:338.2
DOI 10.17513/fr.44116

CC BY 4.0

ОЦЕНКА ВКЛАДА НАУКОГРАДОВ В РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Тузкова Д. К. ORCID 0009-0003-2253-4054

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация, e-mail: diana1306@rambler.ru

Работа посвящена анализу роли наукоградов в реализации национальных проектов и определению возможностей усиления роли наукоградов в построении технологического лидерства. Проанализированы основные документы, определяющие приоритеты научно-технологического развития страны, и сопоставлены со специализациями наукоградов. Выявлено, что для ускоренного достижения целей национальных проектов может быть более эффективно использован потенциал научно-производственных комплексов наукоградов. Особое внимание уделено реализации инновационных проектов на муниципальном уровне. Анализ стратегий развития наукоградов показал, что приоритет в них отдается проектам по совершенствованию инфраструктуры и решению актуальных социально-экономических задач муниципалитетов. Аналогичная тенденция характерна и для конкурсных проектов-победителей, направленных на укрепление социально-экономической базы наукограда. Для более интенсивной интеграции наукоградов в реализацию национальных проектов предлагается введение специализированного Рейтинга инновационной активности наукоградов с применением таких показателей, как уровень инновационной активности организаций, удельный вес инновационных товаров и др. Предлагается использование дополнительных критериев для выявления проектов, стимулирующих инновационную деятельность в наукоградах, и усиление финансовой поддержки наукоградов за счет внебюджетных источников финансирования. Для инновационных проектов, как части стратегий развития наукоградов, предлагается введение порогового значения для реализации мероприятий по созданию и развитию высокотехнологичной продукции в наукоградах.

Ключевые слова: научно-технический потенциал, региональная инновационная система, национальные проекты, наукоград, технологическое лидерство

ESTIMATION OF CONTRIBUTION OF SCIENCE CITIES TO THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

Tuzkova D. K. ORCID 0009-0003-2253-4054

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation, e-mail: diana1306@rambler.ru

The paper analyzes the role of science cities in the implementation of national projects and identifies opportunities to strengthen the role of science cities in building technological leadership. The main documents defining the priorities of scientific and technological development of the country are analyzed and compared with the specializations of science cities. It has been revealed that the potential of scientific and production complexes of science cities can be used more effectively to accelerate the achievement of the goals of national projects. Special attention is paid to the implementation of innovative projects at the municipal level. An analysis of development strategies for science cities has shown that priority is given to projects aimed at upgrading infrastructure and addressing the municipalities' pressing socio-economic challenges. A similar trend is observed among the winning projects selected through competitions, which focus on strengthening the science city's socio-economic base. For a more intensive integration of science cities into the implementation of national projects it is proposed to introduce a rating of innovation activity of science cities, using such indicators as the level of innovation activity of organizations, the proportion of innovative goods, etc. It is proposed to use additional criteria to identify projects that stimulate innovation in science cities and to strengthen financial support for science cities through extra-budgetary sources of financing. For innovative projects forming part of the development strategies for science cities, it is proposed to introduce a threshold value for the implementation of activities aimed at creating and developing high-tech products within these cities.

Keywords: science city, scientific and technical potential, regional innovation system, national projects, technological leadership

Введение

В последние годы особое внимание уделяется вопросу научно-технологического развития страны. Наукограды России, обладая высоким научно-техническим потенциалом и развитым научно-производственным комплексом, представляют особый интерес для целей такого развития [1]. Ряду наукоградов, которым в начале 2000-х гг. был Указом Президента Российской Федерации на 25 лет присвоен статус наукограда Российской Федерации, Председателем Правительства Российской Федерации подписаны распоряжения, которыми сохранен этот статус еще сроком на 15 лет (Обнинск, Дубна, Королев, Коль-

цово), а также присвоены статусы впервые – Серпухову в 2024 г.[1], Долгопрудному в 2026 г.[2] Таким образом, государство признает за наукоградами важность и значимость для развития научно-технического потенциала страны[3].

Цель исследования – определение возможностей усиления роли наукоградов в построении технологического лидерства страны на основе научно-технического и инновационного потенциала наукоградов.

Материалы и методы исследования

В процессе исследования применялся системный подход для анализа роли наукоградов в реализации национальных проектов технологического лидерства, экономико-статистические и другие методы. Информационной основой являются данные Минобрнауки России, включая распоряжения о результатах конкурсного отбора мероприятий, способствующих реализации инновационных проектов; справки об оценке соответствия показателей научно-производственных комплексов наукоградов Российской Федерации требованиям, установленным Федеральным законом от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации», и достижения результатов, предусмотренных планами мероприятий по реализации стратегий социально-экономического развития наукоградов Российской Федерации в 2025 г. и ранее[4]; а также данные Росстата, исследования НИУ ВШЭ по рейтингу инновационного развития, заключения РАН по оценке показателей научно-производственных комплексов наукоградов за период с 2021 по 2025 г. Использованы также материалы периодической печати, нормативно-правовые акты и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Наукограды осуществляют свою научно-производственную деятельность по различным направлениям исходя из приоритетов научно-технологического развития (Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»[5], Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»[6] и др.). Кроме того, за каждым наукоградом закрепляются приоритетные направления развития самого муниципального образования в соответствии со спецификой его научно-производственного комплекса.

Согласно данным Минобрнауки России за 2021–2025 гг., производственную деятельность наукограды продолжают осуществлять по всем приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, определенным в Указе Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»[7].

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определены целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение различных целей, в том числе национальной цели «Технологическое лидерство»[8].

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2024 г. № 821 «О присвоении статуса наукограда Российской Федерации городскому округу Серпухов Московской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 26. Ст. 3661.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06 февраля 2026 г. № 186-р «О присвоении статуса наукограда Российской Федерации городскому округу Долгопрудный Московской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 7. Ст. 715.

[3] Союз развития наукоградов [Электронный ресурс]. URL: https://naukograds.ru/ (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Справка об оценке соответствия показателей научно-производственных комплексов наукоградов Российской Федерации требованиям, установленным пунктом 8 статьи 2.1 Федерального закона от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации», и достижения результатов, предусмотренных планами мероприятий по реализации стратегий социально-экономического развития наукоградов Российской Федерации в 2025 году» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/414363603/ (дата обращения: 18.09.2026).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.

[6] Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 26. Ст. 3640.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 07 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 28. Ст. 4168.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

Таблица 1

Вовлеченность наукоградов в реализацию национальных проектов

Наименование национального проекта	Наукоград	Объект инфраструктуры	Специализация наукограда
1. Беспилотные авиационные системы 2. Развитие многоспутниковой орбитальной группировки 3. Промышленное обеспечение транспортной мобильности	Королев; Реутов Дубна; Жуковский	РКК «Энергия» им. С. П. Королева; ВПК НПО машиностроения ОЭЗ «Дубна»; ЛИИ им. М. М. Громова	Транспортные и космические системы
4. Новые атомные и энергетические технологии	Обнинск	Обнинский институт атомной энергетики, Физико-энергетический институт им. А. И. Лейпунского	Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика
5. Новые технологии сбережения здоровья	Кольцово; Обнинск; Серпухов	ГНЦ ВБ «Вектор»; МРНЦ им. А. Ф. Цыба; Институт белка РАН, Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН	Науки о жизни, индустрия наносистем
6. Новые материалы и химия 7. Технологическое обеспечение продовольственной безопасности 8. Средства производства и автоматизации	Черноголовка; Бийск; Фрязино; Черноголовка	ФИЦ ПХФ и МХ РАН ФНПЦ «Алтай», Бийский технологический институт НПП «Исток-Система»; ФИЦ ПХФ и МХ РАН	Рациональное природопользование. Робототехнические комплексы (системы) военного, специального и двойного назначения

Примечание: составлена автором по данным Правительства Российской Федерации.

Для ее достижения необходимо «увеличение к 2030 году внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2 % валового внутреннего продукта, в том числе за счет увеличения инвестиций со стороны частного бизнеса на эти цели не менее чем в два раза» и выполнение ряда других задач. В этой связи особый интерес представляет роль наукоградов и возможность более эффективного использования их потенциала для национальных целей развития страны [2, 3].

Научно-производственный комплекс и инновационный потенциал наукоградов позволяют им быть задействованными в реализации национальной цели технологического лидерства [4]. Каждый из восьми национальных проектов соотнесен со специализацией научно-производственного комплекса наукограда, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации, и приведены примеры возможных площадок для реализации этих приоритетов (табл. 1). Необходимо отметить, что в табл. 1 представлены лишь те направления научно-технологического развития наукоградов, которые могут быть соотнесены с национальными проектами по развитию технологического лидерства[9]. Информация обо всех перспективных направлениях научно-технологического развития наукоградов содержится в стратегиях их развития, а также отчетах Минобрнауки России.

Анализ табл. 1 позволяет сделать вывод о том, что научно-производственный комплекс наукоградов может быть более активно задействован в реализации национальных проектов, так как специализации многих наукоградов соответствуют целям и задачам развития технологического лидерства[10]. Потенциал наукоградов позволяет использовать их в различных национальных проектах, что повышает их привлекательность среди других элементов инновационной инфраструктуры [5, 6].

Помимо вовлечения наукоградов в реализацию крупных национальных проектов они задействованы в реализации инновационных проектов, которые являются неотъемлемой частью муниципальной стратегии развития наукограда.

[9] Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Технологическое развитие. Наука. Инновации. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/54184/ (дата обращения: 18.09.2026).

[10] Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8533.

Таблица 2

Мероприятия – победители конкурса инновационных проектов в наукоградах

	Наименование наукограда	Наименование мероприятия
2021 год•	Мичуринск (Тамбовская область)	Создание высокотехнологичного производства оригинальных и элитных семян отечественных сортов зерновых и масличных культур для формирования конкурентоспособного фонда семенного материала (на базе созданного в рамках национального проекта «Наука» Селекционно-семеноводческого центра ФГБНУ «ФНЦ им. И. В. Мичурина»)
	Кольцово (Новосибирская область)	Создание агробиоинженерного парка на базе МБОУ «Биотехнологический лицей № 21» в наукограде Кольцово
	Королев (Московская область)	Создание «Научно-испытательного центра аддитивных технологий» Инжинирингового центра ГБОУ ВО МО «Технологический университет»
	Пущино (Московская область)	Открытие в Пущинском государственном естественно-научном институте направлений подготовки среднего технического персонала для производственных предприятий биотехнологического профиля и исследовательских учреждений РАН наукограда Пущино и Южного Подмосковья
2022 год	Реутов (Московская область)	Создание стартап-студии для развития студенческого технопредпринимательства на базе детского технопарка «Изобретариум»
	Дубна (Московская область)	Создание в Государственном университете «Дубна» центра разработок и прототипирования литий-ионных аккумуляторов для широкого спектра мобильных устройств и систем накопления электрической энергии
	Бийск (Алтайский край)	Технологическая модернизация зенитного купола для астрономических наблюдений на базе МБУ «Молодежный центр “Родина”» (Здание Дома технического творчества им Я. Ф. Савченко)
2023 год	Жуковский (Московская область)	Создание высокотехнологического производственного центра для комплексной реализации проектов беспилотных авиационных систем
	Мичуринск (Тамбовская область)	Техническое оснащение действующего производства ООО «Швейная фабрика “Феникс”» с целью развития инновационного производства товаров легкой промышленности на территории г. Мичуринска Тамбовской области
2024 год	Бийск (Алтайский край)	Оснащение муниципального бюджетного учреждения «Центр организации отдыха и оздоровления детей» обособленного подразделения «Детский оздоровительный лагерь “Лесная сказка”» мобильными нестационарными научно-познавательными модулями, укомплектованными оборудованием для исследований и технического творчества, в рамках создания детского научно-образовательного кластера наукограда (проект «Умные каникулы наукограда»)
	Королев (Московская область)	Создание «Центра развития специалистов уникальных профессий и Центра беспилотных технических средств» на базе государственного автономного профессионального образовательного учреждения Московской области «Межрегиональный центр компетенций – Техникум имени С. П. Королева»
	Кольцово (Новосибирская область)	Создание единого центра научно-популярного и промышленного туризма в наукограде Кольцово
2025 год	Обнинск (Калужская область)	Создание и развитие на территории г. Обнинска учебного центра беспилотной авиации (Учебный центр БАС), создание конструкторского бюро
2026 год	Конкурс признан несостоявшимся	

Примечание: составлена автором по данным Минобрнауки России.

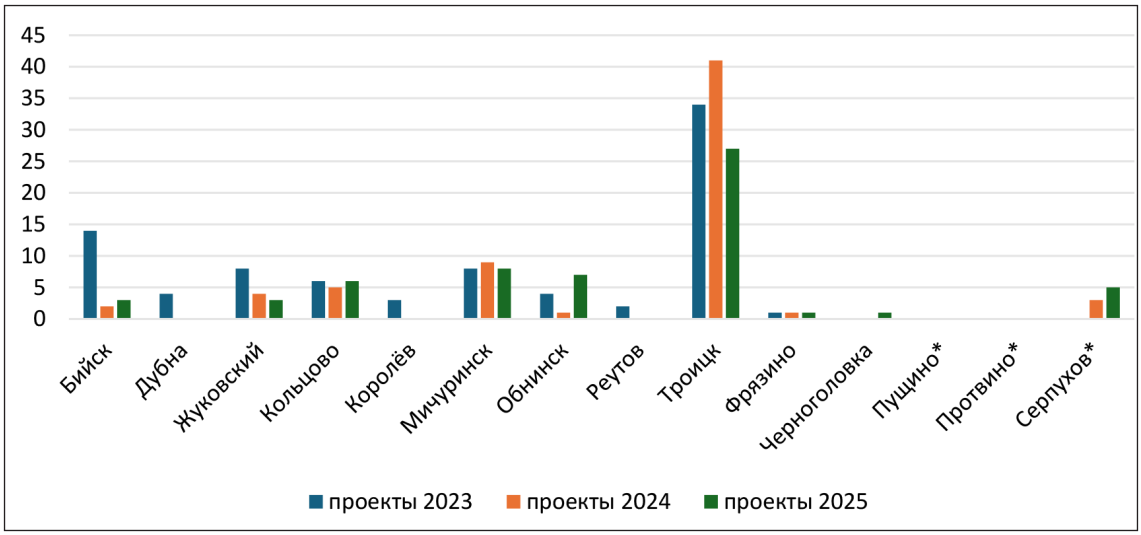

Рис. 1. Мероприятия по реализации инновационных проектов, заложенные в стратегиях наукоградов
Примечание: составлен автором по данным Минобрнауки России

Для достижения целей, показателей и результатов федерального проекта «Поддержка наукоградов» Государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» предусматривается частичное финансирование мероприятия по реализации стратегий[11]. Одним из направлений финансирования наукоградов являются «мероприятия, способствующие реализации инновационных проектов»[12]. Данные мероприятия финансируются по двум основаниям: внеконкурсные мероприятия (направление 1) и мероприятия, размер межбюджетных трансфертов которых распределяется по результатам конкурсного отбора (направление 2). Объем таких средств и порядок проведения конкурсного отбора устанавливаются Правительством Российской Федерации. Список мероприятий, признанных победителями по реализации инновационных проектов в наукоградах с 2021 по 2026 г. (направление 2), представлен в табл. 2.

Мероприятия, признанные победителями, в основном затрагивают образовательную сферу (табл. 2). Часть мероприятий, несмотря на то, что они соответствуют специализации наукоградов, направлена на развитие непосредственно инфраструктуры наукоградов как муниципальных образований. Такое положение может быть объяснено наличием инфраструктурных проблем в наукоградах, а дополнительные средства расходуются на развитие социально-экономической, а не инновационной инфраструктуры [7, 8].

Московская область представлена наибольшим количеством победителей ввиду сосредоточения восьми наукоградов на ее территории, но в открытом доступе нет информации о других участниках конкурсного отбора. Объем финансирования ежегодно сокращается (2021 г. – 98,7 млн руб., 2025 г. – 51,2 млн руб. и 2026 г. – 0 млн руб.). В соответствии с правилами проведения конкурса «в случае если заявки отсутствуют или представлена одна заявка, конкурсная комиссия признает конкурсный отбор несостоявшимся и часть субсидий, предусмотренная для распределения по результатам конкурсного отбора, распределяется в соответствии с Правилами предоставления субсидий»[13].

Количество выполненных мероприятий по реализации инновационных проектов приведено на рис. 1 (направление 1). За основу анализа взяты данные, представленные в справках об оценке соответствия показателей научно-производственных комплексов наукоградов Российской Федерации требованиям 70-ФЗ, подготовленным Минобрнауки России.

[11] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 15 (ч. 3). Ст. 1750.

[12] Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 15. Ст. 1750.

[13] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 15 (ч. 3). Ст. 1750.

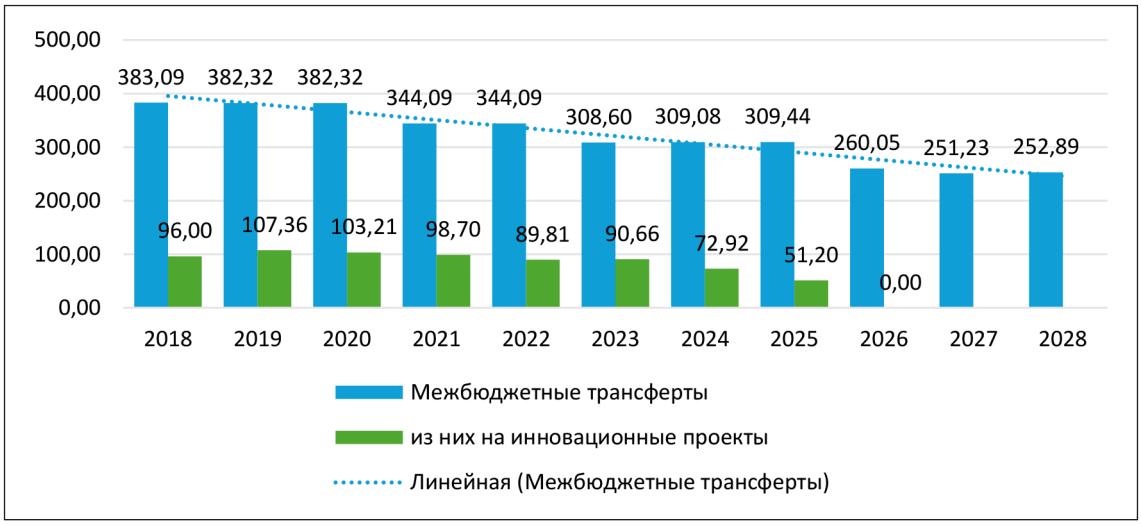

Рис. 2. Объем межбюджетных трансфертов наукоградам, млн руб.
Примечание: составлен автором по данным Минобрнауки России

Наибольшее количество мероприятий за 3 года приходится на наукоград Троицк, отсутствуют мероприятия в Черноголовке, Дубне, наукоградах Королеве и Реутове (рис. 1). К мероприятиям по реализации инновационных проектов, представленных в стратегиях наукоградов, относятся такие мероприятия, как ремонт зданий и помещений, создание индустриального парка, брендинг по различным аспектам городской жизни, модернизация площадок и оборудования, развитие производства и создание специализированных систем в наукограде, строительство складских помещений, обеспечение благоприятного инвестиционного климата и др. Доля данного направления в общем количестве мероприятий по реализации стратегий социально-экономического развития наукоградов составила в 2023 г. и 2024 г. – 23 %, в 2026 – 16 %.

Размер межбюджетных трансфертов, выделяемых наукоградам, представлен на рис. 2. Можно говорить о том, что объем финансирования имеет устойчивую динамику к сокращению, при этом объем средств, выделяемых на финансирование непосредственно самих инновационных проектов, составляет по-прежнему не более 30 % от общего объема финансирования [9, 10] (направление 2). В этой связи вопрос привлечения дополнительных ресурсов, которые можно было бы использовать для наращивания потенциала наукоградов, стоит достаточно остро. Представляет интерес опыт наукограда Долгопрудный, который привлекает инвестиции через:

– участие образовательных организаций, инновационного научно-технологического центра «Долина Физтеха» и компаний в научно-технических проектах и программах федерального и регионального уровней, а также в национальных проектах и проектах по обеспечению технологического лидерства, включая гранты Минобрнауки России, Минпромторга России и институтов развития (Фонд содействия инновациям, ВЭБ.РФ и др.);

– поддержку комплексных НИОКР-проектов полного инновационного цикла в кооперации образовательных организаций, научных лабораторий, производственных предприятий и стартапов наукограда;

– привлечение частных и институциональных инвесторов через развитие инновационного научно-технологического центра «Долина Физтеха» как центра технологического предпринимательства, с предоставлением площадок, налоговых преференций и сервисной поддержки резидентам;

– привлечение финансирования городской инфраструктуры[14].

Представляется, что данный опыт можно использовать и в других наукоградах для усиления их финансовой поддержки. В качестве мер по привлечению дополнительного финансирования в наукограды можно рассматривать их приоритетное участие в стратегических инициативах правительства и профильных национальных проектах [11, 12].

[14] Официальный сайт Администрации наукограда Долгопрудный [Электронный ресурс]. URL: https://оф-долгопрудный.рф/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-gorodskogo-okruga-dolgoprudnyj/ (дата обращения: 18.09.2026).

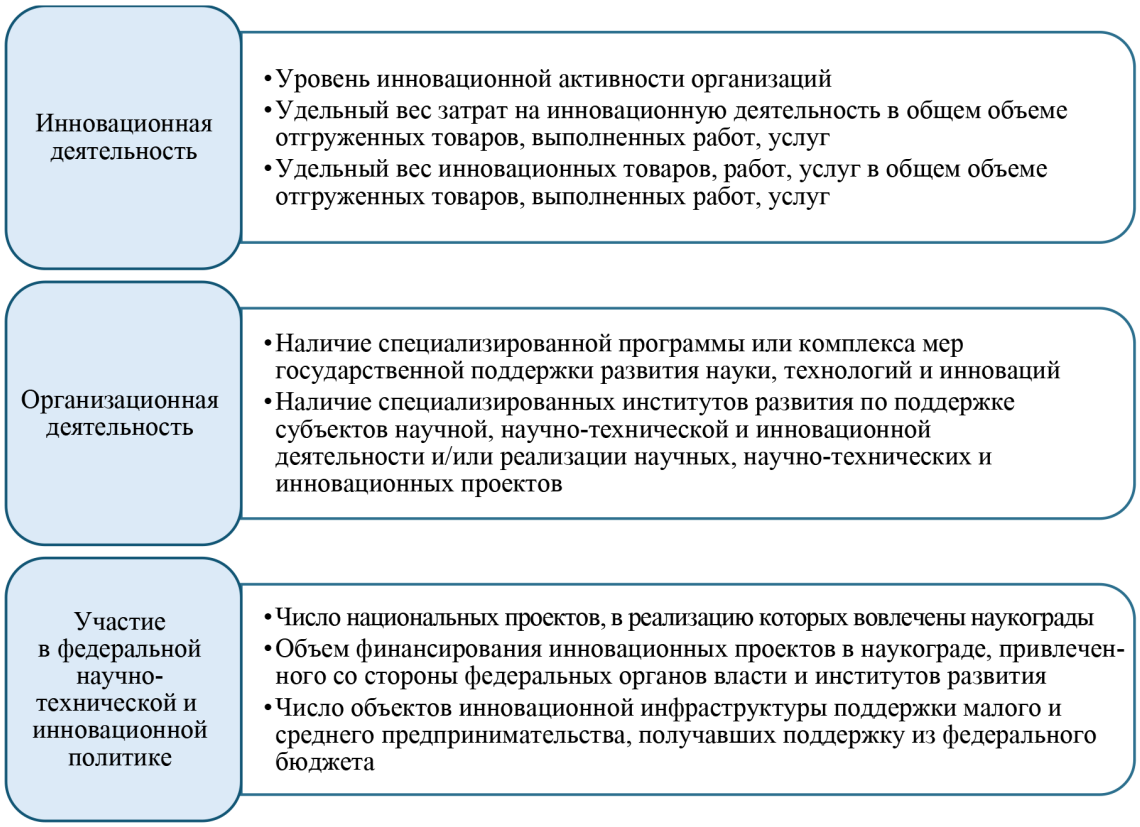

Рис. 3. Показатели инновационной деятельности наукограда, рекомендуемые для рейтинга
Примечание: составлен автором по данным НИУ ВШЭ

НИУ ВШЭ ежегодно подготавливается аналитический доклад, посвященный анализу инновационного развития российских регионов на основе комплекса рейтинговых оценок[15]. На основе российского регионального инновационного индекса НИУ ВШЭ предлагается разработать новый инструмент для наукоградов – специализированный Рейтинг инновационной активности наукоградов (рис. 3). Для данного рейтинга предлагается выделить три блока (инновационная деятельность, организационная деятельность, участие в федеральной научно-технической и инновационной политике); отобрать показатели, которые могут быть применены для оценки наукоградов; дополнить рядом показателей, отражающих специфику деятельности научно-производственных комплексов наукоградов.

Полученные рейтинговые оценки позволят сгруппировать наукограды и выделить группы с высоким, средним и низким значением. Данный подход можно использовать для разработки мероприятий по развитию инновационной активности наукоградов по группам. Наукограды, показавшие высокие значения рейтинга, смогут рассчитывать на дополнительные финансовые ресурсы для развития научно-производственного комплекса, инновационной инфраструктуры либо на их приоритетное (среди других наукоградов) финансирование [13, 14].

Проведенный анализ показал, что реализуемые инновационные проекты направлены в основном на развитие социально-экономической инфраструктуры наукоградов. Как отмечалось ранее, для развития инновационной направленности предлагается использовать дополнительные показатели при отборе инновационных проектов, которые бы отражали его инновационную составляющую. Например, количество научных публикаций, число выданных патентов и др. [15]. Кроме того, предлагается усилить контроль за расходованием средств на инновационное развитие и установить значение показателя «Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ,

[15] Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 10 [Электронный ресурс] / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/news/1068199937.html (дата обращения: 18.07.2026).

услуг, процентов» на уровне 70 % для отнесения данных мероприятий к направлению 1 (реализация инновационных проектов, заложенных в стратегиях наукоградов). Такие меры будет способствовать развитию непосредственно инновационного потенциала организаций, входящих в научно-производственный комплекс наукоградов.

Заключение

Стоящие перед страной задачи по реализации национальных проектов требуют поиска источников для их реализации. Наукограды Российской Федерации обладают развитым научно-производственным комплексом, что является важным фактором для построения технологического лидерства, ускоренного инновационного развития регионов и страны. Проведенный анализ показал, что научно-технический потенциал наукоградов позволяет более активно вовлекать их в реализацию национальных проектов. Однако реализация инновационных проектов на муниципальном уровне зачастую осложняется имеющимися социально-экономическими проблемами в муниципальном образовании. В результате анализа выявлено, что реализуемые проекты (как в конкурсной, так и во внеконкурсной части) в основном направлены на развитие инфраструктуры и укрепление социально-экономической базы наукоградов. В этой связи для инновационных проектов, являющихся частью стратегий развития наукоградов, предлагается введение порогового значения для мероприятий, непосредственно направленных на инновационное развитие наукограда. Предлагается также введение специализированного Рейтинга инновационной активности наукоградов, который позволит дифференцировать меры поддержки и стимулировать инновационное развитие.

Таким образом, научно-технический потенциал наукоградов является важным ресурсом для достижения цели инновационного развития как экономики муниципального образования, так и экономики региона и страны в целом. Предложенные меры позволят более эффективно его использовать и способствовать развитию технологического лидерства страны.

Список литературы

1. Обухова А. С. Национальная инновационная система: обеспечение технологического суверенитета и достижение технологического лидерства // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 5 (61). С. 350–354. EDN: RXPUJD.

2. Строев П. В. Пространственное распределение экономических ресурсов в условиях новых вызовов развитию России // AlterEconomics. 2025. Т. 22. № 2. С. 185–202. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.2. EDN: DGKMRC.

3. Шубцова Л. В. Проблемы государственного управления наукой и научным обеспечением в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2026. № 2 (73). С. 1023–1026. EDN: OKMDCJ.

4. Кузнецов С. В., Солодилов В. В. Развитие наукоградов в городских агломерациях России // Экономика и управление. 2026. Т. 32. № 8. С. 979–992. DOI: 10.35854/1998-1627-2026-8-979-992. EDN: ZAYUTH.

5. Воропаева А. В., Коростелева Л. Ю. Наукограды России и проблемы городской среды // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12 (188). С. 80–90. DOI: 10.24158/tipor.2023.12.8. EDN: BJNLSN.

6. Кузнецова О. В. Реализация стратегии пространственного развития: актуальные исследовательские задачи // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2025. № 4 (83). С. 130–134. EDN: SIGYQL.

7. Белякова Г. Я., Проскурнин С. Д. Основные предпосылки создания и функционирования успешных наукоградов как территориальных точек роста // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1 (74). С. 25–32. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1547. EDN: HSILMI.

8. Клецкова Е. В. Формирование инновационной инфраструктуры в регионах как инструмент обеспечения устойчивого социально-экономического развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. Т. 8. № 4 (169). С. 180–188. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.04.08.019. EDN: KMUQXI.

9. Демидов А. В. Механизмы трансфера технологий в технопарках и их вклад в технологический суверенитет России (на материалах технопарка «Жигулевская долина») // Журнал прикладных исследований. 2026. № 2. С. 72–80. DOI: 10.26118/2359.2026.72.16.011. EDN: BCZZDA.

10. Сумская Т. В. Наукограды России: динамика изменений и направления развития (на примере наукограда Кольцово, Новосибирская область) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 6. С. 1220–1233. EDN: BCPZED.

11. Троян Н. А. Цифровая трансформация и технологическое развитие как основа инновационного прогресса: стратегические ориентиры для достижения технологического лидерства // Правовая информатика. 2025. № 4. С. 227–234. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-4-227-234. EDN: JVFBRT.

12. Ершова И. Г., Мищинская В. О., Гусельникова Л. Н. Управление инновационной политикой региона в условиях технологической трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15. № 2. С. 10–23. DOI: 10.21869/2223-1552-2025-15-2-10-23. EDN: VULNPH.

13. Емелин Н. М. Совершенствование подходов к оценке деятельности наукоградов // Информация и инновации. 2025. Т. 20. № 3. С. 74–84. DOI: 10.31432/1994-2443.2025.12. EDN: ATWIRH.

14. Емелин Н. М. Мониторинг и совершенствование показателей деятельности наукоградов // Информация и инновации. 2023. Т. 18. № 4. С. 38–46. DOI: 10.31432/1994-2443-2023-18-4-38-46. EDN: FWZCMA.

15. Тузкова Д. К. Особенности реализации инновационных проектов в наукоградах // Управленческий учет. 2021. № 9–3. С. 728–734. DOI: 10.25806/uu9-32021728-734. EDN: FLMGLX.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

УДК 351.85:338.2
DOI 10.17513/fr.44117

CC BY 4.0

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ РОЛИ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Яхяев Д. Б. ORCID ID 0000-0002-3650-3924,
Солоненко С. С. ORCID ID 0009-0007-3163-4670

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», Архангельск, Российская Федерация, e-mail: d.yahyaev@narfu.ru

В статье исследуются теоретико-методологические основы оценки роли культуры в системе государственных приоритетов. Актуальность работы обусловлена объективными сложностями количественной оценки вклада культуры в развитие государства, что затрудняет ее интеграцию в систему приоритетов государственного регулирования и обоснование объемов бюджетного финансирования. Цель исследования заключается в раскрытии теоретических основ оценки роли культуры через призму трехкомпонентной модели ценностей Дж. Холдена и типологии моделей культурной политики Г. Хиллмана-Шартрана и К. Маккохи. В работе использованы методы системного, концептуального, историко-генетического и типологического анализа. Установлено, что традиционные подходы к измерению культурного эффекта (экономико-ориентированный и социально-ориентированный) не позволяют сформировать комплексное представление о реальной роли культуры в системе государственных приоритетов. Показано, что трехкомпонентная модель ценностей культуры, включающая имманентные, инструментальные и институциональные ценности, позволяет преодолеть ограниченность традиционных подходов и создать концептуальную основу для сбалансированной культурной политики. Научная новизна исследования состоит в разработке авторской аналитической схемы, соотнесшей типы ценностей культуры с моделями культурной политики, что обеспечивает систематизацию теоретических подходов и новую интерпретацию ценностных оснований государственной культурной политики. Сравнительный анализ зарубежных моделей (США, Франция, Великобритания) продемонстрировал многообразие национальных практик и отсутствие универсальной модели: каждая система является уникальной, сформированной под воздействием исторических традиций и институционального контекста. Обосновано, что для России, находящейся на этапе трансформации культурной политики в условиях новых геополитических реалий, ключевой вызов заключается в достижении баланса между культурой как инструментом обеспечения национальной безопасности и развитием ее внутреннего потенциала. Результаты исследования могут быть использованы при разработке методологических основ государственной культурной политики, совершенствовании механизмов бюджетного финансирования учреждений культуры.

Ключевые слова: государственная культурная политика, роль культуры в системе государственных приоритетов, модели финансирования культуры, культурный суверенитет

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR ASSESSING THE ROLE OF CULTURE IN THE SYSTEM OF STATE PRIORITIES

Yakhyaev D. B. ORCID ID 0000-0002-3650-3924,
Solonenko S. S. ORCID ID 0009-0007-3163-4670

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov", Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: d.yahyaev@narfu.ru

This article examines the theoretical and methodological foundations for assessing the role of culture in the system of state priorities. The relevance of this work stems from the objective difficulties in quantitatively assessing culture's contribution to national development, which hinders its integration into the system of state regulation priorities and the justification of budgetary funding volumes. The purpose of the study is to reveal the theoretical foundations for assessing the role of culture through the prism of J. Holden's three-component model of values and the typology of cultural policy models by G. Chartrand and C. McCaughey. The study utilizes methods of systemic, conceptual, historical-genetic and typological analysis. It has been established that traditional approaches to measuring the cultural effect (economically-oriented and socially-oriented) do not allow for a comprehensive understanding of the real role of culture in the system of state priorities. It is shown that the three-component model of cultural values, including immanent, instrumental, and institutional values, helps overcome the limitations of traditional approaches and create a conceptual basis for a balanced cultural policy. The scientific novelty of the study lies in the development of the author's analytical framework that correlates the types of cultural values with models of cultural policy, which ensures the systematization of theoretical approaches and a new interpretation of the value foundations of state cultural policy. A comparative analysis of international models (USA, France, UK) demonstrated the diversity of national practices and the lack of a universal model: each system is unique, shaped by historical traditions and institutional context. It is argued that for Russia, which is undergoing a transformation of its cultural policy in the face of new geopolitical realities, the key challenge lies in achieving a balance between culture as a tool for ensuring national security and developing its internal potential. The research results can be used in developing methodological foundations for state cultural policy and improving budgetary funding mechanisms for cultural institutions.

Keywords: state cultural policy, the role of culture in the system of state priorities, models of financing culture, cultural sovereignty

Введение

Сохранение и развитие культуры в любом государстве является фундаментальной основой развития общества, выступая ключевым фактором формирования национальной идентичности и развития человеческого капитала. При этом управление сферой культуры обладает рядом системных характеристик, определяющих ее особое место в механизмах государственного регулирования. Результаты культурной деятельности уникальны и невоспроизводимы, что затрудняет их стандартизацию и оценку с помощью общепринятых количественных показателей. Творческая деятельность по своей природе персонифицирована: результаты труда неотделимы от личности автора, что создает сложности для применения формализованных методов измерения производительности. Социальные последствия реализации культурной политики проявляются с существенной временной задержкой, что затрудняет оценку эффективности в краткосрочном периоде и делает неприменимыми оперативные индикаторы для обоснования текущего бюджетного финансирования, поскольку значимые изменения в обществе становятся заметны спустя продолжительное время. Также стоит отметить, что структура расходов в данной сфере характеризуется устойчивым преобладанием текущих затрат над доходами, что объясняется высокой долей расходов на оплату труда и ограниченными возможностями повышения производительности [1, 2]. Совокупность указанных выше факторов создает объективные барьеры для включения культуры в число приоритетов государственного регулирования, поскольку количественная оценка ее результатов и обоснование объемов бюджетной поддержки оказываются значительно сложнее по сравнению с отраслями, демонстрирующими измеримый экономический эффект.

Исторически сложившаяся ситуация приводила к тому, что в международной практике культура длительное время оставалась на периферии государственных приоритетов: ее экономический потенциал систематически недооценивался, что отражалось на объемах бюджетного финансирования соответствующих ведомств, традиционно получавших незначительные ассигнования по сравнению с другими направлениями государственной деятельности. При этом социальная функция культуры нередко использовалась как инструмент государственного влияния на общественные процессы.

Причины описанной ситуации связаны с объективными трудностями количественной оценки вклада культуры в социально-экономическое развитие страны. Существующие подходы к оценке культурного эффекта можно условно разделить на две группы. Первые ориентированы на использование измеримых экономических индикаторов: количество посещений культурных мероприятий, число созданных рабочих мест, мультипликативный эффект для смежных отраслей, совокупный вклад культуры в валовой внутренний продукт, а также эффективность использования бюджетных средств. Вторые направлены на оценку социальной составляющей культурной деятельности: влияние на формирование ценностных установок, развитие человеческого капитала, укрепление социальных связей, формирование гражданской идентичности, воспроизводство культурных норм и моделей поведения. Оба подхода имеют свои недостатки: первый сводит многообразие культурного воздействия к узкому набору измеримых показателей, второй характеризуется субъективностью и методологической неопределенностью. В результате ни один из подходов не позволяет сформировать целостное и репрезентативное представление о реальной роли культуры в системе социально-экономических отношений.

Данная проблема сохраняется и в практике оценки государственных программ культурного развития. Анализ целевых индикаторов региональных программ показывает, что они образуют сложную систему взаимозависимых показателей, однако сохраняется перекос в сторону количественных методов оценки, которые лишь косвенно и приблизительно свидетельствуют о качестве деятельности учреждений культуры [3].

Цель исследования заключается в попытке раскрыть теоретические основы оценки роли культуры в системе государственных приоритетов. Теоретической основой исследования выступили трехкомпонентная модель ценности Дж. Холдена и типология моделей культурной политики Г. Хиллмана-Шартрана и К. Маккохи.

Научная новизна исследования заключается в разработке авторской аналитической схемы, интегрирующей два ранее существовавших независимо теоретических подхода. В отличие от предшествующих работ, в которых данные концепции применялись раздельно (либо для ценностной типологии, либо для классификации институциональных моделей), в настоящей статье они объединены в единую матрицу, позволяющую анализировать культурную политику одновременно в ценностном и институциональном измерениях.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа исследования построена на положениях теории общественного блага, концепции креативной экономики и научных трудах зарубежных и отечественных ученых по исследуемой тематике. В работе использован комплекс общенаучных и специальных методов познания, применение которых обусловлено междисциплинарным характером предмета исследования.

Теоретико-методологический анализ осуществлен с применением системного подхода, позволяющего рассматривать культуру как многокомпонентную систему, функционирующую в единстве экономических, социальных и институциональных измерений. Для раскрытия содержания ценностей культуры и их роли в обосновании государственного финансирования использован метод концептуального анализа, в рамках которого исследована трехкомпонентная модель Дж. Холдена, включающая имманентные, инструментальные и институциональные ценности. Данный метод позволил выявить расхождения в понимании природы культурных ценностей между различными субъектами культурной политики и обосновать необходимость интеграции различных подходов к оценке вклада культуры в развитие государства.

Для анализа эволюции подходов к государственному управлению культурой применен историко-генетический метод, обеспечивший возможность проследить последовательную трансформацию принципов культурной политики от 1970-х гг. до настоящего времени, выявить преемственность и качественные изменения в механизмах государственного участия. Компаративный метод использован при изучении институциональных моделей культурной политики в различных странах, что позволило выделить общие закономерности и национальные особенности в организации государственной поддержки культуры.

Типологический метод реализован в рамках анализа классификации моделей культурной политики Г. Хиллмана-Шартрана и К. Маккохи, что обеспечило систематизацию национальных практик по критерию характера и степени государственного участия в финансировании отрасли [4]. Эмпирическую базу исследования составили данные международных организаций (ЮНЕСКО, Всемирный банк, Международная федерация советов по делам искусств и агентств по культуре – IFACCA), стратегические документы в сфере культуры, а также материалы научных публикаций по проблематике исследования. Интерпретация полученных результатов осуществлена с использованием методов синтеза и обобщения.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках настоящего исследования авторами изучен концептуальный подход британского исследователя Дж. Холдена, предложившего рассматривать ценности, генерируемые культурой, в рамках трехкомпонентной модели, в структуру которой входят имманентные, инструментальные и институциональные ценности [5].

Имманентные ценности отражают внутреннюю природу культуры. Они определяют формирование мировоззренческих ориентиров личности, способствуют осознанию индивидуальной идентичности и самоопределению индивида в культурном пространстве. По мнению Дж. Холдена, такие ценности «постигаются на уровне отдельного индивида», в силу чего они не могут быть формализованы или выражены в количественных показателях. Именно эта характеристика делает их труднодоступными для инструментального анализа и, как следствие, наиболее уязвимыми в системе государственного планирования, нацеленной на измеримые и конкретные результаты [6].

Инструментальные ценности отражают функциональную роль культуры в социально-экономическом развитии страны. В рамках данного подхода культура оценивается с точки зрения ее практической значимости, то есть вклада в обеспечение устойчивого экономического роста, создание новых рабочих мест, развитие креативных индустрий и улучшение качественных характеристик общественной жизни. На этой основе сформирована концепция креативной экономики, которая с конца 1990-х гг. получила широкое распространение в стратегических документах международных организаций и национальных правительств [6].

В современных исследованиях инструментальный подход к культуре дополняется проектно-ориентированной моделью государственного управления. Развитие креативного сектора рассматривается не только как источник экономического роста, но и как механизм сохранения ценностных оснований культуры, воспроизводства культурной идентичности и укрепления человеческого капитала. При этом проектное управление в сфере культуры ориентировано на достижение целей государственной культурной политики через механизмы поддержки креативных индустрий и инновационного государственного управления [7].

Соотнесение типов ценностей культуры и моделей культурной политики

Модель культурной политики	Имманентные ценности	Инструментальные ценности	Институциональные ценности
Государство-вдохновитель	Признаются как основа частной и общественной поддержки культуры, но не формализуются в государственных индикаторах; поддержка осуществляется через налоговые льготы для доноров и благотворителей, которые сами выбирают, какие «ценные» проекты финансировать	Используются преимущественно на уровне частных и корпоративных доноров: культура поддерживается там, где дает видимый социальный или репутационный эффект (брендинг, туризм, развитие городов). Государство напрямую не ставит экономические цели, но создает условия для таких инвестиций	Признаются на уровне общественных инициатив и НКО: культура поддерживается там, где укрепляет локальные сообщества, социальные связи, гражданскую активность. Государство не формулирует эти цели как прямые задачи политики, но может поддерживать такие проекты через грантовые схемы
Государство-патрон	Признаются косвенно: государство финансирует культуру в целом, но конкретные решения о поддержке проектов с высокой имманентной ценностью принимают независимые экспертные советы, руководствуясь профессиональными, а не политическими критериями	Используются как дополнительный аргумент для обоснования бюджета культуры перед правительством и обществом, но не являются единственным основанием решений экспертных советов; баланс между «экономической пользой» и профессиональной оценкой проектов	Признаются как важная часть миссии публичных институтов культуры; независимые советы могут учитывать вклад проектов в социальный капитал, инклюзию, доступность культуры, но без жесткой формализации в индикаторах
Государство-архитектор	Признаются декларативно в стратегических документах (культура как основа идентичности), но на практике уступают инструментальным и институциональным ценностям при распределении бюджета; имманентная ценность аргументируется в нормативных текстах, но слабо отражена в индикаторах	Являются доминирующим основанием бюджетных решений: культура обосновывается через вклад в ВВП, туризм, креативные индустрии, рабочие места, развитие территорий; инструменты оценки ориентированы на измеримые экономические и социальные результаты	Признаются в стратегических документах (культура как основа единства, социальной сплоченности), но на практике часто редуцируются до лояльности государственным приоритетам; институциональные ценности используются для обоснования поддержки «значимых» институтов и мероприятий
Государство-инженер	Формально могут провозглашаться (например, «защита традиционных ценностей»), но фактически подчиняются идеологическим задачам государства; имманентная ценность признается только в той мере, в какой она служит официально одобренным трактовкам «правильной» культуры	Используются в максимальной степени, но в специфическом ключе: культура рассматривается как инструмент достижения идеологических и геополитических целей (национальная безопасность, суверенитет); экономические аргументы подстраиваются под эти приоритеты	Используются как ключевое обоснование: культура трактуется как институт формирования «правильного» общества, доверия к государству; институциональные ценности максимально политизированы и встроены в идеологическую повестку

Примечание: составлена авторами на основе источников [4, 5, 8].

Институциональные ценности относятся к сфере общественных взаимодействий и связаны с воспроизводством таких социально значимых феноменов, как доверие, взаимное уважение, справедливость общественного устройства и солидарность. В этом контексте культура выступает как институциональная основа коллективного существования, общественное благо, укрепляющее социальный капитал и способствующее интеграции общества [6].

По мнению Дж. Холдена, различные участники культурной деятельности и управления опираются на разные системы ценностей. Представители политической элиты и органов государственной власти ориентируются на инструментальное измерение сферы культуры, поскольку именно такой подход дает возможность обосновывать бюджетные расходы через измеримые экономические индикаторы и соответствие стратегическим направлениям раз-

вития. Работники учреждений культуры и творческих профессий считают приоритетными имманентные ценности, рассматривая культуру как самоценную сферу. Общество, в свою очередь, проявляет интерес как к имманентным, так и к институциональным аспектам культурной деятельности, ожидая от нее духовного обогащения, укрепления социальных связей и обеспечения социальной справедливости.

Расхождение в понимании природы культурных ценностей между указанными группами акторов порождает системное недопонимание между деятелями культуры и регулирующими органами власти. Деятели культуры вынуждены перманентно доказывать государству необходимость сохранения и наращивания объемов государственной поддержки, апеллируя к аргументам, которые сложно учесть в логике бюджетного планирования. При этом экономика культуры как научно-прикладная дисциплина оперирует преимущественно инструментальными и институциональными категориями, оставляя исследование имманентных ценностей за рамками своего предметного поля – в ведении философии, культурологии и искусствоведения. Подобное распределение акцентов, с одной стороны, позволяет выстраивать количественные обоснования государственного участия, но, с другой, сужает понимание полной ценности культуры, что в долгосрочной перспективе может приводить к искажению приоритетов культурной политики.

В целях систематизации теоретических подходов к оценке роли культуры в системе государственных приоритетов авторами предложена аналитическая схема, позволяющая соотнести типы ценностей культуры с моделями культурной политики. Схема представлена в виде матрицы (таблица), в которой по вертикали расположены модели государственной культурной политики, а по горизонтали – типы культурных ценностей. Содержательное наполнение ячеек отражает, как каждая модель интерпретирует и использует соответствующий тип ценностей в механизмах государственного регулирования и бюджетного обоснования.

Предложенная схема обеспечивает систематизацию разнородных представлений о ценностях культуры и моделях государственной политики в единую логическую конструкцию. Это позволяет перейти от фрагментарного описания отдельных национальных практик к типологическому анализу, в котором каждая модель культурной политики характеризуется через специфическую конфигурацию имманентных, инструментальных и институциональных ценностей.

В целях формирования системного понимания эволюции государственной политики в сфере культуры авторы обратились к анализу международного опыта. В научной литературе принято выделять ряд этапов, каждый из которых отражает качественные изменения в подходах и инструментах управления культурой.

Начало 1970-х гг. характеризовалось поиском новых моделей культурной политики, что было связано с переосмыслением принципов демократизации культуры. В этот период происходит переориентация: на смену лозунгу «культура для всех», отражающему установку на культурную демократию как всеобщую доступность культурных благ, приходит принцип «культура для каждого», акцентирующий внимание на индивидуализации культурного потребления и учете многообразия культурных запросов различных социальных групп [9]. Данный переход свидетельствовал о признании неоднородности культурных потребностей общества и необходимости адресного подхода в культурной политике.

1980-е гг. характеризуются внедрением новой модели общественного администрирования, основанной на принципе децентрализации. Децентрализация в культурной политике рассматривалась в двух аспектах: с одной стороны, как децентрализация культурной деятельности, предполагающая рассредоточение культурных учреждений и мероприятий по территории стран и их приближение к населению; с другой – как децентрализация полномочий принятия решений, означающая передачу части управленческих функций от центральных органов власти на местный уровень [9]. Децентрализация представляла собой форму партнерства между государственной властью и регионами [10], что позволяло учитывать локальную специфику и повышать эффективность управления культурой за счет приближения субъектов принятия решений к непосредственным объектам регулирования.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. относят к периоду зарождения инструментального подхода к культурной политике, который положил начало принципиальному переосмыслению роли культуры в общественном развитии. В рамках данного подхода ценность культуры определялась не столько ее внутренней ценностью, сколько способностью служить достижению различных политических целей и решению социальных проблем. Культура начинает рассматриваться как ресурс, способный оказывать мультипликативный эффект на экономическое развитие, социальную интеграцию и укре-

пление гражданской идентичности [10]. Таким образом, инструментальный подход закрепил восприятие культуры не как самодостаточной ценности, требующей поддержки в силу своей внутренней значимости, а как средства достижения внешних по отношению к ней целей, что существенно расширило круг субъектов культурной политики и изменило механизмы обоснования государственного финансирования культуры.

Институциональное признание данного подхода на международном уровне произошло в конце 1990-х гг. По мнению исследователей Ф. Матарассе и Ч. Лэндри, в 1980-е гг. представители политических кругов и деятели культуры стали проявлять интерес к инвестициям в культуру. Учеными было установлено, что активизация культурной жизни способствует социально-экономическому развитию и повышению благосостояния, в том числе на локальном уровне [8]. Данное положение нашло отражение в докладах ЮНЕСКО «Наше творческое разнообразие» и Совета Европы «Стремление к целостности», которые заложили основу для формирования концепции культуры как инструмента общественного развития.

На Стокгольмской конференции ЮНЕСКО 1998 г. государствам было рекомендовано рассматривать культурную политику как один из центральных элементов стратегий развития. В 1999 г. Всемирный банк заявил о готовности предоставлять кредиты развивающимся странам при условии включения культурных факторов в реализуемые и планируемые программы. Как отметили М. Пахтер и Ч. Лэндри, на рубеже XX–XXI вв. произошел «культурный поворот»: культура вышла на первый план, а экономика и политика стали испытывать ее многогранное влияние [11].

Указанные тенденции нашли отражение в формировании институциональной структуры управления культурой, сложившейся в различных странах. Согласно данным Международной федерации советов по делам искусств и агентств по культуре, охватывающим практику 201 государства, можно выделить ряд типичных характеристик. В подавляющем большинстве стран действует специализированный орган исполнительной власти – министерство или департамент культуры, уполномоченный на реализацию государственной культурной политики. В половине стран наряду с профильным ведомством функционирует специализированное негосударственное агентство, которому государство передает полномочия по распределению бюджетных ассигнований. Такая модель позволяет принимать решения, не находясь под прямым административным контролем. Только в нескольких странах подобное агентство существует при отсутствии министерства культуры. При этом в большинстве стран министерство культуры осуществляет смешанные функции, одновременно отвечая за направления политики в области спорта, туризма, коммуникаций или религиозных отношений [6]. Статистические данные свидетельствуют о том, что, несмотря на разнообразие национальных практик, институциональное оформление культурной политики имеет общие черты, что позволяет говорить о формировании определенных моделей государственного участия в сфере культуры.

Значительный вклад в теоретическое осмысление практик государственного регулирования культуры внесли канадские исследователи Г. Хиллман-Шартран и К. Маккохи, разработавшие в конце 1980-х – начале 1990-х гг. типологию моделей культурной политики, основанную на различиях в стратегиях государственного участия в поддержке культуры. В соответствии с данной классификацией выделяются четыре модели осуществления государством культурной политики, различающиеся по характеру финансовой поддержки отрасли. Модель государства-вдохновителя предполагает стимулирование частных пожертвований через налоговые льготы при минимальном прямом бюджетном участии. Модель государства-патрона основывается на том, что государство определяет общий объем финансирования, а распределение средств осуществляется независимыми экспертными органами, что позволяет дистанцировать процесс принятия решений от прямого государственного контроля и обеспечить профессиональную экспертизу при отборе проектов. Модель государства-архитектора характеризуется принятием решений о поддержке культуры непосредственно органами государственной власти. Модель государства-инженера предполагает жесткую привязку финансирования к идеологическим задачам и контроль со стороны государства. Страны используют инструменты, присущие разным моделям, что приводит к формированию гибридных национальных систем, сочетающих элементы нескольких подходов [12]. Многообразие национальных моделей, демонстрирующих различные вариации государственного и частного финансирования, свидетельствует о необходимости баланса между государственным регулированием, рыночной самостоятельностью и общественным участием. Выбор конкретной модели при этом обусловлен историко-культурным контекстом каждой страны.

Для иллюстрации описанных моделей интересно обратиться к опыту трех государств, которые традиционно рассматриваются в качестве основных примеров различных стратегий культурной политики: США, Франции и Великобритании.

Наиболее полно модель государства-вдохновителя реализовалась в Соединенных Штатах Америки [13]. В ее основе лежит доминирование частных источников финансирования, индивидуальные и корпоративные благотворительные взносы, которые формируют основную часть финансовых ресурсов некоммерческих организаций культуры. Доля государственной поддержки составляет менее 10 % от общего объема привлеченных финансовых средств. Подобное соотношение источников финансирования (бюджетных и внебюджетных) оказывает непосредственное влияние на институциональную структуру управления сферой культуры. В США не существует профильного органа исполнительной власти, который уполномочен разрабатывать и реализовывать культурную политику на общегосударственном уровне.

Однако это не говорит о полном отсутствии государственного участия в развитии сферы культуры. Начиная с 1960-х гг. в США действуют неправительственные агентства, деятельность которых финансируется из федерального бюджета. Эти неправительственные агентства, в свою очередь, распределяют полученные ресурсы в форме грантов между учреждениями культуры и отдельными представителями творческих профессий. Управление этими институтами было построено по следующему принципу: государство устанавливает общий объем бюджетных ассигнований, а конкретные решения о распределении средств принимаются независимыми экспертными советами. Таким образом, при минимальном бюджетном участии государство выполняет стимулирующую функцию, формирует институциональные и налоговые условия для развития внебюджетного финансирования. Эту модель можно охарактеризовать как частно-ориентированную, так как основным источником финансирования выступает частное финансирование.

Прямой противоположностью американскому подходу является французская модель, в которой доминирующая роль принадлежит государству. Во Франции исторически утвердилась традиция финансирования культуры преимущественно из государственного бюджета, восходящая к эпохе абсолютизма, когда поддержка искусств рассматривалась как прерогатива монархии и инструмент укрепления государственного престижа. Данная традиция институционализировалась в 1959 г. с учреждением Министерства культуры, которое с момента своего создания приобрело высокий общественный статус. Харизматичность министров культуры и их тесные личные связи с действующими президентами неоднократно способствовали увеличению объемов бюджетного финансирования отрасли [6]. В результате во Франции сформировалась система, при которой решение о финансовой поддержке культуры, ее масштабах и адресности находится исключительно в компетенции органов государственной власти.

При этом с середины 1990-х гг. французское государство предприняло шаги по диверсификации источников финансирования, активно содействуя внедрению механизмов поддержки культуры, характерных для частно-ориентированной модели. Прежде государство создало систему налоговых преференций для стимулирования благотворительных пожертвований. Несмотря на эти усилия, основная часть финансирования культуры во Франции по-прежнему обеспечивается за счет государственных средств. Такую модель можно классифицировать как государственно-централизованную, поскольку государство сохраняет доминирующую роль как в определении приоритетов культурной политики, так и в непосредственном финансовом обеспечении отрасли.

Промежуточную позицию между двумя рассмотренными ранее системами занимает Великобритания, где сформировался механизм делегированного распределения государственных средств. Его ключевая особенность состоит в том, что правительство определяет общий объем выделяемых финансовых ресурсов, тогда как конкретные решения об их распределении принимаются независимыми от государства специализированными органами, формируемыми из экспертов и представителей культурной сферы. Данный механизм был институционализирован с созданием Совета по искусству, а впоследствии дополнен учреждением в 1992 г. Департамента культурного наследия, преобразованного в действующий ныне Департамент культуры, СМИ и спорта. Этот орган, являющийся аналогом министерства культуры, напрямую выделяет финансовые средства музеям и галереям, имеющим национальное значение, что свидетельствует о сочетании двух подходов: делегированного распределения через экспертные советы и прямого государственного финансирования ключевых институтов.

Опыт Великобритании демонстрирует высокую степень вовлеченности государства по сравнению с моделью, реализуемой в США. Однако с приходом к власти коалиционного правительства в конце 2010 г. вектор культурной политики сместился в сторону усиления роли благотворительных пожертвований. Вместе с тем, как и в других европейских странах, с 1990-х гг. в Великобритании активно внедряются механизмы налогового стимулирования благотворительной деятельности в сфере культуры. Данную модель можно охарактеризовать как модель делегированного управления, поскольку государство сохраняет функции стратегического планирования и финансового обеспечения, но передает значительную часть операционных полномочий по распределению средств независимым экспертным структурам, что обеспечивает баланс между государственным контролем и профессиональной автономией при принятии решений о поддержке культурных инициатив.

Обобщая зарубежный опыт, можно констатировать, что многообразие национальных моделей, демонстрирующих различные вариации государственного и частного финансирования, свидетельствует о необходимости баланса между государственным регулированием, рыночной самостоятельностью и общественным участием.

В Российской Федерации с момента образования нового государства начался процесс постепенного реформирования сферы культуры, главной целью которого стало повышение ее эффективности. Основной проблемой на протяжении всего этого периода остается хроническое недофинансирование отрасли [14, 15]. Еще в советский период, начиная с эпохи перестройки, правительство реализовывало ряд реформ, направленных на расширение объема финансовых ресурсов, выделяемых на развитие культуры, за счет привлечения негосударственных источников. Приоритетное внимание уделялось внедрению рыночных механизмов и стимулированию коммерческой деятельности самих учреждений культуры. Однако многие из этих проблем не были решены и сохраняются до настоящего времени [16].

Сегодня культурная политика все больше зависит от состояния экономики, интенсивности и результативности ее развития, а включенность учреждений культуры в рыночные процессы требует иных взаимоотношений с акторами – как с государством, так и с потребителем [1, 17]. Финансовый дефицит по-прежнему называют ключевым препятствием для развития отрасли, однако за ним стоит более глубокая проблема: необходимость перехода от патерналистской модели, ориентированной на принцип «государство должно», к рыночной адаптации. Необходимо отметить, что в силу конституционных социальных гарантий учреждения культуры не могут существовать исключительно на принципах финансового самообеспечения, успешное развитие возможно лишь при балансе двух составляющих: активный поиск внебюджетных ресурсов, внедрение маркетинговых стратегий и привлечение квалифицированных управленцев в сферу культуры; государственная поддержка, направленная на обеспечение доступности культуры для всех слоев населения.

Необходимым условием такой трансформации выступает модернизация законодательства в сфере культуры. Действующий массив «культурного» законодательства призван обеспечивать свободу творчества, право граждан на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям, а также определять обязанности государства по сохранению исторического и культурного наследия. Вместе с тем в научной литературе обосновывается необходимость пересмотра корпуса законов о культуре, устранения правовых пробелов и усиления влияния культуры на различные направления государственной политики, включая воспитание, формирование личности, творческую деятельность, сохранение наследия и формирование благоприятной информационной среды [18].

В ответ на новые геополитические вызовы был принят ряд стратегических документов, закрепивших культуру как один из ведущих инструментов развития государства: Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики». Новая редакция подчеркивает первостепенное значение культуры для обеспечения национальной безопасности, признавая разрушение традиционных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации в качестве первоочередной социокультурной угрозы [19].

Стратегический характер современной государственной культурной политики подтверждается системой документов, регулирующих ее долгосрочное развитие. В научной литературе культурная политика рассматривается как стратегическая область государственного управления, обеспечивающая основу долгосрочного развития стра-

ны и нации, при этом отмечается необходимость совершенствования системы стратегического управления культурной сферой, включая консолидацию действующих правовых и программных документов [20].

В современных исследованиях так отмечается формирование в России ценностно ориентированной модели государственной культурной политики. Ее отличительной чертой является межведомственное взаимодействие Министерства культуры Российской Федерации с органами власти, ответственными за экономику, финансы, науку, образование, национальную политику, безопасность, оборону и внешнюю политику. Такая модель направлена на противодействие социокультурным угрозам и укрепление национальной безопасности, при этом отдельные ее черты сопоставимы с моделью государства-архитектора [21].

Таким образом, можно заключить, что современный этап развития культурной политики соответствует признакам модели государства-архитектора: культура выступает не только объектом управления, но и инструментом реализации национальных интересов. В сложившихся геополитических условиях приоритетными направлениями становятся укрепление культурного суверенитета, защита исторической памяти и традиционных ценностей, а также нейтрализация внешних деструктивных влияний, направленных на размывание российской идентичности [22, 23].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о необходимости принципиального переосмысления методологических подходов к оценке роли культуры в системе государственных приоритетов. Традиционные дихотомии «экономическая эффективность» и «социальная значимость» оказываются недостаточными для формирования целостного представления о вкладе культуры в развитие государства, поскольку редуцируют многомерную природу культурных ценностей до узкого набора измеримых индикаторов или, напротив, остаются в зоне методологической неопределенности. Трехкомпонентная модель, объединяющая имманентные, инструментальные и институциональные ценности, дает возможность преодолеть указанное ограничение и сформировать концептуальный базис для сбалансированной культурной политики государства. Также рассмотренная модель позволяет учитывать интересы ключевых акторов: органов государственной власти, представителей творческих профессий и населения.

Сравнительный анализ зарубежных моделей государственной культурной политики свидетельствует об отсутствии универсального решения: каждая национальная система представляет собой уникальный комплекс подходов, сформировавшийся под влиянием исторических традиций, институциональной структуры и социально-экономических условий. При этом общим для рассмотренных моделей является стремление найти оптимальное соотношение между государственным участием, рыночными механизмами и общественной инициативой. Для России, находящейся в процессе трансформации культурной политики в условиях новых геополитических реалий, основной вызов состоит в том, чтобы, сохраняя культуру как инструмент обеспечения национальной безопасности и культурного суверенитета, одновременно создать условия для реализации ее внутреннего потенциала. Перспективные направления дальнейших исследований в данной области целесообразно сосредоточить на разработке комплексной системы индикаторов, способной отразить многообразие культурных ценностей.

Список литературы

1. Музычук В. Ю. Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21. № 4. С. 502–517. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=83896660 (дата обращения: 22.06.2026). DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517. EDN: OYLCDT.

2. Музычук В. Ю. Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 4. С. 501–514. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=55169820 (дата обращения: 22.06.2026). DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514. EDN: JDQMBF.

3. Горлова И. И., Зиновьева Н. Б., Костина Н. А. Целевые индикаторы для оценки результатов реализации государственных программ культурного развития регионов // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20. № 4. С. 340–350. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-4-340-350. EDN: UOMHEP.

4. Hillman-Chartrand H., McCaughey C. The arm‘s length principle and the arts: an international perspective – past, present and future [online]. From M. C. Cummings Jr & J. Mark Davidson Schuster, 1989. Who‘s to Payfor the Arts: The International Search for Models of Support,American Council for the Arts, NYC. [Электронный ресурс]. URL: https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/ArmsLengthArts_paper.pdf (дата обращения: 15.06.2026).

5. Holden J. Cultural Value and the Crisis of Legitimacy: Why culture needs a democratic mandate? // Demos. 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://demos.co.uk/wp-content/uploads/files/Culturalvalueweb.pdf (дата обращения: 16.06.2026). ISBN 1-84180-157-7.

6. Музычук В. Ю. Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2013. С. 280. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21874301 (дата обращения: 15.06.2026). EDN: QOUZXK. ISBN 978-5-4469-0022-0.

7. Астафьева О. Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора // Общество: фило-

софия, история, культура. 2024. № 12 (128). С. 17–28. DOI: 10.24158/fik.2024.12.1. EDN: XASAES.

8. Matarasso F., Landry Ch. Balancing act: twenty-one strategic dilemmas in cultural policy // Council of Europe Publishing. 1999. 61 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.arts-management.net/3d96e1de1d7ec02a9255aed51118e252,0fm.pdf (дата обращения: 17.06.2026). ISBN 978-92-871-3862-0.

9. Марзоева А. В. Ориентиры государственной культурной политики в развитии гражданского общества в России // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2024. № 2. С. 290–296. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=65640039 (дата обращения: 17.06.2026). EDN: IMTXDC.

10. Востряков Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели // Экология культуры: Инф. бюллетень. Архангельск, 2004. № 1. С. 79–108. URL: https://culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf (дата обращения: 29.06.2026).

11. Pachter M., Landry Ch. Culture at the crossroads: culture and cultural institutions at the beginning of the 21st century // Bournes Green: Comedia. 2001. 113 p. [Электронный ресурс]. URL: https://catalogus.boekman.nl/pub/P17-0359.pdf (дата обращения: 15.06.2026). ISBN 1873667132.

12. Востряков Л. Е., Тургаев А. С. Новая модель государственной культурной политики России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3 (36). С. 6–16. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35424163 (дата обращения: 14.06.2026). DOI: 10.30725/2619-0303-2018-3-6-16.

13. Соловьева А. В., Понукалин А. В. Финансовые механизмы государственной поддержки культуры // Перспективы развития предприятий в условиях инновационной направленности экономики: сборник статей по материалам VII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (к 25-летию Института экономики и управления Пензенского государственного университета) (г. Пенза, 22–23 апреля 2021 г.) / Под ред. А. Н. Опекунова. Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. С. 154–163. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=47951748 (дата обращения: 02.06.2026). EDN: SIHZRN. ISBN 978-5-907521-21-6.

14. Музычук В. Ю. Финансирование культуры в России: шаг вперед и два назад // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 1 (41). С. 208–215. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37094005 (дата обращения: 15.06.2026). DOI: 10.31737/2221-2264-2019-41-1-10.

15. Матвеев В. В. Финансирование сферы культуры в аспекте реализации государственной культурной политики: аналитический обзор // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 59–69. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49996013 (дата обращения: 21.06.2026). DOI: 10.24143/2073-5537-2022-4-59-69. EDN: YABNOI.

16. Елескина О. В. Реформы системы финансирования учреждений культуры в России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2 (70). С. 34–38. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29407827 (дата обращения: 17.06.2026). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-34-38.

17. Музычук В. Ю. Экономика культурного наследия в России: особенности и противоречия // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 7–33. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49923385 (дата обращения: 30.06.2026). DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_7_33. EDN: KQHKOR.

18. Заботкин Г. А., Юдин В. И. Модернизация законодательства в сфере культуры в период трансформации социально-экономического развития России: возможности и действительность. Часть 1 // Культурологический журнал. 2023. № 4 (54). С. 4–15. DOI: 10.34685/HI.2023.24.46.028. EDN: KDVMMH.

19. Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики от 24 декабря 2014 г. № 808» // КонсультантПлюс: сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438209/ (дата обращения: 29.07.2026).

20. Терешкина Н. Е. Стратегическое развитие государственной культурной политики России // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (28). С. 108–114. DOI: 10.52170/2618-7949_2026_28_108. EDN: FYXMEO.

21. Полякова Е. А., Болдырева Е. В. Государственная культурная политика современной России: исторический путь и модели развития // Культурологический журнал. 2024. № 4 (58). С. 4–13. DOI: 10.34685/HI.2024.80.77.002. EDN: ZCXAWA.

22. Шукшин С. И., Востряков Л. Е. О формировании культурного суверенитета Российской Федерации: история и перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2026. № 1. С. 74–79. URL: http://nauteh-journal.ru/index.php/2/2026/%E2%84%9601/13d3db7b-0a85-4f2e-82ce-6cde16a3f684 (дата обращения: 19.06.2026). DOI: 10.37882/2223-2982.2026.01.49. EDN: PSFFZN.

23. Шашкин П. А. Культурный суверенитет: содержание правовой дефиниции и правоприменение в стратегическом планировании в сфере общенациональной культурной политики // Культурологический журнал. 2024. № 3 (57). С. 4–9. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=69071190 (дата обращения: 21.06.2026). DOI: 10.34685/HI.2024.39.37.029. EDN: DOMDYK.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.